

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

2

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ДАНИЛОВ А. Н.** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by

**Заместители
главного редактора** **ГРИЩЕНКО Ж. М.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zhanna0607@mail.ru
РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: dgrotman@rambler.ru

**Ответственный
секретарь** **КОБЯК О. В.** – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е. Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т. Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф. Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д. Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А. Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Рудь В. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь (зав. редакцией).
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Соколова Г. Н. Центр политической и экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Стёпин В. С. Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), full professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	GRISHCHENKO Zh. M. , PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: zhanna0607@mail.ru ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	KABIAK A. V. , doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
Babosov Y. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S.	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J.	European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyev G. T.	Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Gorshkov M. K.	Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Inglehart R. F.	University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D.	Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Korosteleva E. A.	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A.	Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rud V. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus (head of the editorial staff).
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Sokolova G. N.	Centre for Political and Economic Sociology of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Stepin V. S.	Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K.	University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Churilov N. N.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ... ПРОФЕССОРУ ГЕОРГИЮ ПЕТРОВИЧУ ДАВИДЮКУ 95 ЛЕТ!

AUTUMN OF THE PATRIARCH OF BELARUSIAN SOCIOLOGY... PROFESSOR GEORGY P. DAVIDYUK IS 95 YEARS OLD!

5 июля патриарху белорусской социологии Георгию Петровичу Давидюку исполняется 95 лет! Завидная судьба у этого прекрасного человека: воина, труженика, учителя. Как много сегодня людей, которые хотят искренне, от всей души сказать Георгию Петровичу простое человеческое спасибо, восхищаясь его жизненным подвигом,

подвижничеством, человеческой отзывчивостью и участием, а также пожелать ему здоровья и долголетия. Несмотря на жизненные невзгоды, трудности и лишения военного лихолетья, беды и трагедии, превратности судьбы, Георгий Петрович никогда не теряет присутствие духа, он всегда в труде и заботах, стремится жить с радостью, заряжает оптимизмом. И это срабатывает: он и сегодня в строю!

Недавно, буквально в середине прошлого года, социологи БГУ торжественно отпраздновали полувековой юбилей Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований (ПНИЛСИ) – первого научного подразделения социологического профиля в Беларуси. Георгий Петрович не просто приехал на торжественное заседание, но выступил с напутствием, вспомнил о совместной работе, а после окончания мероприятия, когда участники форума окружили его, чтобы задать вопросы, он еще долго беседовал с ними о делах насущных. Ведь все помнят, что, когда он

возглавил ПНИЛСИ, лаборатория стала настоящей кузницей профессиональных социологов.

Выступая перед своими учениками, студентами социологического отделения родного БГУ, Георгий Петрович говорил как всегда страстно, убедительно, четко формулируя свою мысль. Зал слушал своего Учителя заворуженно, восторженно, внутренне откликаясь на его смелые оценки и суждения.

Георгий Петрович поставил на крыло первое поколение профессиональных социологов в Беларуси, много сделал для утверждения социологии в Академии наук, БГУ, высшей школе, на промышленных предприятиях республики. При этом ученый, не жалея сил, готовил профессиональные кадры для науки и образования, преодолевая все препятствия на своем пути. Он автор первых учебников по новой для того времени науке – социологии, под его редакцией вышел первый в СССР «Словарь прикладной социологии». Именно Георгий Петрович основал белорусскую социологическую школу. Что ж, совсем немало для одной жизни. Может, поэтому и уготована ему такая трудная, но вместе с тем счастливая судьба...

С детства на собственном опыте Георгий Петрович познал тяжелый крестьянский труд, на уроки ходил, когда позволяла работа. До войны окончил шесть классов польской общеобразовательной школы. В неполные двадцать лет стал командиром роты партизанского отряда. Воевал отчаянно и храбро, был трижды ранен. После войны одновременно работал и учился: закончил Минский государственный педагогический институт им. М. Горького, работал в партийных структурах Брестской области, ЦК КП Беларуси, окончил Академию общественных

наук в Москве, защитил кандидатскую диссертацию, трудился в Институте философии и права АН БССР. В 1969 г. Георгий Петрович успешно защищает докторскую диссертацию по философским наукам, в 1970 г. получает ученое звание профессора. Зрелым человеком, немало повидавшим на своем жизненном пути, пришел в 1972 г. Г. П. Давидюк в Белорусский государственный университет по приглашению ректора В. М. Сикорского на руководство кафедрой философии гуманитарных факультетов.

Георгий Петрович стоял у истоков белорусской социологии. Социологической науке он посвятил себя полностью и без остатка. Остановить его было просто невозможно. При этом он никогда себя не щадил, никому не жаловался на трудности и непонимание, просто делал что мог: отдавал людям знания, все свое свободное время. Сейчас он в одном ряду с такими классиками социологической науки, как А. Г. Здравомыслов, Ю. А. Левада, Г. В. Осипов, В. А. Ядов, Б. А. Грушин, В. Н. Шубкин, А. Г. Харчев и др. Как педагог и руководитель, Георгий Петрович всегда находил подход к людям, объединял их новыми идеями и сподвигал на реализацию научных проектов. Конечно, Г. П. Давидюк мог быть и строгим, и спрашивал сполна, когда этого требо-

вали обстоятельства, интересы дела. И еще нельзя не сказать о такой прекрасной черте его характера, как исключительно бережное отношение к людям, их здоровым амбициям и потребностям (чего трудно ожидать от столь сурового по жизни человека). Поэтому до сих пор, непременно с большим почтением и всегда добрым словом вспоминают о совместной работе со своим учителем его повзрослевшие ученики. Их много, а если считать с учениками учеников, то это и есть практически вся белорусская социология.

Сегодня мы вспоминаем добрым словом и супругу Георгия Петровича, его верную спутницу жизни Клавдию Степановну. Они неразлучны уже почти 70 лет и в радости, и в горе.

Здоровья Вам, дорогой Георгий Петрович! И к этому пожеланию присоединяются все многочисленные Ваши ученики, вся наша большая социологическая семья!

Профессор Георгий Петрович Давидюк по праву первым из преподавателей факультета философии и социальных наук был удостоен высокого звания – заслуженный работник БГУ.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 101.1:316

ТЕОРИЯ КРЕАТИВНОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМАТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАНИФЕСТАЦИИ

И. Я. МАЦЕВИЧ-ДУХАН¹⁾

¹⁾Белорусская государственная академия искусств, пр. Независимости, 81, 220012, г. Минск, Беларусь

Выявляются предпосылки формирования теории креативного общества в XXI в. Обсуждаются различные подходы к ее разработке. Проводится анализ концепций, на базе которых реализуется политическая программа ЕС «Креативная Европа» (2014–2020). Обозначены политические вызовы ее применения в странах Восточного партнерства.

Ключевые слова: теория креативного общества; креативное общество; креативная экономика; креативная индустрия; стиль жизни; искусство; арт-рынок.

A THEORY OF CREATIVE SOCIETY IN THE FORMAT OF POLITICAL MANIFESTATION

I. Ja. MATSEVICH-DUKHAN^a

^aBelarusian State Academy of Arts, 81 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220012, Belarus

The article reveals prerequisites for the formation of the creative society theory in the XXIst century. Different approaches to its elaboration are subjected to discussion. The author analyses conceptions on the basis of which the political programme «Creative Europe» (2014–2020) is fulfilled. The political challenges of its employment in the Eastern Partnership countries are indicated.

Key words: creative society theory; creative society; creative economy; creative industry; lifestyle; art; art market.

Образец цитирования:

Мацевич-Духан И. Я. Теория креативного общества в формате политической манифестации // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 6–19.

For citation:

Matsevich-Dukhan I. Ja. A theory of creative society in the format of political manifestation. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 6–19 (in Russ.).

Автор:

Ирина Янушевна Мацевич-Духан – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин.

Author:

Iryna Ja. Matsevich-Dukhan, PhD (philosophy), docent; head of the Humanities department.
irina.matsevich@mail.ru

Введение

За последние двадцать лет появилось огромное количество специальной междисциплинарной литературы по креативной экономике и новым формам ее капитала. Однако до сих пор достаточно редко поднимается вопрос об отсутствии социальной теории, способной обобщить и объяснить накопившийся эмпирический материал, не вписывающийся до конца ни в одну из существующих социальных теорий.

Язык креативной Европы на уровне разработки стратегических программ фиксирует определения креативных акторов, в соответствии с которыми производится картографирование социального пространства. Этот язык не является политически или экономически нейтральным даже в отношении сектора культуры [1]. Согласно последним отчетам экспертов Европейского союза (ЕС) белорусские субъекты культуры не подпадают под европейскую категорию креативности [2]. И здесь мы сталкиваемся с дилеммой: попытаться перевести чуждый нам язык с его правилами игры, которые нам еще только предстоит освоить, или заимствовать его? Очевидно, что ни тот, ни другой подход не снимает главной проблемы с повестки дня: развитие новой социальной инфраструктуры с учетом вызовов застрашенной креативной экономики.

Впервые вопрос о разработке концепции креативного общества для анализа европейских программ развития креативных индустрий в рамках социальной теории был сформулирован в Беларуси на кафедре философии культуры факультета философии и социальных наук БГУ в 2007 г. Хотя в то время в ЕС и США уже имелся значительный опыт реализации на практике первых политических программ, направленных на создание сектора креативной индустрии (с 1998 г.), в Восточной Европе эта социально-экономическая стратегия еще находилась в стадии зарождения. Что принципиально изменилось по сравнению с предыдущим десятилетием? Почему сегодня мы начинаем все активнее внедрять категориально-понятийный аппарат

новых концепций в социально-экономический контекст развития Беларуси, несмотря на доминирование общей государственной установки на развитие цифровой экономики и информационного общества (Декрет Президента Республики Беларусь № 8 от 21.12.2017; Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг.)?

Еще совсем недавно доминирующее в Восточной Европе общественное мнение достаточно критично оценивало ряд масштабных проектов по коммерциализации искусства и науки из-за оправданного страха потерять лишь недавно обретенную автономию культурного капитала. И хотя уже В. Беньямин рассматривал рынок как «объективный апелляционный суд», мы достаточно долго избегали встречи с ним и неловко произносили новый термин, каждый раз извиняясь за иноязычное заимствование, старались разъяснить смысл и целесообразность его использования в контексте восточноевропейской культуры. Недавно нас пытались убедить в невозможности формирования конкурентоспособной креативной индустрии на постсоветском пространстве. Но сегодня уже едва удастся найти сферу, где возможно было бы обойтись без данного концепта, чтобы оправдать (бес)перспективность собственного бизнес-проекта. Обнадешивает и тот факт, что многие из ключевых положений программ по развитию культурных и креативных индустрий уже используются в государственных программах всех стран Восточной Европы (ЕС и ЕПС), в том числе и отечественных. В связи с обозначенной повесткой дня как на государственном, так и на региональном европейском уровне разрабатываемая теория креативного общества призвана содействовать формированию региональной сети институтов креативной индустрии, вовлекая культурных акторов Восточной и Центральной Европы в инновационные проекты, демонстрируя пути и способы реализации креативного капитала белорусской культуры.

Риторика современной социальной теории

На протяжении всей истории своего существования философия формировала и определяла основные категории социально-политической и экономической практики. Сегодня мы констатируем, что социальная философия вынуждена с опозданием на 20 лет обращаться к языку, сформированному политическими программами и художественными манифестами, чтобы выявить основополагающие смысловые линии аргументации в обсуждении ключевых проблем современной действительности. Несмотря на множество развивающихся концепций креативной индустрии, экономики и соци-

ума, едва ли можно говорить о сформировавшейся теории креативного общества.

И даже если поверить, что можно сохранить пространство чистой философии, не затрагивая проблемы новых реалий, само искусство ради искусства провоцирует мыслителя броситься ему на помощь, чтобы сохранить хотя бы воспоминание о нем. Последнее нам необходимо в той мере, в какой мы осознаем, что именно система искусства, как заметил немецкий социолог Н. Луман, раскрывает сущность социального и его будущее. Без искусства общество никогда не узнало бы о соб-

ственном существовании. Но одна из очевидных проблем современной действительности заключается в том, что искусство поглощается креативной индустрией. Любой жест, претендующий на статус чистого искусства, прочитывается лишь как средство воспроизводства креативной индустрии. За ее рамками невозможны существование, восприятие и интерпретация каких-либо культурных жестов. Пространство социального перерождается в пространство креативного. Индустрия как «прилежание» (от лат. *industria*) повторяет сказывание верующего послушника перед ликом творения арт-рынка.

Если Н. Луман утверждал, что есть другие системы, а Н. Гудмен – другие миры, то какой язык сегодня может спасти и вывести из лабиринта креативной индустрии, когда даже самые отдаленные

и закрытые монастыри открывают двери туристам, приглашают насладиться молитвой в собственной келье и жизнью в братстве за небольшое пожертвование?

«Государство» Платона демонстрирует, как можно выбраться из парадоксального логического круга Фрасимаха, утверждавшего, что справедливое – это пригодное сильнейшему. Современной философии еще предстоит ответить на вопрос: какие логические или риторические приемы могут вывести нас из лабиринта креативной политики? Наверное, именно с этой целью создается если не теория, то хотя бы концепция креативного общества, которая призвана своим вопрошанием проверить жизнеспособность веры в креативную Европу, ее ответственность за каждый жест и за его отсутствие.

Краткая предыстория

Экономическая рецессия начала 1990-х гг. способствовала модернизации арт-рынка с учетом новых ценностных ориентиров аудитории. Как следствие, в середине 1990-х гг. формируется первая программа реформирования культурной политики, где в центре внимания оказывается сектор *креативной индустрии* – сфера активного взаимодействия искусства, науки, промышленности и бизнеса. Изобретенный языковой концепт используется как инструмент для освоения культурного пространства в ситуации экономического кризиса. В какой мере неологизм оказался успешным, мы можем судить не только по отчетам ВВП в этой сфере (показатель довольно условный), но и прежде всего по количеству научно-технических инноваций, введенных в оборот на мировом рынке креативной экономики. Новое поколение дизайнерской продукции выделяется акцентированием на художественной ценности и символической стоимости, едва улавливаемыми в законодательных категориях интеллектуальной собственности.

Программа Европейского Союза «Креативная Европа» на период 2014–2020 гг., которая в определенных рамках и на некоторых условиях открыта и для стран Европейской политики соседства (ЕПС), демонстрирует общую стратегию ЕС в отношении европейского сектора креативных индустрий, разделяемую также рядом стран ЕПС. Огромный поток научной литературы, подкрепляющей новую программу, обосновывает общее видение будущего европейской креативной экономики, роли креативного капитала в обеспечении устойчивого развития европейских и соседних регионов. В поиске социально-философских теорий, на которые опираются авторы подобных политических программ и экспертных статей, можно заметить, что преобладает дискурс теорий информационного и инновационного общества (до-

статочно посмотреть на источники, приводящиеся в программных документах). Сложно с уверенностью обозначить некую уже сформированную теорию креативного общества, в рамках которой могли бы быть обоснованы и развиты имеющиеся политические программы. Однако данная статья демонстрирует примеры постепенного конституирования новой социальной теории, наиболее визуализируемой в формате политических манифестаций и риторики медиа с момента утверждения программы «Креативная Европа» в январе 2014 г. Многие политические события последних четырех лет в Восточной Европе могут приобрести новый смысл, если попытаться проанализировать их в контексте реализации задач данной программы. Например, присоединение Украины к программе «Креативная Европа» в ноябре 2015 г. Или один из последних фактов на политической арене Восточного партнерства: 20 марта 2018 г. министр культуры Армении подписал в Брюсселе Меморандум о взаимопонимании относительно участия Армении в программе «Креативная Европа». Эти события не выделялись бы из ряда других на международной арене, если бы мы не рассматривали их в контексте предшествующих и последующих событий: февраль 2014 г. – смена власти на Украине; апрель – май 2018 г. – масштабные акции гражданского неповиновения в Армении. Теперь попытаемся выявить научные тексты социологов и экономистов, на базе которых обосновывались и законодательно оформлялись новые определения социальной действительности XXI в. и способы ее освоения.

В 1980–1990-е гг. в программных документах по развитию культурных и креативных индустрий упоминались в основном авторы теорий информационного и сетевого общества (Ф. Махлуп, М. Порат, Й. Масуда, Р. Катц, Э. Тоффлер, З. Бжезинский,

М. Маклюэн, М. Кастельс, А. Аппадурай, Ж.-Фр. Лиотар и др.). Сегодня мы наблюдаем обращение к текстам междисциплинарных исследований М. Портера, Р. Кейвса, Р. Флориды, Ч. Лэндри, Д. Тросби, Ст. Каннингема, Т. Флю, Дж. Хокинса, Н. Гарнхэма, Дж. Хартли, Дж. О'Коннора и других. С 2000-х гг. в социальной философии, социологии, культурологии, искусствоведении, истории, цифровых и медиаисследованиях появляются работы, которые все больше подчеркивают роль герменевтического, феноменологического, (пост)структуралистского, конструктивистского, актор-сетевого, социально-критического и исторического подходов в раскрытии специфики феномена креативной индустрии в XXI в. (Дж. Агамбен, Ж. Рансьер, П. Слотердаик, Ж.-Л. Нанси, Б. Латур, Дж. Ло, С. Лэш, Дж. Урри, С. Лари, Д. Хесмондалг, Дж. Хартли, Ст. Каннингем, Ш. Вентурелли, А. Данто, Б. Бухло, Т. де Дюв, И. Грав, Дж. Сталлабасс, Дж. Берджесс, Дж. Грин, В. Куренной, В. Савчук, В. Вахштайн, М. Гнедовский, Е. Зеленцова, Н. Гладких, Б. Гройс, А. Арутюнова и др.). В результате были продемонстрированы недостатки экономического редукционизма и детерминизма в анализе креативной индустрии.

Первые попытки перехода от узкоспециализированного секторного анализа к формированию концепции креативного общества в ее различных вариациях можно найти в работах Р. Флориды, Ч. Лэндри, Дж. Хокинса, Ст. Каннингема, Р. Кейвса и других. Однако из-за прикладного характера проводимых ими исследований они остались на уровне эмпирического познания. Авторы данных работ развивают свои концепции в контексте социологии, экономики и культурологии, не выходя на уровень социально-философского анализа. Постепенная понятийная конвергенция концепций

креативной экономики (Дж. Хокинс), креативного класса (Р. Флорида), географии креативности (Р. Флорида) и креативного города (Ч. Лэндри) позволяет фиксировать общие концептуальные основания для разработки теории креативного общества.

Можно предположить, что если бы когда-нибудь теория креативного общества была сформирована, то она напоминала бы теорию социальных парадоксов. Опасность конструирования подобной теории заключается в том, что ее существование привело бы к исчезновению самого изучаемого феномена. Чем больше пытаешься разобраться в правилах хорошего тона креативных сообществ, тем нагляднее становится тривиальность нового этикета. Вчитываясь в современные политические *versus* культурные программы «Креативной Европы», осознаешь, что мы живем в век доминирования определенного набора фигур мысли и речи. Самодостаточность культурного жеста, который выносит тяжесть времени, превращается в сказание былых времен, в воспоминание об античной пантомиме.

Проследив эволюцию понятия «креативное общество», одного из модных слов современного политического дискурса, многие исследователи иронично замечают, что возникновение и распространение новых понятий зачастую обусловлены не столько их способностью схватывать и обозначать суть происходящих изменений, сколько потребностью человеческого разума создавать и использовать новые категориально-понятийные формы освоения окружающей среды. Теория креативного общества может стать одной из таких форм адаптации к современной действительности, материальной и духовной среде нового тысячелетия.

От логики высказывания к поэтике сказывания

В концепции креативного класса, согласно признанию американского социолога Р. Флориды, не столько категории, сколько вкусы объединяют социальные субъекты в различные сообщества [3, с. 85]. Подобно французскому социологу П. Бурдьё, он пытается визуализировать их концентрацию в социальном пространстве, картографически обозначая этос сообщества, его опыт жизни, как «левый берег Сены в Париже или Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке» [3, с. 30]. Почему современная теория сознательно отказывается от мышления в категориях?

Декатегоризация современной науки возвращает нас к природе аристотелевского *сказывания* (φάσις). Κατηγορία выражает «обвинение против». Этос мышления в категориях (от др.-греч. ἀγορεύω – говорить в собрании) – это ἀγορά (обозначение и места, и того, что свершается в этом месте). Категория раскрывается через «говорение

в собрании». Она схватывает форму мысли говорящего, связывает субъекты и предикаты в его суждении, но в то же время противопоставляет их друг другу. Категориальное мышление социальной теории предполагает нахождение в языке предельно абстрактных понятий, с помощью которых можно индексировать многообразие вещей, событий и процессов нашего мира. Раскладывая вещи по своим местам, мы приходим к нахождению все более удобных приспособлений для оптимизации этого процесса. Каждое поколение может похвастаться изобретениями, способствующими организации и утилизации понятий прошлого и настоящего с целью найти для них места в новой удобной гардеробной социальной науке, отвечающей запросам, фиксируемым в прогностических трендах статистических отчетов.

Может ли социальная наука отказаться от категориального мышления и довольствоваться сказыва-

ванием? В чем разница между *φάσις* (сказыванием) и *ἀλόφανσις* (высказыванием) в пространстве современной социальной теории?

Одна из обострившихся в XX в. мировоззренческих проблем в диалоге различных культур заключается в том, что европейское высказывание как проявление апофантического логоса скрывает в себе отрицание (приставка *ἀλό* обозначает в сложных словах отрицание), так же как *κατάφασις* (утверждение) обозначает в действительности не столько утверждение, сколько отрицание возможности проникновения в суть постигаемого (приставка *κατά* обозначает действие против кого-либо). Другими словами, европейское утверждение, как и в целом любое высказывание (*κατάφασις* – утверждение или *ἀλόφασις* – отрицание), всегда «противостоит» чему-то или кому-то.

Против чего и кого воздвигает себя европейская философская мысль? Или по природе своей любой переход от сказывания к высказыванию есть начало противостояния света и его воплощения, произнесения и суждения? На эти вопросы пытается ответить новая формирующаяся социальная теория.

Язык теории креативного общества не утверждает и не отрицает, он не соединяет имена в суждении, а являет каждое имя как «сказывание» (*φάσις*): его задача – не сообщить, а сказаться. *Сказывающаяся речь* (*φάσις*) следует удерживать от посягательств на статус высказывающейся речи (*λόγος ἀποφαντικός*), так как в сказывании скрывается в одно и то же время донос (*φάσις*), свет и спасение (*φάος*). Область сказывания находится в компетенции поэтики и риторики, тогда как высказывание – в области логики.

Социальная теория зародилась в лоне сказывания новоевропейского светского салона и сегодня возвращается в колыбель поэтического языка, используя язык фигур речи и мысли. Подобно тому, как М. Пруст начинает писать роман, когда он заканчивается, мы начинаем конструировать социальную теорию завтрашнего дня, входя в воображаемое пространство, сотканное из метафор. Эта продуцируемая метафоричность и все большая отстраненность делают теорию тем более запоминающейся.

В данном контексте вопрос о креативности – это вопрос о том, что делает нас современными (Дж. Агамбен, Н. Луман, Б. Латур), что заставляет нас нести ответственность за настоящее и будущее, что делает каждого «к месту» не в конкретном светском обществе, салоне, клубе, а в этом мире, даже если он оказывается продуктом воображения экономистов, социологов и политиков.

Обращаясь к понятию экспертных систем А. Гидденса и У. Бека, британские социологи С. Лэш

и Дж. Урри в книге «Хозяйства знаков и пространства» (1994) отмечают важность появляющихся в эпоху позднего модерна эстетических «экспертных систем», оказывающихся продуктом поглощения социальной реальности «эстетической рефлексивностью»¹ [4, р. 54].

Пространство знаков становится все более рефлексивным в том смысле, что субъекты начинают занимать более активную критическую позицию, оценивая объекты со стороны имеющейся у каждого способности производить самостоятельное эстетическое суждение. В этом отношении С. Лэш и Дж. Урри попытались изменить позицию Ж. Бодрийера касательно «молчаливого большинства», подверженного воздействию потоками знаков. Социология эстетической рефлексивности призвана помочь реализовать «рефлексивное производство» и «рефлексивное потребление» [4, р. 5] с точки зрения вкуса позднего модерна.

В отличие от когнитивной рефлексивности, которая укоренена в картезианстве и философии Просвещения, эстетическая рефлексивность уходит корнями в эстетику модерна. Последняя подразумевает «самоинтерпретацию и интерпретацию оснований социальных практик» [4, р. 5]. Когнитивная рефлексивность предполагает суждения, эстетическая – предсуждения. Эстетическая рефлексивность отражается и в современном ощущении времени, отрицании «утилитарного времени» [4, р. 6].

В книге «Другая современность: иная рациональность» (1999) С. Лэш обращается к понятию И. Канта «рефлектирующее суждение», чтобы раскрыть с его помощью специфику социальной теории «эстетического модерна» [5, р. 3]. Таким образом С. Лэш попытался возродить утраченные в деконструкции основы социальной философии, замещая социальное пространство культурным лабиринтом с помощью логики поэтики: «Я попытался развить в этой книге теорию практики – как отличную от теории действия – что выводит на авансцену не праксис в классическом понимании, но поэзис» [5, р. 215].

Спустя несколько лет после выхода книги «Хозяйства знаков и пространства» (1994) британский социолог Дж. Урри в своей книге «Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI века» (2000) [6] придет к более радикальным выводам в отношении предназначения социологии как строгой науки, определяющей моду на тот или иной вид метафор, продуцируемых различными специальными областями знания. Ссылаясь на М. Фуко и Р. Рорти, Дж. Урри обращает внимание на доминирование визуальных метафор в культуре XX в., к середине которого сформировался новый тип «визуальной эпистемологии» [6, р. 25]. Власть,

¹Здесь и далее перевод наш. – И. М.-Д.

как и авторитет науки, в результате оказывается «фигурально сконструированной» [6, р. 25] с помощью натурализованных метафор.

Это европейское движение в сторону визуализации началось в эпоху Нового времени. С XVII в. наблюдение все чаще выступает в качестве верифицирующего основания науки [6, р. 25]. Как следствие формирования визуальной эпистемологии метафоры приходят на смену категориям.

Субъекты нового общества и среда их воспроизводства

Теория креативного общества выявляет формирование нового типа мотивации и соответственно личности. В книге «Креативный город» (2000) Ч. Лэндри попытался выделить качества нового класса людей: культурное мышление, выражающее ценности устойчивого развития; сосредоточенность; дипломатичность; гибкость; способность слушать, общаться и работать в команде; способность строить и использовать различные сети. Представители этого класса инвестируют уже не столько в новые технологии, сколько в образ жизни, содействуя появлению огромного количества разнообразных «обеденных и полемических клубов», «философских кафе». Последние, согласно Ч. Лэндри, представляют собой «новую версию парижских салонов» [8, с. 182].

Вместе с тем формирование нового типа личности немыслимо вне соответствующей *творческой среды*, которая должна обладать следующими характеристиками: «наличие глубоких и оригинальных знаний в сочетании с готовым набором умений и навыков, а также людей, которые хотят и могут общаться друг с другом»; «смелые эксперименты»; «возможности для неформального и спонтанного общения, как внутреннего, так и внешнего»; «междисциплинарность», «структурная нестабильность» [8, с. 207–208].

Р. Флорида в своих работах и выступлениях подчеркивает, что креативный тип мышления и характера нужно культивировать не только в индивидуальности, но и в его окружении, т. е. в социальной среде. Ключевым фактором здесь оказывается формирование определенного типа мировоззрения личности, способной понимать вопросы культуры, ее ценности и идентичности. Мы можем сравнить эту ситуацию с воспитанием *urbanité* (светскость) и *civilité* (цивилизованность) в эпоху Просвещения. Воспитание осуществляется с помощью культурных ресурсов, выполняющих функцию риторических фигур, а креативность становится аналогом *sensibilité* (чувствительность) галантного юноши. С помощью риторических упражнений воспитывается способность выносить эстетическое суждение о прекрасных объектах, демонстрировать *sensus communis* (здравый смысл) в поступках, формировать свой вкус во взаимоотношениях с окружа-

ющим миром, проявлять свою чувствительность к нему. Схожую точку зрения высказывают и шведские экономисты Кьелл А. Нордстрем и Йонас Риддерстрал, отмечая, что «метафоры и стиль общения становятся все более значимы» [7, с. 154] в экономической теории и практике: «Становятся более важными другие категории анализа, такие как язык, культурные традиции, климат, возраст, стиль жизни, сексуальная ориентация – все, что угодно» [7, с. 52].

Урбанистические концепции Ч. Лэндри и Р. Флориды предполагают воспитание культурной личности в городском ландшафте посредством развития чувствительности к культурному наследию, восприятия города как живого организма сквозь призму культуры, образа жизни и ценностей людей, формирующих конкретное сообщество и общество в целом.

Британский специалист по креативной экономике Д. Пэрриш в книге «Футболки и костюмы: гид по креативному бизнесу» (2005) также обращается к новому понятию в социальной науке и раскрывает сущность манифестированной в Великобритании креативной экономики с помощью метафоры «бизнес в стиле жизни» (*lifestyle business*) [9, р. 9, 50, 77]. Такой бизнес должен приносить его владельцам не только доход, но и соответствующее качество жизни, воспроизводить стиль жизни лидера. Понятия бизнеса и стиля жизни сливаются воедино, так как последний не является продуктом дохода, работы или досуга, он и есть бизнес. Успешный бизнесмен демонстрирует многообразие подходящих его положению стилей: «Успешный лидер должен свободно владеть “языками” различных стилей жизни, используя каждый из них к месту в соответствии с обстоятельствами» [9, р. 82]. Ссылаясь на американского психолога Д. Гоулмана, Д. Пэрриш предлагает следующий набор ключевых понятий, на которые опираются лидерские стили жизни [9, р. 82]: «диктатор – мачо-босс»; «провидец», вдохновляющий других; «привлекательная личность», способная наладить коммуникацию с другими; «демократичный слушатель», способный дать дельный совет; «супермен или супервумен», задающий темп работы; «воспитатель», развивающий других.

Тривиальный ряд характеристик лидера креативного бизнеса в XXI в. можно сопоставить с достоинствами идеального придворного Нового времени. Лидер креативной экономики – подобие идеального кавалера салона маркизы де Рамбуйе. Постреволюционное руководство *«le savoir-vivre»* для юной леди становится залогом успешного

бизнеса. Вся концепция креативной Европы разрабатывается подобно инструкции по воспитанию здравого смысла и такта в XXI в. При этом язык инструкции для Восточной Европы оказывается настолько буквальным, насколько мы, с точки зрения наследников древнеримского риторического канона, не способны прочитывать фигуры мысли в условном наклонении.

Шведские экономисты Кьелл А. Нордстрем и Йонас Риддерстрал в книге «Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта» (2000) вводят метафору «бизнес в стиле фанк», чтобы подчеркнуть роль стиля жизни в теории и практике экономической деятельности в XXI в. Фанк (*funk*) – это «музыкальный стиль 1970-х гг., ставший стержнем нового течения в американской культуре, его приверженцы отличались некоторой эксцентричностью, самодостаточностью, вплоть до эпатажа и вызова моральным устоям общества» [7, с. 203]. В этом определении фиксируются основные черты представителя бизнеса в стиле фанк, по которым мы его опознаем из миллиона других представителей креативной экономики. В своей самодостаточной эксцентричности он напоминает все того же героя из комедии дель арте, не способного расстаться с одной из его масок.

Наблюдая за стилем жизни различных культурных «племен», авторы книги пришли к выводу: «Нам, вероятно, нужно поучиться у гомосексуалистов, мафии, неуловимых торговцев наркотиками, мазохистов или “эко-племен”, потому что в деревне фанк ваше “племя” сформировано на основе биографии, а не географии, путем собственного независимого выбора, а не по местоположению» [7, с. 100]. Современный бизнес продвигает уже не столько товары и услуги, сколько стиль жизни целого «племени». И любая кофейня, с точки зрения шведских экономистов, есть тому подтверждение.

Р. Флорида заметил, что феномен нового типа социальной коммуникации не ограничивается сферой экономики или культуры. Он пронизывает все сферы человеческой жизнедеятельности и наиболее емко выражается в понятии нового образа жизни. Опираясь на данный вывод, американский социолог предлагает рассматривать мир опыта (*the experiential world*) [10] как продукт экономики опыта (*the experience economy*), осваивающей тотальность проявлений человеческой жизни с помощью моды на определенный стиль жизни, ориентированный на опыт (*the experiential lifestyle*). Последний приравнивается к креативному стилю жизни (*the creative lifestyle*).

Биографии объектов

Британские специалисты по глобальной культурной индустрии С. Лэш и С. Лари в книге «Глобальная культурная индустрия» (2007) излагают биографии объектов. Их метод – следование за объектом и рассмотрение его как события, а культурной индустрии, соответственно, – как событийного пространства. В отличие от А. Аппадурай, исследовавшего социальную жизнь вещей, британские социологи выходят за рамки общественного и выявляют реальность «овеществления медиа» (*the thingification of media*), реальность *in medias res* (лат. – в середине дела), где границы между историями вещей и людей сливаются в сериальной событийности глобальной культурной индустрии. Логика вещей преобразуется в риторику логотипов [11, р. 197].

В результате вещь в эпоху креативности превращается в модный аксессуар даже не его владельца, а моды на определенный стиль жизни: «Мода есть на все: красивый поезд, стильный гаечный ключ или модная газонокосилка» [7, с. 191]. Вещи имеют ценность лишь как события, вписывающиеся в рамки определенной стилистической логики здесь и сейчас.

Если пространство культуры сводится к манипуляциям дизайнера над вещью, то трансценденталь-

ная сущность искусства – к фактичности дизайна [11, р. 194]. Ссылаясь на теорию искусства немецкого архитектора Г. Земпера, С. Лэш и С. Лари выявляют истоки красоты в декорировании, где форма замещается поверхностью.

Обращаясь к интуитивизму А. Бергсона, они подчеркивают важность комического в современной культуре креативной индустрии [11, р. 107–108]. Жест комического выводит зрителя из контекста повествования, тогда как трагический жест глубоко укоренен в единстве свершаемого действия. В развитии и опознании комического нет строгих правил. Здесь срабатывает интуиция. Только зрелая личность становится все более чувствительной к мельчайшим нюансам комического. Согласно А. Бергсону, комическое появляется тогда, когда мы начинаем воспринимать себя как произведение искусства. Эта мысль находит воплощение в концепции глобальной культурной индустрии в той мере, в какой она помогает объяснить воспроизводство комических вещей и жестов в разломах механической культуры. То, что некогда А. Бергсон противопоставлял последней, отныне воспроизводится как продукт индустрии современного искусства.

«Здесь настоящий Пульчинелла!»

Французский философ Ж.-Л. Нанси утверждает, что пространство вещей, произведенное современ-

ной культурной индустрией, – это пространство присутствия, в котором мы «испытываем потреб-

ность в вещи, так как она трогает нас» [12, р. 143]. Культура фетишизма ориентирована на раскрытие «присутствия вещи» [12, р. 143], которое призвано пробудить жажду к «искусству искусства жизни» [12, р. 147]. Двойная опосредованность жизни через искусство сказывается в тотальной эстетизации действительности. Цитируя Ф. Ницше, Ж.-Л. Нанси оборачивает его страсть к клоунам и сатирам в кукольный фетишизм, обольщающий нас своим презрением к жизни. Современный человек подобен странствующему проповеднику, который вынужден играть роль Пульчинеллы – персонажа комедии дель арте. Ж.-Л. Нанси приводит пример средневекового проповедника, которого никто не слушает, так как все спешат на уличное шоу кукол, из-за чего он вынужден ходить по улицам и кричать: «Здесь настоящий Пульчинелла!» [12, р. 147]. Этот фарс забавного фетиша являет присутствие трогательной вещи и неизъяснимой веры в возможность ее из-

влечения из пучины непостижимой жизни в музей искусства жеста.

Вещь (*res*) становится частью истории (*res gestae* – деяния) благодаря жесту (*gestus*), но в то же время только жест способен вырвать вещь из истории, лишая ее контекста сюжетного повествования: «...жест выводит героев за рамки нарратива, создавая возможность их воплощения в рамках более широкой системы вещей, вне нарратива, по ту сторону специфического медиума фильма...» [11, р. 96]. И в этом плане *res gestae* (история) креативной индустрии подобна истории комического в интерпретации А. Бергсона: «...жест и комическое являются территорией типического, нежели индивидуального...» [11, р. 97]. Жесту нужна вещь, так как он не может длиться без вещи. Он сказывается о вещи, связывая слово и бытие; «указует», неся на себе историю; вынося суждение о ней в докатегориальной схеме сказывания.

Визуализация креативности на современной геополитической карте мира

После регистрации смерти социального (Ж. Бодрийяр) мы два десятилетия исследовали культуру, чтобы констатировать ее замещение пространством креативного. Последнее имеет и сакрально-религиозные коннотации в христианском контексте. Может быть, по этой причине русские философы так редко используют понятие «креативное общество», так как оно режет слух, чувствуется фальшь. В отечественной социологической и экономической литературе чаще используются такие понятия, как «креативная экономика», «креативные индустрии», «креативный сектор», «креативный кластер», «креативный город», «креативное пространство», «креативная среда» и другие, которые кажутся менее объемлющими и претенциозными по сравнению с грубой метафорой креативного общества.

Повседневность жизненного мира оказывается в поисках собственного тела: практики тишины, отсутствия, присутствия, диалога направлены на нахождение подтверждения значимости собственного сказывания в промежутках между занятиями медитацией. Но одна из проблем заключается еще и в том, что мы вынуждены «нейтрализовать слушанье» внутри себя, чтобы услышать другого, «понять смысл», тогда как «слушанье» предполагает «настроенность на возможное значение» [13, р. 6]. Принципиальное различие между способностями слушать (*écouter*) и слышать (*entendre*) речь другого, продемонстрированное Ж.-Л. Нанси, все сложнее опознать в креативном обществе, где глубина звука, его событийность, не распознается в «глобальном сонорном пространстве» [13, р. 12]: «Произошло музыкальное становление чувственности и глобальное становление музыкальности, чья историчность остается неосмысленной в той мере,

в какой она совпадает по времени с экспансией образа...» [13, р. 12].

На карте креативной Европы Беларусь отсутствует [2]. Белорусское культурное пространство подлежит либо освоению, либо детерриториализации на карте локализации креативного класса [1]. Процесс ребрендинга и стилизации на языке креативной Европы [14] создает иллюзию визуализации ключевых акторов, способных вовлекаться в политические процессы Восточного партнерства. Отчеты по реализации соответствующих программ подчеркивают, что в случае Беларуси акцент делается на финансировании преимущественно культурных проектов. Но каждый из них имеет свой политический подтекст и механизм операционализации в публичном пространстве, то есть как раз в том пространстве, которое остается недоступным для освоения вне культурно-образовательных курсов «для людей». Эти люди должны быть визуализированы на карте. Сам факт визуализации уже подтверждает их вовлеченность в неведомую для них стратегию.

В интернет-версии журнала *Vogue* нет раздела «Политика», однако сложно найти статью или видео, не демонстрирующие политические предпочтения автора, редактора, дизайнера или моделей, участвующих в показе. Даже анализ цветовой гаммы гардероба оказывается все более политически ангажированным: выбор белого цвета означает демонстрацию вашей солидарности, даже если этот выбор оказался чистой случайностью [15]. После президентских выборов в США эта ситуация обострилась настолько, что прежняя завуалированная риторика объективировалась в новом поколении вещей, призванных противостоять «чужому выбору».

Ярким примером является ознакомление читателя журнала *Vogue* с инициативой «*Ring Your Rep*» («Позвони своему представителю») [16], реализованной сетью отелей *The Standard* в Нью-Йорке, Майями и Лос-Анджелесе в 2017 г. Компания установила публичные телефонные будки с прямой линией, связывающей вас с Конгрессом США. Инструкция с четко прописанными введением и вступлением разрешает вам вставлять свои слова лишь в местах четко установленных пропусков. Эта линия, позволяющая дозвониться до представителей местной власти, а при желании – и до самого сенатора, т. е. до распределительного щитка Капитолия, проведена с одной единственной целью – помочь человеку в ситуации нарушения его прав и свобод. Таким образом, эти телефоны призваны, с точки зрения установившей их компании, «мобилизовать сопротивление» [16]. Против кого это сопротивление – каждый уточняет самостоятельно по мере погружения в социально-культурный контекст ситуации. Представитель компании отметил: «Как сообщество, торжествующее в единении, радикальном самовыражении и в духе путешествия, мы противостоям любым угрозам в отношении наших ценностей»; «Стандарт будет использовать свой голос, свои пространства и креативность, чтобы содействовать позитивному и продуктивному активизму, который поддерживает социальный прогресс» [16].

Статья в журнале *Le Figaro* под заголовком «Стиль во время выборов» [17] предлагает вашему вниманию серию фотографий, которая предваряется текстом «Лидеры стиля, сумок и туфель играют роль первого плана. Их уникальная программа: ускорить движение [придать соответствующий вид (*booster l'allure*)]. Мы голосуем за» [17].

Текст статьи ограничивается выборкой ключевых понятий из словаря модной одежды, раскрывающей наличие на размещенной тут же фотографии вещей определенных брендов, которые, вероятно, наиболее подходят для выхода по поводу выборов президента республики: «Берет *Maison Michel*, сумка *Dior* из телячьей кожи серебристого цвета, туфли *Courrèges*. Куртка *Just Cavalli* из кожи, топ из органзы с пером № 21, штаны *Kenzo* из кожи. Сумка из кожи аллигатора и сумка *Verrou 21* из кожи *Epsom*, лодочки *Hermès* из кожи на металлических каблуках, пальто *Hermès* из хлопкового сатина, платье-рубашка *Hermès* из поплина и леггинсы *Hermès*. Сумка *Lucia* из кожи крокодила и питона с застежкой *Dolce & Gabbana*, лакированные ботинки *Giorgio Armani* из телячьей кожи. Платье *Proenza Schouler* из шерсти с перьями. Антуан: матроска *Petit Bateau*, брюки и носки, *Bonpoint*. Прическа *Bruno Silvani*. Макияж *Annabelle Petit*» [17].

Статья с экстравагантным названием «Нужно ли одеваться для сопротивления во время недели моды в Нью-Йорке?» [18] в *Vogue* предлагает вашему вниманию выбор из элементов гардероба с надписями

из ряда «100% human» (майка *Everlane*), «girl gang» (джинсовая куртка *Sandrine Rose*), «cats against», «catcalls» (хлопчатобумажная трикотажная рубашка *Feminist Apparel*), «strong together», «women are stronger» (майка *Elizabeth and James*), «wild feminist» (дуплая куртка *Wildfang*), «love army» (протестная майка *Start Shouting*), «immigrant» (хлопчатобумажная трикотажная рубашка *Teesping*), «la future» (футболка *Dynasty*), «ladies mile» (носки *The Wing*). Статья начинается вопросом: «Транслировать достойно или не транслировать достойно?», подразумевающим: «Достоин ли ты транслировать или нет?» (*To broadcast dissent or not to broadcast dissent?*). Автор статьи утверждает, что с этим вопросом сталкивается каждый «стильный инсайдер во время первой нью-йоркской Недели моды администрации Трампа» [18]. Статья наводит на мысль, что вся индустрия моды настолько единогласна в своих политических пристрастиях, что любой продукт их деятельности, со слоганом или без него, говорит сам за себя: «Является ли ношение майки со слоганом или символического покровра на этой неделе особой формой действия – или явным отвлечением? Индустрия как таковая, – которая, большей частью, открыто поддерживала кампанию Хиллари Клинтон, – склоняется к первому подходу» [18].

Статья раскрывает множество способов продемонстрировать «жест поддержки». При этом находится вариант и для самых скромных, не желающих выделяться из серой толпы и вливаться в сообщество «модного народа». Если вы не можете снизойти до ношения слогана, то модный критик предлагает использовать яркие цвета и принты или золотое ожерелье вашей бабушки, чтобы «канализировать ваше сопротивление» [18]. Можно ограничиться аксессуарами, как предлагает другой модный критик, директор *Vogue Runway* Николь Фелпс, например, продемонстрировать винтажную брошь приблизительно 1968 г. «*Give a Damn*» («Не наплевать»).

Многообразие «поэтических мемов» (*poetic meme*), рассмотренных в статье Э. Хартман в качестве жестов сопротивления, продается по цене брендовых товаров, если вы пройдете по гиперссылке под иллюстрацией. Автор предупреждает, что нужно поспешить приобрести одну из этих вещиц, так как скоро и такая забава будет «в дефиците». «Наберите #NewYorkFashionWoke и позвольте вышеприведенным обликам быть вашим гидом» [18].

Подобным образом, но в более изящной форме, французский писатель М. Пруст описывал, по каким жестам можно распознать представителя того или иного политического лагеря в деле Дрейфуса. Чуть позже те же жесты, будучи украшенными символическими обстоятельствами повседневной действительности, начинали отсылать к самим условиям, атрибутам дискуссии, а не к миру ценностей. Высказывая негодование относительно лице-

мерного перехода многих светских людей в более выгодный для них лагерь, М. Пруст следил за тем, как одна и та же личность, используя определенный набор фигур речи и мысли, могла успешно проявить себя на любом политическом поприще, оставаясь искренне преданной не столько идеалам и ценностям своего лагеря, сколько риторическим фигурам, усвоенным в годы юности в светском обществе. И в этом плане каждый из них оставался честен и достоин звания «светский человек» (*l'homme du monde*).

Нью-йоркский модный дизайнер Дж. Альтузарра обратился к искусству раннего Возрождения, чтобы в своей коллекции на Неделе моды в Париже (осень – зима 2017 г.) продемонстрировать символический язык защищенности в божественном объятии и ранимости перед ликом окружающей действительности в «выстреле» белоснежной рубашки из надрывов в рукаве верхней одежды. Эта вестиментарная метафора по замыслу художника выражает напряженность и незащищенность человека в современном мире. Интервью опубликовано на сайте интернет-версии газеты *The New York Times* под заголовком «Как выборы сформировали коллекцию» [19].

Тот факт, что мода всегда была языком политики, был подвергнут детальному изучению уже в эпоху структурализма (Р. Барт «Система моды» (1967)). Однако характерной чертой креативного общества является собственно овеществление риторической надстройки системы моды в телесной практике взаимодействия с материальными объектами. Другими словами, то, как вы носите значок «человек», говорит о ваших политических предпочтениях больше, нежели сам значок. Сама буквальность символизируется, если использовать терминологию Н. Лумана, в наблюдении второго порядка. Поэтому сегодня налицо переход от модных стилей жизни к стилизованной моде на тот или иной стиль жизни, или, используя термин Ж.-Л. Нанси, к «искусству искусства жизни». В этом контексте эстетическая теория, поглощающая все проблемное поле философии, играет роль «гида по стилю», снижая болезненность принятия пошлости и безнравственности нового мира. Хочется верить, что внутри эстетски законспирированной философии в эру креативности скрывается этос, который, если не выскажется, то скажется в ближайшем будущем на языке жестов искренности и чарующей любви, притягивающей души друг к другу в таинственности испытываемого каждым «*je ne sais quoi*» («не знаю что»).

«Искусство общества» Н. Лумана

Вызывающее болезненное смятение молчание безумного осваивается с помощью многообразия приемов стилизации в интерьере нового европей-

Предельный жест превращает зрителя в свидетеля жертвоприношения. Описание любого молчания невыразимо в словах. Есть то, о чем мы узнаем с помощью эвфемизмов, т. е. слов, заменяющих грубые, чтобы не травмировать память свидетелей. В древнегреческом языке глагол *εὐφημεῖν* (*euphemein*), от которого происходит термин эвфемизм, означает «обожать в тишине», «наблюдать тишину» [20, р. 32]. Мы не произносим что-то по причине цивилизованности, скромности, страха. Любое свидетельство сознательного и напряженного молчания содержит пустоту. Звук этой пустоты происходит из «не-языка» [20, р. 38]. «Свидетельство рождается из невозможности дать показания о чем-либо. Так язык прокладывает путь не-языку» [20, р. 39].

Мы спасаемся от логической невозможности с помощью эстетического преобразования этой территории, превращаем территорию радиоактивного загрязнения в место оказания публичных услуг. Если появляется в истории такого рода лакуна, которая не подчиняется описанию свидетелей с помощью человеческого языка, то ее невозможно вписать в историю той или иной культуры, как и изжить или забыть ее.

Современный театр дипломатии находится в постоянном поиске средств выражения невыразимого – абсолютного молчания – сакрального, мистического, сверхъестественного. Любая драматургия – это эсхатология.

Политическая драматургия креативного общества не знает и не ощущает такого рода предельной болезненности сказывания. Она осуждает все то, что не может быть освоено на языке фигур речи и мысли и избегает его. Молчание встраивают в рамки «организации резонанса» [13, р. 21], сводящей мираж субъективности к «месту резонанса» [13, р. 22]. Но есть молчание, которое не укладывается в риторическую фигуру умолчания (*ἀποσιώπησις*). Молчание безумного невозможно превратить в символ инсценированного обрыва речи, стилизовать или вписать в модный тренд феноменологии танца. Каждый раз, когда оно отзывается эхом в истории человеческого освоения пространства и времени, мы погружаемся в религиозно-мистическую надежду о спасении, освобождающую от пут любой земной индустрии. Чтобы успокоить страждущее человечество, креативное общество манифестирует пришествие индустрии духа, ее усердие в освоении спонтанной жестуальности и преодолении распушенности социального тела.

ского этоса. Нечто подобное происходило в рамках концепции возвышенного в Новое время: «Стиль Ветхого Завета, руины как продукт непрестанного

разрушения, смерть и то, что остается позади, кладбище – ни один из этих феноменов не произведен для наблюдения. Мы ищем остатки более древней аутентичности и получаем от них вдохновение для аутентичного искусства. То, что не может быть наблюдаемым, интегрируется в искусство репрезентацией самотрансцендирующей границы феноменов, т. е. презентацией непрезентабельного. <...> ...Возвышенное, или *das Erhabene*, не может убеждать в течение длительного времени, так как оно также в конечном счете провозглашается стилем и становится предметом наблюдения» [21, р. 89].

Как следствие стилизации возвышенное превращается в модный предмет наблюдения. При этом Н. Луман обращает внимание, что интерес к «*je ne sais quoi*», не поддающемуся описанию с помощью правил и законов, воплотившемуся чуть позже в категории возвышенного, обострился вместе с формированием рынка искусства и выделением его в автономную систему [21, р. 162–163, 238–239].

Светская церемония стилизованных жестов демонстрировала в XVII в. совпадение *concetto* суждения эрудиции и *acutezza* (остроумие) художественной практики. Эстетика формируется как наука, пытающаяся схватить это сущностное совпадение на языке философских категорий. Суждения *connaissanceur* (знаток) замещаются оценкой художественных критиков и профессиональных экспертов рынка искусства [21, р. 270].

Но художественная критика в XX в. умирает по мере того, как стираются границы между различными типами художественной практики, и художник раскрывает в своей работе «программу авторизации» [21, р. 295] для зрителя. Современное искусство выражается, согласно Н. Луману, преимущественно в «форме сказывания (*Mitteilung*)» [21, р. 288], которая отсылает скорее к самой себе, нежели к окружающему миру. Но такая ситуация временна, так как без осознания существования внешнего гетерогенного «немаркированного пространства» невозможно обеспечить реализацию функции «самореференции» [21, р. 288].

Вслед за художественной критикой академическая эстетика умирает из-за того, что сегодня пределы «реинтеграции отрицания в систему искусства исчерпаны» [21, р. 296]. Однако другого рода эстетическая теория все еще существует в форме произведений искусства как «логических артефактов» [21, р. 296], которые «разрешают неразрешимый парадокс» [21, р. 296], утверждая внутри самих себя свою принадлежность к системе искусства: «Самоотрицание искусства реализуется на уровне автопойетических операций в форме искусства таким

образом, что искусство продолжает существовать» [21, р. 296]. Тот факт, что любое заявление искусства является формой коммуникации, а не чистой «объектности» [21, р. 297], сохраняет возможность воспроизведения системы искусства, несмотря на всю радикальность ее попыток самоотрицания. Перформативные практики приходят на смену нормативным и дескриптивным атрибуциям.

Соглашаясь с Э. Гуссерлем в том, что мир является «недостижимым горизонтом», Н. Луман подчеркивает: в искусстве мир являет себя как «невидимые вещи» [21, р. 91]. Мы наблюдаем в искусстве себя как наблюдателей за невидимым. В этом самонаблюдении «искусство размышляет о том, что современное общество сделало невозможным» [21, р. 90].

Что радикально меняется в ситуации, когда искусство поглощается креативной индустрией? Надо отметить, что Н. Луман опубликовал свою работу «Искусство общества» (*Die Kunst der Gesellschaft*) в 1995 г., как раз в то время, когда в Великобритании разрабатывалась первая в мире государственная программа, ориентированная на формирование сектора креативных индустрий в качестве основополагающего в развитии будущей экономики и культуры. Немецкий социолог ощущал перемены в художественной сфере в период радикальной экспансии культурной индустрии. Критика культиндустрии немецких философов Т. Адорно и М. Хоркхаймера, реализованная в середине XX в., способствовала популяризации и операционализации данного понятия во второй половине XX в. как в немецкой, так и в европейской культурной политике в целом. В работе Н. Лумана уделяется особое внимание осмыслению положения искусства в ситуации неопределенности критериев верификации условной границы между художественными объектами и нехудожественными на рынке культурных благ. Искусство оказывается разновидностью наблюдения за структурированием невидимого в сфере социального, делает видимым возможные порядки. Для социологии раскрывается новое приоритетное поле работы – выявление специфики современного искусства, а через него – сущности возможного социального порядка, так как именно «в современном искусстве заключается парадигма современного общества» [21, р. 310] и именно «искусство тестирует устанавливаемые порядки, которые являются одновременно вымышленными и реальными, чтобы показать обществу с позиции внутри общества, что порядок вещей может быть другим, и что не любой вариант подходит» [21, р. 313].

Вкус *madeleine* в эпоху Креативности

В эпоху зарождения культурной индустрии на рубеже XIX–XX вв., в так называемое время *Belle Époque* (Прекрасная эпоха), М. Пруст уделяет особое

внимание описанию вещей, которые ему дороги, или, вернее, описанию мира с точки зрения этих вещей. Он вспоминает не вещи, но то, что они про-

буждали в нем, «ощущение неравных плит, жесткость салфетки, вкус мадленки» [22, с. 232]. Но в то же время «малейшее слово», «самый незначительный жест несли на себе отсвет вещей, логически ничем не связанных, и были отделены от них преградой разума» [22, с. 233].

М. Пруст заметил, что, если бы он был библиофилом [22, с. 254], он не вчитывался бы в книги, а жил бы с ними. И каждый раз, открывая одну из них, он вспоминал бы, где был с ней, о чем думал, что чувствовал в тот последний раз, когда держал ее в руках: «Я коллекционировал бы прежнее сияние романов, сияние того времени, когда читал свои первые романы...» [22, с. 255].

Прогуливаясь по студиям и домам модных дизайнеров (см. раздел «Fashion Week: In the Studio» в интернет-версии газеты *The New York Times*), можно заметить, что именно такую функцию книги выполняют в креативном обществе: они подбираются по стилю жизни их авторов и настроению

исполняемого ими произведения. Так, американский дизайнер Р. Оуэнс выкладывает по периметру стола в своей спальне томик О. Вагнера, партитуру музыкальной драмы Р. Штрауса «Саломея», «Красоту олимпийской борьбы» Л. Рифеншталь и сборник стихов эстета Б. Говарда [23]. Все книги созвучны в оттенках своих обложек как друг другу, так и интерьеру спальни, студии и последней коллекции Р. Оуэнса. Само видео повествует о волосах дизайнера в интерьере его парижской квартиры в комплексе, где размещается его студия.

Но в то же время сфера креативной индустрии далека от постановочной театральности, так как она не знает и не принимает дистанции в отношении зрителя. Ее теория – это стиль ее жизни, как и эллинистическая этика, сведенная к практике бодрствующего римлянина, который демонстрирует бесстрашие, силу воли и самоконтроля, избегая экстравагантности, чрезмерной сентиментальности или вольности, неопрятности и несдержанности.

Критика концепций креативного общества

В недавно опубликованной книге «Новый урбанистический кризис» (2017) [24] Р. Флорида признает, что креативная экономика усугубляет проблему экономической изоляции тех, кто не вписывается в рамки «новой элиты», но уточняет, что креативный класс имеет лишь некоторые преимущества в отношении некреативного класса. Убивают креативный климат скорее «супер-богатые люди», но их число настолько ограниченное, что они уже не способны полностью контролировать процессы преобразования культурного ландшафта мегаполисов.

Некоторые исследователи креативной экономики называют подход Р. Флориды «миопией креативного класса» [25, р. 7] из-за его неспособности распознать высокий уровень социального и экономического неравенства в так называемых местах концентрации креативного класса и происходящее, как следствие, обесценивание многих видов работы.

Отвечая на подобного рода критику, Р. Флорида вместе со шведским экономистом опубликовали ряд статей [26; 27], в которых демонстрируется отсутствие прямых каузальных взаимосвязей между ростом концентрации креативного класса в определенных местах и увеличением количества малоимущих в тех же местах. Кроме того, Р. Флорида отмечает, что большинство представителей данного класса, даже не имея возможности поднять уровень своего дохода, не испытывают дискомфорта из-за удовлетворенности возможностью заниматься творчеством. Хотя этот комментарий носит сомнительный характер в оправдании неравенства, так как успешность работы данного класса сам Р. Флорида оценивает прежде всего с точки зрения экономического дохода. Но с другой стороны,

автор концепции предупреждал нас еще в 2002 г., когда книга «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» вышла в свет: «Новая креативная экономическая система сложилась далеко не окончательно и продолжает развиваться. К тому же она отнюдь не является панацеей от всех социальных и экономических проблем, стоящих перед современным обществом. Она не может уменьшить бедность, ликвидировать безработицу, преодолеть колебания экономического цикла и в целом привести ко всеобщему счастью и общественной гармонии» [3, с. 37].

Даже инновационная инфраструктура города, созданная на протяжении последних десяти лет, не справляется с проблемой экономической сегрегации, а лишь переводит ее на более высокий уровень [26, р. 27]. Р. Флорида не отрицает существование всех этих проблем в новом обществе и использует свой фактологический материал в качестве иллюстрации, но тут же подчеркивает: «В этом отношении наше исследование только начинается, и наши результаты должны рассматриваться скорее в качестве иллюстрации, нежели подтверждения. Мы надеемся, что наше оформление проблемы и предварительные результаты анализа будут стимулировать дальнейшее исследование по этой важной теме» [26, р. 28]. Одна из причин такой концептуальной неопределенности была зафиксирована американским социологом уже в 2002 г.: «...общая рабочая модель экономической и социальной системы, с которой мы входим в эпоху креативности, до сих пор отсутствует» [3, с. 38].

В защиту концепции креативного общества и плодотворности вопрошания в ее русле литовский философ Т. Качераускас [28] отмечает, что новая

экология творческой атмосферы приводит к невозможности применения укоренившегося в сознании европейцев языка аристотелевской этики и общества благосостояния к оценке удовлетворенности личности условиями ее жизни в креативном обще-

стве. Одна из последних его статей [29] обосновывает возможности построения концепции креативного общества в рамках философии и социологии креативности, подчеркивает его отличие от общества знаний.

Заключение

Социальная философия находится сегодня в ситуации существенного переосмысления собственного статуса и задач. Она вспоминает свое рождение в утопии Нового времени, с тоской возвращается к социальной критике XX в., с удивлением находит себя в салоне художественной критики эпохи Просвещения и свою утраченную миссию на ярмарке перформансов завтрашнего дня. Несмотря на временную неопределенность статуса и роли современной социальной философии в ее взаимоотношениях с другими науками

и субъектами политики, очевидно, что дальнейшее развитие креативной экономики, которая справляет в 2018 г. свой двадцатый юбилей, невозможно без обоснования ее правомерности в социальной теории. Срок ее годности, зафиксированный в политических программах развитых стран мира, не может стать оправданием молчания философии, все более отдаляющейся от банальности и пошлости божественной буржуазии в эру забвения духа творчества, оказавшегося в плену креативной индустрии.

Библиографические ссылки

1. *Matsevich-Dukhan I.* Mapping European Cultural Actors: Addressing the Case of Belarus // *European Neighbourhood Policy. New Geographies of Europe* / ed. by B. Bruns, D. Happ, H. Zichner. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 207–230. DOI: 10.1057/978-1-349-69504-1_10.
2. Аналітична базова справаздача аб культурным сектары і культурнай палітыцы Рэспублікі Беларусь. Даследаванні і дыягностыка па культурнай палітыцы краін Усходняга партнёрства, 2012 [Электронны рэсурс]. URL: [https://www.culturepartnership.eu/upload/editor/2017/DOCS/111EaP%20Culture%20Base-line%20Report%20BELARUS%20\(Belorussian\).pdf](https://www.culturepartnership.eu/upload/editor/2017/DOCS/111EaP%20Culture%20Base-line%20Report%20BELARUS%20(Belorussian).pdf) (дата обращения: 01.05.2018).
3. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2005.
4. *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. London : Sage Publ., 1994.
5. *Lash S.* Another Modernity. A Different Rationality. Oxford : Blackwell Publ., 1999.
6. *Urry J.* Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century. London ; New York : Routledge, 2000.
7. *Нордстрем К. А., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. СПб. : СШЭ в СПб, 2005.
8. *Лэндри Ч.* Креативный город. М. : Классика-XXI, 2005.
9. *Parrish D.* T-Shirts and Suits. A Guide to the Business of Creativity. Liverpool : Merseyside ACME, 2006.
10. *Florida R.* The experiential life // *Creative industries* / ed. by J. Hartley. Malden : Blackwell Publishing, 2008. P. 133–147.
11. *Lash S., Lury C.* Global Culture Industry. Cambridge : Polity, 2007.
12. *Nancy J.-L.* The two secrets of the fetish // *J. Visual Art Pract.* 2004. Vol. 3, № 2. P. 139–147.
13. *Nancy J.-L.* Listening. New York : Fordham Univ. Press, 2007.
14. *Farinha C.* Developing cultural and creative industries in Belarus. EU-Eastern Partnership Culture&Creativity Programme, January 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.culturepartnership.eu/upload/editor/2017/Policy%20Briefs/180115%20Creative%20Industries%20Report%20for%20Belarus.pdf> (date of access: 01.05.2018).
15. *Farra E.* Wear White To Vote in the Presidential Election Today – And After That, Too [Electronic resource] // *Vogue*. 8 Nov., 2016. URL: <http://www.vogue.com/article/wear-white-to-vote-womens-suffrage-hillary-clinton-election-day-2016> (date of access: 01.05.2018).
16. *Garcia P.* The Standard Hotel's New Phone Booth Makes Activism Easier Than Ever [Electronic resource] // *Vogue*. 3 Aug., 2017. URL: <http://www.vogue.com/article/ring-your-rep-standard-hotel> (date of access: 01.05.2018).
17. *Carré V.* Le style à l'heure du vote [Electronic resource] // *Le Figaro*. 13 Apr., 2017. URL : <http://madame.lefigaro.fr/style/le-style-a-lheure-du-vote-310317-130762> (date of access: 01.05.2018).
18. *Hartman E.* Should You Dress for Resistance at New York Fashion Week? [Electronic resource] // *Vogue*. 10 Feb., 2017. URL: <http://www.vogue.com/article/new-york-fashion-week-fall-2017-street-style-political-slogan-t-shirts-bags-hats-woke> (date of access: 01.05.2018).
19. *Bennett J., Eaton A., Friedman V.* How the election shaped a collection (Video) [Electronic resource] // *The New York Times*. URL: <https://nyti.ms/2l56gZL> (date of access: 01.05.2018).
20. *Agamben G.* Remnants of Auschwitz The Witness and the Archive // *Homo Sacer III*. New York : Zone Books, 1999.
21. *Luhmann N.* Art as a Social System. Stanford : SUP, 2000.
22. *Пруст М.* В поисках утраченного времени: обретенное время. СПб. : Пальмира, 2016.
23. *Fury A.* Watch Rick Owens Dye His Hair (video) [Electronic resource] // *The New York Times*. 9 March, 2017. URL : <https://www.nytimes.com/2017/03/09/t-magazine/rick-owens-hair-ritual.html> (date of access: 01.05.2018).
24. *Florida R.* The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class? and What We Can Do About It. New York : Basic Books, 2017.
25. *Stern Mark J., Seifert Susan C.* From creative economy to creative society [Electronic resource]. URL : http://repository.upenn.edu/siap_revitalization/6/ (date of access: 01.05.2018).

26. Florida R., Mellander Ch. The Geography of Economic Segregation [Electronic resource]. CESIS Electronic Working Paper Series. Working Paper. № 456. URL: <https://static.sys.kth.se/itm/wp/cesis/cesiswp456.pdf> (date of access: 01.05.2018).
27. Florida R., Mellander Ch. The Geography of Economic Segregation [Electronic resource]. CESIS Electronic Working Paper Series. № 457. URL: <https://static.sys.kth.se/itm/wp/cesis/cesiswp457.pdf> (date of access: 01.05.2018).
28. Kačerauskas T. Social environment of creativity // *Filosofiya. Sociologiya*. 2015. Vol. 26, issue 1. P. 46–54.
29. Kačerauskas T. Sociological investigations of creativity and the concept of creative society // *Sotsiologicheskie issled.* 2017. № 10. P. 26–35. DOI: 10.7868/S0132162517100038.

References

1. Matsevich-Dukhan I. Mapping European Cultural Actors: Addressing the Case of Belarus. In: Bruns B., Happ D., Zichner H. (eds). *European Neighbourhood Policy. New Geographies of Europe*. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 207–230 DOI: 10.1057/978-1-349-69504-1_10.
2. [Analytical Base-line Report on the Culture Sector and Cultural Policy of the Republic of Belarus. The Regional Monitoring and Capacity Building Unit of the Eastern Partnership Culture Programme, 2012]. URL : [https://www.culturepartnership.eu/upload/editor/2017/DOCS/111EaP%20Culture%20Base-line%20Report%20BELARUS%20\(Belorussian\).pdf](https://www.culturepartnership.eu/upload/editor/2017/DOCS/111EaP%20Culture%20Base-line%20Report%20BELARUS%20(Belorussian).pdf) (date of access: 01.05.2018) (in Belarus.)
3. Florida R. *Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The Rise of the Creative Class]. Moscow : Klassika-XXI, 2005 (in Russ.).
4. Lash S., Urry J. *Economies of Signs and Space*. London : Sage Publ., 1994.
5. Lash S. *Another Modernity: a Different Rationality*. Oxford : Blackwell Publ., 1999.
6. Urry J. *Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century*. London ; New York : Routledge, 2000.
7. Nordstrom K., Ridderstrale J. *Biznes v stile fank. Kapital plyashet pod dudku talanta* [Funky Business: Talent Makes Capital Dance]. Saint Petersburg : Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2005 (in Russ.).
8. Landry Ch. *Kreativnyi gorod* [The Creative city]. Moscow : Klassika-XXI, 2005 (in Russ.).
9. Parrish D. *T-Shirts and Suits. A Guide to the Business of Creativity*. Liverpool : Merseyside ACME, 2006.
10. Florida R. The experiential life. In: J. Hartley (ed.). *Creative industries*. Malden : Blackwell Publ., 2008. P. 133–147.
11. Lash S., Lury C. *Global Culture Industry*. Cambridge : Polity, 2007.
12. Nancy J.-L. The two secrets of the fetish. *J. Visual Art Pract.* 2004. Vol. 3, No. 2. P. 139–147.
13. Nancy J.-L. *Listening*. New York : Fordham Univ. Press, 2007.
14. Farinha C. *Developing cultural and creative industries in Belarus. EU-Eastern Partnership Culture&Creativity Programme, January 2018*. URL: <https://www.culturepartnership.eu/upload/editor/2017/Policy%20Briefs/180115%20Creative%20Industries%20Report%20for%20Belarus.pdf> (date of access: 01.05.2018).
15. Farra E. Wear White To Vote in the Presidential Election Today—And After That, Too. *Vogue*. 8 Nov., 2016. URL: <http://www.vogue.com/article/wear-white-to-vote-womens-suffrage-hillary-clinton-election-day-2016> (date of access: 01.05.2018).
16. Garcia P. The Standard Hotel's New Phone Booth Makes Activism Easier Than Ever. *Vogue*. 3 Aug., 2017. URL: <http://www.vogue.com/article/ring-your-rep-standard-hotel> (date of access: 01.05.2018).
17. Carré V. Le style à l'heure du vote. *Le Figaro*. 13 Apr., 2017. URL: <http://madame.lefigaro.fr/style/le-style-a-lheure-du-vote-310317-130762> (date of access: 01.05.2018).
18. Hartman E. Should You Dress for Resistance at New York Fashion Week? *Vogue*. 10 Febr., 2017. URL: <http://www.vogue.com/article/new-york-fashion-week-fall-2017-street-style-political-slogan-t-shirts-bags-hats-woke> (date of access: 01.05.2018).
19. Bennett J., Eaton A., Friedman V. How the election shaped a collection (Video). *The New York Times*. URL: <https://nyti.ms/2l56gZL> (date of access: 01.05.2018).
20. Agamben G. Remnants of Auschwitz The Witness and the Archive. In: *Homo Sacer III*. New York : Zone Books, 1999.
21. Luhmann N. *Art as a Social System*. Stanford : SUP, 2000.
22. Proust M. *V poiskakh utrachennoogo vremeni: obretennoe vremya* [In search of Lost Time: Time Regained]. St. Petersburg : Palmira, 2016 (in Russ.).
23. Fury A. Watch Rick Owens Dye His Hair (video). *The New York Times*. 9 March, 2017. URL : <https://www.nytimes.com/2017/03/09/t-magazine/rick-owens-hair-ritual.html> (date of access: 01.05.2018).
24. Florida R. *The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class? and What We Can Do About It*. New York : Basic Books, 2017.
25. Stern Mark J., Seifert Susan C. *From creative economy to creative society*. URL: http://repository.upenn.edu/siap_revitalization/6/ (date of access: 01.05.2018).
26. Florida R., Mellander Ch. The Geography of Economic Segregation. *CESIS Electronic Working Paper Series*. No. 456. URL: <https://static.sys.kth.se/itm/wp/cesis/cesiswp456.pdf> (date of access: 01.05.2018).
27. Florida R., Mellander Ch. The Geography of Economic Segregation. *CESIS Electronic Working Paper Series*. No. 457. URL: <https://static.sys.kth.se/itm/wp/cesis/cesiswp457.pdf> (date of access: 01.05.2018).
28. Kačerauskas T. Social environment of creativity. *Filosofiya. Sociologiya* [Philosophy. Sociology]. 2015. Vol. 26, issue 1. P. 46–54.
29. Kacerauskas T. Sociological investigations of creativity and the concept of creative society. *Sotsiologicheskie issled.* [Sociological Studies]. 2017. No. 10. P. 26–35. DOI: 10.7868/S0132162517100038.

УДК 324 (4) ЕС

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

МАРИЯ РАКЕЛЬ ФРЕЙРЕ¹⁾

¹⁾Университет Коимбра,
пр. Диас да Сильва, 165, 3004-512, г. Коимбра, Португалия

Рассматривается позиция Европейского Союза (ЕС) относительно своей внешнеполитической деятельности в меняющейся геополитической обстановке. Анализируются вызовы, связанные с этим геополитическим контекстом, и то, как ЕС на них реагирует и отстаивает свою точку зрения. Рассматривается роль ЕС и его развитие с учетом внешнеполитического взаимодействия. Используется рефлексивистский подход, являющийся фундаментальным для понимания политики и рассматривающий внешнюю политическую деятельность как с материальной, так и с нематериальной точки зрения. Основное внимание уделяется эволюции внешней политики ЕС в отношении стран-соседей. Особый акцент делается на Европейской политике добрососедства и прежде всего на таком ее аспекте, как «Восточное партнерство».

Ключевые слова: Европейский Союз; внешняя политика; геополитика; европейская политика соседства; Восточное партнерство.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Национального фонда в рамках Фонда науки и техники (проект PTDC/IVC-CPO/1245/2014).

EUROPEAN UNION FOREIGN POLICY IN A CHANGING GEOPOLITICAL CONTEXT

MARIA RAQUEL FREIRE^a

^aUniversity of Coimbra,
165 Dias da Silva Avenue, 3004-512 Coimbra, Portugal

This article aims at understanding how the European Union (the EU) has been positioning itself regarding its foreign policy agenda in a changing geopolitical context. It analyses the challenges associated to this geopolitical context and how the EU has been responding and positioning itself in face of these challenges. It discusses the actorness of the EU and how this has been developing with a particular focus on its foreign policy. It follows a reflexivist approach looking at foreign policy from both a material and immaterial perspective, fundamental for understanding policies and actions. The article focuses on the evolution of the EU foreign policy towards its neighbours, with a particular emphasis on the European Neighbourhood Policy (the ENP), and the most particularly its Eastern Partnership (the EaP) dimension.

Key words: the European Union; foreign policy; geopolitics; the European Neighbourhood Policy; the Eastern Partnership.

Acknowledgements. This work is funded by *Fundos Nacionais* through FCT – Fundação para a Ciência e a Tecnologia within Project «PTDC/IVC-CPO/1245/2014».

Образец цитирования:

Мария Ракель Фрейре. Внешняя политика европейского союза в изменяющемся геополитическом контексте // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 20–29 (на англ.).

For citation:

Maria Raquel Freire. European union foreign policy in a changing geopolitical context. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 20–29.

Автор:

Мария Ракель Фрейре – доктор наук (международные отношения), доцент; заведующий кафедрой Жана Моне факультета экономики, исследователь Центра социальных исследований.

Author:

Maria Raquel Freire, doctor of science (international relations), associate professor; head of Jean Monnet chair, researcher at the Centre of Social Studies.
rfreire@fe.uc.pt

Introduction

The European Union (the EU) is an international organisation that was born from the ashes of the World War II. The willingness not to repeat the atrocities of a major war accompanied by a vision of integration as a process eventually leading to more cooperation and peace were at the basis of the creation of the European Communities. The economic rationale that has always underpinned of the EU project cannot be detached from the security dimension attached to the cooperation envisaged as a way to avoid the repetition of mass violence in Europe. During the time the project consolidated and expanded with the EU becoming a multidimensional actor with intervention in different areas, from economics to politics, from culture and education to security and defence, from agriculture and fisheries to cyber-space and technological development. This process of change and consolidation, which also included several enlargements, did not take place in a vacuum. The geopolitical context where the EU has been consolidating its presence and the way it has been developing beyond its own geographical space is of much relevance. In fact, the geopolitical context is a fundamental vector to understand policy decisions and actions, as well as how different players position themselves towards different issues.

This article seeks to address the challenges associated to a changing geopolitical context and how the EU has been responding and positioning itself in face of it. It discusses the actorness of the EU and how this has been developing with a particular focus on its foreign policy. It follows a post-positivist or reflexivist approach looking at foreign policy in more encompassing way, where both material and immaterial elements are fundamental for understanding policies and

actions, as further analysed in the text. In this framing, the meaning of the Global Strategy on Foreign and Security Policy adopted in June 2016, as well as the European Security Strategy of 2003 will be discussed, assisting in defining the ground for the EU policies and actions. The article also addresses the evolution of the EU foreign policy towards its neighbours, with a particular emphasis on the European Neighbourhood Policy (the ENP), and most particularly its Eastern Partnership (EaP) dimension. The rationale behind the launch of the ENP is closely linked to the need to develop a framework for relations with the new neighbours, in particular after the 2004, 2007 and 2013 enlargements. These enlargements shifted the map of Europe bringing the EU closer to Russia and making Belarus, Moldova and Ukraine direct neighbours of the Union, with important implications for relations in the «wider» Europe space.

Conceptualizing the neighbourhood has been a challenge since the end of the Cold War and the break-up of the Soviet Union, as it has implied structural changes to the geopolitical map of Europe. The enlargements of the EU and of the Atlantic Alliance have shifted balances and the new configuration of the external border of the EU, together with the new map to the East after the end of the Soviet Union and the way these different countries have developed their foreign policies, all contributed to important changes. In the process of redefining relations between all these actors, the EU and Russia have been central players. These are the main issues that will be analysed seeking to better understand how the EU has been positioning itself regarding its foreign policy agenda in a changing geopolitical context.

Foreign policy framework: a reflexivist approach

Foreign policy is an area of study that has been fast evolving and where studies are increasingly at the intersection of the domestic and the international [1–5]. This means that despite the prevalence of one of these perspectives in the analysis of foreign policy, in general the authors agree that foreign policy decision-making is integrated in the political programme of a government or organisation, and it is not immune to the broader context where it is projected, which might both hinder or project goals and achievements. Moreover, studies have evolved to include not only material dimensions of analysis, such as power relations in a traditional sense or measurements by the number of military equipment, but also immaterial or intersubjective factors, such as the role of motivations or identity in the shaping and making of foreign policy. This literature points to a post-positivist or reflexivist approach that seeks to look at foreign policy in a more encompassing way, where both material and immate-

rial elements are fundamental for understanding policies and actions [6–8]. The case of the EU as a foreign policy actor is illustrative in this regard.

When we discuss foreign policy the level of implementation becomes central as we look at the capacity to act versus the capacity to get results. The former relates to resources and concrete capabilities, human and material, at the disposal of the foreign policy actor to enact policy decisions. The latter relates to the capacity to get results, as to do something does not necessarily mean the capacity to achieve the expected result. This means that in the process of implementing foreign policy there are many times what is generally called in the literature miscalculation or misperception leading to readings of a situation that affect negatively the outcome. Also, in some cases the consequences of a certain decision end up not being the ones initially expected, but turn out to be unintended or undesired consequences leading to a distinct result from the one

expected. This might generate uncertainty and diversion in attaining policy goals, and certainly requires rethinking and repositioning in order to readjust decisions to the policy course envisaged.

In these processes of managing foreign policy shaping and making, issues of communication, perceptions and credibility end up being central. In fact, the way policy advisers, decision-makers and the whole bureaucracy associated to the process of selecting and communicating information are key players informing the process is undeniable. It adds to this central role the issue of propaganda, misinformation and fake news since in many instances these contribute to distorting perceptions and further add to a complex setting for decision-making. The issue of credibility is associated not only to how an international actor performs, but also to the expectations associated to this performance, in terms of how the «capabilities-expectations gap» [9] is managed. Moreover, it should be clear that decisions are not necessarily automatically implemented, and that implementation might thus lead to distorted interpretations or unintended consequences. This is of extreme relevance for a foreign policy actor as this might profoundly affect the context where foreign policy is directed at. The perceptions about geopolitics end up being informed to a great extent by a combination of these three elements: communication, perception and credibility.

It seems clear, therefore, that foreign policy is a moving target and that it is continuously made of choices. This is a daily task involving different actors and with consequences both for domestic politics and international relations. In the words of Christopher Hill, «all FP involves by its very nature not only the routine communication and discussion associated with diplomacy, but also a mix of coercive and cooperative elements, of threats and inducements. That some are so weak as to make few credible threats, and some so strong as to be able to make offers that others cannot refuse, so long as they truly possess sovereignty, i. e. the capacity to make their own decisions, while even great powers need to work with others. The EU has always employed such a mix» [9].

This sets the ground for looking at the EU as an international actor. A fundamental dimension of this particular actor is the fact that it includes 28 states (with Brexit soon making it a Union of 27 member-states), and that these are very different in terms of their size, political weight, economic performance, among others. This has led some authors to talk about a «two-speed Europe», a «multi-speed EU» or as Telò puts it, as «clusters of states» [10, p. 82]. The idea underlining these terms has to do with the fact that foreign policy is an intergovernmental policy-area, meaning that member-states require agreement to proceed with policy decision and implementation. The issue-area at stake

is quite relevant in this regard, as it is easier to find agreement in certain areas to the detriment of others. For example, the dilemmas associated with contradictory trends of more openness and flexibility or of more closeness demonstrate how different categories of issues are dealt with also differently. When discussing issues of new technologies innovation member-states tend to be open and favour interdependence, whereas when we talk about more traditional issue areas, such as security, usually there is a less cosmopolitan and open approach, as this is considered a core area of states' actuation and where sovereignty still plays the most relevant role. These debates basically translate one of the oldest debates in the EU, which relates to the interstate and supranational dimensions of actuation and how these inter-relate. This is a constitutive part of the process of construction of the EU and will remain as such for the foreseeable future. It clearly illustrates the dimensions where member-states are willing to cede their decision-making competencies to supranational institutions and those that keep being the sole prerogative of member-states decision-making.

This setting for the EU foreign policy makes this a multi-faceted policy, as it engages with most areas of actuation of the Union, from security and defence to trade and enlargement. It also makes foreign policy a multi-method policy, meaning that areas such as the Common Foreign and Security policy (CFSP) are within the intergovernmental decision-making domain, while issues related to trade policies, which are a fundamental pillar of the EU actuation, have a supranational or communitarian decision-making procedure. The intergovernmental dimension means the need for a convergence process between the foreign policies of the member-states, and the supranational or neo-institutionalist perspective sees the EU as a more independent actor displaying autonomy from member-states [11]. It should nevertheless be noted that in many areas the EU and its member-states share decision-making competencies, meaning there could be projects running in parallel at the supranational level, but also as a part of national policy. This is the case, for example, of development cooperation or humanitarian aid, where the EU became a major player internationally, and where both the communitarian level and the national level play a role. The EU foreign policy is also multi-level, meaning that it takes place in different levels, from the domestic to the international, and that in fact some internal policies have an externalization dimension (i. e. energy or migration and asylum policies might to a great extent be focused on internal matters, but they also have an external, even transnational, dimension), and the way these are drawn and implemented is fundamental in the assessment of the EU's international actorness.

The EU: defining the actor

The EU's political and security actorness is very much defined by the strategic documents it has adopted regarding security-related matters. There are two main strategic documents issued at the EU level, which have been complemented by other documents that seek to define guidelines for action, roadmaps for implementation, assess progress, and advance with other actions that might be needed. The European Security Strategy [12] is a fundamental document in this regard that sought at the time it was published, back in 2003, to draw the roadmap for decisions on how the EU could define its role in security matters. This strategic document is clearly shaped by the post-11 September 2001 context of terrorist attacks in the United States. Its formulation is very much tied to the responses that were given in this context, including references to «rogue states» – acting against the norms shaping the international system – and the need for these states to return to «normal international society». The document also voices a clear concern with the proliferation of weapons of mass destruction, and the dangers associated with different actors eventually having access to these, as a serious instability factor. The document provided for the need for a strategic culture reflecting the actorness of the EU, and that should be based on early, rapid response capabilities and if need be robust interventions. The latter should be able, thus, to draw on both civilian and military means in order that the EU can be effectively recognised as an international actor with capacity to intervene upon request.

The goal was to further coordination means in terms of the actors and instruments available, as decisions in these matters, as previously analysed, take place at the intergovernmental level. In parallel to the internal efforts at coordination in order to better respond to different challenges, the EU also sought to develop strategic partnerships with different states, in order to build a more coherent set of relations with relevant actors for its international relations. Russia, China, Japan, Canada and India were some of the countries identified as central in this rationale of building a network of partnerships [see for example 13]. In the development of these relations, within the EU and towards the outside world, the ESS underlines the so-called «normative power» along the lines of the principles underpinning the very own the EU project, as central. This means the core the EU values of democracy, the rule of law, respect for fundamental rights and freedoms, among other, should be at the basis of the development of these relations. Also, the document underlines the EU role as a «civilian power» which points to the ability to make use of civilian capacities in its interventions, though not fully dismissing military means. However, it underlined then, as the more recent strategy keeps highlighting, that the civilian

component of the EU is the one that better fits in its conceptualization as an international actor. It should be noted the term «civilian power» applies only to the EU and not to its member-states. The Strategy clearly maps how the EU should approach security issues within and beyond its borders, but it does so in light of long term objectives.

More recently, in June 2016, the EU presented the Global Strategy for the Foreign and Security Policy of the European Union [14], which seeks the Union's affirmation as an international actor in a multipolar international order. The Global Strategy is «global» by designation not just because it aims at a global role for the EU, but also because «it focuses on military capabilities and anti-terrorism as much as on job opportunities, inclusive societies and human rights. It deals with peace-building and there resilience of States and societies, in and around Europe» [14, p. 4]. The EU seeks to promote multilateralism in international affairs, as well as further regional integration mechanisms as part of a renewed global governance system. This becomes clear in Federica Mogherini's (High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy / Vice-President of the Commission) foreword: «We will engage in a practical and principled way, sharing global responsibilities with our partners and contributing to their strengths. We have learnt the lesson: my neighbour's and my partner's weaknesses are my own weaknesses. So we will invest in win-win solutions, and move beyond the illusion that international politics can be a zero-sum game» [14, p. 4].

However, if the document aims at providing a roadmap for the EU's affirmation internationally, there have been some concerns on how this might be pursued. Two main issues have arisen regarding the implementation of the goals defined: first, that the EU has to work more on its power of attraction as with the recent economic and financial crisis which led to more profound social crisis, Brexit and political changes within some of the member-states, it might lose attractiveness to other players, in particular the so-called emerging powers, with a more diverse and dynamic economic potential. As stated by Sven Biscop [15] the «decrease in the EU's influence in its neighbourhood is matched by a rise in influence of other powers that are sought for as security providers». This idea leaves very clear the need for a renewed strategy towards the neighbourhood, where engagement aiming at stabilisation should be key. The challenges in the EU's neighbourhood attest are clearly to this need. This leads us into the analysis of the European Neighbourhood Policy (the ENP), and in particular of the Eastern Partnership (the EaP) as an example of how the EU defines foreign and security policy towards its neighbourhood.

Changing geopolitics: enlargement and the new neighbourhood

The successive waves of enlargement of the EU have brought its external borders closer to Russia, whereas significantly changing the map of Europe by the alteration in the borders design of this international organisation. The enlargement policy has had as a consequence the perpetuation of the inside/outside dynamic in the sense that there are countries which accession process is completed and become full members, and there are others whose aspiration at membership is public but their membership might never be accomplished. In order to minimise the effects of non-membership and facing the fact that the EU cannot simply enlarge with no restraints, the Union created the European Neighbourhood Policy (the ENP). The rationale behind the launch of the ENP is closely linked to the need to develop a framework for relations with the new neighbours, in particular after the 2004, 2007 and 2013 enlargements. These enlargements, as mentioned, shifted the map of Europe bringing the EU closer to Russia and making of Belarus, Moldova and Ukraine direct neighbours of the Union.

The ENP emerged as the «Wider Europe – Neighbourhood: A new Framework for relations with our Eastern and Southern Neighbours» initiative in early 2003 [16], initially aimed at Belarus, Moldova, Russia and Ukraine, with the goal to further cooperative relations with these countries. The initiative was later extended to the southern Mediterranean countries, recognising the Med-dimension as fundamental for security and stability of the EU and its external borders. The South Caucasus countries were added to the policy in 2004. The ENP was formally launched in 2003 and consolidated in 2004 [17]. The ENP has two main dimensions, a southern one, including the Mediterranean countries and the Middle East, and an eastern dimension including Belarus, Moldova, Ukraine and the three South Caucasus states, namely, Armenia, Azerbaijan and Georgia. Russia was left out of this neighbourhood package as it wanted a different framework for relations with the EU [18], which became a policy of positive differentiation since Russia is recognised as a strategic partner with a dimension and characteristics that make it distinct from other countries in the neighbourhood. «The EU and Russia have decided to develop their strategic partnership through the creation of four common spaces as agreed at the St. Petersburg Summit in May 2003. Russia and the enlarged European Union form part of each other's neighbourhood. It is in our common interest to draw on elements of the ENP to enrich work on the common spaces, notably in the areas of cross-border and sub-regional co-operation. The EU and Russia need to work together, as neighbours, on common concerns» [17, p. 6].

The Strategic Partnership with Russia was developed, but since the late 2013 crisis in Ukraine and its continuation in February – March 2014, relations have

been stalled. The imposition of sanctions by both these actors and the difficult political relations have made of the current period the most difficult one since the end of the Soviet Union. This new context in the EU – Russia relations resembling old days of frosty relations has been contributing negatively for the overall relations developed in the wider Europe area, meaning that not only the EU – Russia relations are directly affected, but also the countries in the neighbourhood have to manage the context of tension that is currently in place.

The ENP sought the building of a «ring of friends» [19], where the values cherished by the EU could be promoted and shared more widely in the building of close relations between these states and the EU. Co-operation should translate into effective measures regarding economic and political integration, meaning the ENP is an encompassing policy that goes beyond the more traditional area for cooperation as promoted by the EU, regarding trade and economic relations, to include political, social and other policy issues. However, the ENP always carried attached to its goals the underlining principles of the EU integration and co-operation – the normative dimension of the EU – as made clear in the commitment it foresees regarding the sharing of values such as the rule of law, good governance, respect for human rights, the promotion of good neighbourly relations, and principles of market economy and sustainable development. The ENP priorities are thus the fostering of what became known as the three Ps policy: proximity, prosperity and the fight against poverty. This is in line with the ESS of 2003 as it is with the Global Strategy of 2016, showing that the underlining objectives remain clear, although the ability to implement these have become increasingly under pressure. The goal of avoiding new division lines with the changes in the geopolitical configuration of this actor was very much present along the way. These reasons the ENP became a policy built around a bilateral dimension, in terms of the agreements signed with each of the countries in the Neighbourhood, described as tailor-made and promoting a bi-directional relationship on the basis of «joint ownership» of these processes. Simultaneously, the policy became a multilateral platform seeking to promote regional cooperation initiatives, given not only the geographic proximity, but the concrete acknowledgment that many interactions have a transnational character and make more sense if included in a regional framing. Soon it became clear that fostering cooperation at the regional level feeds also into bilateral dynamics. These multilateral platforms have evolved and are now organised under four main areas: Platform 1. Democracy, good governance & stability. Platform 2. Economic integration & convergence with the EU policies. Platform 3. Energy security. Platform 4. People-to-people contacts. The scope of these areas of cooperation is a reflex of the

wide partnership that the EU seeks to develop with these countries. To better address the concerns and needs of the Eastern partners, the EU launched the Eastern Partnership (EaP) initiative at the 2009 Prague Summit, which is directed at the six post-Soviet states mentioned – Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova and Ukraine.

To fulfil its objectives the EaP aimed at 1) reinvigorating existing relations by giving them more consistency in the form of the signature of Partnership and Cooperation Agreements and Action Plans to implement the objectives defined; 2) at building on the enlargement experience in the sense that despite not offering membership, the EU wanted the policy not to become a «second-best» option but to be read by the neighbours as a targeted and encompassing policy offering cooperation in a wide array of areas and allowing for deep integration even if not envisaging formal membership; and 3) at increasingly promoting an alignment of reforms and policies of these neighbouring countries to those of the EU, so fostering the *acquis communautaire* as the basis for the consolidation of closer relations. As the ENP was the EU initiative it is understandable that for its enactment the EU sought the promotion of its principles and reforms in the neighbourhood countries in the direction of closer proximity to the EU «ways of doing». This practice, which we might call of «transformational diplomacy» – this term was first used by Condoleezza Rice in 2006 in the context of developments in Iraq and Afghanistan – has been object of criticism as promoting a policy based on «model export» and imitation practices from the EU. The idea is that by imitation the replication of procedures might render relations easier, allowing for a closer rapprochement in procedures. However, the «export» of the EU norms and «ways of doing» was seen by some as interference in domestic practices. In face of criticism the EU has always underlined it is fostering cooperation and this has to come from the neighbouring countries, thus dismissing «imposition practices» in what it describes as balanced relations. This is a debate that remains in place, though the new Global Strategy seeks to reframe the EU approach with the promotion of «resilience» as a way to foster local development and emancipation, instead of transformation. To which extent this will promote a rather different approach from the EU is to be seen, as projects-development keeps being one of the main operational tools at the EU's disposal. A recent trend that should be noted here is the fact that increasingly the actuation of the EU is becoming more technical (project-based) and less political, thus losing the pejorative connotation of imposition of governance schemes [20].

The instruments available have been the Partnership and Cooperation Agreements (the PCA), which are legally binding agreements between the EU and these third countries where the EU works to support the dem-

ocratic and economic development of a country and sets out the partner country's agenda for political and economic reforms, with short and medium-term priorities of 3 to 5 years. The Action Plans, which define the roadmaps for implementation include the principle of differentiation and progress based on the definition of benchmarks. This means that the most progress is achieved, the most benefits might be negotiated and put in place. It is like a rewarding format in such a way as it constitutes a concrete motivation for implementing reforms, which in many cases are not easy to pursue, generating political or social resistance. These agreements are jointly negotiated with a view to promote «joint ownership» – this is the idea mentioned before that these agreements are the responsibility of both the EU and the partner country – reflecting local needs and capacities, as well as the ability of the EU to respond to these. To this effect, priorities are jointly defined regarding mainly political and economic reforms.

Further to these agreements, the EU established the so called Association Agreements which envision deeper informal integration. These are «International agreements concluded with third countries with the aim of setting up an all-embracing framework to conduct bilateral relations. These agreements normally provide for the progressive liberalisation of trade (to various degrees: Free Trade Area, Customs Union...): offering Most Favoured Nation treatment; intention to establish close economic and political cooperation; creation of paritary bodies for the management of the cooperation, competent to take decisions that bind the contracting parties; providing for a privileged relationship between the EU and its partner; and since 1995 the clause on the respect of human rights and democratic principles is included and an essential element» [21].

According to the EU sources, in a large number of cases, the Association Agreement replaces a cooperation agreement thereby intensifying the relations between the partners. Currently the EU has three Association Agreements in place, namely with Georgia, Moldova and Ukraine. However, the challenges associated to the implementation of these agreements are many, and the recent halting in financial support to Moldova given the non-fulfilment of the agreed conditions is an example of how politics of conditionality have been part of the process to assure a sustainable reform process in these partner countries and that the EU funds are adequately used. This suspension of funds had to do with the lack in reforms in the justice sector as foreseen for the years 2014 and 2015. The last 28 million in support to this process were not transferred from the EU to the Moldovan authorities. At the time, the Head of the EU Delegation to the Republic of Moldova, Ambassador Peter Michalko commented that: «The EU continues to support Moldovans as they

work hard for a better future. We are now reflecting on how we can assist the citizens in the coming years. We want to give priority to projects that directly improve the lives of Moldovans» [22–23]. The same procedure is being applied regarding the need to reform the law on the voting system and seriously address corruption. The EU might hold 100 million euros if adequate measures are not taken by the Moldovan authorities to address these issues [24–25]. This form of pressure was also used back in 2015 following the banking scandal and the need to form a new government [see for example 26]. These procedures demonstrate the other side of the rewarding policy, when states are non-compliant with the agreed measures. The EU has been more attentive to the monitoring of progress and assessment of reforms' implementation putting pressure on these countries' authorities to closely accompany the reforms. Responsibility and accountability become in this way important weight-measuring of progress for all actors involved. This close monitoring seeks also to assist in the fight against corruption, which is well-known to be a widespread problem.

The heterogeneity and diversity of the Eastern Partnership countries is well-known and this is reflected in different levels of intensity of the EU relations with them. As mentioned before, the higher level of integration with partner countries are the Association Agreements which the EU has signed with Georgia, Moldova and Ukraine. The framework for relations with the other Eastern Partnership countries, namely Armenia is the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement (CEPA), signed in November 2017 and which has as a specific trait the fact that it does not include economic clauses that would clash with Armenia's membership of the Eurasian Economic Union. This has emerged as an example of a bilateral agreement between the EU and a partner country that does not need to clash directly with other integration projects being promoted in the Eurasian space, allowing Armenia to both develop relations with Russia, for long a close partner, whereas also developing closer cooperation with the EU.

The relationship with Azerbaijan is framed under the Partnership and Cooperation Agreement which became in force in 1999 and follows the broad scope defined for these agreements. From November 2016 it was agreed to launch negotiations on a comprehensive agreement, with the goal of furthering cooperation between the two parties, with a particular focus on energy relations given the country's central role in bringing energy from the Caspian to the EU countries. Moreover, conflict settlement is also on the agenda with the EU promoting confidence-building activities and supporting the Minsk Group for the Nagorno-Karabakh conflict [27]. This ambitious agenda has nevertheless not been matched by big steps in relations, thus this new commitment to an enhanced partnership is to be fol-

lowed, particularly regarding the areas for cooperation that will gain more relevance. This will allow to define better the framework for the bilateral relationship, either framed in a more economic and energy-oriented cooperation, or going beyond these areas to include other political issues.

The case of Belarus is a particular case in the Eastern Partnership framework as the Partnership and Cooperation Agreement between the EU and Belarus was signed in 1995 but not ratified by the EU on the grounds of limited political rights and other freedoms in the country, such as political prisoners and the holding of electoral processes described as not free and fair. In 2004, the official position from the Commission towards Belarus stated that «Belarus and the EU will be able to develop contractual links when Belarus has established a democratic form of government, following free and fair elections. It will then be possible to extend the full benefits of the European Neighbourhood Policy to Belarus. Meanwhile the EU will consider ways of strengthening support to civil society in ways described below» [17]. The main elements described pertain to democratisation issues, particularly the holding of free elections and the development of civil society. Moreover, Belarus and Russia are parts of the Union State and Belarus is a member of the Eurasian Economic Union which brings added constraints to the development of closer relations with the EU. Nevertheless, the example of CEPA might be followed in case the EU and Belarus move ahead with their cooperation. In recent years there have been signals of progress, with a Mobility Partnership concluded and visa facilitation and readmission agreements being negotiated. The EU – Belarus Human Rights Dialogue was resumed in July 2015 at the initiative of Minsk and political prisoners have been released. All these steps mean that the restrictive measures the EU imposed on the country after the 2010 elections described as unfair have mostly been lifted in February 2016 (the arms embargo and some personalities' bans remain in place), with economic cooperation being devised in coordination with other financial institutions, such as the European Investment Bank (EIB) and the European Bank for Reconstruction and Development (the EBRD). In 2016, and in face of favourable developments, the EU – Belarus Coordination Group was established to oversee progress in relations and contribute to further cooperation [28]. Belarus has been promoting the idea that the EU and the Eurasian Economic Union cooperation should further develop creating a more integrated space from Lisbon to Vladivostok. According to Belarusian sources, «driven by the necessity to avoid new dividing lines in the region, Belarus is a firm advocate of the “integrating integrations” idea in the EaP framework. In the long run it could provide a basis for convergence of the integration processes in the European Union and the Eurasian Economic Union,

and creation of a common economic and humanitarian space between Vladivostok and Lisbon» [29].

Conceptualizing the neighbourhood has been a challenge since the end of the Cold War and the breakup of the Soviet Union, as it has implied structural changes to the geopolitical map of Europe. The enlargements of the EU and of the Atlantic Alliance have shifted balances. The new configuration of the external border of the EU, together with the new map to the East after the end of the Soviet Union, and the way these different countries have developed their foreign policies, all contributed to important changes. In the process of redefining relations between all these actors, the EU and Russia have been central players. The «common neighbourhood» came to being after the enlargement of the EU in 2004 (and subsequent enlargements) that brought the EU border closer to the post-Soviet countries that are now part of the Eastern Partnership of the EU. These have developed relations with both the EU and Russia though in different intensities.

The late 2013–2014 events in Ukraine, and the instability that remains in the eastern parts of the country show the difficulty in managing this neighbourhood, towards which both the EU and Russia have defined priority goals. In fact, just as much as the EU claims stability at its neighbouring areas is fundamental for its own stability, developing therefore cooperation programmes directed at these states, Russia also understands its neighbourhood, and particularly the countries in the post-Soviet space as long-term partners, seeking to promote cooperation and stability through good neighbourly relations. The end goals are not very much different, but the means and the programmes defined for the development of cooperation with neighbours in the EU and Russia have been clashing. Ukraine became recently a good illustration of these clashing projects, with the decision to opt over the signature of an Association Agreement and Deep and Comprehensive Free Trade Area with the EU or its integration into the Eurasian Economic Union, furthering rapprochement to Russia, putting the country up to a choice that meant the exclusion of the «other».

This means that Ukraine's option for one or the other project was exclusive and this put a lot of pressure on the local authorities to define the course the country wanted to follow. It should be noted that since 1991 Ukraine had mainly pursued a multivectoral foreign policy, where it tried to balance relations both with the EU and Russia. However, the proposal that was put on the table required a choice, and this highlighted the tension that has underlined relations.

The different projects the EU and Russia have developed for the common neighbourhood translate these tensions whereas also leaving windows for cooperation that should not be simply shut. This debate has been conceptualized around the «wider Europe proposal» as promoted by the EU and the «greater Europe proposal» as promoted by Russia [30–31]. The former reads wider Europe as including the EU, the EaP countries and Russia in a web of interdependent relations that should make cooperation the end goal in relations. The latter reads greater Europe as a multipolar Europe where Russia, Turkey and the EU should be partners in defining cooperatives approaches. In a simple way, what these two understandings demonstrate is that the way Europe is understood in Moscow and in Brussels is not exactly the same, not so much in terms of physical borders, but rather in terms of political projects and of how relations should develop [32]. This points to some extent to the politics of «othering» in foreign policy, which have clear geopolitical implications, meaning that the «shared» space becomes an area of contestation by these two big players, rendering limited the scope for action of the EaP countries. It is important to underline here that neither Russia nor the EU have unlimited influence in the shared neighbouring area, which strengthens the argument that these countries have agency, i. e. despite external pressure they manage to some extent to define courses of action and policies. As analysed before the level of political independence is different from country to country in the EaP area, given mainly political, economic and security considerations, but these countries should not be read as simple actors performing the role assigned by bigger players.

Conclusion: EU foreign policy towards its Eastern neighbours – building bridges?

The EU has become an actor with an increased presence in foreign affairs, in different issue-areas and through different instruments. In this article we sought to understand how this actor can be defined and what this implies in terms of its actuation, particularly towards its Eastern neighbours. As the literature makes it clear, the EU is a multi-faceted, multi-method and multi-level actor in terms of its foreign policy, as it deals with different areas from trade to environment or from education to security and defence. However, in dealing with different matters, the EU has a complex decision-making process and its decisions regarding foreign and se-

curity policy fall within the interstate level, meaning that there is the need to negotiate political courses of action among all member-states. On the one hand, this implies time-consuming processes that many times allow only vague wording in documents. On the other hand, making of decisions have the strength of gathering wills and thus becoming also stronger in terms of their appeal and potential. Through the ENP and then more specifically the EaP the EU put in place a policy of cooperation with these states, that despite not envisaging membership, sought to open cooperation channels allowing for close proximity between the EU and

these partner states. At the time, Romano Prodi, the president of the Commission stated that the EU was offering «all but the institutions», exactly putting into simple words the underlining principle of furthering cooperation without formal integration. As the EU put it, the end goal was the promotion of more trade, more education exchanges, more political reforms in what became known as the «more for more» rationale – the more we get closer, the deeper our relations can be. The harmonization of procedures is one of the main elements in the EU's policy seeking to make it easier to give substance to the «more principle». However, as analysed, some have raised criticism about the extent to which these processes are indeed jointly owned or more part of a one-way process where the EU model is dominant.

Despite the debates, the EaP has allowed the development of differentiated relations with the EaP countries, with the Association Agreements signed with Georgia, Moldova and Ukraine signalling the deeper level of cooperation achieved this far. As analysed, nevertheless, not without constraints, as the case of Moldova suggests. As for Armenia it achieved also a considerable level of cooperation in the new format

of a Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement. Azerbaijan and Belarus are the two partners with which cooperation is least developed, though in both cases, and again at different speeds, cooperation has been intensifying. These differences signal to some extent the flexibility that came to characterise this policy, in the sense that relations with each partner are designed at the convenience of both the EU and the state concerned, as well as the relevance that the partners recognise to developing closer relations with the Union. The formula is not perfect, as we have seen, but it has been providing a solid ground for the development of relations between the EaP countries and the EU. It has also defined the EU as an active actor beyond its own borders. In the changed geopolitical context, after the EU enlargements and more assertive engagement of Russia in international affairs, this framework has assured a relevant role for the EU in its vicinity, not meaning though its policies have always been successful. The various crisis in its neighbourhood, such as in Ukraine, but also in its southern dimension, just as Libya or Syria, clearly demonstrate the many challenges the current geopolitical context offers.

References

1. Freire M. R. Russian Foreign Policy in the Making: the Linkage between Internal Dynamics and the External Context. *International Politics*. 2012. Vol. 49, No. 4. P. 1–16.
2. Saideman S., Ayres R. W. Pie Crust Promises and the Sources of Foreign Policy: the Limited Impact of Accession and the Priority of Domestic Constituencies. *Foreign Policy Analysis*. 2017. Vol. 3, No. 3. P. 189–210.
3. Alons G. Predicting a State's Foreign Policy: states Preferences between Domestic and International Constraints. *Foreign Policy Anal.* 2007. Vol. 3, No. 3. P. 211–232.
4. Rosenau J. *The Study of World Politics: Theoretical and Methodological Challenges*. London : Routledge, 2006.
5. Putnam R. D. Diplomacy and Domestic Politics: the Logic of Two-Level Games. *Int. Organization*. 1988. Vol. 42, No. 3. P. 427–460.
6. Hudson V. *Foreign Policy Analysis: Classic and Contemporary Theory*. Lanham ; Boulder : Rowman and Littlefield Publ., 2007.
7. Roxanna S. The Discursive Origins of a Doctrine: Norms, Identity, and Securitization under Harry S. Truman and George W. Bush. *Foreign Policy Anal.* 2007. Vol. 3, No. 3. P. 233–254.
8. Houghton D. Reinvigorating the Study of Foreign Policy Decision Making: Toward a Constructivist Approach. *Foreign Policy Analysis*. 2007. Vol. 3, No. 1. P. 24–45.
9. Hill C. *The Changing Politics of Foreign Policy*. Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2003.
10. Telò M. *Globalisation, Multilateralism, Europe: Towards a Better Global Governance?* London : Routledge, 2016.
11. Foradori P. R., Scartezzini R. (eds). *Managing a Multilevel Foreign Policy: the EU in International Affairs*. Plymouth : Lexington Books, 2007.
12. A Secure Europe in a Better World. *European Security Strategy* (12 December 2003, Brussels). Brussels, 2003.
13. Grevi G., Khandekar G. *Mapping EU Strategic Partnerships*. Madrid : FRIDE, 2010.
14. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. *Shared Vision, Common Action: a Stronger Europe*. 2016. June. P. 13–16.
15. Biscop S. Locked out of the neighbourhood. In European Council on Foreign Relations. *Rethinking European Futures: Eight Scenarios on European Foreign Policy Challenges 2025*. 2017.
16. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament – Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours (11 March 2003, Brussels). Brussels, 2003.
17. Communication from the Commission, European Neighbourhood Policy – Strategy (12 May 2004, Brussels). Brussels, 2004.
18. Arbatova N. A. A Russian view on the Eastern Partnership. *Clingendael Magazine*. URL: <https://www.clingendael.org/publication/russian-view-eastern-partnership> (date of access: 10.02.2017).
19. Prodi R. A Wider Europe – A Proximity Policy as the key to stability. Peace, Security And Stability International Dialogue and the Role of the EU. *Sixth ECSA – World Conference, Jean Monnet Project* (5–6 December 2002, Brussels) Brussels, 2002.
20. Schumacher T. *How to make the European Neighbourhood Policy fit for purpose*. Europe's World, 25 June 2015.
21. *Association Agreements*. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/association/docs/agreements_en.pdf (date of access: 15.11.2016).

22. *Moldova: EU cuts budget support programme for justice reforms*. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/moldova/33723/moldova-eu-cuts-budget-support-programme-justice-reforms_en (date of access: 12.10.2017).
23. *EU Withholds Loan To Moldova Over Lack Of Justice Reforms*. URL: <https://www.rferl.org/a/eu-withholds-moldova-loan-justice-reforms/28787206.html> (date of access: 12.10.2017).
24. EU to Moldova: sort out corruption or € 100 m funds will stay blocked. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/06/eu-to-moldova-sort-out-corruption-or-100m-funds-will-stay-blocked> (date of access: 07.04.2018).
25. Moldova will not receive EU funding this year. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-moldova-eu-loans/moldova-will-not-receive-eu-funding-this-year-pm-idUKKBN1CB1FW> (date of access: 07.04.2018).
26. *EU freezes funding for Moldova*. URL: <https://www.euractiv.com/section/europe-s-east/news/eu-freezes-funding-for-moldova/> (date of access: 11.07.2015).
27. *Facts and Figures about EU – Azerbaijan Relations*. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eap_summit_factsheet_azerbaijan_eng.pdf (date of access: 12.01.2018).
28. *EU – Belarus Relations*. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/35606/EU-Belarus%20relations (date of access: 12.01.2018).
29. European Union. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus*. URL: <http://mfa.gov.by/en/organizations/membership/list/f1d2b5ac3e69e36f.html> (date of access: 12.01.2018).
30. Averre D. *The EU and Russia: managing the new security environment in the wider Europe*. Sieps : Swedish Inst. Eur. Policy Stud., 2016.
31. Sakwa R. Looking for a greater Europe: from mutual dependence to an international regime. *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. P. 315–325.
32. Freire M. R. Ukraine and the re-structuring of east-west relations. In: *The Russian Challenge to the European Security Environment*. Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2017. P. 189–210.

Received by editorial board 23.03.2018.

УДК 94 (476) «19»

КОНСТАНТНОСТЬ ИСТОРИИ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

Утверждается, что белорусская государственность трансформировалась из идеи в политическое движение и историческую реальность после третьего раздела Речи Посполитой и перехода белорусских территорий Российской империи. Именно тогда широкие круги белорусского населения получили возможность учиться в университетах Петербурга, Москвы, Киева. Здесь оформились первые национальные белорусские движения, из которых выросли затем политические партии. Автор исходит из убеждения, что Беларусь – советский проект. БНР и БССР формировались в политических условиях после победы Октябрьской революции 1917 г. В 1920-е годы союзное правительство свершило «приращение» белорусской территории, в 1939 г. Западная Беларусь была воссоединена с Восточной, тем самым стране была обеспечена территориальная целостность. Автор убежден, что главное историческое достижение – суверенитет Беларуси – должен быть защищен всеми имеющимися средствами.

Ключевые слова: БНР; БССР; Республика Беларусь; суверенитет.

THE CONSTANCY OF THE HISTORY AND CONTRADICTIONS OF ITS INTERPRETATIONS

I. I. ANTONOVICH^a

^aInstitute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences,
6 Fotievoi Street, 1 building, Moscow 119333, Russia

The article is based upon the fundamental thesis that Belorussian statehood has been transformed from the political idea into political movement and historical reality after the third division of *Rech Pospolitaya* and the appropriation of Belorussian territories by the Russian Empire. Only then vast strata of the Belorussian population has been given the chance to send their children to the universities of Saint Petersburg, Moscow, Kiev. First nationalist movements have been formed here which formed the basis of the political parties. The author gives consistent argumentation to the idea that Belarus is a Soviet project. In the 20s the Moscow government has increased Belorussian ethnical territories, in 1939 the Western and Eastern parts of Belarus were reunited, having thus secured the territorial integrity of the country. It is the author's conviction that major historical achievement in the sovereignty of Belarus must be defended by all means.

Key words: BNR; BSSR; the Republic of Belarus; sovereignty.

История неповторима, а ее концепции альтернативны и очень часто взаимоисключающи. Победители пишут, как правило, одну историю, побежденные – другую. Альтернативные варианты как раз у побежденных: как могло бы быть, но почему-

то не получилось. В белорусской, русской истории, а также белорусско-русских отношениях хватает и тех, и других. Что касается суверенитета республики Беларусь, то здесь все ее граждане – победители, поэтому сегодня целесообразно вести

Образец цитирования:

Антонович И. И. Константность истории и противоречивость ее интерпретаций // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 30–34.

For citation:

Antonovich I. I. The constancy of the history and contradictions of its interpretations. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 30–34 (in Russ.).

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь и Российской Федерации, действительный член Российской академии социальных наук; главный научный сотрудник.

Author:

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor, honoured scientist in the Republic of Belarus and Russian Federation, full member of Russian Academy of Social Sciences; principal researcher.
iantonovich@mail.ru

речь о том, что социологи называют резидуалиями, постоянными выводами, на которых и строятся научные концепции.

Сейчас Беларусь находится на границе мощного внутриславянского разлома на западную (католическую) и восточную (православную) ветви. Этот разлом в какой-то мере повторяет великий и трагический раскол христианства в первые 500 лет его существования. Православное христианство после падения Византийской империи в середине второго тысячелетия образовало константную историческую реальность – русский мир, который до сих пор принимается западной его ветвью как враждебный. Существование православного русского мира – духовной основы восточного славянства – своего рода стена, охраняющая самобытность Руси от разного рода враждебных воздействий в целях использования ее национально-культурной идентичности и интеграции в западнокатолический мир на условиях подчинения.

В силу этого разлома исторические, религиозные, этнические конфликты на территории Беларуси приобретали особую интенсивность. Ее границы были неустойчивы и неопределенны вплоть до образования БССР, последующего укрепления ее территории в 20-е годы прошлого века, воссоединения Западной и Восточной Беларуси в 1939 г. Здесь также важно отметить, что подавляющее большинство населения Беларуси со времен крещения Киевской Руси – государства-праматери восточного славянства – было православным. Именно эта конфессия сформировала белорусскую национальную, культурную идентичность. Со времени появления первых признаков протогосударственности до нынешнего ее облика белорусская государственность формировалась в лоне православной русской государственной традиции – киевско-русской, русско-имперской, советской. Автор данной статьи не историк, а социолог. Выводы, к которым он приходит в своих научных исследованиях, публикациях, его система убеждений – продукт социологического подхода к изучению избранной темы. В связи с этим можно утверждать, что белорусскость как социально-исторический феномен и культурная реальность изучена достаточно плохо. После объявления суверенитета Беларуси в 1991 г. инициативу изучения этой проблематики перехватили публицисты. Выдавая желаемое за действительное, они дали простор своим фантазиям о прошлом. Созданное ими информационное поле стало серьезным препятствием на пути объективного изучения процессов белорусизации.

Глорификацией отдельных имен государственных деятелей (предположительно белорусского происхождения) Великого княжества Литовского и Речи Посполитой они подменили изучение народной белорусской стихии, ее души, помыслов,

христианской этики и культуры, глубоко религиозной и православной на протяжении ее существования.

В свое время автору удалось много поработать с архивными материалами, в том числе и закрытыми. Хочется сделать однозначный вывод: было бы напрасно искать у государственной матрицы ВКЛ и Речи Посполитой какие-либо признаки белорусскости. Со времен Кревской (1385 г.), Люблинской (1569 г.) и особенно Брестской (1596 г.) уний западнорусский массив подвергался мощному возрастающему ополячиванию и окатоличиванию. Особому давлению подверглась шляхта: без принятия католичества невозможно было получить престижную должность. Религиозный в этой среде прозелитизм был массовым, правда, не только в католичество, но и в протестантизм, поскольку Реформация и Контрреформация оставили свой след в белорусском сознании. Православная белорусская народная масса была оставлена без лидеров и пророков. Движение протеста в виде православных братств имело влияние, но оно не было решающим, и сломать государственную ассимиляцию, ставшую стратегической целью Речи Посполитой на территориях украинской и белорусской народности, они не могли.

Многое указывает на то, что в последние десятилетия существования Речи Посполитой можно говорить о культурном геноциде зарождающегося белорусского этноса. Дело не только в том, что в этот период государственность ВКЛ была отодвинута на второй план, превращена в простую формальность, кроме того, существовал запрет на использование древнебелорусского языка в качестве государственного. Польские лендлорды, владевшие огромными пространствами наиболее плодородных земель в этом регионе, не любили заниматься сельским хозяйством, предпочитая жить в городах, занимаясь там политикой во всевозможных конфедерациях. Земли сдавались в аренду часто инородному национально-этническому и религиозному меньшинству. Арендаторы в XVII–XVIII вв. составляли очень активный социальный слой, безжалостно эксплуатировавший крестьян.

В их владения попали даже православные храмы. Открывая их по праздникам, арендаторы брали плату с прихожан, в том числе и за свершение обрядов крещения, венчания, отпевания усопших. Если у бедняков не было денег, их детям отказывали в крещении, они могли вырасти без церковного имени, некрещеных усопших хоронили за кладбищенской оградой, брак не считался законным, т. к. не был освящен церковным таинством. Данный этап в истории становления белорусского этноса нельзя обойти, поскольку он объясняет многочисленные межнациональные бунты на территории современной Беларуси.

Движение православных белорусских масс к просвещению и через него – к национальному самосознанию началось с присоединения западнобелорусских и украинских территорий к России после разделов Речи Посполитой. Обеспеченные слои населения стали отправлять своих детей в университеты Москвы, Петербурга, Киева. Очень важно, что в студенческой среде начали образовываться первые организации белорусской национальной идентичности, например «Заглянет солнце и в наше оконце», «Гомон». Хотя это было явное меньшинство, в нем зарождалось устойчивое национальное самосознание. Люди, сознание которых формировалось в этих организациях, позже составили костяк белорусских политических организаций в России после 1905 г.

Русские революции 1917 г. вызвали мощный национальный подъем в ослабленной империи, когда каждая из национальностей считала, что ей легче было бы избежать социально-экономических неурядиц, потерь на военном фронте, если бы они решали свои дела автономно, вне пределов Российской империи. Именно поэтому большинство этих движений включили требование о государственности в свои программы. Большевики, изначально настроенные на мировую революцию, тем не менее были против распада империи на ряд государств, предпочитая широкую автономию наций в пределах федерального государства.

Новая форма объединения была определена В. Лениным как полная автономия вплоть до права выхода. Однако тут же Владимир Ильич оговорился, что пролетариат объективно заинтересован в сохранении межнационального единства и сотрудничества. При этом Ленин безжалостно обличал полицейско-бюрократический режим в России, назвав империю тюрьмой народов. Понятно, что многие из руководителей автономных движений склонялись в пользу такого решения, полагая, не без оснований, что новое межнациональное влияние будет коренным образом отличаться от старых имперских структур.

Есть сведения, что изначально об автономии размышлял и будущий лидер Польши Ю. Пилсудский, о ней говорили и сторонники белорусской государственности. Один из них, А. Луцкевич, предположительно даже встречался с В. Лениным, хотя документальных подтверждений этой встречи не имеется.

В своей работе «Беларусь в глобальном мире», вышедшей в 2014 г., мы обосновываем тезис, что белорусская государственность – советский проект. Дело в том, что Первый всебелорусский конгресс 1917 г., заявивший о белорусском движении государственности, был создан с разрешения Наркома по делам национальностей И. Сталина. Расформирован он был тоже большевиками, но это были

фрондирующие большевики из Облискомзапа, организации Западного фронта. Лидеры этой организации – В. Кнорин и А. Мясникян – отказывались признавать белорусов сформировавшейся нацией. В итоге после достаточно длительной борьбы их точка зрения была отвергнута как в Петрограде, так и в Москве. Эта информация подтверждается многочисленными источниками.

Белорусская народная республика была провозглашена в марте 1918 г. в условиях, когда Беларусь находилась под немецкой оккупацией. В силу сложившихся обстоятельств БНР заняла антирусскую, антибольшевистскую позицию, что усложняло возможность деловых контактов между двумя течениями в белорусском национальном движении: мелкобуржуазным и пролетарско-большевистским. Их противоречия породили раскол в академической и общественной среде, которые не преодолены и до сих пор.

Выполнять некоторые вспомогательные функции немецкие оккупанты активистам БНР разрешили. Однако характерно, что, как свидетельствуют архивы, попытки сформировать армию БНР полностью провалились.

Предложения белорусам вступить в белорусскую армию наталкивались на прямой ответ (многие из этих ответов сохранены в архивах), что если бы это была русская армия, то мобилизуемые вступили бы в нее. Очевидно, что дело здесь было даже не в национальности, а в условиях разрушительной войны, когда из Беларуси были принудительно эвакуированы более миллиона человек. В сознании белоруса, особенно крестьянина, это означало продолжение войны, новые страдания, и поэтому всякая мысль о вступлении в армию, в какой бы форме ее не предлагали, была неприемлема. Немецкие оккупационные власти достаточно внимательно следили за поведением лидеров БНР, и даже скромная просьба о разрешении организовать батальон для охраны собственных учреждений натолкнулась на прусское заявление о том, что, если будет батальон, они нацелят на него крупнокалиберные пулеметы. Лидерам БНР ничего не оставалось, кроме как эвакуироваться вместе с немцами. Все попытки руководства БНР обратить на себя внимание лидеров государств Антанты, собравшихся в Версале для решения судеб послевоенного мира, не дали результата.

Десятилетия деятели БНР провели в типичной эмигрантской среде, самоназначаясь, самораспускаясь, учреждая новые должности и организации. Понятно, что в условиях эмигрантского существования им приходилось искать контакт с силами и структурами, способными оказать им поддержку, а это были организации четко выраженной анти-советской и антирусской направленности. Многие из активистов БНР после Второй мировой войны

неизменно участвовали в разного рода антисоветских организациях, которые существуют и сегодня, например Движение поработенных народов. Недавно газета «Наша Ніва» опубликовала сведения о том, как много бывших коллаборационистов, эмигрировавших в США, стали активно действующей американской разведкагентурой.

В условиях эмиграции влияние БНР на судьбу белорусской государственности и будущее белорусской нации было ничтожно. Архивные документы свидетельствуют о том, что вопросы будущего Беларуси не занимали их, шла типичная борьба эмигрантских организаций за выживание. Примечательно, что после объявления суверенитета Республики Беларусь на Первый съезд белорусов мира, который состоялся в 1993 г., в Минск приехали многие из активистов БНР, в основном из США. Однако избранная ими позиция во время дискуссий оказалась неуместной. Автору помнится фраза, высказанная одним из них: «Мы не будзем скакаць над купальскім вогнішчам, пакуль тут, у Беларусі, будуць камуністы». Это была роковая, даже трагическая ошибка, непонимание реальной ситуации в государстве.

В каждой белорусской семье были один или несколько комсомольцев, членов КПСС, участников Великой Отечественной войны, во многих семьях еще скорбели по поводу утраты кормильцев в ходе этой страшной войны. Автор хорошо помнит, как обезлюдела после освобождения его родная деревня Домаши в Ляховичском районе, поскольку все ушли на фронт, и большинство не вернулось.

Эту неуместную в сложившихся условиях антикоммунистическую направленность подхватило руководство Белорусского народного фронта, объявляя о белорусском национальном возрождении, руководители БНФ заняли антироссийскую позицию. Более того, сама белорусизация подавалась как принудительный проект.

Крайности во взглядах политических формирований националистической направленности оттолкнули от них электоральную массу, и попытки их руководителей занять высокие должности в стране, особенно в ходе президентских выборов 1994 г., окончились провалом. Тем не менее столетие БНР, которое отмечается в этом году, заслуживает внимания и серьезного изучения, поскольку это, несомненно, исторический факт. Он дает нам основание считать БНР первой попыткой образования белорусской национальной государственности. Ее неспособность трансформироваться в полноценное государство социалистического типа (таково будет знамение времени) говорит о противоречивости эпох, несовместимости политических сил, формировавших государственное начало белорусов.

Подписание БССР устава ООН в 1945 г. сделало ее государством-учредителем этой авторитетной организации, придало стране международную легитимность.

После распада Советского Союза ни одно из государств, образовавшихся на территории СССР, не имело опыта суверенного бытия за последние 70 лет. Не удивительно, что поиск решений устремился в далекое прошлое. Недостающие факты дополнялись мифологией. Этот процесс напоминал национально-освободительное движение в восточноевропейских государствах, входивших в Австрийскую империю после революций 1848 г., когда, например в Чехии, Венгрии и других государствах вдруг открыли древние трактаты государственности, якобы составленные еще в конце первого тысячелетия. Потом, к сожалению, обнаружилось, что это были не более чем талантливые подделки, которые впрочем содержали многие довольно полезные идеи для возможного государственного строительства. Это явление во многих молодых государствах постсоветского пространства получило название концепции «Золотого века», в которой тесно переплетены факты и домыслы, что в действительности очень неблагоприятно для молодых государств, т. к. ориентирует их на прошлое, в то время, когда им надо строить будущее, мобилизуя все свои наличные резервы.

Республика Беларусь – едва ли не единственное из постсоветских государств, которое строит современную государственность на основе экономических, научно-технических, культурных достижений недавнего советского прошлого. Во многом Республика Беларусь выросла из БССР. Сегодня она едва ли не единственная из постсоветских государств экспортирует готовую продукцию и ставит задачей выход на параметры экономики знаний.

Беларусь единственная на постсоветском пространстве сегодня строит союзную государственность с Российской Федерацией. Эта тенденция наметилась сразу после объявления белорусского суверенитета. Уместно вспомнить, что еще белорусское правительство под председательством В. Кебича подписало договор с правительством РФ о единой валюте, открытых границах, безвизовых поездках и т. д. Президенты А. Г. Лукашенко и Б. Н. Ельцин вывели это сближение на новый политический уровень. Социально-экономические и политические проблемы, правовая среда союзной интеграции – принципиальная новация в государственном строительстве. Многие вопросы обсуждаются иногда достаточно остро, конфликтно. В этом нет ничего удивительного. Протоколы заседания Совета Министров Евросоюза, Европарламента, других управленческих структур ЕС свидетельствуют

о накале страстей, несравнимом с российско-белорусскими торгово-экономическими и иными спорами.

При всех противоречиях российско-белорусская государственность развивается достаточно успешно. Более того, обе стороны хорошо понимают, что суверенитет каждой из них неприкосновенен. Здесь каждая страна – большая и малая – при всей верности союзным обязательствам должна исходить из национальных интересов. Беларуси это пока удавалось. У России отработана достаточно устойчивая историческая традиция суверенного поведения. Если этот подход удастся сохранить и в будущем, российско-белорусская государственность станет образцом для многих государств Европы.

Следует, однако, принять во внимание, что суверенитет доказывается не ораторскими заявлениями, а конкретной практикой в современных международных условиях. Своим участием в Движении неприсоединения, в европейских интеграционных инициативах, российско-белорусском союзном сотрудничестве Беларусь зарекомендовала себя как

полноправный и полноценный субъект мирового процесса.

Лидер суверенной Беларуси продолжил практику активного участия в работе международных организаций, в первую очередь в ООН, и сегодня выходит с интересными европейскими инициативами. Созыв сессии ОБСЕ в Минске, которую президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко ориентирует на поиск новых путей европейского сближения и сотрудничества, – важный вклад в дело становления общеевропейского единства от Ванкувера до Владивостока. Можно полагать, что впереди новые серьезные инициативы белорусской дипломатии, новые формы сотрудничества с русской дипломатией в контексте союзнических договоренностей и новая роль белорусской дипломатии в Европе. Все политические, дипломатические успехи возможны только при условии решения внутриэкономических задач: повышение уровня жизни населения, совершенствование функционирования общественных институтов, дальнейшее развитие производства, науки, экономики и культуры.

*Статья поступила в редколлегию 04.05.2018.
Received by editorial board 04.05.2018.*

УДК 005.334

КТО ИЗУЧАЕТ КРИЗИСЫ И РИСКИ? НАУЧНЫЕ РЕСУРСЫ МИРОВОЙ РИСК-АНАЛИТИКИ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются ключевые рискогенные концепты в жизни современного общества (кризис, опасность, вызов, угроза, дисбаланс, диспропорция, ловушка, риск) и их концепт-переменные. Анализируются новые научные дисциплины и отдельные научные направления (кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдиника, хоррорология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография), связанные с изучением ключевых рискогенных концептов и их концепт-переменных. Обосновывается вывод о необходимости формирования единой методологии рассмотрения кризисов и рисков, изучаемых представителями различных научных дисциплин и отдельных научных направлений.

Ключевые слова: кризис; опасность; вызов; угроза; дисбаланс; диспропорция; ловушка; риск.

WHO STUDIES CRISES AND RISKS? SCIENTIFIC RESOURCES OF THE WORLD RISK ANALYTICS

V. K. SHCHERBIN^a

^aThe Center of System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademicheskaya Street, Minsk 220072, Belarus

Key risk-generating concepts of the modern society (crisis, hazard, challenge, threat, imbalance, disparity, catch, risk) and their concept variables are considered in the article. The article analyses new scientific disciplines and various scientific trends (crisis social sciences, crisis management, crisisology, theory of crises, sindinika, horrorology, riskology, general risk

Образец цитирования:

Щербин В. К. Кто изучает кризисы и риски? Научные ресурсы мировой риск-аналитики // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 35–47.

For citation:

Shcherbin V. K. Who studies crises and risks? Scientific resources of the world risk analytics. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 35–47 (in Russ.).

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru

theory, risk management, sociology of risk, sociological riskology, psychology of risk, eventology, riskography), related to studying key risk-generating concepts and their concept variables. The conclusion is substantiated about the necessity of development of a single methodology of crises and risks analysis, carried out by representatives of various scientific disciplines and various scientific trends.

Key words: crisis; hazard; challenge; threat; imbalance; disparity; catch; risk.

По свидетельству российского публициста Н. Старикова, на данный момент наиболее популярным в разных странах мира является слово *кризис*: «Если бы сегодня на нашей планете проводился конкурс на самое популярное слово, то победитель был бы известен заранее. <...> Лидера знают все. Все о нем говорят, ему посвящены новости и выступления всех политиков, экономистов и просто известных людей. О нем с утра до вечера пишут, спорят, пытаются предугадать будущее. Его проклинают, на него молятся, его обвиняют во всех смертных грехах. Это страшное и одновременно притягательное слово выучили даже ученики младших классов, его слышали дошколята в детском саду. Это КРИЗИС...» [1, с. 3]. Причем, как считает британский экономист М. Вулф, «в интегрированной мировой экономике... невозможно оградить себя от событий, происходящих в ведущих экономиках. Кризисы будут повторяться. Странам необходимо научиться справляться с угрозами до кризиса и сохранять пространство для маневра после кризиса» [2, с. 14].

Однако как этого добиться в условиях, когда подавляющая часть населения наиболее развитых в экономическом отношении стран мира именно в силу своего материального благополучия абсолютно не чувствительна к симптомам и признакам приближающегося кризиса? Более того, западному капиталистическому миру присуща абсолютная уверенность в своей экономической непогрешимости и непотопляемости: «Эпохе процветания ничто не угрожает, по крайней мере – на этот раз. Системы финансового управления совершенны, нарастающие риски не опасны» [3, с. 145]. Ответ на поставленный выше отнюдь не риторический вопрос предлагают представители белорусской социологической науки: «Современные опасности довольно часто не воспринимаются человеческими органами чувств. Отсюда возрастающее значение приобретают знание и науки о рисках» [4, с. 109]. Во всяком случае, белорусские социологи первыми осознали тот факт, что «сегодня исследование конфликтов, кризисов, революций, которые приобретают статус глобальных, – передний край общественных наук» [5, с. 86].

Ради справедливости стоит сказать о том, что еще раньше попытку объяснить причины глобального финансового кризиса предпринял бывший руководитель Федеральной резервной системы (ФРС) США А. Гринспен, попытавшийся обвинить в разразившемся кризисе более мелкие, по сравнению с ФРС, частные финансовые структуры:

«Финансовые компании приняли риск того, что они не смогут предвидеть начало кризиса и вовремя выйти из игры. Однако, по их расчетам, эти риски должны были иметь ограниченный характер, и даже в случае кризиса безмерный спрос на экзотические финансовые продукты должен был падать достаточно медленно, чтобы почти полностью распродать портфели без убытка. Они ошибались. Они не учли, что рыночная ликвидность – это функция главным образом степени неприятия риска инвесторами, доминирующей инстинктивной склонности, которая рулит финансовыми рынками. <...> Когда на рынке возобладал страх, эта “ликвидность” испарилась буквально в одночасье – число покупателей сократилось, и предложение стало превышать спрос. На многих рынках на пике кризиса 2008 г. покупатели практически исчезли» [6, с. 74].

Однако мировую общественность не устроили приведенные выше объяснения всемирно известного финансиста относительно причин глобального финансового кризиса, также как и его заверения в том, что невозможно предвидеть все без исключения финансовые риски. Б. Эйхенгрин приводит яркий пример общественного несогласия с невозможностью предусмотреть все риски: «Королева Елизавета II во время своего визита в Лондонскую школу экономики в 2008 году задала собравшимся экспертам знаменитый вопрос, почему никто не смог рассмотреть надвигающийся кризис. Шесть месяцев спустя группа выдающихся экономистов отправила королеве письмо, в котором они просили прощения за “отсутствие коллективного воображения”» [7, с. 13–14].

По мнению российского юриста профессора Л. В. Голоскокова, само общество, чтобы противостоять кризисным явлениям, должно занять более активную позицию в процессе реализации своих экономических, научных, инновационных и прочих проектов: «В нашей модели предложен такой подход: человек вносит свои деньги на осуществление проекта, свои личные усилия и несет всю ответственность, не перекладывая ее ни на кого. Хочешь, чтобы твои деньги не украли? Следи за тем, что происходит, участвуй во всех делах, смотри, куда и на какие цели расходуются средства, адекватны ли контрольные механизмы, придумывай новые, повышай уровень своего образования, не сиди, сложа руки, но действуй, думай, занимай соответствующие позиции в проекте, расти в нем. Это твой проект, твое дело, твое будущее. Такая

позиция непривычна для нашего населения, она требует вовлеченности в дело и большого напряжения ума, но кто сказал, что с деньгами все должно быть просто? Мы безответственно передоверили свои накопления “великим экономистам” – любителям поискать за наш счет дно в экономике, а также борцам с коррупцией, обучающих нас патриотизму. Дно не нашли, патриотами не оказались, но денег нет. Нет у нас с вами, потому что все мы проявили пассивность и стали объектом манипуляций. Пора учиться управлять своими деньгами» [8, с. 27–28].

В связи с этим совсем не случайным является тот факт, что именно в результате реализации общественных инициатив, выдвинутых несколькими группами ученых, появился ряд новых научных дисциплин и отдельных направлений, представители которых изучают существующие кризисы и риски в целях уменьшения для общества их негативных последствий. Что явилось первотолчком в процессе создания новых научных дисциплин и отдельных научных направлений в сфере изучения кризисов и рисков?

Ключевые рискогенные концепты (кризис, опасность, вызов, угроза, дисбаланс, диспропорция, ловушка, риск) и их концепт-переменные. По мнению известного советского философа, академика АН СССР Б. М. Кедрова, процессу институционализации той или иной новой научной дисциплины значительно способствует выработка ею основного научного понятия (ключевого концепта): «Каждая из фундаментальных отраслей естествознания становилась подлинной наукой с того момента, когда она устанавливала свой объект исследования и соответственно этому вырабатывала свое основное научное понятие. <...> Это было великим открытием, поставившим физику на научную почву, когда в физику было введено понятие энергии в качестве ее основного понятия. <...> Понятие химического элемента подвело прочную основу под химию как науку. <...> Решающую роль в том, что геология стала наукой, сыграло понятие геологической формации в качестве основного понятия этой науки. Назовем биологию. Здесь основным является понятие биологического вида, которое легло в основу дарвинизма. <...> К. Маркс впервые поставил общественные науки на прочную основу, установив понятие общественно-экономической формации. <...> Вопрос об основном научном понятии по сути дела вопрос о том, можно ли признать данную науку вообще наукой или же превратить ее в нечто неопределенное и лишить ее важнейшей понятийной основы» [9, с. 492–493]. Идея Б. М. Кедрова об институционализирующей функции ключевых концептов в процессе формирования новейших научных дисциплин и отдельных научных направлений нашла практическое подтверждение и в процессе концептуализации

и категоризации понятийного пространства постсоветской рискогенной действительности.

В частности, проведенный нами контент-анализ нескольких сотен научных, общественно-политических и деловых текстов, посвященных проблемам описания постсоветской рискогенной действительности, позволил выявить около десятка ключевых рискогенных концептов (в их числе концепты *кризис*, *опасность*, *вызов*, *угроза*, *дисбаланс*, *диспропорция*, *ловушка*, *риск* и др.) и еще большее количество их концепт-переменных. При этом наиболее частотным оказался концепт **кризис**. Аргументом в пользу ключевого характера этого концепта, помимо частотности, выступает то, что в исследованных нами текстах, помимо его вербального обозначения, т. е. слова *кризис*, были выявлены также и его вербальные концепт-переменные, такие как *аграрный кризис*, *антропогенный кризис*, *банковский кризис*, *биржевой кризис*, *бюджетный кризис*, *глобальный кризис*, *денежно-кредитный кризис*, *духовный кризис*, *затяжной кризис*, *идеологический кризис*, *информационный кризис*, *ипотечный кризис*, *климатический кризис*, *кризис власти*, *кризис государственности*, *кризис идентичности*, *кризис инновационного развития экономики*, *кризис-катастрофа*, *кризис образования*, *кризис перехода*, *нравственный кризис*, *пиаровский кризис*, *планетарный кризис*, *политический кризис*, *потенциальный кризис*, *промышленный кризис*, *реальный кризис*, *системный кризис*, *социальный кризис*, *структурный кризис*, *торговый кризис*, *финансовый кризис*, *циклический кризис*, *экзистенциальный кризис*, *экологический кризис*, *экономический кризис* и др.

Для ключевого рискогенного концепта **вызов** также были выявлены многочисленные вербальные обозначения его концепт-переменных, такие как *абсолютно непознанные вызовы «Industry 4.0»*, *инновационные вызовы*, *миграционные вызовы*, *стратегические вызовы* и др. Еще более широкий спектр вербальных обозначений концепт-переменных был обнаружен для ключевого рискогенного концепта **угроза**: *угроза алкоголизации населения*, *угроза ядерной войны*, *внутренние и внешние угрозы*, *информационные угрозы*, *потенциальные угрозы* (например, сложность системы), *террористические угрозы*, *угроза возврата денег в бюджет*, *угрозы духовной целостности «русского мира»*, *угрозы кибератак*, *угрозы недобросовестности заемщиков и кредиторов*, *угрозы национальной продовольственной безопасности*, *угрозы экономической безопасности* и др. В обследованной литературе представлено значительное количество вербальных обозначений концепт-переменных ключевого рискогенного концепта **дисбаланс**: *глобальный дисбаланс рыночного капитализма*, *дисбаланс между киберпространством и государственными границами*, *дисбалансы в распределении ресурсов и экономической власти*, *дисбалансы мировой торговли*, *кадровый дисбаланс*,

отраслевой дисбаланс, профессиональный дисбаланс, социальный дисбаланс, структурный дисбаланс, финансовый дисбаланс и др. Однако наибольшее количество вербальных обозначений концепт-переменных было выявлено в отношении ключевого рискогенного концепта **риск** – всего более 700 названий (см. [10, с. 27]).

Классификация научных ресурсов мировой риск-аналитики. К настоящему времени сформировался ряд специальных научных дисциплин и отдельных направлений вокруг отдельных ключевых рискогенных концептов, таких как *кризис, опасность, вызов, угроза, дисбаланс, диспропорция, ловушка, риск* и др. В частности, к числу таких специальных научных дисциплин и отдельных научных направлений, для которых основополагающим является концепт *кризис*, сегодня можно отнести *кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисологию, теорию кризисов*, которые изучают различные типы и виды кризисов и пути их преодоления в разных странах мира.

Так, первая научная дисциплина, **кризисное обществоведение**, создана в России усилиями известного науковед С. Г. Кара-Мурзы, подготовившего двухтомный университетский курс лекций «Кризисное обществоведение». Эта новая научная дисциплина призвана решать задачу, с которой не справилось советское обществоведение – «предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей, указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу» [11, с. 6]. Однако кризисное обществоведение, в отличие от советского, глубоко осознает кризисный, нездоровый характер современного постсоветского общества и страны в целом: «Кризис, в который втянулась Россия в конце XX века, называют *системным*. Это значит, что повреждены все системы страны. Более того, повреждены или «работают в нештатном режиме» все элементы и связи всех систем страны – она *больна*. Кризис – особый тип бытия, в этом его действительно можно уподобить болезни человека. Как и болезнь, его надо изучить, поставить диагноз, выбрать лекарства – и лечить. Лечить осторожно, стараясь не навредить, регулярно корректируя ход лечения. Как и в медицине, основное знание для лечения носит *научный* характер, хотя и «народные средства» надо использовать – осмотрительно. Как в общем знании о человеке выделяют медицинскую науку, так и в обществоведении надо выделять его особый раздел (или, точнее, «срез») – *кризисоведение* или, привычнее, *кризисное обществоведение*» [12, с. 5].

По мнению С. Г. Кара-Мурзы, методологически основаниями такого кризисного обществоведения должны выступать следующие императивы:

1) ориентация на достоверное научное знание: «Нам нужно достоверное знание, но мы поневоле смотрим на события через призму добра и зла, че-

рез фильтр тех ценностей, которым мы привержены. Знание, которое достигается при таком взгляде, сопряжено с нравственными ценностями. Оно не является объективным, это знание не научное. На нем основана нравственная позиция личности, оно необходимо, но не достаточно для рационального выбора. Для эффективного познания общественных процессов требуется достоверное знание – знание о «том, что есть», а не о «том, что должно быть». Разделить оба типа знания очень трудно, но научиться этому необходимо» [12, с. 7];

2) отказ от идеологических, партийных предпочтений и переход на язык однозначных понятий: «...в познании кризисного общества мало проку от идеологизированного обществоведения. Рассмотреть необычную реальность можно, только освободившись от фильтра партийных предпочтений и перейдя на язык однозначных понятий. Этот язык покажется грубым и примитивным, но сейчас он приведет к более верным выводам. Партийные установки и ценности надо прилагать на следующем этапе, при обсуждении альтернативных вариантов *разрешения* проблемы» [12, с. 12];

3) передача опыта и знаний между поколениями: «Мы будем также наращивать словарный запас языка «постсоветского модерна», который необходим для восстановления коммуникаций старшего поколения советских людей и молодежи для обсуждения нынешних социальных аномалий. Без передачи опыта и знаний между поколениями на скорое разрешение кризиса надеяться нельзя. На среднесрочную перспективу перед обществоведением стоит задача соединить «зародыши» адекватного знания о современном обществе России в *сеть*, соединяющую разнородные концепции и дискурсы. В конце концов, обществоведение должно изложить и оценить альтернативные проекты жизнеустройства России и возможности их реализации без срыва в катастрофу» [12, с. 15].

Еще одно научное направление, в рамках которого разрабатываются методы и технологии управления кризисами, приемы и формы рыночной борьбы, называется **кризисным менеджментом** [13, с. 315]. В справочной литературе данное направление нередко называется также «*антикризисное управление* – *Crisis management*. Большинство организаций не сможет обойтись без антикризисного управления, когда их выживанию или благополучию угрожает неожиданная проблема. Многие организации разработали планы действий на случай чрезвычайных обстоятельств, дающие им уверенность в том, что у них будет перечень конкретных мер, которые можно принимать в аналогичных, предсказуемых ситуациях. В большинстве случаев компании назначают человека, чаще всего из правления или высшего руководства, для принятия мер по ситуации. Этот человек получает полную поддержку со стороны правления,

и ему могут предоставить более широкую свободу действий в условиях кризиса. Иногда привлекают PR-компании, чтобы справиться с вопросами потенциального и реального кризиса. Первостепенное значение в антикризисном управлении имеет быстрое принятие решений, поскольку для продолжительного существования организация должна уметь незамедлительно принимать необходимые меры» [14, с. 16].

Кроме того, в российской справочной литературе представлено определение и такой комплексной научной дисциплины, как **кризисология**, в рамках которой кризисы изучаются с разных сторон: «Кризисология – нарождающаяся наука о кризисах. Объясняет причины кризисов и пути их преодоления. Возникшие в современной науке кризисные и антикризисные теории дают картину причин возникновения и путей преодоления кризисов» [15, с. 190].

Наконец, значительный вклад в процесс всестороннего описания ключевого рискогенного концепта *кризис* внесла **теория кризисов**, которой в «Экономической энциклопедии» под редакцией Л. И. Абалкина (1999) дается следующее определение: теория кризисов – «часть общенаучной парадигмы, объясняющая сущность, предпосылки, характер, последствия периодических кризисных фаз в динамике систем. Общая теория кризисов в динамике систем разработана А. А. Богдановым и изложена в его труде “Тектология”. Он понимает кризис как смену организационных форм комплекса (системы), перелом в ходе его развития; выделяет два типа кризисов – соединительные (образование новых связей) и разделительные (разрыв существующих связей). По Богданову, кризис есть нарушение равновесия и в то же время переход к новому равновесию. Современной разновидностью общей теории кризисов является теория катастроф. Теория экономических кризисов начала разрабатываться во второй половине 19 в. Опубликован ряд работ, связывающих кризисы с конъюнктурными колебаниями спроса, потреблением, природными циклами. Фундаментальная разработка циклических экономических кризисов и материальной основы их периодичности содержится в “Капитале” К. Маркса. Кризисные фазы долгосрочных экономических циклов исследовал Н. Д. Кондратьев. Исследованием теории и истории экономических кризисов занимались Й. Шумпетер, Е. Варга, И. Трахтенберг, Л. Мендельсон, С. Меньшиков и др. Глубокие кризисные потрясения конца 20 в. дали толчок новым подходам к теории кризисов, которые широко обсуждались на IV Междисциплинарной дискуссии “Прогнозирование кризисов в ритме циклической динамики” (март 1991 г.). Основные положения этих подходов: кризисы неизбежны в развитии любой системы, в т. ч. экономической. Они являются

непрерывной фазой жизненного цикла системы. Надежды на то, что удастся уничтожить кризисы или предотвратить их, утопичны; кризисы выполняют три функции в динамике систем – подрывают основы устаревших элементов, открывают дорогу для становления новых, сохраняют и обогащают наследственное ядро (генотип) системы; кризисы завершаются либо переходом системы в новое качественное состояние, либо ее распадом, заменой иной системой; кризисы проходят несколько этапов – латентный период (скрытое накопление предпосылок); обвал, депрессию (нижнее равновесие); оживление, завершающееся достижением докризисного состояния на новой основе; кризисы в смежных сферах взаимодействуют – либо резонируют, усугубляя падение, либо демпфируют, сглаживая падение, смягчая последствия; кризисы преодолеваются с помощью базисных инноваций; кризисы в ритме циклической динамики поддаются прогнозированию, общество может воздействовать на них, сокращая длительность и уменьшая потери» [16, с. 347–348].

В свою очередь, такие новейшие научные дисциплины, как синдиника и хоррорология, сформировались в процессе изучения ключевых рискогенных концептов *опасности*, *ужасы* и *ловушки* современной цивилизации. В частности, наиболее общий характер имеет **синдиника** – научная дисциплина, связанная с изучением различного рода опасностей. Она определяется в электронной энциклопедии «Википедия» как «наука, объединяющая группу областей знания (управление риском, техника безопасности, энергетическая безопасность, экономическая безопасность, промышленная безопасность и т. д.), предметом которых являются факторы риска (источники опасности, угрозы) и способы снижения уровня риска. Термин “синдиника” является неологизмом и предложен в 1987 г. французскими учеными в Сорбонне как обозначение обобщающей “науки об опасности”» [17]. В свою очередь, российские экономисты Д. А. Максимов и Ю. Д. Спиридонов определяют синдинику как науку о глобальных или катастрофических рисках [18, с. 30–33].

В настоящее время особое внимание специалистов, работающих в рамках синдиники, привлекают следующие виды опасностей:

1) *финансовые опасности*, например «опасности ослабленного регулирования» [7, с. 638] и «опасность привязки разношерстного набора стран к единой монетарной политике» [7, с. 642];

2) *экологические опасности* – изменения среды обитания, например в результате катастрофы на АЭС;

3) *техногенные опасности* – непредсказуемость техногенной среды, роботизация, «опасности современных технологий, угрожающих планетарной

цивилизации» [19, с. 74], распространение потенциально опасной научно-технической продукции;

4) *информационные опасности* – ложная информированность, наука как источник «опасного знания», неизвестное, неправильное использование информации, отставание в науке, перенасыщение информационного пространства недостоверной информацией, создающей мировоззренческий хаос;

5) *опасности модернизации* – «последствия, связанные с угрожающей мощью модернизации и порождаемой ею глобальной нестабильностью и неопределенностью» [4, с. 109];

6) *этические опасности* – «резкое снижение планки нормативных стандартов научной деятельности» [20, с. 139];

7) *опасности международного терроризма* – по мнению С. Веселовского, «наибольшая опасность сегодня исходит от религиозного/«священного» терроризма, который представлен организациями исламистского толка» [21, с. 244];

8) *социальные опасности* – «действия одних классов, наций, групп (демографические, профессионально-квалификационные, целевые, контактные), слоев, личностей, направленные на уничтожение других, лишение их жизненно важных условий и объектов, причинение ущерба, ведущего к физической и духовной деградации, разрушению личности, этноса, общества, государства» [22, с. 66].

Более узкую специализацию (на изучении ужасов и ловушек современной цивилизации) имеет такая научная дисциплина, как **хоррорология**, основанная российским философом М. Эпштейном. В монографии «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» он дает следующее определение: «...хоррорология (*horrorology*) – наука об ужасах цивилизации как системе ловушек и о человечестве как заложнике сотворенной им цивилизации. Термин “хоррорология”, конечно, ужасен, но не более, чем обозначаемый предмет, а значит, по-своему точен. <...> Хоррорология – наука о саморазрушительных механизмах цивилизации, которые делают ее уязвимой для всех видов терроризма, включая биологический и компьютерный. Хоррорология – теневая наука о цивилизации, это минус-история, минус-культурология, минус-политология. Все, что другие науки изучают как позитивные свойства и структурные признаки цивилизации, хоррорология изучает как растущую возможность ее самодеструкции, самовычитания» [23, с. 766]. В последние годы было опубликовано значительное количество научных работ, в которых описываются различные типы цивилизационных ловушек.

К примеру, российский философ Л. Е. Гринин описывает *модернизационные ловушки*, которые «возникают вследствие ускоренного развития общества и могут вести к революциям. Начиная с Но-

вого времени в основе революций в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно резким увеличением доли горожан в его структуре» [24, с. 138]. Для наглядности Л. Е. Гринин описывает механизм, в результате которого «общество попадает в ловушки особого рода – модернизационные. Если мальтузианская ловушка связана с отставанием производительных сил от темпов роста населения и в целом недостаточным динамизмом изменений, то модернизационная ловушка, напротив, – с чрезмерно быстрыми изменениями, за которыми ряд важнейших отношений и институтов общества не поспевает. В России сложился особый тип модернизационной ловушки – мальтузианско-марксова ловушка» [24, с. 138].

Концептуальную ловушку в сфере высшего образования анализирует В. Н. Шимов: «Массовость ориентации на высшее образование налицо. И университеты опять попадают в концептуальную ловушку: как совместить в одном учебном процессе “штучное” производство будущей элиты и подготовку специалистов массовых профессий. Сделав акцент на массовости, мы снижаем социальный статус науки, ученого, фундаментального знания. Акцент же на элитарность образования не находит достаточной ресурсной и моральной поддержки на рынке труда, в деловых кругах и других слоях общества и государства» [25, с. 13–14].

В одной из статей С. В. Пошелюжный провел «анализ ситуации, сложившейся в ОПК (оборонно-промышленном комплексе), с позиции институциональной экономической теории. Текущее положение на рынке финансирования производства вооружений и военной техники имеет все признаки институциональной ловушки, то есть ситуации самоподдерживающейся неэффективности. Специфика отрасли в сочетании с исторически сложившейся структурой сектора и несовершенной законодательной базой создали ситуацию, в которой реформирование и развитие отрасли значительно затруднены. <...> Существующая система ценообразования в ОПК прямо стимулирует к повышению абсолютной прибыли через рост издержек (относительное измерение зафиксировано законодательно). <...> Руководство предприятий в таких условиях вынуждено максимально оттягивать любые мероприятия, снижающие издержки, от организационных до технологических, либо компенсировать экономию за счет других статей расходов» [26, с. 1557–1558, 1560].

В учебной литературе Беларуси описывается *ловушка нарастающего технологического отставания*: «Неэквивалентный внешнеэкономический обмен в большинстве случаев толкает национальную

экономику и ее ведущие отрасли в “ловушку нарастающего технологического отставания” (концепция “технологической пропасти”), что подрывает национальную безопасность страны» [27, с. 88]. Х. Вейсингер и Дж. Полив-Фрай подробно описали *ловушки психологического давления* (ловушку помощи, ловушку стимула, ловушку состязательности) [28, с. 95–111]. Авторы монографии «Новые технологии борьбы с российской государственностью» проанализировали *стратегические ловушки*, которые расставляются недругами России при помощи искусства сетевого управления (ловушки «открытой экономики», страновой недиверсифицированности внешней торговли, товарной недиверсифицированности внешней торговли, Стабилизационного фонда, «сервисного общества», борьбы с коррупцией, борьбы за экологию, войны, долларовую ловушку и др.) [29, с. 311–336].

Целый ряд новейших научных дисциплин и отдельных направлений, специализирующихся на изучении постсоветской рискогенной действительности (*рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография* и др.), имеют в качестве основополагающего понятия ключевой рискогенный концепт **риск**. Приведем имеющиеся в научной литературе определения указанных выше научных дисциплин и отдельных направлений, изучающих данный концепт:

- *рискология* – «наука о риске, исследующая сущность риска, его причины, формы проявления и роль в жизни людей» [30, с. 369];

- *общая теория рисков* «рассматривает общие универсальные правила сравнения, не привязанные к конкретным экономическим ситуациям. При этом апеллирует к некоторым естественным или кажущимся таковыми нормативным правилам (аксиомам), которые отражают те или иные аспекты “экономической интуиции”. Формально *общая теория рисков* занимается предпочтениями или правилами сравнения случайных величин либо распределениями вероятностей (в т. ч. будущего дохода)» [31, с. 35];

- *риск-менеджмент* – «система оценки риска, управления риском и финансовыми отношениями, возникающими в процессе функционирования бизнес-структур или предпринимателей» [32, с. 448];

- *социология риска* – «это область науки, в основном созданная для изучения явной и скрытой сторон процесса принятия решений и помогающая обеспечивать решение проблем в целом. Социология риска помогает улучшить процесс принятия решений в условиях неопределенности. <...> Огромный вклад в ее развитие внесли работы Никласа Лумана, показавшего, что риск сам по себе, скорее

всего, не существует в объективной реальности, а становится таковым только в связи с принятием решений (индивидом и/или обществом). Социологи, антропологи, политологи указывают на то, что оценка риска и готовности принять риск – это проблемы, прежде всего, социальные. Риск с этой точки зрения является не столько параметром социальной ситуации, сколько конституирующим эту ситуацию фактором. Поэтому принятие решений в условиях риска прямо связано с проблемами развития социологии риска. Но пока что социологический подход к анализу риска, иначе социология риска как мировая и/или отечественная научная дисциплина, находится на начальной стадии формирования» [33, с. 277–278];

- *социологическая рискология* «формировалась не как однородное направление, а как широкое научное движение, ориентированное на познание специфики современного общества, его системного строения и функционирования, пространственно-временной динамики. В этом движении можно выделить три проблемных узла: исследования природы риска в современном обществе в контексте оценки его социальных функций; особенности распределения риска в социальных сферах и в социальных группах; проблемы социокультурной интерпретации риска» [34, с. 12];

- относительно статуса *психологии риска* как отдельной научной дисциплины мнения представителей социальных и гуманитарных наук в настоящее время расходятся. К примеру, А. А. Идрисова убеждена в реальности существования такого направления психологической науки: «Психологическое направление исследования риска направлено на изучение факторов, определяющих восприятие и оценку риска» [35, с. 324]. С. В. Илькевич и В. С. Шлапак считают, что «реакция на стрессовые и кризисные ситуации является важной областью исследований психологической науки. Здесь она может предложить немало для понимания некоторых особенностей организационного поведения компаний в ходе развития кризиса и последующего антикризисного управления» [36, с. 59]. По мнению Т. А. Нестика, «психология может не только пролить свет на то, почему остаются не замеченными постепенно накапливающиеся изменения, ведущие к глобальной катастрофе, но и должна предложить социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности в отношении источников глобальных рисков» [37, с. 34]. В то же время российский психолог С. Л. Мельников пишет: «К сожалению, психология риска в настоящее время не рассматривается как самостоятельная наука. Риск в психологии исследуется в рамках теории мотивации достижения, теории решений и концепции надситуативной активности. <...> В психологии этой проблемой зани-

мались А. П. Альгин, Г. Н. Солнцева, Т. В. Корнилова и др.» [38, с. 235];

- «в последние годы, в связи с появлением нового направления теории вероятностей – *эвентологии* (выделено нами. – В. Ш.) (от англ. *event* – событие: любое событие состоит из “события-восприятия” и “события-деятельности”), – возникло понятие эвентологического риска, которое можно рассматривать как первую серьезную попытку объединить в одном понятии и теоретический, и эффективный риск. Эвентология предоставляет возможность не только развить эффективные эвентологические модели различных аспектов человеческого восприятия риска, но и дать такое общее математическое определение “эвентологического риска”, которое, не вступая в противоречие с большинством существующих определений теоретического и эффективного рисков, поглощает их в качестве многочисленных частных вариантов» [33, с. 278];

- *рискография* «(наука о видах рисков и характере их проявления) позволяет “застолбить ситуацию”, очертить основные характеристики рисков в рамках их первичного анализа подобно тому, как это случилось при построении Карлом Линнеем известной классификационной системы, установившей общее структурное деление всего многообразия неживой и живой природы. <...> Согласно одним оценкам, рискография имеет в своих аналах не менее тысячи значимых рисков. По другим, их общее количество порядка шести тысяч» [39, с. 22–23].

Каждая из перечисленных научных дисциплин и отдельных научных направлений (кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдиника, хоррология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография) вносит весомый и неповторимый вклад в изучение кризисов и рисков. Однако практический эффект от использования рассмотренных научных ресурсов мировой риск-аналитики был бы значительно больше, если бы они создавались с использованием единой методологии изучения рисков и кризисов и в рамках общегосударственного плана по созданию научного обеспечения для решения постоянно возникающих кризисных и рискованных проблем. К сожалению, попыток выработки единой методологии и создания такого общегосударственного плана со стороны органов госуправления пока не наблюдается. По свидетельству В. Г. Федотовой, единственной «реакцией власти на кризис в той или иной сфере была смена группы экспертов, но власть никогда не пошла бы на создание альтернативных экспертных групп. Не было конкурса обещаний, конкурса планов избежания рисков, никакого анализа

пределов, за которыми риск становится необратимым» [40, с. 81].

По мнению группы российских исследователей, «заблуждение нашего общества, прежде всего его политической элиты, состоявшее в том, что сложные проблемы общества могут быть решены на отдельных частных направлениях (экономическом, научно-техническом, политическом и т. п.), дорого стоили России. Социальное управление как интегратор всех направлений социального развития общества, “распоряжающийся” ими на основе своих внутренних законов, принципов и методов в рамках самостоятельного направления научного знания, не был тогда востребован и освоен. Управленческая наука оказалась “выключенной” из механизма регулирования общественных дел – это явилось одной из главных причин того *системного кризиса*, который остановил развитие российского общества, во многом перечеркнул достижения прошлых лет и обусловил состояние крайнего социального напряжения, в котором Россия находится сегодня. Практика управления погружена в абсурд “коротких программ”, нередко лишена целеполагания, прежде всего долгосрочного, цели нередко подменяются средствами, что не позволяет правильно использовать те богатые ресурсы развития, которыми располагает страна» [41, с. 7–8]. Между тем, «основная цель создания института государства человеческим сообществом – управление всем громадным комплексом общежития в его единстве, согласованно и повсеместно. Попытка в России в 1990–2012 гг. “освободить” государство от функций управления обществом показала, что, кроме всеобщей деградации и кризисной уязвимости, демографического спада и угроз существованию самой страны, ничего хорошего не получается» [42, с. 187].

В условиях самоотстранения государства от управления риск-аналитическими исследованиями, которые, как правило, имеют очень острый и проблемный характер, начинается когнитивный диссонанс между различными научными дисциплинами и отдельными научными направлениями, изучающими кризисы и риски. Указанный когнитивный диссонанс в конечном итоге приводит к вытеснению риск-аналитической проблематики за пределы академической, вузовской и отраслевой наук (единственным сектором отечественной науки, в рамках которого регулярно проводятся риск-аналитические исследования, становится корпоративная наука). Механизм такого вытеснения риск-аналитической проблематики за пределы академического, вузовского и отраслевого секторов отечественной науки хорошо описан российским социологом, директором Института системно-стратегического анализа А. Фурсовым: «Разбитая на зоны “научных племен”, наука как иерархиче-

ская структура, освященная определенными интерпретациями, теориями, способами видения, болезненно реагирует на то, что может поколебать “средства освящения”. В результате “нормальная наука” (Т. Кун) вытесняет все острое либо на свою периферию, либо вообще за свои пределы, объявляя ненаучным. <...> Сферы вытеснения – аналитически ориентированная журналистика, научно-популярная литература, эссеистика. Причем журналистика и т. п. здесь – форма, а аналитика, причем очень острая, – содержание. Агенты этой сферы – журналисты, писатели, выходцы из спецслужб, МВД, фрилансеры, наконец, те ученые, которые не могут реализовать себя в системе существующих парадигм по научно-профессиональным или идеологическим причинам» [43, с. 8–9, 11, 15].

На этом фоне совсем не преувеличением выглядит констатация российским эпистемологом социальной науки Ю. Л. Качановым того факта, что «отечественная социальная наука повторяет зады поверхностной журналистики, этой пассивной политики... и наши социологи почитают за честь опубликоваться в каком-нибудь еженедельнике “Доводы и вымыслы” или на сайте www.kremlin.org. <...> Не мысля себя в опыте истины, российская социология далека от того, чтобы на правах интеллектуальной силы участвовать в структурировании социальной действительности. Но справедливо и обратное: отечественная социальная наука не в силах быть одним из субъектов истории России, поскольку далека от истины. Что может сделать российскую социологию одной из сил, структурирующих социальную действительность? Рефлексивное мышление о “социологизации” политики. Но эта социологизация возможна лишь в том случае, если наука сможет предъявить “событие” истины, способное участвовать в изменении структурного равновесия социальной действительности, в сдвиге *status quo* в направлении социальной справедливости. Социология обретет историческое влияние, получит кредит общественного доверия, когда будет в состоянии сформулировать новые жизненно-практические “системы координат”, новые “экзистенциалы”, ориентирующие на добродетельные поступки.

Беда современной российской социологии в том, что она не мыслит себя, исходя из специфического научного опыта, а выполняет “социальный заказ” господствующих, пытаясь вызываясь отождествить силу и благо, представляя *status quo* как нечто благое, справедливое и естественное, не имеющее “разумных альтернатив”. <...> Эта социология маскирует фигуры господства, сложившиеся в России после 1991 года, и предаёт забвению стремление науки к истине, подменяя последнюю историей идей и/или публицистикой. Если же российские социологи желают соответствовать “своей идее”,

алчут создавать не санкционированные доминирующими “политически корректные” интерпретации положения дел, а быть причастными к “событию” истины, то для начала они должны усомниться в очевидности и непротиворечивости легитимных идентичностей. Такая научная и в то же самое время социально-критическая директива требует от российских социологов новой рефлексивности и новых научных практик. Потребна новая рациональность, решительно превосходящая обыденные предпосылки, но не отрывающаяся от повседневности в схоластические “возможные миры” непрактичного академического мышления, замкнутого исключительно на себя. Сегодня для российской социологии нет ничего более существенного, нежели отказаться от схоластической или политической ангажированности *status quo* ради захваченности научной истиной» [44, с. 183–184].

Определенные шаги в направлении выявления научной истины, в том числе и в процессе проведения риск-аналитических исследований, российской социальной наукой уже сделаны. В частности, проведенное российским специалистом в области социологии риска С. М. Мягковым сравнение данных по Японии и странам Запада показывает следующее:

1) «в западной цивилизации генетически заложены и исторически усилены черты, предопределяющие более высокую готовность к риску, чем в иных культурах. Особенно выделяется этим ее североамериканский вариант, созданный смелыми переселенцами» [45, с. 185];

2) «этносоциальные особенности восприятия и оценки риска могут влиять на величины ущерба сильнее, чем физические различия источников риска» [45, с. 187];

3) «поскольку специалисты по риску, как и все люди, не могут находиться вне той или иной социальной группы, желательно ясно понять, чьи именно интересы они представляют» [45, с. 188];

4) «в нынешней России наблюдается уникально сложное переплетение фактов риска и отношения к нему. Едва ли можно ожидать скорого консенсуса мнений и действий в сфере политики безопасности. Поэтому особенно важной представляется научно-методическая помощь всем правоохранительным и иным ведомствам, обеспечивающим общественную и общенациональную безопасность» [45, с. 188].

В связи с этим вполне обоснованными являются надежды специалистов по теории рисков на помощь социологов в решении профессиональных проблем: «...наличие сознательных элементов в социально-экономических системах является главной причиной того, что до сих пор не создано универсальных и эффективных моделей и методов в экономической науке. Для решения этой задачи

теории рисков придется брать на вооружение результаты новейших исследований из социологии и психологии, а также смежных с ними наук: бихевиоризма, социальной логики» [46, с. 15].

Завершая анализ научных ресурсов современной мировой риск-аналитики, целесообразно высказать следующее пожелание: в процессе исследования столь противоречивых и структурно сложных социально-экономических явлений, каковыми являются кризисы и риски, нельзя ограничиваться только реализацией общественных инициатив со стороны отдельных групп ученых. Экономические потери от регулярно повторяющихся кризисов и рисков событий являются столь значительными, что уже с начала XX в. для их изучения и разработки соответствующих антикризисных программ создаются специальные государственные и международные органы (комитеты, советы, группы) и иные организационные структуры (аналитические, «мозговые», ситуационные и стратегические центры, «фабрики мысли», центры публичной политики и др.): «Так, уже в 1912 г. во Франции, по инициативе правительства был учрежден Постоянный комитет для предвидения промышленных кризисов. Наступление Великой депрессии привело к созданию в 1929 г. в Великобритании Комитета по финансам и промышленности, в котором участвовал Дж. М. Кейнс, и его работа была нацелена на устранение имеющихся недостатков в денежно-кредитной системе страны. Не исключением стал и кризис 2008–2009 гг. Причем в обобщении допущенных просчетов и ошибок участвовали не только государственные институты, но и созданный в рамках ООН Совет по глобальной экономической координации. В подготовленном им докладе (“Доклад Стиглица”) была намечена система мер, призванная разрешать возникшие проблемы функционирования глобальной экономики» [47, с. 137–138].

В свою очередь, «крах фонда *LTCM* в 1998 г. и чрезвычайные меры, потребовавшиеся для предотвращения губительных последствий на глобальном уровне... привели к созданию в 1999 г. Группы по разработке политики управления риском контрагента (*CRMPG*). Эти меры стали эталоном в своей области. Тем не менее последние несколько лет регулирующие инстанции, включая ФРС США и Британскую финансовую службу, стали выражать озабоченность потенциальными риска-

ми, связанными с действиями хеджевых фондов на финансовых рынках и со сложностью управления производными ценными бумагами, все чаще используемыми в сделках. В июле 2005 г. в Нью-Йорке на второй встрече Группы (*CRMPG II*) под председательством Дж. Корригана из компании *Goldman Sachs*, бывшего президента Нью-Йоркского филиала ФРС США, был представлен доклад, содержащий 47 рекомендаций, направленных на усиление контроля за деятельностью фондов и эффективное решение проблем, возникающих в связи с использованием производных финансовых инструментов» [48, с. 190–191].

Стоит отметить, что если рассмотренные выше научные дисциплины и отдельные научные направления, связанные с изучением ключевых рискогенных концептов *кризис, опасность, вызов, угроза, дисбаланс, диспропорция, ловушка и риск*, специализируются в основном на рассмотрении того или иного рискогенного концепта и его концепт-переменных, то существующие в различных странах мира многочисленные организационные структуры (информационно-аналитические, «мозговые», ситуационные и стратегические центры; «фабрики мысли»; центры публичной политики и экспертные сообщества) группируются по трем десяткам видов выполняемой ими аналитики. Однако рассмотрению организационных ресурсов мировой риск-аналитики будет посвящена следующая наша статья.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1) научные ресурсы мировой риск-аналитики сегодня объединяют в своем составе почти полтора десятка научных дисциплин и отдельных научных направлений (в их числе кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдика, хоррорология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография);

2) проблемы изучения кризисов и рисков будут решаться более оперативно, если представителям различных секторов науки (академического, вузовского, отраслевого, корпоративного и прочих) удастся выработать единую методологию такого изучения, основополагающим принципом которого должен стать поиск научной истины.

Библиографические ссылки

1. Стариков Н. Кризис: как это делается. СПб. : Питер, 2017.
2. Вулф М. Сдвиги и шоки: чему нас научил и еще должен научить финансовый кризис / пер. с англ. А. Гусева. М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2016.
3. Башкатова А. Капитальная Матрица // Октябрь. 2011. № 12. С. 144–150.
4. Шавель С. А. Дерзание риска: философские и социологические аспекты инноваций // Философ. науки. 2016. № 7. С. 109–121.

5. Данилов А. Н. Социология революции (к 100-летию Октябрьской революции) : Республиканский круглый стол // Журнал Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 77–86.
6. Гринспен А. Карта и территория: риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования / пер. с англ. М. Бандерс. М. : Альпина Паблишер, 2015.
7. Эйхенгрин Б. Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории / пер. с англ. Е. Еловской. М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2016.
8. Голоскоков Л. В. Сетевые структуры в рамках доктрины национальной консолидации: риски и экономические аспекты безопасности // Информац. об-во. 2017. № 2. С. 23–29.
9. Кедров Б. М. Классификация наук : в 3 кн. М. : Мысль, 1985. Кн. 3 : Прогноз К. Маркса о науке будущего.
10. Щербин В. К. Постановка предельных проблем в различных отраслях знаний как показатель растущей строгости жизненного мира личности и общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 19–35.
11. Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение. Курс лекций : в 2 ч. М. : Науч. эксперт, 2011. Ч. 1.
12. Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение. Курс лекций : в 2 ч. М. : Науч. эксперт, 2012. Ч. 2.
13. Шарков Ф. И. Коммуникология: энциклопедический словарь-справочник. М. : Дашков и К°, 2009.
14. Сазерленд Дж., Кэнуэлл Д. Стратегический менеджмент. Ключевые понятия : пер. с англ. / под ред. Е. Е. Козлова. Днепропетровск : Баланс Бизнес Букс, 2005.
15. Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедический словарь / сост. А. Г. Гандылев [и др.]; под ред. В. Н. Иванова, В. И. Патрушева. 3-е изд. М. : Муниципал. мир, 2004.
16. Экономическая энциклопедия / под ред. Л. И. Абалкина. М. : Экономика Москва, 1999.
17. Синданика [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 31.10.2017).
18. Максимов Д. А., Спиридонов Ю. Д. Синданика как наука о глобальных рисках // Транспорт. дело России. 2013. № 5. С. 30–33.
19. Бехман Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / пер. А. Ю. Антоновского [и др.]. М. : Логос, 2010.
20. Мирская Е. З. Этнос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этнос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М., 2008. С. 122–143.
21. Веселовский С. Смертельная угроза // Мир через 100 лет : сб. ст. на рус. и англ. яз. / редкол. И. С. Иванов, А. В. Кортунов. М., 2016. С. 242–248.
22. Тереня Г. В. Введение в аналитику. Минск : Бонем, 2015.
23. Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М. : Новое лит. обозрение, 2004.
24. Гринин Л. Е. Русская революция и ловушки модернизации // Полис. 2017. № 3. С. 138–155. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10>.
25. Шимов В. Н. Университет в современном обществе: основные проблемы и направления развития в глобализирующемся обществе // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. 2010. № 1. (97). С. 10–15.
26. Пошелюжный С. В. Институциональная ловушка ОПК // Рос. предпринимательство. 2017. Т. 18. № 10. С. 1557–1566. DOI: 10.18334/rp.18.10.37932.
27. Теория и практика экономики и управления инновациями / под ред. Л. Н. Нехорошевой. Минск : БГАТУ, 2013.
28. Вейсингер Х., Полив-Фрай Дж. Под давлением. Как добиваться результатов в условиях жестких дедлайнов и неопределенности / пер. с англ. М. Попова. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017.
29. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью : монография. М. : Науч. эксперт, 2009.
30. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб. : Лань, 1999.
31. Смагулова Р. И. Управление рисками. Павлодар : ПМУ, 2006.
32. Касьянов А. А. Словарь-справочник руководителя: основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни. Ростов-на-Дону : Ростиздат, 2007.
33. Исмаилов А. А. Социология риска: принятие решений в условиях риска // Вестн. МГИМО-ун-та. 2010. № 4. С. 277–285.
34. Красиков С. А. Исследование рисков в западной социологии // Социолог. исслед. 2008. № 9. С. 12–19.
35. Идрисова А. А. Социально-экономическая концептуализация понятия «риск» // Вестн. Казан. технол. ун-та. Сер. Социология. 2013. С. 324–326.
36. Илькевич С. В., Шлапак В. С. Междисциплинарный подход к антикризисному управлению: последние тенденции в зарубежных исследованиях // Сервис plus. 2014. № 1. С. 51–65.
37. Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1 (50). С. 24–38.
38. Мельников С. Л. Особенности восприятия риска в социальной психологии // Актуальные проблемы охраны здоровья человека в экологически неблагоприятных условиях : сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. (Брянск, 12–14 окт. 2016 г.). Брянск, 2016. С. 235–240.
39. Рягин Ю. И. Рискология : в 2 ч. М. : Юрайт : Изд-во Урал. ун-та, 2017. Ч. 1.
40. Федотова В. Г. «Хорошее общество», «хорошая наука», «хороший человек» // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2001. № 3. С. 75–87.
41. Иванов В. Н., Гладышев А. Г., Патрушев В. И. Предисловие // Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедический словарь / сост. А. Г. Гладышев [и др.]. 3-е изд. М., 2004. С. 7–14.
42. Положихина М. А. [Реф. кн.: Сулакшин С. С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. М. : Научный эксперт, 2013] // Социал. гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит-ра. Сер. 2. Экономика. 2014. № 2. С. 183–188.
43. Фурсов А. И. «Нормальная наука» versus аналитика. Особенности состояния современного знания о мире // Свобод. мысль. 2013. № 2. С. 8–24.

44. Качанов Ю. Л. Эпистемология социальной науки. СПб. : Алетея, 2007.
45. Мягков С. М. Проблема отношения общества к риску // Проблемы анализа риска. 2004. Т. 1, № 2. С. 179–188.
46. Карасева Е. И. Междисциплинарные исследования в теории экономических рисков // Актуал. проблемы экономики и управления. 2016. Вып. 1. С. 11–16.
47. Рязанов В. Т. (Не) Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России // Партнерство цивилизаций. 2016. № 1–2. С. 110–182.
48. Клири Ш., Малре Т. Глобальные риски. Деловой успех в неспокойные времена / пер. Л. Ивановой. М. : Вопр. экономики, 2011.

References

1. Starikov N. *Krizis: kak eto delaetsya* [Crisis: how it is making]. Saint Petersburg : Piter, 2017 (in Russ.).
2. Wolf M. *The Shifts and the Shocks: What We've Learned – and Still Have to Learn – from the Financial Crisis*. London : Penguin Books, 2015. Russ. ed.: Wolf M. Sdvigi i shoki: chemu nas nauchil i eshche dolzhen nauchit' finansovyi krizis. Moscow : Publ. house of Gaidar inst., 2016.
3. Bashkatova A. [The Capital Matrix]. *Oktiabr* [October]. 2011. No. 12. P. 144–150 (in Russ.).
4. Shavel S. A. [Daring of risk: Philosophical and Sociological Aspects of Innovations]. *Philos. nauki* [Philos. Sci.]. 2016. No. 7. P. 109–121 (in Russ.).
5. Danilov A. N. Sociology of revolution (toward 100th anniversary of October revolution) : Republican round table. *J. Belarussian State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 77–86 (in Russ.).
6. Greenspan A. *The Map and the Territory: Risk, Human Nature and the Future of Forecasting*. London : Penguin Books, 2013. Russ. ed.: Greenspan A. Karta i territoriya: risk, chelovecheskaya priroda i problemy prognozirovaniya. Moscow : Al'pina publ., 2015.
7. Eichengreen B. *Hall of mirrors: the great depression, the great recession, and the uses – and misuses – of history*. Oxford : Oxf. Univ. Press, 2016. Russ. ed.: Eichengreen B. Zerkal'naya galereya. Velikaya depressiya, velikaya retsessiya, usvoennye i neusvoennye uroki istorii. Moscow : Publ. house of Gaidar inst., 2016.
8. Goloskokov L. V. [The network structures in the framework of the national consolidation doctrine: risks and economic aspects of security]. *Inf. obshchestvo* [Inf. soc.]. 2017. No. 2. P. 23–29 (in Russ.).
9. Kedrov B. M. *Klassifikatsiya nauk* [The classification of sciences] : in 3 books. Moscow : Mysl', 1985. Book 3 : [Forecast of K. Marks about the Science of Future] (in Russ.).
10. Shcherbin V. K. Creation of marginal problems in various knowledge branches as an indicator of growing austerity of lifeworld of personality and society. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 19–35 (in Russ.).
11. Kara-Murza S. G. *Krizisnoe obshchestvovedenie. Kurs lektsii* [Crisis social sciences. Course of lectures] : in 2 parts. Moscow : Nauchnyi ekspert, 2011. Part 1 (in Russ.).
12. Kara-Murza S. G. *Krizisnoe obshchestvovedenie. Kurs lektsii* [Crisis social sciences. Course of lectures] : in 2 parts. Moscow : Nauchn. ekspert, 2012. Part 2 (in Russ.).
13. Sharkov F. I. *Kommunikologiya: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Communicology: encyclopaedic dictionary-reference book]. Moscow : Dashkov i ko, 2009 (in Russ.).
14. Sutherland J. V., Kenuell D. *Strategicheskii menedzhment. Klyuchevye ponyatiya* [Key concepts in strategic management]. Dnepropetrovsk : Balans Biznes Buks, 2005 (in Russ.).
15. Galdyshev A. G., Gorodyanenko V. G., Grigoriev V. I. et al. (compl.) *Teoriya upravleniya: sotsial'no-tekhnologicheskii podkhod. Entsiklopedicheskii slovar'* [Theory of management: social-technological approach. Encyclopaedic dictionary]. 3rd ed. Moscow : Munitsipal'ny mir, 2004 (in Russ.).
16. Abalkin L. I. (ed.) *Ekonomicheskaya entsiklopediya* [Economic encyclopaedia]. Moscow : Econ. Moskva, 1999 (in Russ.).
17. Sindika [Syndinika]. *Wikipedia. The free encyclopaedia*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%B-D%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (date of access: 31.10.2017) (in Russ.).
18. Maksimov D. A., Spiridonov Y. D. Sindinika as science about the global risks. *Transportnoye delo Rossii* [Transport business of Russia]. 2013. No. 5. P. 30–33 (in Russ.).
19. Bechmann G. *The social integration of science. Institutional and epistemological aspects of the transformation of knowledge in modern society*. Berlin : Sigma, 2009. Russ. ed.: Bechmann G. Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy. Moscow : Logos, 2010.
20. Mirskaya E. Z. [Ethos of science: ideal regulations and everyday realia]. In: *Etos nauki* [The Ethos of Science]. Moscow, 2008. P. 122–143 (in Russ.).
21. Veselovsky S. [The Mortal Threat]. In: *The world in the 100 years : a collect. art in angl. and russ.* Moscow, 2016. P. 242–248 (in Russ.).
22. Terenya G. V. *Vvedenie v analitiku* [Introduction to analytics]. Minsk : Bonem, 2015 (in Russ.).
23. Epstein M. *Znak probela. O budushchem gumanitarnykh nauk* [Space character: on the future of humanities]. Moscow : Nov. literaturnoe obozrenie, 2004 (in Russ.).
24. Grinin L. E. [The Russian revolution and catches of modernization]. *Polis*. 2017. No. 3. P. 138–155 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10>.
25. Shimov V. N. [The university in the modern society: main problems and branches of development in the globalistic society]. *Vesnik Yanka Sypala state univ. Grodno. Series 5. Econ. Soc. Biol.* 2010. No. 1 (97). P. 10–15 (in Russ.).
26. Poshelyuzhny S. V. [Institutional trap of the defence-industrial sector]. *Russ. J. Entrepreneurship*. 2017. Vol. 18, No. 10. P. 1557–1566 (in Russ.).
27. Nechorosheva L. N. (ed.) *Teoriya i praktika ekonomiki i upravleniya innovatsiyami* [The theory and practice of the innovative economics and management: the teaching aid]. Minsk : Belarus. State Agrarian Technical. Univ., 2013 (in Russ.).
28. Weisinger H., Pawliw-Fry J. P. *Performing under pressure. The science of doing your best when it matters most*. New Yurk : Crown Publ. Group, 2015. Rus. ed: Weisinger H., Pawliw-Fry J. P. Pod davleniem. Kak dobivat'sya rezul'tatov v usloviyakh zhestkikh dedlainov i neopredelennosti. Moscow : Mann, Ivanov i Ferber, 2017.

29. Jakunin V. I., Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. *Novye tekhnologii bor'by s rossiiskoi gosudarstvennost'yu* [The new technologies of struggle with the Russian stateness] : monography. Moscow : Nauchnyi ekspert, 2009 (in Russ.).
30. Jatcenko N. E. *Tolkovyj slovar' obshchestvovedcheskikh terminov* [The explanatory dictionary of social sciences terms]. Saint Petersburg : Lan', 1999 (in Russ.).
31. Smagulova R. I. *Upravlenie riskami* [The risk-management: the teaching aid]. Pavlodar : PMU, 2006 (in Russ.).
32. Kas'yanov A. A. *Slovar'-spravochnik rukovoditelya: osnovnye upravlencheskie ponyatiya v gosudarstvennoi, sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi zhizni* [The dictionary-reference book of the manager: the basic management concepts in the state, social-economic and political life]. Rostov-on-Don : Rostizdat, 2007 (in Russ.).
33. Ismailov A. A. [Sociology of risk: making decisions in the conditions of risk]. *MGIMO Rev. Int. Relations*. 2010. No. 4. P. 277–285 (in Russ.).
34. Krasikov S. A. Issledovanie riskov v zapadnoi sotsiologii [Studying of risks in the Western sociology]. *Soc. Stud.* 2008. No. 9. P. 12–19 (in Russ.).
35. Idrisova A. A. [Social-economic conceptualization of notion «risk»]. *Vestn. Kazan. tekhnol. univ. Ser. Sotsiologiya* [Bull. Kazan' Technol. Univ. Ser. Sociol.]. 2013. P. 324–326 (in Russ.).
36. Ilkevich S. V., Shlapak V. S. The Interdisciplinary approach to crisis management: recent trends in international studies. *Servis Plus*. 2014. No. 1. P. 51–65 (in Russ.).
37. Nestik T. A. Global risks as a psychological phenomenon. *Path Ways Peace Security*. 2016. No. 1 (50). P. 24–38 (in Russ.).
38. Mel'nikov S. L. [Peculiarities of the risk's perception in the social psychology]. *Aktul'nye problemy okhrany zdorov'ya cheloveka v ekologicheskii neblagopoluchnykh usloviyakh* [Actual problems of human health guarding in the ecologically unfortunate conditions] : collect. mater of X Int. sci.-pract. conf. (Bryansk, 12–14 Oct., 2016). Bryansk, 2016. P. 235–240 (in Russ.).
39. Ryagin J. I. *Riskologiya* [Riskology] : in 2 parts. Moscow ; Ekaterinburg : Yurait : Publ. house Ural. univ., 2017. Part.1 (in Russ.).
40. Fedotova V. G. [«Good society», «good science», «good man»]. *Vestnik Ros. gumanit. nauchnogo fonda*. 2001. [Bull. Rus. Found. Hum.]. No. 3. P. 75–87 (in Russ.).
41. Ivanov V. N., Gladyshev A. G., Patrushev V. I. [Introduction]. In: *Teoriya upravleniya: sotsial'no-tekhnologicheskii podkhod. Entsiklopedicheskii slovar'* [Theory of management: social-technological approach. Encyclopaedic dictionary]. 3rd ed. Moscow, 2004. P. 7–14 (in Russ.).
42. Polozhichina M. A. [Review on the book: Sulakshin S. S. *Teoriya i fenomenologiya uspekhov slozhnoi sotsial'noi sistemy*. Moscow : Nauchnyi ekspert, 2013]. *Sotsial'nye i gumanit. nauki. Otechestvennaya i zarub. lit.* [Soc. Sci. Humanit. Series 2. Econ.]. 2014. No. 2. P. 183–188 (in Russ.).
43. Fursov A. I. [«Normal science» versus analytics. Peculiarities of condition of the modern knowledge about the world]. *Svob. mysl'* [Free Thought]. 2013. No. 2. P. 8–24 (in Russ.).
44. Kachanov J. L. *Epistemologiya sotsial'noi nauki* [Epistemology of the Social Science]. Saint Petersburg : Aleteia, 2007 (in Russ.).
45. Myagkov S. M. Issues of a society's attitude towards risk. *Issues Risk Anal.* 2004. Vol. 1. No. 2. P. 179–188 (in Russ.).
46. Karaseva E. I. [Interdisciplinary research in economic risks theory]. *Aktual. probl. ekonomiki i upravleniya* [Actual problems econ. management]. 2016. No. 1. P. 11–16 (in Russ.).
47. Ryazanov V. T. [(Non) Real capitalism. Political economy of crisis and its consequences for the world economy and Russia]. *Partnersh. Civiliz.* 2016. No. 1–2. P. 110–182 (in Russ.).
48. Cleary S., Malleret T. *Global risk: business success in turbulent times*. Basingstoke : Palgrave macmillan, 2007. Russ. ed.: Cleary S., Malleret T. *Global'nye riski. Delovoi uspekh v nespokoinye vremena*. Moscow : Vopr. ekonomiki, 2011.

Статья поступила в редколлегию 10.05.2018.
Received by editorial board 10.05.2018.

УДК 316.752.4 + 316.733

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ: КЕЙС ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ АУШВИЦ-БИРКЕНАУ

И. С. СУЛЬЖИЦКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Изучаются процессы десакрализации и фрагментации коллективной памяти о Холокосте в коллективных представлениях посетителей Государственного музея Аушвиц-Биркенау. Исследование этих процессов опирается на теоретическую модель, разработанную в современной культурсоциологии, которая является наиболее чувствительной при обращении к вопросам, связанным с сакрализацией и осквернением мест памяти. Рассмотрены возможности экспликации основных положений культурсоциологии в теоретическую рамку Memory Studies, а также концептуализации таких понятий, как оппозиция сакральное чистое / сакральное нечистое, коллективная память, культурная травма. Далее в ходе исследования раскрываются основные стратегии классификации Государственного музея Аушвиц-Биркенау как сакрального и профанного места памяти, детализируется тенденция, связанная с десакрализацией этого места и описания его в категориях профанного.

Ключевые слова: коллективная память; сакральное; культурсоциология; Холокост; Аушвиц; место памяти; культурная травма.

DESACRALIZATION OF COLLECTIVE MEMORY OF THE HOLOCAUST: CASE OF THE AUSCHWITZ-BIRKENAU MEMORIAL AND MUSEUM

I. S. SULZHYTSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the study of the processes of desacralization and fragmentation of the collective memory of the Holocaust in the collective representations of visitors to the Auschwitz-Birkenau Memorial and Museum. The study of these processes is based on a theoretical model developed in cultural sociology, which is the most sensitive with addressing issues related to the sacralization and desacralization of the sites of memory. The article explores the possibility of explicating the main provisions of cultural sociology in the theoretical framework of Memory Studies and conceptualization of such concepts as the opposition clean sacred / unclean sacred, collective memory and cultural trauma. Further in the course of the study, the main strategies of classifying the Auschwitz-Birkenau Memorial and Museum as a sacred and profane site of memory are disclosed. The trend of the desacralization of this place and its description in categories of profane is described.

Key words: collective memory; sacred; cultural sociology; Holocaust; Auschwitz; site of memory; cultural trauma.

Введение

После окончания Второй мировой войны и наступления ее разрушительных последствий бывший концлагерь Аушвиц-Биркенау постепенно становится символом, репрезентирующим моральные

уроки и последствия Холокоста для всего западного общества. По словам Т. Адорно, «Освенцим доказал, что культура потерпела крах» [1, с. 327], обозначив конец общества модерна, разрыв между историче-

Образец цитирования:

Сулжицкий И. С. Десакрализация коллективной памяти о Холокосте: кейс Государственного музея Аушвиц-Биркенау // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 48–66.

For citation:

Sulzhytski I. S. Desacralization of collective memory of the Holocaust: case of the Auschwitz-Birkenau Memorial and Museum. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 48–66 (in Russ.).

Автор:

Илья Станиславович Сулжицкий – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор А. Н. Данилов.

Author:

Ilya S. Sulzhytski, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. ilya_sulzhickiy@mail.ru

скими эпохами. «Аушвиц поставил под сомнение прежние конвенциональные смыслы» [2], заставив западный мир искать новые ценностные ориентиры и основания для выстраивания коллективной идентичности. Это привело к формированию новой мемориальной культуры и распространению таких способов коммеморации, которые раньше были бы невозможны [3; 4].

Международный день памяти жертв Холокоста, установленный в качестве общенационального дня памяти в Германии в 1996 г., а потом Генассамблеей ООН в 2005 г. в качестве международного, был приурочен к освобождению концентрационного лагеря Аушвиц советскими войсками 27 января 1945 г. Между тем создание официального повода для коммеморации событий Холокоста на уровне международного сообщества, другими словами, институциональное и культурное закрепление коллективной памяти об этом событии в международном календаре, говорит о начавшемся процессе институционализации смысловых кодов на уровне социальных и политических структур. Начавшийся процесс является результатом разрушения «живой», эмоционально насыщенной социальной памяти свидетелей и трансформации этой памяти в «холодную», историческую память институтов.

Процессы институционального закрепления памятных событий в календаре и других формах исторической объективации (музеи, памятники, архивы) приводят к рутинизации сакральной памяти и переходу ее в состояние профанного. Из указанного суждения возникает важный исследовательский вопрос: как возможна коллективная память «после Аушвица»? Попытки ответа на него уже предпринимались рядом исследователей [5; 6; 7; 8] и во многом были связаны с мыслью, что Холокост переопределил мемориальную культуру западного мира, а уроки Холокоста не будут забыты. Однако события последних лет заставляют поставить это императивное умозаключение под сомнение. Ответ на вопрос о том, как возможна коллективная память после Холокоста, должен быть эксплицирован путем целого ряда эмпирических исследований в русле социологии, культурологи, истории, антропологии и т. д.

Таким образом, настоящее исследование является одной из возможных попыток поиска ответа на поставленный выше вопрос, который сам по себе требует более серьезного рассмотрения и дальнейшего осмысления. В этом контексте мы попытались построить свои рассуждения вокруг четырех смысловых блоков, которые посвящены следующим те-

оретическим, методологическим и эмпирическим моментам:

1) конкретизация проблемы сакрального нечистого в исследовательской программе позднего Э. Г. Дюркгейма, а также рассмотрение культурсоциологической теории культурной травмы, которая развивает поднятые в работах Э. Дюркгейма вопросы;

2) выявление специфики коллективной памяти о Холокосте как разделяемой международным сообществом культурной травмы;

3) раскрытие содержания основных этапов проведенного эмпирического исследования и особенностей выбранной нами аналитической стратегии;

4) анализ кейса Государственного музея Аушвиц-Биркенау как объекта, репрезентирующего коллективную память о Холокосте с реализующимися в этом месте коммеморативными практиками со стороны различных сообществ.

Последовательное раскрытие указанных тематических блоков в тексте настоящей статьи также выявляет необходимость охарактеризовать специфику эмпирической базы исследования. Изучение особенностей коммеморации Холокоста, смыслы которого репрезентируются в государственном музее Аушвиц-Биркенау, проходило в два этапа. На первом этапе был проведен анализ материалов СМИ, описывающих природу бывшего концлагеря и различные развертывающиеся вокруг него конфликты. На втором этапе был проведен анализ комментариев посетителей Государственного музея Аушвиц-Биркенау, оставленных ими на специальной платформе *TripAdvisor.com* и описывающих опыт посещения этого места. В рамках второго этапа нами было проанализировано 486 комментариев, из них 204 на русском языке, 282 – на английском, в период с 2005 по 2018 гг. Методологические особенности указанного исследования будут более подробно раскрыты в тексте настоящей статьи и специальном тематическом блоке.

В итоге следует указать на то, что результаты проведенного исследования не являются ни окончательными в силу широты рассматриваемой исследовательской проблемы, ни репрезентативными в силу выбранной аналитической стратегии. Представленные в тексте настоящей статьи выводы требуют дополнительных эмпирических проверок, конкретизации и дальнейшего углубленного изучения. Тем не менее описанные результаты позволяют наметить некоторые тенденции, связанные с изменением смыслового статуса Государственного музея Аушвиц-Биркенау и процессов его десакрализации.

Культурная травма и теория сакрального

Э. Дюркгейм определял бинарный характер коллективных представлений в качестве универсального не только для первобытного религиозно-

го культа *per se*, но и для современных сообществ. Основанием бинарной логики коллективных представлений является двойственность челове-

ской природы, которая отражает индивидуальный и коллективный модусы человеческого существования [9]. Во всех культурах существуют сакральные вещи, выражающие чувства коллективности, единства, сплоченности, и профанные, выражающие мир рутины, повседневности, борьбы за существование и реализации утилитарных целей. Оппозиция сакральное/профанное, которая строится на противопоставлении коллективного и индивидуального, является первичной по отношению к разнообразным сложным культурным классификациям, в т. ч. по отношению к оппозиции добра/зла, в которой обе антагонистические сущности являются составными элементами сакрального как такового [10]. Сама по себе упомянутая оппозиция относится к тому, что Э. Дюркгейм обозначал как двойственность сакрального, т. е. его способность принимать формы как светлых, жизнеутверждающих, так и темных, разрушительных сил. Сакральное чистое ограждено от сакрального нечистого символическими границами, и оба эти элемента ограждены от профанного.

Для того, чтобы упорядочить коллективные эмоции, связанные с соприкосновением с темными силами (смерть, разрушение, хаос), существует особый тип коллективных практик, которые обозначаются как искупительные ритуалы. «Любое несчастье, все, что предвещает какая-то беда, все, что вызывает чувство тревоги или опасения, требует *piaculum* и, соответственно, называется искупительным»¹, – отмечает Э. Дюркгейм [11, р. 392–393], тем самым выстраивая концептуальную рамку для обозначения сакрального нечистого как всего того, что способно вызывать негативные социальные эмоции высокой интенсивности в том или ином сообществе. Контакт с сакральным нечистым приводит к тому, что сообщество запускает ритуальные механизмы очищения, тем самым стараясь ликвидировать разрушительные последствия подобного контакта. В качестве примера искупительного ритуала Э. Дюркгейм рассматривал траурные церемонии, которые были призваны защитить общество от соприкосновения со смертью. Сам по себе траур является демонстративным, публичным выражением социальных эмоций, связанных с горем, болью от утраты и страданием. Э. Дюркгейм подчеркивает, что публичное выражение эмоций носит исключительно социальный характер, что зачастую не связано с индивидуальными переживаниями.

Сакральное нечистое, репрезентирующее разрушительные для сообщества силы, также необходимо, как и представления о светлых силах, т. к. источником сплоченности группы может служить как общая радость, так и общий траур. Сообщество не стремится забыть то или иное событие, клас-

сифицированное как нечистое, если переживание и преодоление этого события способно объединить людей. Чем бы ни было вызвано ощущение сакрального, символы и представления, репрезентирующие эти силы или явления, будут отражать то эмоциональное состояние, в котором пребывают члены группы. То или иное событие само по себе не способно быть сакральным или профанным в силу своей природы, также оно не может быть изначально чистым или нечистым. События, происходящие в сообществе, классифицируются этим сообществом и наделяются тем или иным статусом за счет сложных ритуальных механизмов.

Помимо морального принуждения со стороны сообщества по отношению к его членам, существует связь другого рода: чем сильнее ощущение коллективом собственной идентичности, тем более вероятно, что человек сам будет испытывать необходимость переживать вместе с другими как светлые, так и темные периоды коллективного существования. Коллективно проявленные эмоции усиливаются в ходе очистительных ритуалов, где эмоциональная экзальтация достигает высокой степени интенсивности, при которой индивидуальное сознание перенимает коллективные идеи и установки, интериоризируя их в качестве своих собственных.

Тем не менее не только опыт переживания смерти одного из членов сообщества может служить источником представлений о сакральном нечистом. Так, любое событие, реальное или наделенное статусом реальности, которое непосредственно угрожает жизни всего сообщества и сохранению его единства и солидарности, запускает ритуальные механизмы очищения, которые наделяют данное событие статусом сакрального нечистого [10; 11]. Стоит отметить важную черту искупительного ритуала: он восстанавливает разрыв смысловой когерентности и социального порядка и ликвидирует негативные для сообщества последствия этого разрыва. Жизнь коллектива, потрясенная переживанием травматического события, приходит в норму, интенсивные эмоции утихают, в результате чего возникает новый символический порядок, в котором темные разрушительные силы размещаются внутри восстановленных смысловых границ.

Как было сказано выше, контакт между сакральным чистым и сакральным нечистым находится под запретом, и в случае его осуществления происходит осквернение, вызванное разрушением символических порядков и культурных кодов, отражающих представления сообщества о самом себе. Между тем сакральные чистые и сакральные нечистые силы, будучи отражением разнообразия коллективного существования, могут переходить из одного состояния в другое ввиду того, что «они

¹Здесь и далее перевод наш. – И. С.

отражают эмоциональное состояние, в котором находится группа, и изменения его состояния достаточно, чтобы изменилась их сущность» [11, р. 416].

Очевидно, что коллективная память, будучи элементом культурной системы, также структурирована отношениями между сакральными светлыми событиями, вызывающими чувства радости, гордости и почитания, и сакральными нечистыми событиями, побуждающими людей чувствовать траур, вину или сожаление. Культурсоциология, инкорпорирующая в себя язык социологии позднего Э. Дюркгейма, наиболее плотно приблизилась к пониманию коллективной памяти как объекта сакрализации, тем самым разместив представления о прошлом между двумя полярными состояниями: триумфом и травмой [12]. Так, сакральное нечистое, становясь частью коллективной памяти, приобретает статус культурной травмы.

Один из основателей культурсоциологии, Дж. Александер, предложил трактовку культурной травмы, которая органично вписывается в теоретическую рамку дюркгеймианской социологической программы. Он предлагает рассматривать травму как результат деятельности сообщества по классификации и кодификации элементов социальной жизни [13]. Это означает, что событие само по себе не обладает травматической природой, а становится таковым в силу того, что «травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества» [13, с. 270]. Таким образом, Дж. Александер меняет основные принципы рассмотрения травматических событий, перемещая их из области онтологии в область гносеологии. Именно общество посредством культурных кодов и классификаций способно наделить событие тем или иным смыслом, в силу чего само это событие будет способно влиять на сообщество. Только будучи осмысленным и помещенным в символические границы, некоторое событие становится идентифицируемым. Культурная травма, став частью коллективной памяти, формирует идентичность, хотя события, которые легли в основу культурной травмы, могли даже не происходить в действительности. В итоге «культурная травма означает драматичную утрату идентичности и смысла, прореху в ткани общества, которая воздействует на группу людей, достигших определенной степени сплоченности» [14].

Для того, что бы описать процесс того, как культурная травма приобретает в сообществе статус таковой, Дж. Александер использует модель спирали означения [13, с. 275–276]. Определенные группы, являющиеся «группами носителей» [13, с. 179], т. е. имеющие определенные интересы и обладающие возможностью влиять на общественное мнение, делают заявление о травме, создавая публичный нарратив. Для того, чтобы созданный ими нарратив о травме стал коллективно разделяемым, группы носителей должны обладать определенным символическим капиталом, доступом к средствам

массовой информации, а также успешно использовать существующие культурные схемы и смыслы. Каждое заявление о травме направлено на определенную аудиторию, будь то отдельные группы или широкие слои населения. Однако аудитория может не принять заявление о травме, и в таком случае замысел группы носителей, которая стала инициатором конструирования культурной травмы, не сможет реализоваться. Для того, чтобы аудитория восприняла идею травмы, группы людей (жертвы), которые оказались под непосредственным влиянием травматического события, должны быть описаны и репрезентированы в массовом сознании таким образом, чтобы представители широкой аудитории смогли идентифицировать их как своих. В конечном итоге конструирование культурной травмы может быть описано как процесс, при котором определенные социальные группы, используя существующий культурный код, а также символические и институциональные ресурсы, транслируют некоторой аудитории сообщение о травме, в результате чего создаются новые элементы культурной классификации, т. е. коллективные представления.

Процесс конструирования травмы сопровождается дебатами, широким освещением в СМИ, скандалами, поисками виновных, публичными судами и общественным резонансом, т. е. очистительными ритуалами, символическими действиями, не имеющими материальных целей, которые призваны очистить и оградить сообщества от негативных последствий, и лиц, которые были признаны в качестве виновных. Однако очистительные ритуалы, которые заново создают коллективную идентичность и морально преобразуют сообщество, обновляя систему коллективных представлений, в итоге снимают состояние эмоционального напряжения, «проводят новую резкую границу между злом и добром» [13, с. 335]. Для того чтобы общество могло иметь представление о добре и благе, ему необходимо знать, как выглядят зло и патология [10; 13]. В силу своего статуса культурная травма всегда подразумевает некоторое совершенное в прошлом зло, которое имеет последствия в настоящем, она черпает свою силу из сакрального нечистого.

Регулярное вспоминание травмы, ее репрезентация и осмысление в совокупности с различными очистительными ритуалами приводят к тому, что она становится элементом повседневного социального порядка. Другими словами, «спираль означения разряжается», а коллективные представления, связанные с травмой, «объективизируются в памятниках, музеях и собраниях исторических артефактов» [13, с. 298]. Таким образом, травматические события, некогда бывшие предметом всеобщего внимания и обсуждения, теряют свою аффективную и сакральную силу и даже часто становятся объектом профанации, т. е. непочтительного, безразличного или циничного отношения.

Культурная травма и коллективная память о Холокосте

Как уже было сказано, процесс переживания культурной травмы приводит к тому, что она становится неотъемлемым элементом коллективной памяти. Однако данное положение требует более детального рассмотрения. Так, на уровне символических классификаций и систем знания коллективная память может пониматься как символически опосредованная и эмоционально окрашенная система коллективных представлений о прошлом, разделяемая большинством членов определенного сообщества, которая создается, поддерживается и возобновляется в ходе коммеморативных практик и является основой групповой идентичности и солидарности. Коллективная память может иметь сакральный характер и описываться как структурное сопряжение элементов внутри бинарной оппозиции триумф/травма.

Культурная травма как один из полюсов коллективной памяти является не только травматическим событием или даже процессом, но и рамкой, которая структурирует коллективные представления о прошлом, закрепляя их внутри символических границ. Культурная травма принимает образ конкретного и осознанного бедствия лишь в прошествии времени, т. е. существует в коллективной памяти и с ее помощью приобретает актуальность в настоящем. Культурная травма может пониматься как «коллективная память, форма воспоминания, которая лежит в основе человеческой идентичности» [14]. Таким образом, травматические события, которые репрезентируются в коллективной памяти, могут быть использованы в качестве фундамента для выстраивания коллективной идентичности. Учитывая прочную укорененность культурной травмы в коллективной памяти, Р. Айреман, ссылаясь на П. Штомпку, предлагает говорить о травматических эффектах, а не о событиях [14]. Это означает, что группы людей могут не быть свидетелями, которые пережили травматическое событие, однако несмотря на это они могут испытывать травматический эффект как результат культурной репрезентации травматического прошлого. В итоге культурная травма как элемент коллективной памяти существует на двух уровнях: как система символических практик (ритуалов, памятников, символов и т. д.), призванных визуально воплотить прошлое в настоящем и укрепить символический порядок, и как дискурс, цель которого «заново интерпретировать прошлое, чтобы примириться с потребностями настоящего и будущего» [14].

Помимо того, что культурная травма как элемент коллективной памяти представлена одновременно на материальном и дискурсивном уровнях, она имеет определенные темпоральные границы и связана с динамикой поколений. Так, один из ос-

нователей социологии памяти, М. Хальбвакс, считал, что коллективная память существует до тех пор, пока существует та социальная группа, которая ее поддерживает [15; 16; 17]. Изменения в коллективных представлениях о прошлом отражают групповую динамику и смену социальных групп во временном и пространственном измерениях. Опираясь на идеи М. Хальбвакса и Э. Дюркгейма, Я. Ассман предлагал различать «горячую», т. е. коммуникативную, память свидетелей, которая разделяется членами определенной группы, имевшими непосредственный опыт переживания того или иного события, и культурную память, т. е. «мертвую», зафиксированную в символах и социальных институтах, и не имеющую живых свидетелей [18]. Такая память не имеет онтологической укорененности в прошлом, а существует в настоящем. А. Ассман также использует это различие и выделяет в структуре коллективной памяти социальную, представленную в виде общих воспоминаний определенной группы, которые формируются посредством коммуникации и являются результатом коллективно пережитых событий [3; 4]. Развивая теорию поколений К. Мангейма [19], социологи Г. Шуман и Ж. Скотт приходят к выводу о том, что существует «память поколений», т. е. «воспоминания о важных политических событиях и социальных изменениях структурированы по возрасту» [20, с. 59]. В данном случае наиболее важными событиями для определенного поколения становятся те, которые были пережиты в моменты юности. С другой стороны, память поколения является селективной не только в отношении событий, которые необходимо помнить, но и в отношении событий, которые должны быть преданы забвению. Таким образом, каждое новое поколение переопределяет границы и элементы коллективной памяти, предлагая новые правила понимания прошлого. По этому поводу А. Ассман замечает, что «новое поколение во все большей мере принимает на себя “интерпретативные полномочия”, заявляя о себе собственными представлениями, эмоциями, идеями, ценностями и концепциями», в то время как поколение-68, которое было ответственно за формирование мемориальной культуры современной Западной Европы, уходит с исторической арены [4, с. 10]. Другими словами, «фактически роль юности или нового поколения – дать обществу по-новому взглянуть на себя» [14].

Однако если смена поколений и возрастные параметры влияют на содержание групповой памяти, то временная динамика культурной (сакральной) памяти, которая не зависит напрямую от жизни конкретных людей и групп, нуждается в дополнительных прояснениях. Очевидно, что смена поколе-

ний не является единственным условием, которое влияет на воссоздание травмы в коллективной памяти. Травматическое прошлое способно влиять на последующие поколения даже в тех случаях, когда живых свидетелей самих событий уже не осталось. По этому поводу Р. Айерман замечает, что «примерно каждые двадцать или тридцать лет люди обращаются назад и реконструируют “травматическое” прошлое» [14]. Для того, чтобы обозначить память последующих поколений, М. Хирш вводит понятие «постпамять» [21]. Основным механизмом формирования представлений о прошлом в постпамяти становится «разработка», конструирование прошлого, его репрезентация, разыгрывание в настоящем. Постпамять объединяет различные группы в пространстве и времени, позволяя переживать боль других как свою собственную. Основным источником таких переживаний М. Хирш видит прежде всего репрезентацию травмы в искусстве, передачу прошлого через эстетический опыт. В связи с этим возникает вопрос: что происходит с коллективной памятью, когда способы и формы репрезентации прошлого в настоящем исчерпывают себя и перестают вызывать эмоциональный отклик у последующего поколения? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо понять, в какой момент травматическое прошлое стало определять коллективную идентичность, было ли это характерно для европейского общества всегда или является элементом «духа времени».

Так, по замечанию А. Ассман, начиная с 1980-х гг. в обществе позднего модерна начинает формироваться новый темпоральный режим, где на первый план выходят такие понятия, как «память», «культура» и «коллективная идентичность» [22]. На фоне этих изменений в восприятии времени и истории начинает складываться трагический нарратив, в контексте которого Холокост как культурная травма становится центральным элементом и приобретает свой окончательный статус общемирового сакрального зла [13]. В отличие от стратегии преодоления зла, которая была свойственна прогрессивному нарративу, рамки трагического нарратива предполагали постоянный ритуальный возврат к теме Холокоста, что стало «единственным способом гарантировать, что такое событие “больше никогда” не произойдет» [13, с. 163]. Однако постоянное ритуальное очищение и возврат к травме не могли бы продолжаться вечно, т. к. цель искупительных ритуалов в итоге – эмоциональная разрядка и восстановление нормативного и культурного порядка. Переживание травмы Холокоста привело бы к рутинизации этого события и, возможно, в дальнейшем – к забвению. На наш взгляд, Дж. Александер достаточно оптимистично оценивает данный процесс, указывая на то, что «набирающий мощь импульс увековечить Холокост указы-

вает на усиливающуюся институционализацию его нравственных уроков... а не на превращение этих уроков и событий в обыденность и не на предание их забвению» [13, с. 237]. Даже превращение Холокоста и символов, которые его репрезентируют в объект потребления, по мнению Дж. Александера, не говорит о забвении травмы, т. к. практики потребления не затрагивают сферу смысла. «Смена культурного оформления, а не смена экономического статуса указывает на превращение травмы в банальность и предание ее забвению», – резюмирует Дж. Александер [13, с. 236].

Смена культурного оформления воплощается и наблюдается в практиках, которые реализуются в определенном временном и пространственном континууме, т. е. в местах памяти. Места памяти служат для того, чтобы разрушать «барьер между памятью, основанной на личном опыте, и коллективной памятью» [3, с. 36], выразить коллективные представления о прошлом в наблюдаемых формах. Являясь элементом репрезентаций общезначимого прошлого, такие объекты становятся сакральными, наделяются особым статусом, отделяющим их от мира профанного, т. е. обыденного. Места памяти связаны с паломничеством – особой ритуальной (символической) практикой ввиду того, что «эта часть культурной памяти недвижима, ее нельзя перемещать; нужно самому совершить путешествие, чтобы соприкоснуться с ней» [3, с. 136]. Репрезентация прошлого в местах памяти связывает коллективные представления в синхроническом и диахроническом измерениях, а также локализует их в социальном и физическом пространстве за счет «устойчивости» и «повторяемости» символических форм и ритуальных практик [3]. Как замечает А. Ассман, «культурная память, сберегаемая для будущего, хранится не только в библиотеках, музеях и архивах – она привязана и к определенным топографическим координатам» [3, с. 136].

В современном обществе особой формой организации мест памяти становятся мемориалы – места публичной (чаще всего светской) коммеморации, привязанные к какому-либо историческому событию или лицу, которые имеют для общества особую значимость. Появление мемориалов является свидетельством институционализации коллективной памяти, ослабления аффективной и усиления нормативной связи между прошлым и настоящим. В то время как мемориалы связаны с конституированием и поддержанием позитивных смысловых структур в настоящем, существуют так называемые травматические места, «поддерживающие негативную память» [3, с. 137]. Другими словами, они репрезентируют сакральные нечистые силы и смыслы, связанные с разрушением социального порядка. В отличие от музеев

и мемориалов травматические места способны оказывать на посетителей сильное эмоциональное воздействие (особая аура, атмосфера, энергетика и т. д.) за счет широкого спектра способов драматической репрезентации, где имевший место исторический факт сливается воедино с театральной постановкой.

Однако как и травматическая память, травматические места являются объектом институционализации и музеификации, что приводит к потере экспрессивной силы и трансформации паломничества в туризм. Для иллюстрации потери травматическим местом аффективной силы А. Ассман приводит слова бывшей узницы Аушвица Рут Крюгер, которой удалось пережить опыт заключения в трех концентрационных лагерях: «Однажды я посетила Дахау, поскольку этого захотели мои американские друзья. Там все было чисто, ухожено, и требовалось гораздо больше фантазии, чем это бывает у обычных людей, чтобы представить себе, что здесь происходило сорок лет тому назад. Камни, доски, бараки, плац для построения. Древесина пахнет свежо и терпко, по просторному плацу разгуливают ветерки, а бараки выглядят прямо-таки гостеприимно. Что тут может прийти в голову, какие ассоциации? Скорее туристический кемпинг, нежели мучения и пытки» [3, с. 140]. Так, один из аспектов институционализации связан с тем, что коммеморация превращается в бизнес. Места памяти требуют существенных финансовых и организацион-

ных затрат для поддержания своей сохранности, им нужны развитая инфраструктура, постоянное привлечение публики, поиск источников финансирования [2]. Трансформация места памяти в туристический объект позволяет, с одной стороны, привлечь необходимые ресурсы для сохранения места памяти в целостности, а с другой – приводит к тому, что место теряет свою сакральную силу ввиду распространения практик, которые относятся к миру профанного (потребление, развлечение, рекреация). В итоге музеификация Холокоста создает ситуацию, в которой «объединяются моделируемая травма и потребление, моральные потрясения и режимы социально приемлемого поведения посетителей» [23, с. 95].

Поставленный нами исследовательский вопрос о том, каким образом меняется символический статус концлагеря, приобретает свой окончательный смысл. Ведут ли новые формы коллективно исполняемых практик к изменению стратегий классификации и символической репрезентации? Влияет ли распространение утилитарных практик, характерных для профанного мира, на смену культурного оформления? Приводят ли эти практики к изменению стратегий классификации и символической репрезентации Аушвица как места памяти? Однако прежде чем приступить к рассмотрению результатов осуществленного исследования, следует осветить некоторые особенности выбранной нами методологической стратегии.

Методологические замечания

Коммеморация, как процесс коллективного конструирования и обновления представлений о прошлом, проходит на двух взаимосвязанных уровнях: уровне коллективно исполняемых практик и уровне коллективных представлений, которые проявляются в символических репрезентациях, т. е. в различного рода культурных дискурсах. Концептуализация понятия «культурная травма» как определенного символического кода, который приписывается тому или иному социальному явлению, предполагает расшифровку символической реальности, структурирующей и наделяющей смыслом действия акторов. В силу внимания культурсоциологии к символическому измерению культуры данное направление развивает собственную аналитическую стратегию, которая обозначается как структурная герменевтика [24].

Основные положения данной стратегии были изложены в сильной программе культурсоциологии [24], затем развиты в теории социального перформанса [25]. Сильная программа развивает тезис об относительной автономии культуры, которая может пониматься в качестве объясняющей, а не только зависимой переменной. Культура в сильной программе обозначается как система коллективно

разделяемых смыслов, которые носят аффективный характер и основаны на бинарной оппозиции сакральное / профанное. Используя широкий спектр методов и концептуальных схем, структурная герменевтика направлена на выявление внутренней культурной логики и смысловой структуры социальных явлений, в т. ч. и социальных действий. Социальная практика здесь понимается как текст, который подлежит расшифровке в соответствии с разделяемыми культурными кодами.

Отдельного внимания заслуживают особенности работы культурсоциологии с дискурсивными практиками, которые, являясь частью социальной практики [26], непосредственно представлены исследователю в виде наблюдаемого текста. Другими словами, дискурсивные практики, или практики символической репрезентации коллективных представлений в речевых актах, являются для культурсоциологии наиболее релевантным объектом для изучения.

Таким образом, культурсоциология использует принципы анализа текста и дискурса исходя из тезиса об автономности культуры, в соответствии с которым дискурс понимается как «знаковая система», структурируемая символическими класси-

фикациями и культурными кодами. Как замечает Дж. Александер, «коды создают сложный дискурс для любой отдельно взятой подсистемы, потому что они состоят из длинных цепочек понятий, а не из единственной бинарной пары. Более того, поскольку наши коды нагружены символикой сакрального и профанного, они предлагают ответ на специфически культурные проблемы интерпретации, а также на системные проблемы направления потоков коммуникации, информации и выводов» [13, с. 343].

В итоге осуществление анализа коммеморации с учетом сильной программы в культурсоциологии и дюркгеймианской традиции предполагает движение исследователя по определенной траектории, которая очерчивает себя через раскрытие ряда категорий и присущих им индикаторов, которые могут быть обнаружены в культурных текстах. Теоретическая концептуализация этих категорий позволит в дальнейшем структурировать полученные эмпирические данные и встроить их в заданную объяснительную модель. Рассмотрим эти категории более подробно:

1) категории, связанные с фоновыми коллективными представлениями и существующими сценариями (скриптами) осуществления коммеморативных практик [25]. Системы классификации, обладающие внутренней логикой и формирующие определенные принятые модели коллективной коммеморации, репрезентированы в культурных текстах. В качестве наблюдаемых форм представления зафиксированы в символических действиях, таких, например, как публичные выступления, дебаты, скандалы. Коллективные представления носят коллективный характер и указывают на конкретное сообщество, т. е. группу носителей, заинтересованных в универсализации присущего разделяемого ими смыслового порядка;

2) категории, указывающие на коллективных или индивидуальных актеров, т. е. основных участников перформанса [25]. Актеры связаны с определенными группами и выражают их интересы по установлению символического консенсуса и универсализации культурного кода. Актеры – это действующие индивиды, которые появляются на публике и говорят от имени той или иной группы;

3) категории, обозначающие способы и средства символического воспроизводства [25]. Контроль над последними осуществляют группы носителей. Коллективные идеи и чувства не смогли бы существовать автономно, если бы не были закреплены в символах. Между тем символы наделяются смыслом посредством исполняемых практик со стороны аудитории, и только уже созданный и зафиксированный в сознании символ может быть побудителем к действию. С другой стороны, символы могут

ассоциироваться наблюдателем не только со светлыми, но также и с темными, разрушительными силами, т. е. с сакральным нечистым. Определенные стратегии интерпретации символов указывают на принадлежность индивида к тому или иному сообществу, или *аудитории*;

4) категории, описывающие мизансцену [25]. Любой социальный перформанс локализован в пространстве и времени. Именно в границах мизансцены (места памяти) осуществляется коммеморация, существуют определенные символы и реализуются те или иные сценарии;

а) категории, описывающие аудиторию. Аудитория – это группы, которые осуществляют работу по расшифровке и интерпретации сообщений и действий актеров и стоящих за ними смысловых порядков. Дополнительные категории, характеризующие воздействие перформанса на аудиторию, – практики и эмоции;

б) категории, выражающие коллективные практики. Другими словами, индивиды, обладают возможностью наблюдать практики других и раскрывать их в нарративе, приписывая им некоторый смысл и упорядоченность. Дюркгеймианское понимание коллективных практик позволяет кодифицировать их через соотношения исполняемых действий и смысловых порядков, и в нашем случае принципиальным моментом будет являться регистрация в изучаемых комментариях практик осквернения, т. е. действий, которые связаны с нарушением границ между сакральным и профанным;

в) раскрытие категорий, которые описывают переживаемые и наблюдаемые посетителями эмоции. Индивид способен регистрировать и описывать не только действия других, но и их эмоциональное состояние в момент ритуального взаимодействия. Более того, нарративы, описывающие опыт участия в коммеморативных практиках, рассматриваются нами именно как интерпретация эмоциональных состояний, испытанных в ходе ритуала. Именно в исполняемых практиках и производимых ими эмоциях рождаются коллективные представления как интерпретация пережитого группой опыта.

В случае, когда аудитория интерпретирует свой опыт участия в ритуале в соответствии с теми смыслами, которые были высказаны группами носителей, перформанс считается успешным. В обратном случае происходит т. н. перформативный провал [25], т. е. аудитория создает альтернативный смысловой порядок исходя из своего опыта участия в перформансе в силу того, что актеры не смогли убедить аудиторию в достоверности своих собственных действий и намерений.

Таким образом, эмпирическое насыщение указанных категорий позволяет раскрыть процесс, при

котором успешное осуществление коммеморативного ритуала приводит к созданию нового смыслового порядка. В данной ситуации разнородные символы и смыслы с учетом их аксиологической нагрузки, выстраиваются в определенной континуальности, крайние позиции которой замыкают их полярные значения.

В итоге нам бы хотелось осветить ряд принципиальных критических моментов. Первый из них – аудитория перформанса. Для Дж. Александера аудитория перформанса представлена наблюдателями, т. е. людьми, которые визуально включены в реализуемое актерами действие и осуществляют процесс интерпретации. Однако данная модель имеет некоторые недостатки. Во-первых, как показывает П. Сноу, Дж. Александер недостаточно внимания уделяет креативному потенциалу аудитории, которая за счет воображения способна создавать альтернативные смыслы и тем самым играет активную роль в осуществлении перформанса [27]. Во-вторых, драматическая репрезентация осуществляется при активном участии в ритуале не только «актеров», играющих роль, но и всех остальных членов сообщества, которые допускаются к ритуалу [11]. Таким образом, социальный перформанс можно охарактеризовать не столько как процесс, аналогичный театральной постановке, сколько как ситуацию, в которой от групп носителей исходит ритуальный импульс, совместная реализация которого со стороны актеров и аудитории может привести к тому,

что «социальные события... становятся перформансами... если они за счет ресурсов воображения и творчества создают горизонт альтернативных возможностей для изменения той или иной ситуации» [27, с. 77]. Главное отличие актеров от аудитории – доступ к средствам символического производства и публичному дискурсу. Несмотря на это, активные участники перформанса со стороны публики, интересы которых прямо не представлены в дискурсе, могут создавать альтернативные ритуальные стратегии, не согласующиеся со сценариями первого плана, которые создаются группами носителей.

Использование Дж. Александером понятия перформативного действия позволяет нам рассмотреть дискурсивную практику более детально. Первая особенность изучения дискурсивных практик состоит в том, что дискурс не является непосредственно наблюдаемым для исследователя, однако он способен проявлять себя в качестве верифицируемой эмпирической реальности именно в дискурсивных практиках [26]. Речь также является социальной практикой, которая, с одной стороны, выражает коллективные представления (понятия, зафиксированные в языке), а с другой – сама по себе является социальным актом. Открытие перформативных высказываний Дж. Остином служит убедительным доказательством этого положения. Таким образом, структурная герменевтика как метод интерпретации сопрягается с прагматикой культуры как объяснительной моделью.

Аушвиц между сакральным и профанным

1. Смысловой фон: культурные тексты и сценарии первого плана. В специальной брошюре [28], которая была выпущена руководством музея в 2010 г. помимо остальных тем уделяется внимание противоречивому статусу Аушвица. Так, отмечается, что Аушвиц-Биркенау стал сакральным местом памяти еще до официального открытия музея. В тексте заявляется, что люди совершали паломничество, «чтобы помолиться и отдать дань памяти убитым» [28, с. 13]. После того как Аушвиц официально становится музеем, формируется амбивалентная культурная логика и стратегии кодирования этого места. Аушвиц сохраняет свой статус места памяти, сопряженного с сакральным злом. Он рассматривается, с одной стороны, как «подлинное место преступления, совершенного нацистами во время Второй мировой войны» [28, с. 14]; «незажившая рана на совести мира», которая напоминает «о самых мрачных моментах в истории человечества» [28, с. 32]. С другой стороны, руководство музея признает, что Аушвиц-Биркенау является местом столкновения разных мнений и интересов. Так, после официального открытия музея у общественности возник вопрос: чем является Ауш-

виц-Биркенау: музеем или мемориалом? В тексте подробно раскрывается характер этих дебатов: «предметом дискуссии остается также название “музей”. Не все одобряют определение “Государственный музей Аушвиц-Биркенау”. Одни придерживаются мнения, что бывший лагерь – это прежде всего кладбище, другие – что это мемориал памяти, а третьи считают, что это институт памяти, центр воспитания и исследования судеб убитых здесь людей. Фактически музей исполняет все эти функции, так как они взаимно не исключаются, а дополняются» [28, с. 13].

Для того чтобы снизить конфликтное напряжение, была создана специальная комиссия – Международной освенцимский совет, деятельность которого направлена помимо всего на решение «вопросов, не связанных непосредственно с самим музеем, но имеющих широкий общественный резонанс в Польше и за границей (например, проблема т. н. супермаркета, монастыря кармелиток или крестов в бывшем гравийном карьере)» [28, с. 15]. Однако, по мнению руководства, двойственный статус Аушвица как мемориала и музея не разрушает особой ауры и смысла этого места, которое

остается объектом паломничества и соприкосновения с сакральным. Таким образом, руководство музея допускало существование двух противоречивых сценариев коммеморации, которые соответствуют поддерживаемому двойственному ста-

тусу Аушвица-Биркенау. В контексте работы групп носителей по утверждению Аушвица как символа Холокоста символические классификации, описывающие бывший концлагерь, приняли следующий вид (табл. 1):

Таблица 1

Смысловая структура Аушвица-Биркенау

Table 1

The semantic structure of Auschwitz-Birkenau

Смысловая структура Аушвица-Биркенау (уровень дискурса)	
Сакральное	Профанное
Мемориал	Музей
Паломничество	Туризм
Тишина	Шум
Лишения	Комфорт
Траур	Торжество
Размышления	Развлечение
Память	Политика

2. Публичные скандалы и группы носителей. Альтернативные сценарии. Как было сказано выше, Аушвиц-Биркенау является травматическим сакральным местом памяти, живым свидетельством Холокоста, которое существует в двух измерениях: как памятник прошлого и как символ настоящего. Однако процессы институционализации моральных уроков Холокоста приводят к ситуации, когда «время эмоциональной памяти безвозвратно прошло» [3, с. 171], а сам Аушвиц-Биркенау становится объектом различного рода публичных скандалов. Несмотря на то, что «ничто так не оживляет мемориальный дискурс, как скандалы» [3, с. 155], само наличие скандалов указывает на наличие и осуществление новых, нехарактерных для статуса этого места социальных практик, которые приводят к его осквернению и профанизации, а также на множественность групп носителей, которые эти практики осуществляют.

Так, в 2015 г. посетители подвергли критике руководство музея за установку распылителей воды для увлажнения воздуха. Это нововведение напомнило некоторым о газовых камерах, которые во время Холокоста были замаскированы под душевые комнаты, что было воспринято как осквернение сакрального места. Это заставило представителей музея выступить с объяснением своих действий, которые были объяснены заботой о посетителях. В 2016 г. произошла аналогичная ситуация с установкой специальных душевых перед входом в концлагерь, которые также были призваны спасти посетителей музея от жары. В 2017 г. руководство музея раскритиковало конгрессмена

США Клея Хиггинса, который во время посещения записывал видео на телефон и разговаривал, находясь внутри газовой камеры, где принято хранить молчание.

Отдельного внимания заслуживают практики селфи на фоне самого Аушвица и представленных в нем экспонатов (к примеру, фотографии на фоне обуви убитых), которые периодически оказываются в центре общественного порицания. Так, председатель Ассоциации дружбы жертв Холокоста Лилиан Блэк, чей отец был узником Аушвица, выступила с заявлением, осуждающим действия британских туристов, которые в итоге привели к международному скандалу: «Люди должны думать о том, где они находятся, и возвращаться к тому моменту, когда эти лагеря были местами убийства и геноцида. Подумайте о тысячах мертвых истощенных тел, которые лежат там, где вы стояли» [29].

Один из наиболее серьезных политических скандалов вокруг Аушвица-Биркенау был связан с семидесятой годовщиной освобождения концлагеря советскими войсками. Данный конфликт отчетливо проявил наличие противоборствующих политических группировок, которые представляли интересы разных государств, стремящихся использовать культурную травму Холокоста в качестве мощного культурного ресурса своей политики памяти. В частности, в русле данного конфликта проявилось глубокое напряжение вокруг Аушвица-Биркенау, который из сакрального места памяти трансформировался в арену столкновения политических интересов.

Процессы десакрализации Аушвица продолжали проявляться в различного рода оскверняющих практиках. Так, в марте 2018 г. молодой израильский турист при посещении Аушвица справил нужду на памятник жертвам Холокоста, в результате чего был задержан полицией и оштрафован. Годом ранее, семнадцатилетний американец нацарапал свое имя на одном из барачных концлагеря. Эта ситуация была отягчена тем, что сам молодой человек, по сообщениям СМИ, являлся учащимся школы, которая готовит будущих раввинов. Также следует сказать о на шумевшем перформансе на фоне знаменитых ворот Аушвица. Несмотря на то, что, по словам участников акции, мотивы таких действий были прямо противоположны акту неуважения к памяти о Холокосте, дело было классифицировано как акт осквернения и получило широкий резонанс прежде всего в польском сообществе, в рамках которого обвиняемые понесли наказание в виде штрафов и лишения свободы.

На фоне политических конфликтов и участвовавших случаев осквернения мемориала директор музея Аушвиц-Биркенау П. Цывиньский написал открытое письмо, в котором радикальным образом обозначил проблему памяти о Холокосте. «Весь современный мир сейчас все больше и больше живет, как будто они мало что узнали из трагедии Шоа и концентрационных лагерей», – было сказано в его письме [30]. П. Цывиньский выступил с осуждением политической обстановки в мире, которая, по его мнению, характеризуется распространением новых форм дискриминации, насилия, милитаризации и пропаганды, в то время как в развитом обществе потребления фундаментальные человеческие ценности приходят в упадок. «Позволим ли мы Аушвицу стать частью истории? Или, может быть, мы его отнесем к математике?» – риторически вопрошает он [30], тем самым затрагивая тему забвения уроков Холокоста и окончательной десакрализации Аушвица среди нового поколения.

Таким образом, мы видим, что в культурном пространстве Аушвица-Биркенау одновременно существуют как минимум четыре группы носителей, которые стремятся реализовать собственные коммеморативные сценарии и унифицировать присущие им культурные коды, установив символический консенсус:

- руководство музея, которое заинтересовано в сохранении Аушвица как музея и мемориала. Данная группа является основным игроком, действующим в институциональном поле, и тесно связана с польским правительством. Их стратегии направлены на вовлечение максимально широкой аудитории и предполагают наличие двух противоречивых сценариев коммеморации (туризм и паломничество). Тем не менее руководство музея понимает серьезность проблемы десакрализации Аушвица, однако не связывает эту ситуацию с са-

мым фактом функционирования бывшего концлагеря в качестве музея;

- группы, являющиеся носителями травматической памяти жертв. В данном случае это представители общественности, различных международных организаций и т. д., которые прямо или косвенно выражают интересы жертв Холокоста (выживших и погибших) в публичном дискурсе. Для них Аушвиц является исключительно сакральным местом, в котором приемлемо осуществление только одного сценария коммеморации – паломничества. Носители травматической памяти активно сотрудничают с руководством музея, а также с национальными правительствами и другими международными организациями, которые так или иначе готовы участвовать в сохранении памяти о Холокосте;

- группы, выражающие интересы национальных правительств и других политических объединений. Каждая из этих групп стремится инкорпорировать травму Холокоста в свой культурный код, где статус Аушвица может меняться от места ужасного преступления до места, отражающего триумф и героическую победу над злом. В целом, попадая в пространство Аушвица, представители этих групп стремятся публично действовать в соответствии с сакральным статусом Аушвица-Биркенау и при этом сделать его элементом собственной политики памяти;

- аудитория, которая отличается от групп носителей, представленных в публичном дискурсе, гораздо большей степенью дифференциации и отсутствием морального консенсуса, а также ограничением доступа к средствам символического производства. Данная группа, несмотря на высокий уровень внутренней дифференциации и сложности, может быть классифицирована, во-первых, на пассивную (потенциальную), которая не участвует в коммеморации, и активную; и, во-вторых, активная аудитория разделяется на туристов и паломников. В свою очередь паломники (среди которых могут быть и непосредственно родственники жертв Холокоста) так или иначе солидаризируются с группами, которые являются носителями памяти о Холокосте как культурной травме. Дополнительно можно выделить наиболее общий критерий дифференциации, который характеризует аудиторию – принадлежность к тому или иному государству. За 2017 г. среди посетителей Аушвица оказались граждане различных стран (более 30), из которых большинство – жители Польши (23 %), Великобритании (16 %), США (8,7 %), Италии (5,5 %) и Испании (4,8 %) [31].

Следует заметить, что приведенные критерии дифференциации являются условными и в некотором смысле спекулятивными и требуют скрупулезной эмпирической проверки, которая выходит за рамки возможностей настоящего исследования. Тем не менее остается фактом, что аудитория спо-

собна принимать активное участие в процессе коммеморации за счет вовлеченности в коллективно исполняемые практики.

3. Средства символического производства. Аушвиц стал не только символом самого Холокоста, но и местом памяти, «зоной контакта между настоящим и прошлым», которое «открывает таинственный доступ к ушедшему миру» [3, с. 136]. Музей имеет прочную пространственную и временную связь с совершенными здесь преступлениями и располагается «на территории, на которой находилось почти все оборудование массового уничтожения евреев и более 150 разного рода лагерных объектов» [28, с. 14]. Территория музея несколько раз расширялась. Так, «в 2002 г. музей получил территорию, на которой находилась первая газовая камера в Биркенау, т. н. Красный домик, а в 2004 г. – здание, называемое Старым театром (во время войны здесь располагались лагерные склады) с прилегающей территорией (где находился гравийный карьер – место рабского труда и частых казней узников)» [28, с. 23].

Отдельно следует рассмотреть представленные в музее экспонаты, которые служат основными медиаторами в передаче аудитории культурных смыслов. Во-первых, речь идет о сохранившихся вещах, принадлежащих убитым узникам концлагеря. Именно они формируют основную экспозицию, которая располагается в пространстве лагерных блоков, и служат для того, чтобы показать историю произошедшего в лагере. Помимо вещей, принадлежащих убитым узникам, активно используются средства визуальной репрезентации, нацеленные на установление связи прошлого с настоящим: различного рода документы, фотографии, произведения искусства. Существует также фонд архивных документов, который также нацелен на реконструкцию и сохранение свидетельств совершенных в этом месте преступлений. Музеем осуществляется сбор информации о бывших узниках, на основании которой формируется цифровая база данных [28]. Помимо цифровых архивов существует библиотека, в которой собраны книги, освещающие историю Второй мировой войны, концлагерей, антисемитизма и т. д.

В целом представленные способы символической репрезентации направлены на достижение двух основных целей: показать Аушвиц как концлагерь и как фабрику смерти. Акцент для посетителей делается на экспозиции, в которой представлены две тонны женских волос. Данная выставка кодируется как «одно из самых потрясающих доказательств преступления» [28, с. 23]. С другой стороны, в тексте брошюры указывается, что подобные экспозиции производят «страшное впечатление» [28, с. 23] и в целом направлены на возникновение у посетителей определенной эмоциональной реакции, которая позволит ощутить реальную связь прошлого и настоящего.

Также музей использует дополнительные способы символической репрезентации: интернет, книжное издательство, просветительская работа (конференции, образовательные курсы и т. д.), временные выставки. В итоге мы видим, что средства символического производства также нацелены на формирование двух типов памяти и соответствуют двум коммеморативным стратегиям: эмоциональная память паломника, соприкоснувшегося с сакральным объектом, и рациональная память туриста, деятельность которого связана с культурным потреблением и/или образованием. Как бы то ни было, руководство музея активно использует полный спектр имеющихся в его распоряжении способов репрезентации, основа которых – визуальный контакт.

4. Реализация ритуального импульса. Аудитория, исполняемые практики и разделяемые эмоции (мизансцена). После того, как мы описали фоновое символическое пространство, а также выявили основные стратегии, используемые группами носителей для достижения символического консенсуса, следует обратиться к анализу комментариев посетителей, выражающих их опыт участия в социальном перформансе.

Анализ комментариев позволил выявить амбивалентный статус мемориала Аушвиц-Биркенау в представлении участников перформанса: во-первых, он был представлен как сакральное место памяти, которое вселяет эмоции и репрезентирует идеи, связанные с насилием и смертью; и во-вторых – как музей, связанный с миром профанного. Прежде всего сосредоточимся на раскрытии тех способов классификации, которые позволяют более детально понять специфику сакрального статуса мемориала и особенности его соотношения с культурной травмой Холокоста.

4.1. Аушвиц-Биркенау и сакральное зло. Анализ комментариев позволил выявить и конкретизировать особенности восприятия мемориала как места, где сосредоточены сакральные нечистые силы. Пользователи отмечают, что Аушвиц-Биркенау представляет собой «место зла и скорби» с особой негативной аурой. Данные ощущения инспирированы эмоциями, связанными с переживанием смерти, которая укоренена в самом пространстве мемориала. Более того, аура, исходящая от мемориала и связанная с сакральным нечистым, не просто пропитана эмоциями и имеет аффективную природу, но и воспринимается человеком в качестве объективной внешней силы. Другими словами, эта сила не зависит от воли и сознания отдельного индивида. Сакральное нечистое, которое репрезентируется в мемориале, заражает человека негативными эмоциями (принцип контагиозности) и влияет на его физическое и ментальное состояние. Ужас и страх вселяется в людей, а сила, исходящая от сакрального нечистого, ощущается физически.

Мороз по коже от этого места. Страшно видеть, страшно думать о том какие невыносимые условия тут были. Страшно думать о том, что люди здесь делали с другими людьми. Это стоит увидеть раз в жизни. Об этом стоит знать. Это место не для слабонервных и малодушных².

Ничего более жуткого в жизни. Жуткая обыденность бывших польских казарм Освенцима, превращенных в лагерь уничтожения, жуткая немецкая аккуратность – склад детских распашонок, склад отобранных очков, волосы... И жуткое скотство страшных бараков Бжезинки, в которых морили советских военнопленных. Было очень трудно себя сдерживать, но, наверное, через такое нужно пройти – там, как нигде, понимаешь что идеологический режим может сделать с людьми абсолютно все.

A place that is truly not enjoyable, but a place that must be visited. It is hard to comprehend the horrors of the 1.4 million people that died here. They experienced sadness, loneliness, hunger, terror and pain! A heart wrenching day!³

Восприятие негативной силы на физическом уровне позволяет ощутить связь с жертвами и их эмоциями, т. е. воспроизвести травматический опыт и передать его живым людям. Соприкосновение с нечистыми силами оставляет эмоциональный след в памяти, который ощущается еще долгое время, что также является неотъемлемым свойством аффективной природы сакрального и проявлением контагиозности.

Много слышал об этом месте, но когда сходил аж не по себе стало. Смерть вокруг куда не глянь то бараки, то печи, то смотровые вышки. Клочок истории и напоминание всем нам, о тех страшных временах. Атмосфера давит со всех сторон, стены в бараках пропитаны потом и кровью. Становится страшно. Не забуду это место никогда.

Участие в практиках, которые приближают человека к миру сакрального, носит ярко выражен-

ный репрезентативный характер, т. е. позволяет оживлять прошлое в настоящем, где само прошлое приобретает наблюдаемые формы. Более того, именно практики делают ранее имеющиеся коллективные представления *эмпирически достоверными*, и через практики символы наделяются смыслом [32]. Переживание людьми высокоинтенсивных эмоций связано с моральным обновлением и описывает механизм возникновения ценностей в моменты коллективного бурления, предложенный Э. Дюркгеймом [33]. Ценности и коллективные идеалы имеют свой источник в аффективных состояниях, переживаемых человеком, что может быть обнаружено в описываемом людьми опыте:

Это было! Этого не должно быть никогда! когда там находишься, твоей душой овладевают такие чувства, которых никогда не испытываешь в обычной жизни (здесь и далее курсив наш. – И. С.). Видишь весь этот ужас своими глазами... не на картинках и фотографиях... Вдруг понимаешь, что нет ничего ценнее, чем жизнь, теплые руки матери, строгий взгляд отца, счастливый смех ребенка... Пусть будет мир!!!!

From a child I have heard about the atrocities of Auschwitz and it was a place that I always wanted to visit. The museum is set up excellently, with small boards detailing the camp and its history. *It is only when I visited and viewed the buildings and various displays that I discovered the full scale of what actually took place.* A somber atmosphere of past evils that should be never forgot to ensure nothing like this ever happens again. I hope and pray that lessons are remembered by all as humanity so often repeats past mistakes. A must must see⁴.

I read a lot about the holocaust. I read a lot about Auschwitz-Birkenau and the other locations. I read a lot about the concentration camps... But nothing prepared me for what i seen. How can this happened???? How can humanity allowed this... Let is never forget!⁵

²Здесь и далее представлены типичные комментарии, отражающие релевантные для данного исследования категории. Авторские пунктуация и орфография сохранены. Источник: Государственный музей Аушвиц-Биркенау. Трипадвизор Россия [Электронный ресурс]. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g274754-d275831-Reviews-Auschwitz_Birkenau_State_Museum-Oswiecim_Lesser_Poland_Province_Southern_Poland.html (дата обращения: 15.01.2018).

³Место, которое действительно не приносит удовольствия, но место, которое нужно посетить. Трудно понять ужасы 1,4 миллиона человек, которые погибли здесь. Они испытывали печаль, одиночество, голод, ужас и боль! Трагичный день!

⁴С детства я слышал о зверствах Аушвица, и это было место, которое мне всегда хотелось посетить. Музей организован превосходно, с небольшими досками, подробно описывающими лагерь и его историю. *Только после посещения всех зданий музея и его экспозиций я открыл полный масштаб того, что на самом деле происходило.* Мрачная атмосфера прошлого зла, которая никогда не должна быть забыта, чтобы ничего подобного никогда не повторилось. Я надеюсь и молюсь, что эти уроки помнит все человечество, которое так часто повторяет прошлые ошибки. Обязательно к посещению.

⁵Я читала много о Холокосте. Я читала много об Аушвиц-Биркенау и остальных местах. Я читала много о концентрационных лагерях... Однако это не подготовило меня к увиденному. Как это могло произойти??? Как человечество могло допустить это... Давайте никогда об этом не забывать!

Несмотря на то, что в этом месте сосредоточены сакральные нечистые силы, люди отмечают, что оно необходимо для сохранения коллективной памяти о травматическом опыте. Моральное обновление и репрезентация прошлого позволяют актуализировать связь человека с коллективной идентичностью и сообществом. Помимо того, что связь человека и сообщества становится более ощутимой, возобновляются и границы, отделяющие «своих» от «чужих», которые являются персонализированным злом. Так, некоторые посетители отмечают прочную связь мемориала с семейной памятью:

Ад имел место на Земле 3 года, и это место – Освенцим. Отец моей жены посещал его в 1943, привез оттуда татуировку. 5 метров пепла на дне прудов – один из результатов упорного труда по переустройству мира. Это надо видеть – чтобы помнить.

Я пережила и прочувствовала по-новому все бабушкины рассказы об Освенциме, которые помню с детства. На глазах все время были слезы. Я своими глазами увидела то место, где был ад на земле.

Being of Polish heritage, I had to visit the Auschwitz death camp. When I went there it was from curiosity, but once I was inside the confines of this murderous place I got a chill down my spine. I can now relate to why my grandparents left everything behind and came to America⁶.

В итоге образ мемориала выстраивается в соответствии с теми эмоциональными состояниями, которые испытывал человек во время контакта с нечистыми силами. Более того, посетители мемориала отмечают, что полученный ими опыт соприкосновения с сакральным уникален и отделен от мира профанного, т. е. от рутинной, повседневной жизни. Переживание подобных эмоциональных состояний также связано с опытом стирания субъективности и растворения индивида в коллективно разделяемых эмоциях высокой интенсивности.

4.2. Десакрализация и практики осквернения. Альтернативный нарратив. Как сакральное чистое, так и сакральное нечистое в силу своей отдаленности от мира профанного предполагает ряд моральных запретов, связанных с опасностью

нарушения границ между двумя мирами. В данном случае речь идет, с одной стороны, о невозможности осуществления определенных практик, которые характерны для повседневного мира, и с другой – конкретных нормах поведения, которые должны соблюдаться всеми в одинаковой степени. Культурная травма Холокоста, воплощенная в мемориале, формирует для человека моральный императив, т. е. дает представление о правилах, имеющих обязательный и всеобщий характер:

Да это место не для развлечений, от туда не выйдешь полон сил и энергии, напротив, в течение время нахождения там, вас постоянно будет бросать в дрожь, охватывать ужас и паника, не редкость и слезы, НО побывать там должен каждый. Это страшнейшее место. Место где не просто умирали люди, где люди умирали в страшных муках, подвергаясь страшным, мучительным экспериментам. Не правильно туда ехать с гордо поднятой головой, как любят делать жители постсоветских стран. Это место где были сломаны человеческие жизни, а не место где одни победили других. Помните об этом и выкажите уважение погибшим там людям. Но съездите обязательно.

I can't put into words the emotions you will feel this day... it is different for everyone and for me I still cannot process it all. I felt this place had amazing organization, getting in is a bit slow but understandable when you see how many people are there. Tours take you through the grounds, explain different things as well as there are lots of signs to read. *Take your time, take it in, and for the love of god please do not take selfies at Auschwitz, it is not the time or place. Take pictures by all means, but selfies smiling and laughing in this area with this history, know where you are. It is very insensitive... my opinion!*⁷

Very simple: do not pass on visiting this place. It is an experience which changes you. *Only remember, to have a respectful attitude and behaviour!*⁸

Однако любое моральное предписание может быть нарушено. Если человек сталкивается с практиками, которые разрывают связь между сакраль-

⁶Поскольку у меня польские корни, мне было необходимо посетить лагерь смерти Аушвиц. Я ехал туда из любопытства, но как только оказался в этом смертоносном месте, мурашки пробежали у меня по спине. Теперь я понимаю, почему мои бабушка и дедушка все оставили и переехали в Америку.

⁷Не могу описать словами эмоции, которые вы почувствуете в этот день... У всех все по-разному и я до сих пор не могу уложить это в голове. Организация музея мне показалась потрясающей, вход немного замедлен, но это неудивительно, когда видишь столько людей. Экскурсии ведут вас по территории музея, объясняя разные вещи, так же как и многие подписи экспозиций. *Не спешите, проникнитесь, и ради всего святого, не делайте селфи в Аушвице, для этого не время и не место. Делайте различные фотографии, но не селфи с улыбкой и смехом в этом месте с такой историей, помните, где вы находитесь. Это очень бесчувственно... как по мне.*

⁸Очень просто: не обходите стороной это место. Это опыт, который вас изменит. Только помните об уважительном отношении и поведении!

ным и профанным, это ведет к эмоциональному отторжению и потрясению, и такая реакция является наблюдаемой. Практики осквернения могут свидетельствовать о том, что в прошлом сакральное место «теряет» свои силу и смысл, другими словами, коллективные идеалы и моральные универсалии разрушаются, уступая место трансгрессии. Распространение таких практик приводит к десакрализации и осквернению, размыванию символических границ и пересборке коллективных представлений, идентичностей и памяти. Наблюдение и идентификация людьми практик осквернения приводит их в шок и эмоциональное потрясение:

Что меня повергло в шок – это поведение некоторых посетителей. Да большая звезда Давида на шее, вроде как про их народ говорят... Но делать селфи на фоне макета газовой камеры и крематория (хорошо, что не в самих этих помещениях), на фоне бараков и в них, а потом и есть на территории лагеря... Считаю, что это оскорбление.

This was a very emotional experience and was so sad to walk around. The place was much larger than I expected, and the way it had been turned into a museum made it very thought provoking... particularly the piles of their belongings/hair and all the pictures on the walls. Definitely do not need to have a guided tour but it could be good (am not sure). *It do feel however that it was such a shame to see people smiling in selfies and one woman had a picture of herself smiling in front of the death wall.... in the 'silent' sections, many people did not keep silent, there was SO much disrespect going on in there, definitely feel like there should be more restrictions with regards to taking pictures and allowing phones and cameras inside, SUCH a shame*⁹.

Words cannot describe this location, this is a must visit. I just wished people would fully appreciate the significance and not take selfies very few steps. *I would ideally see cameras banned out of respect*¹⁰.

Несмотря на то, что нарушение моральных заповедей является формой осквернения, сам по себе этот акт позволяет подтвердить сакральный статус объекта в случае, если сообщество отреагирует на нарушение символических границ. Однако суще-

ствуют практики, которые не пресекаются администрацией музея, а в некоторых случаях – даже исходят от них. Они связаны со сменой культурного оформления объекта, в силу чего место теряет свою уникальность и значимость. В данном случае речь идет о превращении мемориала в объект потребления, его *коммерциализации* и в итоге – переходе в мир профанного. Изменение культурного оформления – свидетельство того, что культурные коды переписываются, а сообщество выстраивает новые ценностные ориентиры. Таким образом, мемориал, сохраняя статус сакрального для одних, становится парком развлечений для других. Такие изменения связаны не только с нарушением «чужаками» моральных предписаний, но с привнесением новых практик и форм организации пространства, что не проходит мимо просителей и отражается в их опыте:

Не понравилось как уже писали ранее, что это *конвейер для зарабатывания денег*. Хотя мы не заплатили ни гроша, т. к. не было налички, но возмутило, что в таком месте *абсолютно на всем пытаются заработать*.

Да, музей чистый, аккуратный, везде ремонт, наведен лоск. НО, если в Хатыни каждой клеточкой тела ощущаешь этот ужас войны, вздрагиваешь под удары колоколов, звучащих каждые полминуты, где все кричит о жутчайшей трагедии, выходишь из мемориала притихшим, в слезах, даже моего 14-летнего сына потрясло увиденное, то Аушвиц-I – это другое, *не пробрало*.

Музей произвел *неприятное* впечатление. Я понимаю весь невероятный трагизм произошедшего здесь, но инсталляция и экспозиция убога. *О том, какое впечатление производит экспозиция можно наблюдать по хихикающим девочкам подросткам, увлеченно болтающим и улыбающимся юношам из разных групп*.

Таким образом, можно наблюдать комментарии, которые сводятся к описанию технических сторон посещения музея, таких как цены на услуги (вплоть до стоимости посещения туалета), транспорт, организация, расписание экскурсий. В данных комментариях представлены только оценки мемориала как музея, т. е. окончательное приписывание ему статуса профанного.

⁹Это был очень эмоциональный опыт, и было очень грустно там ходить. Территория оказалась намного больше, чем ожидалось, и выбранный способ трансформации этого места в музей превратил его в место, которое заставляет сильно задуматься... особенно груды их вещей/волос и все фотографии на стенах. Заказывать экскурсию необязательно, но она может быть полезной (наверное). У меня было, однако, чувство стыда за людей, которые улыбались для селфи у «Стены Смерти»... в «немых» секциях экспозиций многие люди шумели, там было ТАК много неуважения, что мне кажется, стоит сделать больше ограничений при фотографировании и использовании телефонов и камер внутри. ТАКОЙ стыд.

¹⁰Слова не могут описать это место, оно обязательно к посещению. Я лишь хочу, чтобы люди понимали его важность и не делали селфи в нескольких шагах. В идеале я бы запретил использование камер в знак уважения.

4.3. Аушвиц как профанное. Перформативный провал. Если среди русскоязычных и англоязычных комментариев существует известная доля сходства при обозначении мемориала как сакрального места памяти, то способы описания Аушвица-Биркенау в качестве парка развлечений в англоязычных комментариях отличаются большей информативностью. Пользователи жалуются на плохую организацию музея, что является общим замечанием как для русскоязычных, так и для англоязычных посетителей. Также отмечается потеря мемориалом своей сакральной силы ввиду коммерциализации и профанизации. Между тем подобные изменения не являются результатом действия анонимных сил, а свидетельствуют об изменении политики со стороны групп носителей, т. е. тех групп, которые ответственны за организацию пространства мемориала.

На факт смены культурного оформления указывает привнесение темпоральных режимов из повседневного мира и отсутствие ощущения разрыва во времени, характерного для сакральных мест. Помимо отсутствия временных разрывов пространство мемориала утрачивает границу с миром профанным. Посетители прямо указывают на то, что данное место стало парком развлечений. Таким образом, в силу нарушения границ между сакральным и профанным мемориал оскверняется:

This was a very strange experience. The idea of leaving this as a memorial i believe is a good one, it acts as a way to show us what has happened and enables us to pay respects to the millions who perished here but unfortunately something has been lost in doing this. I attended with a guide who was very respectful and told the truth exactly how it was which was important, however it did not move me as I thought it would, it did make me feel sick, disgusted and confused but it didn't move me for the following reasons. It seems a lot of other people were not feeling the same sorrow and sadness, one young couple were snapping photos of each other smiling between the fences and in front of the buildings as if it meant

*nothing. People were taking photos of the victims shoes and personal items, i saw selfies in front of gates and smiling faces in front of the gas chamber. It lacked respect, dignity, peace, reflection, mourning and understanding. It even has a cafe and a book shop!! Why would you have a cafe at a death camp, it's not a zoo. Sadly it feels like a tourist attraction, not a memorial. :(*¹¹

Практики осквернения, не встречающие сопротивления со стороны реальности (сообщества), становятся систематическими, что меняет статус объекта с сакрального на профанный. В итоге смена культурного оформления, являющаяся следствием коммерциализации и распространением профанных практик, характерных для общества потребления, приводит к тому, что разорванный в результате осквернения символический порядок не восстанавливается, а сами нарушители не подвергаются никаким моральным санкциям. Опыт одного из посетителей мемориала, который был разочарован увиденным, явно указывает на этот процесс:

*Then there are the independent tourists (those without guides) who were laughing, joking around and having a great time. Taking selfies with dead peoples possessions, taking photos where it clearly states is not allowed. One group, of 4 young adults, were even making choking sounds near the gallows. I saw them again at the crematorium and they were making coughing and gagging sounds, mocking the people who died here. It was appalling. Even more shocking... when I approached a tour guide and told her of this, she did nothing. Her words, «They aren't in my tour group so I have no authority to say anything»*¹².

В итоге посетители Аушвица, ориентированные на паломничество, создают альтернативный нарратив, в котором переопределены смысловые элементы дискурса Холокоста и выделены новые стратегии понимания осквернения, которые сосредотачиваются на двойственном статусе бывшего концлагеря как музея и мемориала (табл. 2).

¹¹Это был очень странный опыт. Идея оставить это место в качестве мемориала мне кажется хорошей, оно показывает нам, что случилось, и дает возможность отдать дань уважения миллионам людей, которые погибли здесь, однако, к сожалению, что-то важное при этом утратилось. У меня была экскурсия с гидом, который был очень уважителен и рассказывал нам правду о том, как это было, и почему это важно, хотя это не произвело на меня ожидаемого впечатления. Чувствовалась боль, отвращение и путаница в мыслях, но это не тронуло меня по следующим причинам. Казалось, что многие другие люди не чувствовали такой же печали и грусти, одна молодая пара делала фотографии с улыбками на лицах между забором и перед зданиями, как будто это все для них ничего не значило. Люди снимали обувь и вещи жертв, можно было наблюдать селфи на фоне ворот и улыбающиеся лица перед газовой камерой. Не хватало уважения, достоинства, мира, размышлений, скорби и сочувствия. В этом лагере смерти даже есть кафе и книжный магазин!! Почему в лагере смерти есть кафе, это ведь не зоопарк. Грустно воспринимать это как туристическую достопримечательность, аттракцион, а не мемориал. :(

¹²Там были самостоятельные туристы (те, что без гидов), которые смеялись, шутили и отлично проводили время. Селфи с вещами мертвых людей, фото там, где четко обозначен запрет. Одна группа из четырех взрослых людей даже издавала звуки удушья возле виселицы. Я увидела их еще раз около крематория, где они кашляли и имитировали тошноту, насмехаясь над умершими здесь людьми. Что еще более шокировало... это реакция гида, когда я указала на это поведение, она ничего не предприняла. Ее слова: «Они не в моей экскурсионной группе, поэтому у меня нет возможности говорить им что-либо».

Таблица 2

**Смысловая структура Аушвиц-Биркенау
в коллективных представлениях посетителей**

Table 2

The semantic structure of Auschwitz-Birkenau (narrative)

Смысловая структура Аушвиц-Биркенау (нарратив)		
Сакральное		Профанное
Чистое	Оскверненное	
Место памяти	Парк развлечений	Музей
Скорбь	Веселье	Скука
Паломничество	Развлечение	Туризм
Рефлексия	Селфи	Фотографии, сувениры
Память	Коммерция	Менеджмент
Уважение	Оскорбление	Безразличие
Тишина	Шокирующие звуки (например, звуки, имитирующие хрипы жертв)	Шум

Заключение

Исходя из использованной нами объяснительной модели, основанной на дюркгеймианском проекте и программе культурсоциологии, мы увидели, что различные реальные или воспринимаемые в качестве реальных события, которые связаны с угрозой разрушения социального и смыслового порядка, могут сохраняться в коллективной памяти и классифицироваться сообществом в качестве сакрального нечистого. Сакральное нечистое «как сфера неартикулированного» [10, с. 58] и трансгрессивного нуждается в очищении, что происходит в моменты участия людей в искупительных ритуалах, которые сохраняются в измененном виде и современных сообществах. Эти ритуалы снимают эмоциональное напряжение, которое люди испытывают в моменты разрыва смысловой ткани и угрозы идентичности сообщества как такового, что приводит в итоге к забвению травматического опыта и восстановлению привычного хода жизни.

В случае, когда сообщество переживает опыт радикального насилия, разрушающего коллективную идентичность и смысловой порядок, который еще долгое время нуждается в восстановлении, речь идет о культурной травме. Культурная травма, будучи осознанным и классифицированным злом, прочно встраивается в структуру коллективной памяти сообщества, становясь рамкой, вокруг которой упорядочиваются представления о прошлом. Однако являясь сакральным нечистым, культурная травма также нуждается в проработке и очищении, что в итоге приводит к ее рутинизации. Эти процессы проявляют себя в постепенном распро-

странении объективированных форм памяти (памятники, музеи, архивы и т. д.) и ее институционализации.

Бывший концлагерь Аушвиц-Биркенау стал символом культурной травмы Холокоста. Вокруг него сосредоточились основные моральные коды послевоенного западного мира, что позволило отчетливо различить описанные выше процессы. В итоге мы увидели, как коллективные практики, характерные для развитого общества потребления, осуществляясь на фоне постепенной институционализации коллективной памяти о Холокосте, привели к смене культурного оформления этого места.

Использование методов структурной герменевтики при анализе культурных текстов и практик классификации позволило конкретизировать данный тезис на основании собранных эмпирических данных. Так, нами были определены основные стратегии классификации Государственного музея Аушвиц-Биркенау, которые стали частью фоновых коллективных представлений. Указанные стратегии были связаны с обозначением этого места как бывшего концлагеря, который после превращения в мемориал становится сакральным местом памяти и в итоге – музеем. Это способствовало реализации противоречащих друг другу сценариев коммеморации, которые не могут осуществляться одновременно и должны быть отделены друг от друга. Несогласованность смыслового порядка, способов репрезентации и коллективно исполняемых практик приводит в дальнейшем к перформативному провалу и культурной поляризации.

Библиографические ссылки

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М. : Науч. мир, 2003.
2. Уинтер Д., Николаи В. Ф. Места памяти и тени войны [Электронный ресурс] // Вестн. Минин. ун-та. 2016. № 1–2. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/163/164> (дата обращения: 04.02.2018).
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение, 2014.
4. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2016.
5. Alexander C. J. Culture trauma, morality and solidarity: the social construction of «Holocaust» and other mass murders // Thesis Eleven. 2016. Vol. 132, № 1. P. 3–16.
6. Zelizer B. Finding Aids to the Past: Bearing Personal Witness to Traumatic Public Events // Media, Culture, and Society. 2002. Vol. 24 (5). P. 697–714. DOI: 10.1177/016344370202400509.
7. Агамбен Д. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М. : Европа, 2012.
8. Olick J. K., Levy D. Collective Memory and Cultural Constraint: holocaust myth and rationality in German politics // Am. Soc. Rev. 1997. Vol. 62, № 6. P. 921–936.
9. Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социол. обозрение. 2013. Т. 12, № 2. С. 133–144.
10. Куракин Д. Ю. Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социол. обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 41–70.
11. Durkheim E. The elementary forms of religious life. Fields, 1995.
12. Giesen B. Triumph and Trauma. Boulder : Paradigm Publ., 2004.
13. Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под ред. Д. Ю. Куракина. М. : Праксис, 2013.
14. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память [Электронный ресурс] // Журн. зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/5/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (дата обращения: 03.02.2018).
15. Halbwachs M. The collective memory / Introduction by M. Douglas. New York : Harper Colophon, 1980.
16. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое изд-во, 2007.
17. Olick J. K. The collective memory reader : Oxford Univ. Press, 2011.
18. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Яз. славян. культуры, 2004.
19. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания: проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М., 2000.
20. Шуман Г. Коллективная память поколений // Социол. исслед. 1992. № 2. С. 47–60.
21. Hirsch M. The Generation of Postmemory // Poetics Today. 2008. № 29 (1). P. 103–128.
22. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М. : Новое лит. обозрение, 2017.
23. Рождественская Е. Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста // Логос. 2017. Т. 27, № 5. С. 87–114.
24. Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии // Социол. обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 11–30.
25. Alexander J. C. Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual. New York : Cambridge Univ. Press, 2006.
26. Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis // N. Fairclough, R. Wodak Discourse as Social Interaction. London, 2007.
27. Фархатдинов Н. Питер Сноу. «Перформанс общества» // Социол. обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 75–78.
28. Аушвиц-Биркенау. История и настоящее [Электронный ресурс]. URL: http://auschwitz.org/gfx/auschwitz/userfiles/auschwitz/historia_terazniejszosc/auschwitz_historia_i_terazniejszosc_wer_rosyjska_2010.pdf (дата обращения: 23.01.2018).
29. Jewish groups slam British tourists for «unbelievably crass» photographs taken at Auschwitz, where Nazis murdered 1.1 million people [Electronic resource] // Daily Mail. URL: www.dailymail.co.uk/news/article-5124425/Jewish-groups-slam-Brits-unbelievably-crass-selfies.html (date of access: 15.01.2018).
30. Что с нами случилось? [Электронный ресурс] // Газета «Коммерсантъ». URL: www.kommersant.ru/doc/3529130 (дата обращения: 02.02.2018).
31. Past nightmares continually resurface from oblivion. Auschwitz Memorial Report 2017 [Electronic resource]. URL: http://auschwitz.org/gfx/auschwitz/userfiles/auschwitz/raport_pdf/auschwitzmemorial2017.pdf (date of access: 14.01.2018).
32. Роулз Э. У., Корбут А. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социол. обозрение. 2014. Т. 13, № 2. С. 84–140.
33. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные суждения» // Социол. исслед. 1991. № 2. С. 106–114.

References

1. Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Moscow : Scientific World, 2003 (in Russ.).
2. Winter J., Nikolai V. F. Places of Memory and the Shadow of War. *Vestnik Mininskogo univ.* 2016. No. 1–2. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/163/164> (date of access: 04.02.2018) (in Russ.).
3. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [A long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow : New Literary Observer, 2014 (in Russ.).
4. Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New dissatisfaction with the memorial culture]. Moscow : New Literary Observer, 2016 (in Russ.).

5. Alexander J. Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of «Holocaust» and other mass murders. *Thesis Eleven*. 2016. Vol. 132, No. 1. P. 3–16.
6. Zelizer B. Finding Aids to the Past: Bearing Personal Witness to Traumatic Public Events. *Media, Culture, and Society*. 2002. Vol. 24 (5). P. 697–714. DOI: 10.1177/01634437020400509.
7. Agamben D. Homo sacer. *Chto ostaetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Homo sacer. Remnants of Auschwitz: the Witness and the Archive]. Moscow : Europe, 2012 (in Russ.).
8. Olick J. K., Levy D. Collective Memory and Cultural Constraint: Holocaust Myth and Rationality in German Politics. *Am. Sociol. Rev.* 1997. Vol. 62, No. 6. P. 921–936.
9. Durkheim E. The Dualism of human nature and its social conditions. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. 2013. Vol. 12, No. 2. P. 133–144 (in Russ.).
10. Kurakin D. Eluding sacred: ambiguity of the sacred and its importance for the «strong program» in cultural sociology. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. 2011. Vol. 10, No. 3. P. 41–70 (in Russ.).
11. Durkheim E. *The elementary forms of religious life*. Fields, 1995.
12. Giesen B. *Triumph and Trauma*. Boulder : Paradigm Publishers, 2004.
13. Alexander J. *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Moscow : Praxis, 2013 (in Russ.).
14. Ayerman R. Cultural trauma and collective memory. *Zhurn. zal.* URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/5/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (date of access: 03.02.2018) (in Russ.).
15. Halbwachs M. *The Collective Memory*. New York : Harper Colophon, 1980.
16. Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social frameworks of memory]. Moscow : Novoe izdatel'stvo, 2007 (in Russ.).
17. Olick J. K. *The Collective Memory Reader*. New York : Oxford University Press, 2011.
18. Assman Y. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004 (in Russ.).
19. Mannheim K. Problema pokolenii [The problem of generations]. In: *Essays on the Sociology of Knowledge: The Generation Problem. Competitiveness. Economic ambitions*. Moscow, 2000 (in Russ.).
20. Schumann G. Collective memory of generations. *Sotsiologicheskie issled.* 1992. No. 2. P. 47–60 (in Russ.).
21. Hirsch M. The Generation of Postmemory. *Poetics Today*. 2008. No. 29 (1). P. 103–128.
22. Assman A. *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [The connection of times has disintegrated? The rise and fall of the temporal regime is modern]. Moscow : Novoe lit. obozrenie, 2017 (in Russ.).
23. Rozhdestvenskaya E. The representation of cultural trauma: the museification of the Holocaust. *Logos*. 2017. Vol. 27, No. 5. P. 87–114 (in Russ.).
24. Alexander J., Smith F. The Strong Program in Cultural Sociology. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. 2010. Vol. 9, No. 2. P. 11–30 (in Russ.).
25. Alexander J. *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. New York : Cambridge University Press, 2006.
26. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. In: *Discourse as Social Interaction*. London, 2007.
27. Farhatdinov N. Peter Snow. «Performance of society». *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Rus. Sociol. Rev.]. 2011. Vol. 10, No. 1–2. P. 75–78 (in Russ.).
28. *Auschwitz-Birkenau. History and present*. URL: http://auschwitz.org/gfx/auschwitz/userfiles/auschwitz/historia_terazniejszosc/auschwitz_historia_i_terazniejszosc_wer_rosyjska_2010.pdf (date of access: 23.01.2018) (in Russ.).
29. Jewish groups slam British tourists for «unbelievably crass» photographs taken at Auschwitz, where Nazis murdered 1.1 million people. *Daily Mail*. URL: www.dailymail.co.uk/news/article-5124425/Jewish-groups-slam-Brits-unbelievably-crass-selfies.html (date of access: 15.01.2018).
30. What happened to us? *Gazeta «Kommersant'»* [Kommersant newspaper]. URL: www.kommersant.ru/doc/3529130 (date of access: 02.02.2018) (in Russ.).
31. *Past nightmares continually resurface from oblivion. Auschwitz Memorial Report 2017*. URL: http://auschwitz.org/gfx/auschwitz/userfiles/auschwitz/raport_pdf/auschwitzmemorial2017.pdf (date of access: 14.01.2018) (in Russ.).
32. Rowles E., Korb A. Durkheim's Epistemology: the Neglected Argument. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. 2014. Vol. 13, No. 2. P. 84–140 (in Russ.).
33. Durkheim E. Values and real judgments. *Sotsiologicheskie issled.* 1991. No. 2. P. 106–114 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 14.02.2018.
Received by editorial board 14.02.2018.

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ СТЕПЕНИ РЕЛИГИОЗНОЙ АКТИВНОСТИ

С. Г. КАРАСЁВА¹⁾, Е. В. ШКУРОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты изучения особенностей культового поведения религиозного населения Беларуси. Совершение индивидуальных и коллективных культовых действий – один из показателей многомерной модели религиозности, он используется для изучения поликонфессиональной среды, позволяет определить частоту, содержание и мотивацию религиозной деятельности и является частью такой характеристики населения, как степень религиозной активности. Наши исследования позволяют сделать вывод о том, что религиозная активность белорусов в значительной степени связана с удовлетворением потребности в социальной сплоченности, основанной на общности идей и целей.

Ключевые слова: религиозность; многомерная модель религиозности; религия; кросс-конфессиональный подход; степени религиозности; религиозная активность; религиозная деятельность; религиозные практики.

FEATURES OF INDIVIDUAL AND COLLECTIVE RELIGIOUS ACTIONS AS CHARACTERISTICS OF THE DEGREE OF RELIGIOUS ACTIVITY

S. G. KARASSYOVA^a, E. V. SHKUROVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: S. G. Karassyova (karassyova@mail.ru)

The article presents the results of studying the peculiarities in the cult (religious in nature and / or in form) behavior of the religious population in Belarus. The commission of individual and collective cult actions is one of the indicators of the multidimensional model of religiosity, used to study the multi-confessional environment. This indicator makes possible to determine the frequency, content and motivation for the implementation of religious practices. And it is the component of such characteristic of the population's religiosity as the degree of religious activity. The research data allow to judge, that religious activity of Belarusians is connected to a large extent with the satisfaction of the need for social unity, based on a commonality of ideas and goals.

Key words: religiosity; multidimensional model of religiosity; religion; cross-confessional approach; degree of religiosity; religious activity; religious practice.

Образец цитирования:

Карасёва С. Г., Шкурёва Е. В. Особенности индивидуальных и коллективных религиозных действий как характеристики степени религиозной активности // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 67–75.

For citation:

Karassyova S. G., Shkurova E. V. Features of individual and collective religious actions as characteristics of the degree of religious activity. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 67–75 (in Russ.).

Авторы:

Светлана Геннадьевна Карасёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Елена Валерьевна Шкурёва – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Svetlana G. Karassyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
karassyova@mail.ru

Elena V. Shkurova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
vogel_82@mail.ru

Изучение религиозности в поликонфессиональных обществах требует кросс-конфессионального подхода, который, как правило, инструментализуется в многомерных моделях [1; 2; 3]. В Беларуси, религиозная сфера которой образована множеством традиций, движений, сред, подобное исследование религиозности осуществлялось с 2012 г. От других масштабных программ, которые проводились в стране с 1990-х гг. [4; 5; 6; 7; 8; 9], данное исследование отличается некоторыми теоретико-методологическими и методико-процедурными особенностями [10; 11; 12], а именно:

- в основе концепции исследования религиозности – широкая трактовка религии как сложного феномена, включающего в себя внутренний (опыт, обращение) и внешний (выражение опыта, формализованная система) аспекты, суть которого раскрывается в трех несводимых друг к другу измерениях: представлений (выражение идеи религии), деятельности (осуществление религиозного идеала), институтов (закрепление статусов и функций в сообществе последователей идеи);

- для выяснения характера религиозной вовлеченности в каждое из ее измерений задан набор показателей, значения которых выстроены в диапазоне степеней от номинальной (заявление о приверженности) через слабую (абстрактное признание значимости религии или использование ее в житейских целях) и среднюю (частичное следование религии при светском образе жизни) до сильной (бескорыстное и всецелое служение религиозному идеалу);

- универсальность показателей дает возможность сопоставить степени религиозной вовлеченности последователей разных исповеданий;

- объектом исследования является религиозная часть населения страны независимо от исповедания, отбор респондентов производился с учетом численности зарегистрированных религиозных организаций во всех областях страны в двух подгруппах: 1) относящих себя к традиционным доминирующим конфессиям (православие, католицизм) и 2) относящих себя ко всем остальным конфессиям;

- в качестве опросных центров привлечены религиозные общины, а сбор информации проводился в условиях праздничных и крупных священнослужений или культурных мероприятий религиозных общин, когда собирается множество не только активных последователей, но и редких, а также случайных (в том числе и нерелигиозных) посетителей.

В ходе исследования опрошено 2723 респондента, проживающих во всех областях Республики Беларусь, соответственно численности зарегистрированных религиозных организаций в каждой из областей. Из них 2013 респондентов относят себя к традиционным доминирующим конфессиям (ошибка выборки = 0,02, доверительная веро-

ятность = 95 %) и 710 – к представителям других конфессий (ошибка выборки = 0,04, доверительная вероятность = 95 %). Опрошенные являются последователями 19 конфессий (17 зарегистрированных и 2 незарегистрированных).

Интерпретация результатов исследования основывается на сочетании характеристик всех измерений и показателей, их составляющих. Комплексное значение религиозности определяется как интегральная величина. Однако некоторые показатели могут быть рассмотрены обособленно, поскольку содержат информацию об отдельных аспектах религиозной вовлеченности. Это показатель совершения культовых действий (индивидуальных и коллективных), он относится к измерению вовлеченности в систему религиозной деятельности и участвует в формировании интегральной характеристики – степени религиозной активности – наряду с показателями соблюдения норм благочестия и религиозного (само)образования.

Каждый показатель формируется набором переменных, значения которых тоже дифференцированы по степеням вовлеченности в религию. Сводный показатель **совершения культовых (религиозных по сути и форме) действий, индивидуальных и коллективных**, включает следующие переменные:

- регулярность совершения индивидуальных религиозных (культовых) действий;
- регулярность участия в коллективных религиозных (культовых) действиях;
- вид практикуемых коллективных религиозных действий;
- цель участия в коллективных религиозных действиях.

Регулярность совершения религиозных действий, индивидуальных и коллективных, соотносится с разными степенями религиозной вовлеченности: большая регулярность – большая вовлеченность, и наоборот.

Выявлено, что при совершении *индивидуальных религиозных действий* респонденты демонстрируют высокую активность: 84,4 % от их общей численности молятся, медитируют и т. д. (в зависимости от типа исповедания) с частотой не менее нескольких раз в неделю, 73,1 % из указанного числа делают это ежедневно или постоянно. Численность респондентов, вовсе не совершающих индивидуальных религиозных действий, минимальна и не превышает 2 % (табл. 1).

Достаточно активны респонденты и в отношении *коллективных религиозных действий*: 69,0 % опрошенных участвуют в них не реже раза в неделю и 80,4 % – не реже нескольких раз в месяц (табл. 2). Следует отметить, что все данные получены на основе самоотчета респондентов: регулярность совершения ими культовых действий, индивидуальных и коллективных, они оценивали сами.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как часто Вы самостоятельно молитесь, медитируете,
совершаете другие религиозные действия?»**

Table 1

**Distribution of respondents' answers to the question:
«How often do you yourself pray, meditate, commit other religious activities?»**

№ п/п	Как часто Вы самостоятельно молитесь, медитируете, совершаете другие религиозные действия?	Частота	Частота в %
1	Постоянно	4	0,1
2	Каждый день	1953	73,0
3	Несколько раз в неделю	301	11,3
4	Несколько раз в месяц	77	2,9
5	Время от времени	224	8,4
6	Только в особых случаях	65	2,4
7	Никогда	23	0,9
8	В моей вере (религии) это не практикуется	3	0,1
9	Затрудняюсь ответить	24	0,9
	Всего	2674	100,0

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Насколько регулярно Вы участвуете в коллективных религиозных действиях
(богослужениях, молитвах, медитациях, других священнослужениях)?»**

Table 2

**Distribution of respondents' answers to the question:
«How regularly do you participate in collective religious activities
(worship services, prayers, meditations, other sacred services)?»**

№ п/п	Насколько регулярно Вы участвуете в коллективных религиозных действиях (богослужениях, молитвах, медитациях, других священнослужениях)?	Частота	Частота в %
1	Каждый день	326	12,5
2	Несколько раз в неделю	288	11,1
3	Раз в неделю	1182	45,4
4	Реже, чем раз в неделю	296	11,4
5	Раз в месяц	121	4,6
6	Реже, чем раз в месяц	199	7,6
7	Раз в год	33	1,3
8	Реже раза в год	45	1,7
9	По потребности	26	1,0
10	Часто, хотя не регулярно	12	0,5
11	Редко, по возможности	21	0,8
12	В ходе общения с единоверцами и выполнения религиозных действий	7	0,3
13	Моя вера (религия) этого не требует	16	0,6
14	Не считаю это необходимым	30	1,2
15	Не участвую	4	0,2
	Всего	2606	100,0

Регулярность участия в коллективных религиозных действиях может выступать контрольной переменной по отношению к частоте совершения индивидуальных практик, поскольку предполагает необходимость физического присутствия респондентов в определенном месте в определенное время для взаимодействия с другими последователями.

Анализ значений переменных, характеризующих регулярность индивидуальной и коллективной религиозной активности, показал наличие связи между ними (значение коэффициента Крамера, рассчитанное для таблицы сопряженности, составляет 0,25). Для респондентов с высокой степенью индивидуальной религиозной активности характерна и большая регулярность участия в коллективных религиозных действиях. Среди общего

количества респондентов, ежедневно совершающих индивидуальные практики, больше тех, кто участвует и в коллективных священнослужениях с довольно высокой частотой (табл. 3):

- 11,7 % от общего числа опрошенных каждый день совершают как индивидуальные, так и коллективные религиозные действия;

- 10,3 % – практикуют индивидуальные культовые действия ежедневно и при этом участвуют в коллективных священнослужениях несколько раз в неделю;

- наиболее распространенная форма религиозной активности – совершение индивидуальных религиозных практик каждый день и коллективной практики не реже раза в неделю (36,3 % от общего числа респондентов).

Таблица 3

Таблица сопряженности: взаимосвязь регулярности коллективной и индивидуальной религиозной активности

Table 3

Contingency table: dependence between the regularity of collective and individual religious activity

Насколько регулярно Вы участвуете в коллективных религиозных действиях?	Как часто Вы самостоятельно молитесь, медитируете, совершаете другие религиозные действия?									Всего
	Каждый день	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Время от времени	Только в особых случаях	Никогда	В моей религии это не требуется	Постоянно	Затрудняюсь ответить	
Каждый день	11,7	0,3	0,0	0,3	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	12,6
Несколько раз в неделю	10,3	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	11,0
Раз в неделю	36,3	4,9	1,4	2,2	0,3	0,1	0,0	0,0	0,0	45,3
Реже, чем раз в неделю	6,7	2,4	0,7	1,3	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	11,4
Раз в месяц	2,5	0,7	0,4	0,7	0,3	0,0	0,0	0,0	0,1	4,6
Реже, чем раз в месяц	2,5	1,1	0,4	2,4	0,9	0,1	0,0	0,0	0,2	7,6
Раз в год	0,2	0,2	0,1	0,3	0,2	0,0	0,0	0,0	0,2	1,2
Реже раза в год	0,6	0,3	0,0	0,5	0,2	0,0	0,0	0,0	0,1	1,7
Моя религия этого не требует	0,2	0,0	0,0	0,2	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,6
Не считаю это необходимым	0,2	0,0	0,0	0,3	0,2	0,2	0,0	0,0	0,2	1,2
Часто, хотя не регулярно	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5
Редко, по возможности	0,5	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,8
Не участвую	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2
В ходе общения с единовѣрцами и выполнения религиозных действий	0,2	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,3
По потребности	0,6	0,1	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0
Всего	73,0	11,1	2,9	8,5	2,5	0,9	0,1	0,1	0,9	100,0

Участие в коллективных религиозных действиях исследовалось также и с точки зрения их наиболее часто практикуемых **видов и целей участия**. Ответы на вопрос об участии в конкретных *видах коллективной религиозной активности* формулировались респондентами самостоятельно и впоследствии были сгруппированы (табл. 4).

Чаще всего опрошенные практикуют «основные священнослужения» (63,8 % выбрали этот вариант ответа и 85,4 % от числа респондентов). Это священнослужения, имеющие ключевое значение в конфессиональных календарях, устанавливающие базовый (суточный, недельный, месячный) ритм ритуальной жизни и задающие ее полный годовой круг, выступая его праздничным началом и кульминацией (как, например, право-

славная литургия). Поскольку основные священнослужения, особенно их праздничные формы, часто известны далеко за пределами конфессий, их, скорее всего, отметили не только регулярные, но и случайные их участники. Поэтому число выборов основных священнослужений имеет смысл объединить с числом выборов праздничных священнослужений (8,7 % от числа ответов и 11,6 % от числа респондентов). Суммарное значение этих переменных (72,5 % и 97,0 % соответственно) указывает масштаб массового интереса к ритуальной стороне религий, т. е. ареал той формы вовлеченности респондентов в систему религиозных действий, которая соответствует в рамках исследовательской модели *слабой и номинальной* степеням.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «В каких именно коллективных религиозных действиях Вы принимаете участие чаще всего?»

Table 4

**Distribution of respondents' answers to the question:
«In which collective religious activities do you participate most often?»**

№ п/п	В каких именно коллективных религиозных действиях Вы принимаете участие чаще всего?*	Частота	Частота в % от числа выборов	Частота в % от числа респондентов
1	Во всех	16	0,6	0,8
2	В специальных священнослужениях	134	4,9	6,6
3	В основных священнослужениях	1743	63,8	85,4
4	В совместном изучении основ веры	119	4,4	5,8
5	В религиозных послушаниях	13	0,5	0,6
6	В религиозном общении с единоверцами	255	9,3	12,5
7	В служении по привлечению последователей	36	1,3	1,8
8	В административной, хозяйственной социально-культурной жизни религиозной общины / сообщества	89	3,3	4,4
9	В паломничествах	50	1,8	2,4
10	В праздничных священнослужениях	237	8,7	11,6
11	Другое	22	0,8	1,1
12	Не принимаю участия	17	0,6	0,8
	Всего	2731	100,0	133,8

*Вопрос с множественными вариантами ответов.

Заметное число респондентов указали, что участвуют:

- в «религиозном общении с единоверцами» – 9,3 %;
- в «специальных священнослужениях» – 4,9 %;
- в «совместном изучении основ веры» – 4,4 %.

Для трактовки ответа об участии в «религиозном общении с единоверцами» (9,3 % выбрали

этот вариант ответа и 12,5 % от общей численности респондентов) необходимо учитывать связь участия с другими показателями. Этот ответ может означать и религиозное, по сути, совместное изучение основ веры, как, например, на собраниях Свидетелей Иеговы, и простое (нерелигиозное) общение, как, скажем, при коллективной уборке храма. В первом случае, когда ответ понимается

в ключе религиозной деятельности и имеет конфессиональную специфику, к числу выбравших его могут быть присоединены и те, кто дал собственный вариант ответа и указал «служение по привлечению последователей» (1,3 % выбрали этот вариант ответа и 1,8 % от числа респондентов), – ответ, не вполне относящийся к заданному вопросу и зависящий от конфессионального контекста (например, он указывает на одну из основных форм служения у последователей церкви Иисуса Христа Святых последних дней или у Свидетелей Иеговы). Во втором случае, при нерелигиозной трактовке ответа, можно предположить, что респонденты ищут в религиозном общении сплоченности (компенсирующей дефицит общения) скорее товарищей по общим делам и интересам, чем единоверцев. В том же контексте можно трактовать и не вполне уместные в данном вопросе ответы об участии «в административной, хозяйственной, социально-культурной жизни общины» (3,3 % и 4,4 % соответственно) и «в паломничествах» (1,8 % и 2,4 % соответственно), отражающие скорее дружескую, чем религиозную вовлеченность. Таким образом, за некоторым конфессиональным исключением (как, например, в случаях с евангелическими протестантами, Свидетелями Иеговы, последователями Церкви Иисуса Христа Святых последних дней), все ответы, близкие к позиции «религиозного общения с единоверцами», можно квалифицировать как отражающие *слабую* (предположительно, компенсирующую дефицит социальных коммуникаций) религиозную вовлеченность.

Участие в «специальных священнослужениях» с точки зрения степени религиозной вовлеченности более значимо по сравнению с участием в основных и праздничных. Под специальными священнослужениями понимаются коллективные религиозные действия, отправляемые в честь особо или местно значимых событий и персон (4,9 % выбрали этот вариант ответа). Можно предположить, что в них участвуют последователи, детально знающие сакральный календарь и соблюдающие его, а часть респондентов, указавших участие одновременно и «в специальных», и «во всех» священнослужениях (в совокупности 5,5 % выбрали эти варианты ответа) являются специалистами конфессий, т.е. сами отправляют священнослужения. Респондентов, указавших наибольшую частоту участия «в специальных» и «во всех» священнослужениях, можно представить как *средне*, а возможно (при соответствующей корреляции с другими показателями) и *сильно* (глубоко) вовлеченных в систему религиозной деятельности.

Частота ответов об участии «в совместном изучении основ веры» (4,4 % от числа выборов

варианта ответа) может рассматриваться лишь в связи с конфессиональной принадлежностью респондентов. Например, в православии совместное изучение ключевых истин веры может происходить в воскресной школе, где занятия не предполагают значительной религиозной вовлеченности и могут отражать лишь культурный или социально-практический интерес к традиции. Тогда как для евангелических протестантских церквей или церкви Свидетелей Иеговы «совместное изучение основ веры» может выступать в качестве коллективной религиозной деятельности.

Определенную специфику в данном исследовании имело и конструирование переменной, характеризующей *цели участия в коллективных религиозных действиях*: ее значения ставились в соответствие степеням вовлеченности и дифференцировались по признаку уровня бескорыстия мотивов включения в коллективные религиозные практики.

Было выделено четыре признака, характеризующих уровни бескорытия религиозного участия в соответствии со степенями вовлеченности (табл. 5):

- *сильной* степени вовлеченности соответствует бескорыстное почитание религиозного идеала, обозначенное вариантом ответа (значение переменной) «общение с Богом, с высшими силами»;
- *средней* степени вовлеченности ставится в соответствие модель поведения в духе высокой прагматики (самоограничение во имя религиозного идеала, но в интересах собственного социального и личного роста), что характерно для вариантов ответа «переживание духовной общности с единоверцами», «соблюдение религиозного долга», «получение нового опыта»;
- *слабая* степень вовлеченности представлена социальной и личной прагматической ориентацией, что соответствует значению переменной «повышение самоуважения и нравственного авторитета в глазах окружающих»;
- *номинальная* (или в сочетании с другими признаками слабая) степень вовлеченности отражена в утилитарной прагматике, с соответствующим вариантом «получение помощи от Бога, от высших сил».

Большая часть ответов респондентов на вопрос о цели участия в коллективных религиозных действиях распределилась в диапазоне значений от бескорыстной до утилитарной прагматической ориентации. Численность респондентов, затруднившихся с ответом, предложивших собственный вариант либо указавших на неучастие в коллективных религиозных действиях, незначительна (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какова цель Вашего участия в коллективных религиозных действиях?» в соответствии со степенями религиозной вовлеченности

Table 5

Distribution of respondents' answers to the question: «What is the purpose of your participation in collective religious activities?» in accordance with the degrees of religious involvement

№ п/п	Какова цель Вашего участия в коллективных религиозных действиях?*	Значение признака	Частота	Частота в % от числа выборов	Частота в % от числа респондентов	Степень религиозной вовлеченности
1	Общение с Богом, с высшими силами (жертва служения, благодарение, восхваление)	Бескорыстное служение	1556	42	60,7	Сильная (глубокая)
2	Переживание духовной общности с единоверцами	Высокий прагматизм	417	11,2	16,3	Средняя
3	Соблюдение религиозного долга		453	12,2	17,7	
4	Получение нового опыта для дальнейшего самосовершенствования		418	11,3	16,3	
5	Внутренняя потребность	Высокий прагматизм	10	0,3	0,4	Средняя**
6	Повышение самоуважения и нравственного авторитета в глазах окружающих	Социальный прагматизм	24	0,6	0,9	Слабая
7	Получение помощи от Бога, от высших сил	Утилитарный прагматизм	761	20,5	29,7	Номинальная
8	Общение	Утилитарный прагматизм	2	0,1	0,1	Номинальная**
9	Затрудняюсь ответить		63	1,7	2,5	
10	Не участвую		3	0,1	0,1	
	Всего		3707	100,0	144,7	

*Вопрос с множественными вариантами ответов.

**В зависимости от сочетания с другими показателями значения переменной могут приближаться к сильной или слабой степени вовлеченности.

***В зависимости от сочетания с другими показателями значения переменной могут приближаться к слабой степени вовлеченности.

Для большей части респондентов (42 % от числа выборов варианта ответа) основной целью участия в коллективных священнослужениях оказалось общение с объектом веры, что соответствует бескорыстному служению и *сильной* степени вовлеченности. Более трети (34,7 %) отметили позиции, соответствующие высокой прагматике и *средней* степени вовлеченности: соблюдение религиозного долга (12,2 %), переживание духовной общности с единоверцами (11,2 %), получение нового опыта для дальнейшего самосовершенствования (11,3 %). Заметной является также доля ответов, которые можно причислить к утилитарной прагматике (либо к высокой в зависимости от корреляций со значениями других показателей) и к *слабой* степени вовлеченности: получение помощи от Бога или высших сил (20,5 %).

Сочетание значений переменной, характеризующей цель участия в коллективных религиозных

действиях, с другими показателями измерений религиозности может менять значение признака религиозности от утилитарного к высоко прагматичному и бескорыстному (т. е. от номинальной к сильной степени вовлеченности), и наоборот.

Итак, благодаря значениям переменных можно судить о наиболее заметных тенденциях культового поведения последователей разных конфессий Беларуси, а именно:

- о высокой регулярности совершения *индивидуальных культовых* действий (73,1 % от числа респондентов);

- о высокой регулярности участия в *коллективных культовых* действиях (67,9 % от числа респондентов);

- о большом количестве участвующих в таком виде коллективных культовых действий, как основные священнослужения (63,8 % от общего числа выбора вариантов ответа на открытый вопрос);

• о преобладании бескорыстных целей участия в коллективных культовых действиях (40,2 % от числа респондентов).

В целом значения, характеризующие сводный показатель совершения религиозных (культовых) действий, свидетельствуют о высокой регулярности индивидуальных и коллективных практик респондентов, но их сочетание с наибольшей частотой участия в основных священнослужениях – самых частых и значимых, а потому широко известных. Данный показатель свидетельствует о стремлении к регулярной включенности в культовую активность за счет участия в самых доступных ее формах и указывает на заметную степень вовлеченности в религиозную деятельность, хотя и не самую высокую. Сильная степень вовлеченности в систему религиозной деятельности предполагает образ жизни, регулируемый ритуальным календарем конфессии, и, следовательно, большую регулярность специальных священнослужений. Тем не менее тот факт, что основная масса респондентов – миряне, работающие люди, которые могут включаться в ритуальную жизнь, только если в ее ритме есть постоянные значимые

мероприятия (т. е. основные священнослужения), может свидетельствовать в пользу тенденции значений массовой вовлеченности к более высоким степеням. Однако с учетом того, что объектом данного исследования является религиозная часть населения Беларуси, в среде которой показатели участия в специальных священнослужениях должны быть ожидаемо выше, участие респондентов преимущественно в основных священнослужениях свидетельствует в пользу сдвига степени вовлеченности в религиозную деятельность от высокой к низкой.

Таким образом, выявленная высокая регулярность индивидуальных и коллективных культовых действий говорит о потребности белорусов в деятельности ради общих высоких целей, в социальной сплоченности на основе значимых ценностей, о том, что для многих эта потребность удовлетворяется через религиозное взаимодействие. Это означает, что религия выступает для белорусов сферой прежде всего коллективных добрых дел, и лишь в некоторой степени – практикой служения трансцендентному идеалу, кардинально определяющему образ жизни.

Библиографические ссылки

1. Фолкнер Д., ДеЙонг Г. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ // Социол. исслед. 2011. № 12. С. 69–76.
2. Glock C. Y., Stark R. *Religion and Society in Tension*. Chicago ; New York ; SF ; London : Rand McNally & Company, 1965. Part I : Religion as a Social Phenomenon. P. 1–66.
3. Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 268–292.
4. Новикова Л. Г. «Религиозный бум» в Беларуси: миф или реальность // Социология. 1999. № 2. С. 29–36.
5. Новикова Л. Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект). Минск : БТМ-информ, 2001.
6. Пирожник И. И., Озем Г. З., Сидоренко В. П. и др. Социально-географические тенденции изменения конфессиональной структуры населения Беларуси // Вестн. БГУ. 2007. № 1. С. 76–83.
7. Морозова С. А. Религия // Ротман Д. Г., Данилов А. Н., Булышко Д. М. и др. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д. М. Булышко [и др.]. Минск : БГУ, 2009. С. 137–146.
8. Морозова С. А. Религия // Ценностный мир современного человека. Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2013. С. 126–149.
9. Особенности этноконфессиональной и языковой ситуации в Беларуси // Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2016 год. Минск : ИАЦ, 2017. С. 99–108.
10. Карасева С. Г., Шкурова Е. В. Многомерный кросskonфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация // Социология. 2012. № 3. С. 123–133.
11. Карасева С. Г., Шкурова Е. В., Шатравский С. И. и др. Некоторые особенности религиозного населения Беларуси (по материалам исследования «Типология религиозности в современной Беларуси», 2012–2015) // Философия и соц. науки. № 1. 2016. С. 82–91.
12. Карасева С. Г., Шкурова Е. В., Шатравский С. И. Вовлеченность в религию как жизненная ценность: результаты исследования религиозного населения Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 103–110.

References

1. Folkner D., De Iong G. [Religiosity in five dimensions: empirical analysis]. *Sotsiologicheskie issled.* 2011. No. 12. P. 69–76 (in Russ.).
2. Glock C. Y., Stark R. *Religion and Society in Tension*. Chicago ; New York ; SF ; London : Rand McNally & Company, 1965. Part I : Religion as a Social Phenomenon. P. 1–66.
3. Prutskova E. V. [The concept of religiosity: operationalization in empirical research]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and worldwide]. 2012. No. 2. P. 268–293 (in Russ.).

4. Novikova L. G. *Religioznost' v Belarusi na rubezhe vekov: tendentsii i osobennosti proyavleniya (sotsiologicheskii aspekt)* [Religious boom' in Belarus: myth or reality?]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 1999. No. 2. P. 29–36 (in Russ.).
5. Novikova L. G. [Religiosity in Belarus at the turn of the centuries: trends and peculiarities of expression (sociological aspect)]. Minsk, 2001 (in Russ.).
6. Pirozhnik I. I., Novikova L. G., Ozem G. Z. et al. [Belarus after the religious boom: what has changed?]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2006. No. 4. P. 46–55 (in Russ.).
7. Morozova S. A. [Religion]. In: *Tsenkostnyi mir sovremennogo cheloveka: Belarus' v proekte «Issledovanie evropeiskikh tsennostei»* [Values of the modern person: Belarus in the European Values Survey project]. Minsk, 2009. P. 137–164 (in Russ.).
8. Morozova S. A. [Religion]. In: *Tsenkostnyi mir sovremennogo cheloveka. Belarus' i ee sosedi v mezhdunarodnykh proekтах po izucheniyu tsennostei* [Values of the modern person: Belarus in the European Values Survey project]. Minsk, 2013. P. 126–149 (in Russ.).
9. [Features of the ethno-confessional and language situation in Belarus]. In: *Respublika Belarus' v zerkale sotsiologii: sbornik materialov sotsiologicheskikh issledovaniy za 2016 god* [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: a collection of materials of sociological research for 2016]. Minsk : IAC, 2017. P. 99–108 (in Russ.).
10. Karasseva S. G., Shkurova E. V. Multi-dimensional cross-confessional approach to study of religiosity in Belarus: actuality and conceptualization. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2012. No. 3. P. 123–133 (in Russ.).
11. Karassyova S. G., Shkurova E. V., Shatrauski S. I. et al. [Some features of the religious people in Belarus (based on the study «Typology of religiosity in the modern Belarus», 2012–2015)]. *Filosofiya i sotsialnye nauki* [Philosophy and Social Sciences]. 2016. No. 1. P. 82–91 (in Russ.).
12. Karassyova S. G., Shkurova E. V., Shatrauski S. I. [Involvement in religion as a vital value: the results of studies of the religious population in Belarus]. *J. Belarus. State Univ. Sociology*. 2017. No. 2. P. 103–110 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 02.05.2018.
Received by editorial board 02.05.2018.

ПОКОЛЕНИЯ И ГЕНДЕР

GENERATIONS AND GENDER

УДК 303.82+316.4

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОГРАММА «ПОКОЛЕНИЯ И ГЕНДЕР» В БЕЛАРУСИ

О. В. ТЕРЕЩЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается первый этап участия Беларуси в международной исследовательской Программе «Поколения и гендер» (*Generation and Gender Programme, GGP*), осуществленный в 2017 г. По вопросам семьи и рождаемости были опрошены 10 тыс. респондентов. Опрос по анкете осуществлялся с использованием компьютерных планшетов. Анкета включала в себя такие разделы, как образование и условия жизни респондента; родители и родительский дом опрошиваемого; история брачных (партнерских) отношений, рождения и воспитания детей; состав и организация домохозяйства; системы взаимоотношений и поддержки; репродуктивная функция; здоровье и благополучие; деятельность и доходы респондента и его партнера; ценностная ориентация и жизненная позиция респондента, а также планы на ближайшие три года, связанные с возможностью родить первого или еще одного ребенка с сохранением или изменением брачного статуса и условий жизни. Рассматриваются основные особенности проведенного обследования: масштабность, лонгитюдный характер, объем и возрастная структура выборки, инновационность методологических подходов к анализу данных, сочетание микро- и макроуровня данных, возможность международных сравнительных исследований, которые позволяют решать сложные задачи по определению характера и измерению скорости основных демографических процессов, выявлению трендов изменения белорусской семьи в послевоенные годы.

Ключевые слова: программа «Поколения и гендер»; демографический переход; лонгитюдное исследование; жизненные траектории; событийный анализ.

Образец цитирования:

Терещенко О. В. Международная программа «Поколения и гендер» в Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 76–84.

For citation:

Tereschenko O. V. International program of «Generation and Gender» in Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 76–84 (in Russ.).

Автор:

Ольга Викентовна Терещенко – кандидат социологических наук, доцент; профессор кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Tereschenko, PhD (sociology), docent; professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
oteresch@tut.by

INTERNATIONAL PROGRAM OF «GENERATION AND GENDER» IN BELARUS

O. V. TERESCHENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper deals with the first stage of Belarus participation in the international Generations and Gender Program, carried out in 2017. 10 000 respondents were interviewed about their families and fertility. The questionnaire, which was carried out using computer tablets, included such sections as education and living conditions of the respondent; his parents and parents' house; history of partnerships, births and upbringing of children; composition and organization of the household; relations and support systems; reproductive function; health and wellness; activity and income of the respondent and his/her partner; value orientation and life position of respondents; as well as plans for the next three years related to possibility of giving birth to (one more) child, preservation or change of marital status, and living conditions. This article discusses the main features of the survey, such as large range; longitudinal character; volume and age structure of the sample; innovativeness of methodological approaches to data analysis; combination of micro- and macro-levels; the possibility of international comparative studies allowing to solve complex tasks of determining nature and measurement rate of main demographic processes, revealing the trends of changes in Belarusian family in the postwar years.

Key words: Generations and Gender Program; demography transition; longitudinal study; life trajectories; event history analysis.

Введение

На протяжении тысячелетий основными регуляторами численности и структуры населения были, и во многих регионах Земли остаются, войны, эпидемии и природные катастрофы, уничтожающие пищевые ресурсы. Однако в течение последнего столетия в ряде регионов и стран Северного полушария, включая европейские страны, Россию и Беларусь, происходит демографический переход: снижаются рождаемость и смертность, что в целом не обеспечивает воспроизводство населения и приводит к изменению его структуры [1]. В качестве сложных социально-экономических процессов, позволивших семьям снизить рождаемость, Л. П. Шахотко называет снижение детской смертности, уменьшающее риск потери уже рожденного ребенка, изменение положения женщины в обществе и семье, рост требований к качеству воспроизводства рабочей силы, расширение пенсионного обеспечения, при котором уменьшается материальная зависимость престарелых родителей от своих детей, повышение требований к воспитанию детей, высокая занятость женщин в общественном производстве, возрастание потребностей семей, изменение их ценностных ориентаций и др. [2].

В сочетании с доступностью большинству населения надежных медицинских решений планирования семьи рождение первого или еще одного ребенка стало во многом зависеть от разнообразных социальных, экономических, психологических и нравственных факторов, изучение которых в рамках традиционных для демографии источников данных невозможно. Демографы вынуждены использовать социологическую методологию в статистических обследованиях населения (см. ис-

следование Национального статистического комитета [3]) и обращаться к классическим социологическим исследованиям (см. [4]).

В современных условиях меняется возрастная и поколенческая состав семей, что приводит к утяжелению социальной нагрузки на их активное ядро и к изменению форм, объемов и направленности потоков ресурсов между поколениями детей, родителей и прародителей. Формируются принципиально иные типы внутри- и межпоколенных взаимодействий. В частности, изменения демографического баланса между поколениями приводят к перераспределению национального дохода в пользу пожилого населения.

В этом контексте важно выявить механизмы формирования семей, особенности экономических и социальных взаимоотношений поколений (родителей и детей, трудоспособных и пожилых) в различных типах семей, структуру и формы межсемейных сетей поддержки. Необходимо разобраться во всех сложных и многоаспектных процессах, происходящих при взаимодействии поколений родителей и детей в семье и обществе. В этом плане важную роль играют специализированные масштабные социально-демографические обследования населения.

Понимание сложности и многоаспектности проблем рождаемости, не сводимых к анализу уникальных ситуаций в конкретных странах, подвело крупнейшие научные демографические центры развитых стран к необходимости проведения широкомасштабных исследований, скоординированных на международном уровне по единой программе. Опираясь на имевшийся ранее опыт,

международный консорциум европейских и североамериканских исследовательских центров в начале 2000-х гг. разработал принципиально новую программу углубленного изучения рождаемости и семьи, получившую название «Поколения и гендер» (*Generations and Gender Programme, GGP*).

Руководитель российской программы «Родители и дети, мужчины и женщины», осуществленной в России в рамках GGP в 2004–2011 гг., С. В. Захаров выделил такие уникальные особенности этой программы, как масштабность, лонгитюдный характер, объем и возрастная структура выборки, инновационность методологических подходов к анализу данных, сочетание микро- и макроуровней данных, возможность проведения международных сравнительных исследований [5].

В Беларуси первый этап опроса по программе «Поколения и гендер» был проведен в 2017 г. Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в рамках проекта «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь» при поддержке Правительства Российской Федерации, Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [6]. В настоящее время к публикации готовится коллективная монография «Беларусь: структура семьи, семейных отношений, репродуктивного поведения», содержащая первые результаты анализа собранных данных [6].

Масштабность программы

Масштабность программы «Поколения и гендер» определяется единым для всех стран базовым вопросником, охватывающим на трех этапах (волнах) более 1000 переменных, получаемых в результате стандартизированных интервью (продолжительностью 1–1,5 часа) и касающихся основных событий (фактов) биографии респондента, а также особенностей функционирования его домохозяйства. Это, в частности, сведения о родителях и условиях ранней социализации респондента, его репродуктивная биография, история брачно-партнерских отношений, миграции, формы занятости, а также информация об образовании, жилищных условиях, источниках доходов, уровне благосостояния, здоровье, распределении социальных ролей и обязанностей в семье, условиях воспитания детей, ценностных ориентациях, удовлетворенности отношениями в семье и различными аспектами жизнедеятельности, планах в отношении трансформации семьи и др. Если событие (рождение ребенка или заключение брака) происходило в жизни

респондента неоднократно, то вопросы задавались про каждого из его участников. Например, у респондента спрашивали дату рождения каждого ребенка, а также жив ли ребенок к моменту опроса (дату смерти, если нет), ходит ли в детский сад (если не достиг возраста 6 лет), где учится (если находится в школьном возрасте 6–14 лет), чем занимается (если старше 14 лет), живет ли совместно с респондентом-родителем, если нет, то видится ли с родителем, как часто и какое время занимает дорога. Заметим, что ответы на эти вопросы давали мужчины и женщины всех возрастов от 18 до 79 лет, что позволяет анализировать, например, не только уход молодых родителей за несовершеннолетними детьми, но также и отношения родителей старших возрастов со своими взрослыми детьми. Данный пример позволяет понять причину столь большого количества задаваемых вопросов и получаемых из них переменных, а также диапазон проблем, которые могут решаться в рамках одного исследования.

Лонгитюдный характер исследования¹

Лонгитюдный характер исследования программы «Поколения и гендер» предполагает проведение нескольких (как минимум трех) волн опроса одной и той же совокупности респондентов с интервалом в три года, что для международно-составимых исследований предоставляет возможность поиска взаимосвязей между происходящими событиями и меняющимися характеристиками респондентов и домохозяйств в реальной динамике этапов жизненного цикла. Белорусские социологи имеют опыт участия в международном (всесоюз-

ном и постсоветском) лонгитюдном исследовании «Пути поколения» 1983–1998 гг., бессменным руководителем которого был профессор Тартуского университета М. Х. Титма, а белорусской команды в разные годы – Е. М. Бабосов, С. П. Винокурова и Е. А. Борковская [7]. Однако этот проект охватывал только одну возрастную когорту, прошедшую полный путь взросления от получения неполного среднего (ныне базового) образования в 1983 г. до завершения обучения, построения профессиональной карьеры и создания собственной семьи к мо-

¹Лонгитюдное исследование (лонгитюд) является частным видом панельного исследования, выделяемого, главным образом, по критерию общей продолжительности (от нескольких лет до нескольких десятков лет), а также по величине временных интервалов между опросами (несколько лет).

менту достижения возраста 30–31 года в 1998 г.² Программа «Поколения и гендер», в свою очередь, охватывает взрослое население в возрасте от 18 до 79 лет, тем самым обеспечивая возможность провести сравнительный анализ жизненных путей различных поколений, начиная с тех, кто только вступает во взрослую жизнь, достигнув к моменту опроса возраста 18 лет, и заканчивая родившимися перед Великой отечественной войной и вступившими во взрослую жизнь во второй половине 1950-х гг.

Повторные опросы одних и тех же респондентов лонгитюдного исследования позволяют зафик-

сировать определенные биографические события и их даты, а также произошедшие между опросами изменения. Последнее особенно важно, когда речь идет об осуществлении демографических намерений. Например, из данных второго опроса становится известным, родили ли (зачали) ребенка между первым и вторым опросами женщины и мужчины, которые собирались это сделать.

Заметим также, что в лонгитюдных исследованиях широко практикуется техника ретроспективных опросов: респондентам задают вопросы о том, произошли ли определенные события в их жизни до или после предшествующего опроса и когда именно.

Объем и возрастная структура выборки

Объем выборки на каждой волне опроса «Поколения и гендер» должен составлять не менее 10 000 респондентов и репрезентативно представлять население в возрасте от 18 до 79 лет. В 2017 г. выборка была стратифицирована по областям, затем кластеризована по населенным пунктам, стратифицированным, в свою очередь, внутри области по размеру. Внутри населенных пунктов Национальным статистическим комитетом был произведен случайный отбор адресов домохозяйств, в которых интервьюерами осуществлялся случайный отбор респондентов, что сделало исследование необычайно трудоемким и дорогостоящим. Объем выборки в Беларуси на первом этапе (в 2017 г.) составил 9 994 человека, что соответствовало требованиям программы. Такой объем выборки позволил обеспечить репрезентативность не только населения в целом, но и возрастных когорт и по возможности малых групп, представляющих собой особый демографический интерес (например, беременных или стремящихся к рождению или зачатию ребенка в течение следующих трех лет).

Однако на следующей волне исследования в 2020 г. проблемы с формированием выборки существенно возрастут. Необходимо будет решать как минимум три взаимосвязанные задачи. Во-первых, важно обеспечить максимально возможный повторный опрос респондентов 2017 г., при этом те, кому к началу второй волны исполнится 80 и более лет, должны быть исключены из повторной выборки. Трудности будут связаны как с недоступностью значительной части первоначальной выборки (по причине смерти, болезни, переезда, лишения свободы и др.), так и с отказами продолжать участие в исследовании. Во-вторых, необходимо компенсировать опрос потерянных посредством добора новых респондентов методами, максимально приближенными к методам случайного отбора. В-третьих, следует осуществить специальный добор респондентов в возрасте 18–20 лет, поскольку в промежутке между опросами эта категория перейдет в возрастной интервал 21–23 года, и младшая возрастная группа должна быть сформирована заново также с максимальным соответствием требованиям случайного отбора.

Инновационные методологические подходы к анализу данных

В лонгитюдных исследованиях инновационные подходы – это в первую очередь событийный анализ (англ. – *event history analysis*) [8] и анализ последовательности событий (англ. – *sequence analysis*) [9], позволяющие анализировать жизненные пути (англ. – *life courses*) [10] респондентов и целых когорт.

Понятие события в биографической социологии тесно связано с понятием статуса респондента. Если событие можно рассматривать как смену статуса, то статус – это состояние, обретенное в результате наступления события. Например, рожде-

ние ребенка является событием, придающим женщине и мужчине статус родителей. Однако если до рождения ребенка они не состояли в браке, то новый статус может способствовать наступлению такого события, как заключение брака.

Предметом *событийного анализа* является наступление или ненаступление события в жизни респондента. Продолжительность нахождения индивида в том или ином статусе чаще всего соотносится с вероятностью наступления события, ограничивающего пребывание в статусе, через определенный промежуток времени. Данную ве-

²Начатый во всех союзных республиках в 1983 г. проект «Пути поколения» удалось успешно завершить в 1998 г. в Латвии, Беларуси, Украине, Молдове и нескольких российских регионах. В Эстонии – зачинателе лонгитюдных исследований в Советском Союзе – успешно продолжается два национальных лонгитюда, начатых в 1966 и 1983 гг. (последний – в рамках всесоюзного проекта «Пути поколения»).

роятность можно оценить с помощью демографических функций дожития. В качестве примера приведем один из первых результатов исследования «Поколения и гендер» в Беларуси в 2017 г., позволившего выявить временной период, в который произошло существенное изменение репродуктивного поведения молодых семей (рис. 1). Если в возрастной когорте молодых женщин, родившихся в 1960–1969 гг. и вступивших в активное репродуктивное поведение после 1980 г. (светлая линия на графике функций дожития), 50 % зачали первого ребенка в течение первых 12 месяцев (одного года) после вступления в первый брак, то 50 % женщин из когорты 1970–1979 гг. рождения для этого по-

надобилось 24 месяца (два года)³. Для того чтобы данное событие произошло у 80 % женщин из первой рассматриваемой когорты, понадобилось 60 месяцев (5 лет) совместной жизни, у 80 % из второй когорты – 156 месяцев (13 лет). Другими словами, когорта 1970–1979 гг. рождения, по сравнению с когортой 1960–1969 гг. рождения, стала откладывать зачатие первого ребенка на более поздний срок. Заметим, что для решения этой задачи понадобилось знание календарных дат заключения первого брака и рождения первого ребенка, в то время как дата зачатия определялась вычитанием 9 месяцев из даты рождения ребенка – типичный прием в событийном анализе репродуктивного поведения.

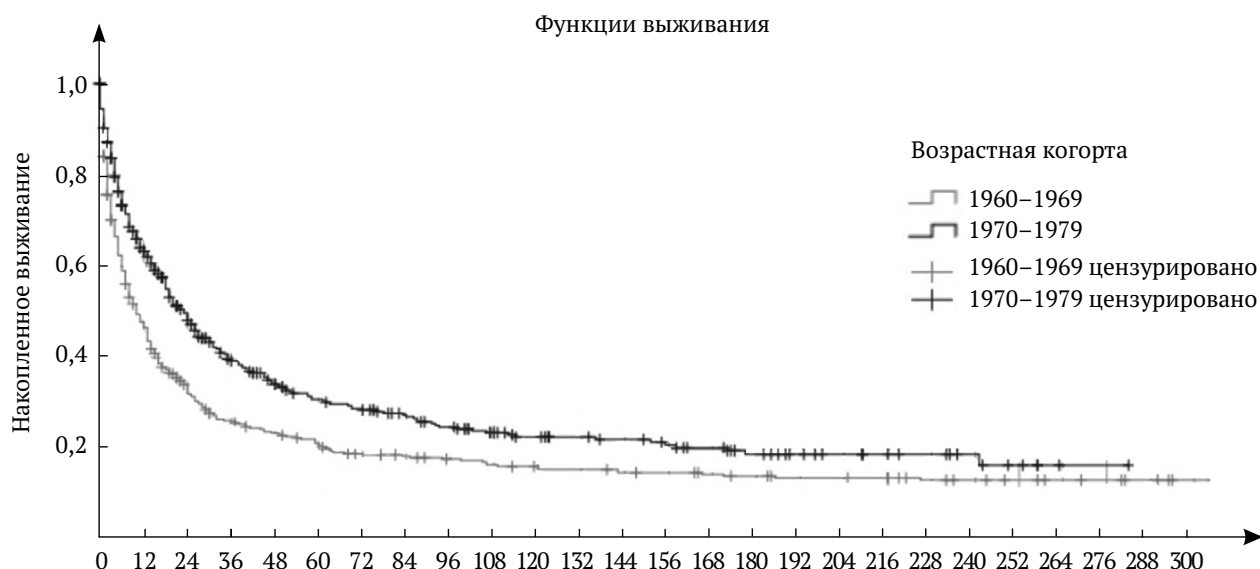

Рис. 1. Вероятность зачатия первого ребенка после вступления в первый брак женщинами когорт 1960–1969 и 1970–1979 гг. рождения.

Источник: собственная разработка совместно с А. О. Лапето, на основе данных исследования «Поколения и гендер» 2017 г.

Fig. 1. Probability of the first child conception after the first marriage, female cohorts 1960–1969 and 1970–1979 years of birth.

Source: joint elaboration with A. O. Lapeto, data from the «Generations and Gender» survey, 2017

Жизненный путь респондента состоит из последовательности демографических (браки, разводы, рождение детей, потери близких), экономических (получение образования, первая работа, смена рабочих мест и доходов, выход на пенсию), миграционных (уход из дома родителей, переезды) и других событий, изменяющих его статус. Каждое из них происходит в определенном возрасте, который обычно измеряется с точностью до месяца, что позволяет определять их последовательность.

Анализ последовательности событий предназначен для изучения жизненных путей, типичных для определенных социальных групп, в первую очередь возрастных когорт. В качестве примера рассмотрим события, наступление которых считается обязательным для перехода ко «взрослой жизни», – это завершение образования, отделение от родителей, начало совместного проживания с партнером, заключение первого брака, рождение первого ребенка⁴ [11]. Один из самых простых спо-

³Для проведения событийного анализа была сделана подвыборка женщин соответствующих возрастов, родивших первого ребенка не ранее, чем через 9 месяцев после заключения брака (другими словами, зачавших первенца не ранее регистрации брака).

⁴В этот список входит также начало первой работы. Но в первой волне исследования по программе «Поколения и гендер» профессиональная карьера не изучалась, соответственно, возраст, в котором респондент начал работать, не фиксировался.

событий определения типичной последовательности событий взросления когорты заключается в том, чтобы оценить, какова в ней доля людей, которые к 25 годам прошли каждый из соответствующих этапов взросления [12]. Доли респондентов, преодолевших каждое из этих событий взросления до исполнения 25 лет, служат ориентиром для постро-

ения траектории взросления – последовательности событий, которые характерны для данной когорты. В качестве примера рассмотрим процент представительниц когорт 1940–1944 и 1970–1974 гг. рождения, в жизни которых к 25 годам произошло каждое из вышеперечисленных событий (таблица).

Достижение событий взросления женщин к 25 годам (1940–1944 и 1970–1974 гг. рождения), %
Events in the transition to adulthood up to 25 years, female cohorts 1940–1944 and 1970–1974, %

Год рождения	Образование	Отделение от родителей	Совместное проживание с партнером	Заключение брака	Рождение первого ребенка
1940–1944	65	68	64	61	55
1970–1974	86	73	74	70	66

Источники: собственная разработка совместно с А. О. Лапето на основе данных исследования «Поколения и гендер», 2017 г.
Source: joint elaboration with A. O. Lapeto, data from the «Generations and Gender» survey, 2017.

Представить упорядоченность наступления этих событий можно с помощью специальной диаграммы, которая свидетельствует о том, что женщины 1940–1944 гг. рождения в первую очередь оставляли дом своих родителей (вероятно, в целях получения образования в другом, более круп-

ном, городе), получали образование (как правило, неполное среднее, профессионально-техническое или среднее специальное), начинали совместную жизнь с первым партнером, за которого чаще всего выходили замуж, и рожали первого ребенка (рис. 2).

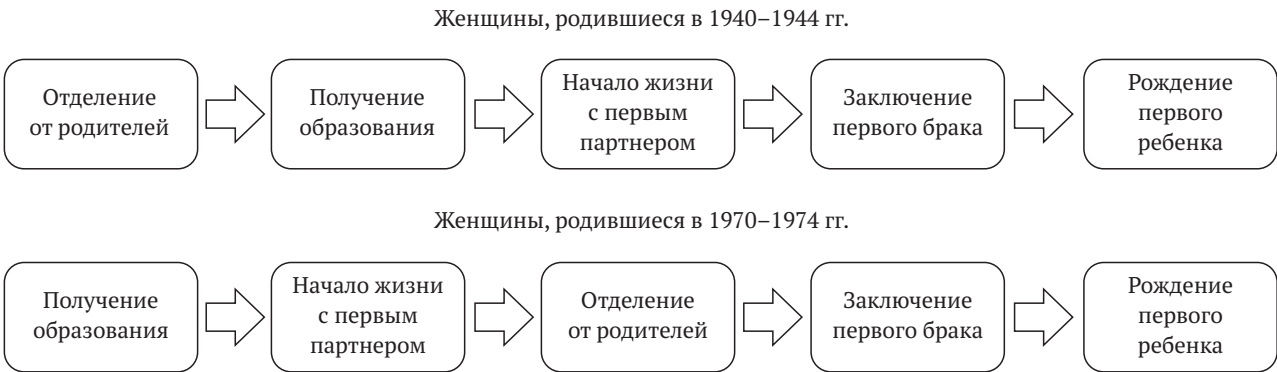

Рис. 2. Наблюдаемые траектории взросления у женщин когорт 1940–1944 и 1970–1974 гг. рождения.
Источники: собственная разработка совместно с А. О. Лапето на основе данных исследования «Поколения и гендер», 2017
Fig. 2. Sequence of events in the transition to adulthood in female cohorts 1940–1944 and 1970–1974.
Source: joint elaboration with A.O. Lapeto, data from the «Generations and Gender» survey, 2017

Женщины из когорты 1970–1974 гг. рождения сначала получали образование, после чего начинали совместную жизнь с партнером, нередко у своих родителей. Затем респонденты покидали дом родителей для создания своей семьи – регистрации брака и рождения первого ребенка. Таким образом, за 30 лет, прошедших между когортами, в порядке взросления произошли определенные изменения, главное из которых – более позднее отделение от родителей, связанное в более молодой когорте скорее с созданием первой семьи, чем с получением образования.

События жизненного пути в лонгитюдном исследовании фиксируются на основе ответов респондента на соответствующие вопросы, включающие даты, когда они произошли. Это позволяет вычислять возраст респондента в момент наступления любого события и длительность периодов времени между двумя любыми событиями. Например, между заключением брака и последующим зачатием ребенка, как было рассмотрено выше, или между рождением внебрачного ребенка и последующим заключением брака (с отцом ребенка или другим человеком) [13].

Методы анализа взаимосвязей между событиями и характеристиками, меняющимися с возрастом человека и зависящими от длительности пребывания в том или ином статусе, широко используются в сочетании с методами когортного анализа [14]. Структура и форма регистрации меняющихся характеристик респондента, событий в его жизни, различных аспектов функционирования домохозяйства изначально организованы таким образом, чтобы применять именно эти методы. В частности, это подробные ретроспективные вопросы о самом респонденте и его/ее семье: родителях, супругах и партнерах, рожденных и потерянных детях, родственниках и друзьях, с которыми их связывают не только родственные отношения, но также дружба и взаимопомощь. Помимо прочего, респонденты

отвечают на вопросы о своих планах на ближайшие три года, связанных с заключением или расторжением брака, рождением первого или еще одного ребенка, сменой работы и др. Осуществлены ли эти планы, и что повлияло на произошедшие в жизни за эти три года изменения, можно узнать только после повторного опроса тех же людей (в рамках программы «Поколения и гендер» это произойдет в 2020 г.).

Чтобы узнать, как и с какой скоростью протекали демографические процессы в разные периоды времени, необходимо разделить респондентов в зависимости от изучаемых проблем на пяти- или десятилетние когорты по году рождения или возрасту и сравнивать их ответы между собой, как в приведенных выше примерах.

Сочетание микро- и макроуровня данных

Помимо вопросов организации и проведения обследования населения программа «Поколения и гендер» предусматривает создание контекстуальных баз данных (макроданных) по каждой стране-участнице. Основная задача состоит в том, чтобы подготовить данные, которые в дальнейшем могут быть использованы в многоуровневых количественном и контекстуальном анализах, в рамках которых в моделях одновременно участвуют данные микро- и макроуровней. Контекстуальные базы должны включать:

- информацию о законодательстве в области экономики, регулирования доходов, занятости,

образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, социального обслуживания, семейной политики и других социальных гарантий, влияющих на положение семьи и на процессы в области рождаемости;

- статистические макроданные, характеризующие общие социальные и экономические тенденции;

- даты событий, которые могут повлиять на положение семей и принятие решений в сфере демографического поведения. В Беларуси такие базы данных пока не создавались и, соответственно, опыта подобного анализа данных пока нет.

Первые результаты исследования

В настоящее время анализом огромного массива данных, собранного сотрудниками Института социально-политических исследований БГУ в 2017 г., занимается коллектив белорусских социологов, демографов, экономистов, специалистов по труду и социальной защите, медицинских работников. Эти результаты будут представлены в коллективной монографии «Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение», которая по планам будет разделена на пять тематических разделов. В первом, «Брачно-партнерские отношения», будут рассматриваться процессы перехода различных поколений жителей Беларуси во взрослую жизнь, современные модели формирования брачно-партнерских союзов, отношения в них и распределение ролей и обязанностей, формы и последствия их распада. В разделе «Репродуктивное поведение и репродуктивные установки» будут представлены изменения, произошедшие после Второй мировой войны

в календаре деторождений, межпоколенная динамика репродуктивного поведения, факторы формирования репродуктивных установок у женского населения. Раздел «Родители и дети» включит в себя материалы, в которых проанализированы государственные и частные услуги по воспитанию детей и их использование белорусскими семьями, особенности работы с детьми в неполных семьях и с детьми с инвалидностью. Четвертый раздел «Взаимоотношения поколений» будет содержать данные о процессах обмена между белорусскими родственными семьями, поддержке взрослыми детьми своих престарелых родителей, межпоколенной образовательной мобильности, нормативных ценностях в повседневной жизни семей. В пятом разделе «Качество жизни» будут рассмотрены профессиональные и образовательные траектории, материальное благосостояние белорусских домохозяйств, взаимосвязь между здоровьем и качеством жизни.

Возможность международных сравнительных исследований

Доступ к международным базам данных до настоящего времени предоставлялся белорусам

только в индивидуальном порядке по личным запросам. В 2018 г. данные международной про-

граммы «Поколения и гендер» будут открыты для белорусских аналитиков практически без ограничений. Это позволит сравнить процессы формирования семьи и рождаемости в контексте не только меняющихся белорусских условий, но и общеевропейских процессов и тенденций. Единый для всех стран – участников проекта вопросник, переведенный на национальные языки, обеспечивает возможность сравнительных исследований для большинства основных переменных.

Планируется, что 2018–2019 гг. станут периодом активного анализа данных опроса, направленного на углубление понимания тенденций демографического поведения и социально-экономических различий между поколениями. Данные передаются в Нидерландский междисциплинарный демографический институт (*Netherlands Interdisciplinary Demography Institute, NIDI*), где вскоре будут открыты для использования на сайте международной программы «Поколения и гендер» (<https://www.ggp-i.org/belarus/>).

Библиографические ссылки

1. Захаров С. В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России : тезисы докл. науч. конф. (Москва, 27–28 февр. 2002 г.). М., 2002. С. 19–26.
2. Шахотко Л. П. Снижение рождаемости как главный из вызовов демографической безопасности Республики Беларусь // Вopr. статистики. 2007. № 10. С. 22–28.
3. Многоиндикаторное кластерное обследование по оценке положения детей и женщин в Республике Беларусь 2012 год: итоговый отчет национального статистического комитета Республики Беларусь, детского фонда Организации Объединенных Наций. Минск, 2012.
4. Бурова С. Н., Воднева А. К., Шахотко Л. П. и др. Отчет национального исследования причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь. Минск : В.И.З.А. Групп, 2009.
5. Захаров С. В. Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования : сб. аналит. ст. / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М., 2007. Вып. 1. С. 9–34.
6. Ротман Д. Г., Белов А. А., Воднева А. К. и др. Третья волна международного проекта «Гендер и поколения»: новые подходы (экспериментальный старт в Республике Беларусь) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 168–175.
7. Социальное расслоение возрастной когорты: выпускники 80-х в постсоветском пространстве / отв. ред. М. Х. Титма. М. : Ин-т социологии РАН, 1997.
8. Tuma N. Event history analysis: An Introduction // Analyzing Social and Political Change : a Casebook of Methods / ed. by A. Dale, R. B. Davies. London ; Thousand Oaks ; New Delhi, 1994. P. 136–166.
9. Abbott A., Tsay A. Sequence analysis and optimal matching methods in sociology : review and prospect // Sociol. Methods Res. 2000. № 29 (1). P. 3–33. DOI: 10.1177/0049124100029001001.
10. The Craft of Life Course Research / ed. by G. Helder, J. Z. Giele. New York : Guilford Press, 2009.
11. Shanahan M. J. Pathways to adulthood in changing societies: Variability and mechanisms in life course perspective // Annu. Rev. Sociol. 2000. Vol. 26. P. 667–692. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.667>.
12. The life of Poles: From leaving the parental home to retirement. Insights from the Generations and Gender Survey (GGS-PL) / ed. by I. Kotowska [et. al]. Warsaw : Warsaw School of Econ., 2016. P. 10–11.
13. Терещенко О. В., Королева И. Использование лонгитюдных данных в причинном моделировании // Социологические методы в современной исследовательской практике : сб. ст. памяти А. О. Крыштановского / отв. ред. О. А. Оберемко. М., 2011. С. 51–55.
14. Терещенко О. В. Метод когортного анализа в социальных исследованиях // Социология: 4М. 2009. № 29. С. 172–185.

References

1. Zakharov S. V. [Fertility in Russia: the first and second demographic transition]. *Demograficheskaya modernizatsiya, chastnaya zhizn' i identichnost' v Rossii* [Demographic modernization, private life and identity in Russia] : thesis rep. sci. conf. (Moscow, 27–28 Febr., 2002). Moscow, 2002. P. 19–26 (in Russ.).
2. Shakhotko L. P. [Decrease in the birth rate as the main of the challenges of demographic security of the Republic of Belarus]. *Voprosy statistiki* [Issues Stat.]. 2007. No. 10. P. 22–28 (in Russ.).
3. *Mnogoindikatornoe klasternoe obsledovanie po otsenke polozheniya detei i zhenshchin v Respublike Belarus' 2012 god* [Multi-indicator cluster survey on the situation of children and women in the Republic of Belarus in 2012] : final report National Statistical Committee of the Republic of Belarus United Nations Children's Fund. Minsk, 2012 (in Russ.).
4. Burova S. N., Vodneva A. K., Shakhotko L. N., et al. *Otchet natsional'nogo issledovaniya prichin semeinogo neblagopoluchiya v Respublike Belarus'* [Report of the National Study on the causes of family unhappiness in the Republic of Belarus]. Minsk : V.I.Z.A. Grupe, 2009 (in Russ.).
5. Zakharov S. V. [Demographic surveys of the population: past, present, future]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve. Po materialam odnogo issledovaniya* [Parents and children, men and women in the family and society. Based on the materials of one study] : sat. analytical art. Moscow, 2007. Issue 1. P. 9–34 (in Russ.).
6. Rotman D. G., Belov A. A., Vodneva, A. K., et al. The third wave of the international project «Gender and Generations»: new approaches (an experimental start in the Republic of Belarus). *J. Belarus. State. Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 168–175 (in Russ.).

7. Titma M. H. (ed.). *Sotsial'noe rassloenie vozrastnoi kogorty: Vypuskniki 80-kh v postsovetском prostranstve* [Social stratification of the age cohort: Graduates of the 80's in the post-Soviet space]. Moscow : Inst. Sociol. RAN, 1997 (in Russ.).
8. Tuma N. Event history analysis: an Introduction. In: *Analyzing Social and Political Change: a Casebook of Methods*. London ; Thousand Oaks ; New Delhi, 1994. P. 136–166.
9. Abbott A., Tsay A. Sequence analysis and optimal matching methods in sociology. Review and prospect. *Sociol. Methods Res.* 2000. No. 29 (1). P. 3–33. DOI: 10.1177/0049124100029001001.
10. Elder G. H., Giele J. Z. (eds). *The Craft of Life Course Research*. New York : Guilford Press, 2009.
11. Shanahan M. J. Pathways to adulthood in changing societies: Variability and mechanisms in life course perspective. *Annu. Rev. Sociol.* 2000. Vol. 26. P. 667–692. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1667>.
12. Kotowska I., Matysok A., Myranska M. (eds). *The life of Poles: From leaving the parental home to retirement. Insights from the Generations and Gender Survey (GGS-PL)*. Warsaw : Warsaw School Econ., 2016. P. 10–11.
13. Tereschenko O. V., Koroleva I. [Use of longitudinal data in causal modeling]. In: *Sotsiologicheskie metody v sovremennoi issledovatel'skoi praktike* [Sociological methods in modern research practice] : coll. of art. dedicated A. O. Kryshtanovskiy. Moscow, 2011. P. 51–55 (in Russ.).
14. Tereschenko O. V. [Cohort analysis method in Social research]. *Sotsiologiya: 4M*. [Sociol.: 4M]. 2009. No. 29. P. 172–185 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 10.05.2018.
Received by editorial board 10.05.2018.

УДК 316.362.4-055.2-021.142.3:303.621(4)

РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ ЖЕНЩИН В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОГРАММЕ «ПОКОЛЕНИЯ И ГЕНДЕР»

Д. Г. РОТМАН¹⁾, А. Ю. ДЕНИСОВ²⁾, А. А. БЕЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1-102, 220072, г. Минск, Беларусь

На материале социологических исследований по международной программе «Поколения и гендер» проанализированы возрастные особенности репродуктивных намерений женщин на трехлетнюю перспективу. Сделана оценка репродуктивного потенциала, то есть уровня рождаемости при условии полной реализации всех репродуктивных намерений. Проведен сравнительный анализ репродуктивных намерений и репродуктивного потенциала в странах Европы. Сделан вывод о наличии связи между фактическим уровнем рождаемости и распространенностью нормы многодетности, а также между уровнем репродуктивных намерений и фактической рождаемостью.

Ключевые слова: репродуктивные намерения; ожидаемая рождаемость; репродуктивное поведение; суммарный коэффициент рождаемости; условное поколение; многодетные семьи.

REPRODUCTIVE INTENTIONS OF WOMEN IN EUROPE: ANALYSIS OF THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH ON THE PROGRAM «GENERATIONS AND GENDER»

D. G. ROTMAN^a, A. Y. DENISOV^b, A. A. BELOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bCentre for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1-102 Akademicheskaya Street, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: D. G. Rotman (dgrotman@rambler.ru)

The article analyzes age features of women's reproductive intentions for a three-year perspective on the basis of sociological research of the international program «Generations and Gender Programme». The reproductive potential is estimated, that is the level of fertility, provided that all reproductive intentions are fully realized. A comparative analysis of reproductive

Образец цитирования:

Ротман Д. Г., Денисов А. Ю., Белов А. А. Репродуктивные намерения женщин в странах Европы: анализ результатов социологических исследований по программе «Поколения и гендер» // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 85–96.

For citation:

Rotman D. G., Denisov A. Y., Belov A. A. Reproductive intentions of women in Europe: analysis of the results of sociological research on the program «Generations and gender». *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 85–96 (in Russ.).

Авторы:

Давид Генрихович Ротман – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований.
Артур Юрьевич Денисов – магистр социологических наук; старший научный сотрудник.
Андрей Александрович Белов – магистр социологических наук, аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

David G. Rotman, doctor of science (sociology), full professor; director of the Center for Sociological and Political Researches.
dgrotman@rambler.ru
Artur Y. Denisov, master of science (sociology); senior researcher.
denisovartur@gmail.com
Andrei A. Belov, master of science (sociology), postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
belov88@tut.by

intentions and reproductive potential in the countries of Europe has been carried out. It was concluded that there is a connection between the actual level of fertility and the prevalence of the norm of large families, as well as between the level of reproductive intentions and actual fertility.

Key words: reproductive intentions; expected fertility; reproductive behavior; total fertility rate; hypothetical generation; large families.

Введение

В апреле – ноябре 2017 г. в рамках проекта «Поддержка реализации национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь» было проведено социологическое исследование «Беларусь: формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях». Указанный проект финансировался Правительством Российской Федерации, ЮНФПА и ЮНИСЕФ; национальным координатором выступило Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь.

Проведенное социологическое исследование стало самым масштабным в области демографии в Республике Беларусь за последние пять лет. Выборочная совокупность составила около 10 тыс. человек в возрасте от 18 до 79 лет. Опрос в Республике Беларусь подготовлен и проведен Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. Концептуальной и методологической основой исследования стала международная исследовательская программа «Поколения и гендер», которая реализуется с

2001 г. Цель этой программы заключается в изучении брачно-семейной сферы по таким направлениям, как формирование семьи, репродуктивные установки и поведение, роли мужчин и женщин в организации семейной жизни, взаимодействие между поколениями. К настоящему времени аналогичные исследования по единой методологии проведены в 20 странах (включая 18 стран Европы). Инициатором и координатором программы выступает Отдел населения Европейской экономической комиссии ООН; научное координирование программы обеспечивает Нидерландский междисциплинарный демографический институт.

Использование международной методологии, а также значительный объем выборочной совокупности позволили реализовать ряд новых для нашей страны подходов к анализу возрастных особенностей репродуктивных намерений, а также к оценке репродуктивного потенциала. Кроме того, открытый характер данных программы «Поколения и гендер» позволил осуществить сравнительный анализ репродуктивного потенциала и уровня его реализации в странах Европы.

Методические замечания

Первое исследование репродуктивных установок населения БССР было проведено в 1969 г. под руководством ЦСУ СССР в рамках первого всесоюзного обследования репродуктивных установок «ИРУ, 1969» [1]. В рамках указанного исследования оформилась методика изучения репродуктивных установок, которая стала традиционной для отечественной социологии рождаемости.

Соответствующая методика предполагает выделение трех типов установок рождаемости [2, с. 20]. *Первый тип установок* определяется как «идеальная рождаемость» и фиксируется с использованием вопроса примерно следующего содержания: «Как Вы думаете, сколько детей лучше всего вообще иметь в семье?» *Второй тип установок* определяется как «желаемая рождаемость» и фиксируется с использованием несколько иного вопроса: «Сколько бы Вам хотелось иметь детей в семье, если бы для этого были созданы все условия?» *Третий тип установок* определяется как «ожидаемая рождаемость» и фиксируется с использованием вопроса: «Сколько детей Вы собираетесь иметь всего в течение всей жизни?»

Как в советский, так и в современный период развития социологии рождаемости описанная

выше схема служила основой для проведения эмпирических исследований и последующего определения репродуктивного потенциала населения страны. Так, например, комплексный анализ всех трех типов установок представлен в монографии Л. П. Шахотько «Население Республики Беларусь в конце XX века» (1996 г.) [3]. В зарубежной практике значительное распространение получили также альтернативные подходы к определению репродуктивных установок, некоторые из них стали широко применяться в Республике Беларусь в рамках крупных международных проектов. Например, в ходе проведения Многоиндикаторного кластерного обследования в 2005 и 2012 г. [4] опрашиваемым задавался вопрос со следующей формулировкой: «Хотели бы Вы родить (еще одного) ребенка или предпочли бы (больше) не иметь детей?» На основании подобных вопросов некоторые зарубежные исследователи разработали специальные методики реконструкции величины репродуктивного потенциала населения, в основе которых лежит оценка вероятностей рождения детей различной очередности [5; 6].

Одним из основных вопросов для оценки репродуктивных установок в рамках исследований

по методологии программы «Поколения и гендер» является вопрос о намерении родить ребенка (еще одного ребенка) в течение ближайших трех лет. По своему смыслу данный вопрос в большей мере соответствует понятию ожидаемой (планируемой) рождаемости, поскольку респонденту предлагается оценить свои планы на краткосрочный период без дополнительных допущений, которые предполагаются в вопросах об идеальной и желаемой рождаемости. Таким образом, понятия «ожидаемая рождаемость» и «репродуктивные намерения» можно рассматривать как синонимичные. Следует отметить, что первоначально данный вопрос использовался для составления краткосрочных прогнозов показателей рождаемости [7]. Однако с учетом лонгитюдного характера исследований программы «Поколения и гендер» трехлетние намерения анализировались также с точки зрения факторов и уровня их фактической реализации. При этом во многих странах также задавались и вопросы относительно идеальной рождаемости, а также намерений родить ребенка в период, выходящий за предстоящие три года.

Особенностью реализации исследования в Республике Беларусь стало то, что изучение репродуктивных установок ограничилось только фиксацией трехлетних намерений. В результате появилась необходимость в разработке методики оценки величины репродуктивного потенциала на основе данных о краткосрочных намерениях. Схожая проблема уже решалась зарубежными демографами [8]. В основе решения лежит оценка репродуктивного потенциала при условии реализации всех репродуктивных намерений. При этом для каждой возрастной группы на основе трехлетних намерений рассчитывается вероятность рождения ребенка. В дальнейшем эти данные суммируются с учетом кумулятивного эффекта рождения детей каждой очередности. Результатом расчетов является оценка суммарного коэффициента ожидаемой рождаемости для условного поколения.

В целях реконструкции среднего уровня ожидаемой рождаемости (в расчете на одну женщину) для Республики Беларусь был разработан и использовался следующий порядок действий. На первом этапе варианты ответов на вопрос о трехлетних намерениях были перекодированы в бинарную переменную, где значению 1 соответствовали ответы «вероятно да» и «определенно да», а значению 0 – другие варианты ответа. На втором этапе вся совокупность женщин в возрасте от 18 до 41 года была разделена на трехлетние возрастные группы, которые, в свою очередь, делились на подгруппы в зависимости от фактического количества детей. При этом по количеству детей выделены следующие градации признака: «0 детей», «1 ребенок», «2 ребенка», «3 ребенка и более». В результате выделяется 40 подгрупп по критериям

возраст и фактическое количество биологических детей респондента. На третьем этапе для каждой из 40 подгрупп рассчитывается доля женщин, которые планируют деторождение в ближайшие три года. Соответствующая доля в рамках модели приравнивается к фактической вероятности рождения детей в следующей трехлетней группе. На четвертом этапе для возрастной группы женщин от 18 до 20 лет рассчитывается доля респондентов с разным количеством биологических детей. Эта структура фактической рождаемости используется в качестве базы для дальнейших расчетов. На пятом этапе каждая доля женщин с рожденными детьми каждой очередности в возрасте 18–20 лет перемножается на соответствующую вероятность рождения ребенка в течение ближайших трех лет. Результаты данных расчетов перераспределяются между женщинами с разным количеством детей следующей трехлетней группы. Так, например, фактически в возрасте 18–20 лет 94,9 % женщин имеют 0 детей. При этом вероятность рождения первого ребенка для этой группы составляет 12,9 %. Таким образом, ожидается, что в следующей трехлетней группе (22–24 года) бездетными останутся 82,7 %, а 12,2 % переходят в категорию однопородных. Аналогичные расчеты проводятся до достижения возраста 42–44 года. В результате формируется структура условного поколения по количеству детей. На основании данной структуры можно рассчитать значение среднего уровня ожидаемой рождаемости на одну женщину для каждого возраста.

Одной из важнейших целей программы «Поколения и гендер» является проведение международных сравнений. Вместе с тем возможность таких сравнений ограничивается сопоставимостью методик проведения опросов в разных странах, включая сопоставимость на уровне построения выборочной совокупности и формулировок вопросов. Указанным требованиям сопоставимости в полной мере соответствовали 15 из 18 европейских стран, в которых были проведены соответствующие исследования (табл. 1). Из анализа исключены Венгрия, Эстония и Норвегия. Исключение Венгрии и Эстонии связано с особенностями формирования выборочной совокупности. Так, в этих странах минимальный возраст респондентов составил не 18, а 21 год. Таким образом, из анализа исключена трехлетняя возрастная группа 18–20 лет, что ограничивает использование описанной методики. В свою очередь, Норвегия была исключена в связи со значительными различиями в формулировках вариантов ответа на базовый вопрос: вместо пятичленной шкалы ответов респондентам предлагалось выбрать один из двух вариантов – «определенно да» либо «определенно нет». Таким образом, ответы респондентов по данному вопросу в Норвегии несопоставимы с другими странами.

Таблица 1

Характеристики исследований в анализируемых странах Европы

Table 1

Characteristics of studies in the analyzed countries in Europe

Страна	Объем выборочной совокупности		Годы проведения опроса
	Всего, человек	В том числе женщин от 18 до 41 года, указавших трехлетние намерения	
Австрия	5000	2204	2008–2009
Беларусь	9994	1836	2017
Бельгия	7163	1220	2008–2010
Болгария	12 858	3470	2004–2005
Германия	10 017	1702	2005
Грузия	10 000	1996	2006
Италия	9570	2190	2003–2004
Литва	10 036	1780	2006
Нидерланды	8161	1653	2002–2004
Польша	19 987	3390	2010–2011
Россия	11 261	1884	2004
Румыния	11 986	1910	2005
Франция	10 079	2001	2005
Чехия	10 006	1692	2005
Швеция	9688	1663	2012–2013

Доступ к базам данных исследований в указанных странах (включая Республику Беларусь) предоставлен на основании официального запроса авторов в Европейскую экономическую комиссию Организации Объединенных Наций.

Следует отметить, что первая апробация данного подхода применительно к Республике Беларусь была реализована авторами в рамках предварительного отчета о результатах социологического исследования [9]. Однако следует отметить, что при подготовке предварительного отчета использовалась неполная база данных: около 7,5 тыс. респондентов без применения весовых коэффициентов. Таким образом, представленные данные являются окончательными и дополняются результатами сопоставления с международными исследованиями.

Сравнительный анализ показателей репродуктивных намерений целесообразно проводить, сопоставляя планы с их фактической реализацией. Для этого необходимо ввести показатель, отражающий уровень действительной рождаемости. На данный момент наиболее корректной оценкой уровня рождаемости условного поколения является суммарный коэффициент рождаемости, скорректированный на смещение возрастов рождения детей каждой очередности. Существует два варианта подобной корректировки. Первый является менее

точным, но при этом требует меньшего количества исходных данных [10]. В этом случае для повышения точности рекомендуется усреднять значения показателя за три года [11, с. 691]. Второй вариант обеспечивает более точные оценки, но значительно повышает требования к исходным данным [12; 13]. В рамках статьи для всех стран приводится показатель фактической рождаемости на момент начала проведения опроса, или наиболее актуальные данные по исследуемой теме. При возможности выбора приоритет отдавался более точной методике оценки суммарного коэффициента рождаемости. В качестве источника информации о фактической рождаемости использовались данные проектов *The Human Fertility Database* [14] и *European Demographic Datasheet* [15].

Вместе с тем использование скорректированного суммарного коэффициента рождаемости имеет ограничения. В частности, в публикациях отсутствует повозрастная структура данного показателя, что делает невозможным сравнение ожидаемых и фактических показателей разных возрастных групп. В связи с этим для решения подобной задачи в случае нашей страны использованы данные о фактическом количестве детей в зависимости от возраста, рассчитанные на основании результатов исследования по программе «Поколения и гендер» в Республике Беларусь.

Репродуктивные намерения женщин Республики Беларусь

Методикой по реконструкции ожидаемой рождаемости на основании вопроса о трехлетних репродуктивных намерениях предусмотрен учет двух факторов: возраста женщин и фактического количества рожденных детей. Необходимость подобного учета определяется тесной связью между этими факторами и наличием соответствующих намерений. Так, в зависимости от возраста репродуктивные ожидания женщин значительно увеличиваются в период от 18 до 26 лет. В возрастной группе 18–20 лет доля женщин, планирующих

родить ребенка (варианты ответа «вероятно да» и «определенно да»), составила всего 12,9 %. Однако уже в возрастной группе 24–26 лет распространенность соответствующих намерений достигает наибольших значений и составляет 54,0 %. В более старших возрастных категориях наблюдается практически линейная тенденция по снижению уровня репродуктивных намерений. После 41 года наличие репродуктивных намерений у женщин приобретает характер, скорее, исключительных событий (рис. 1).

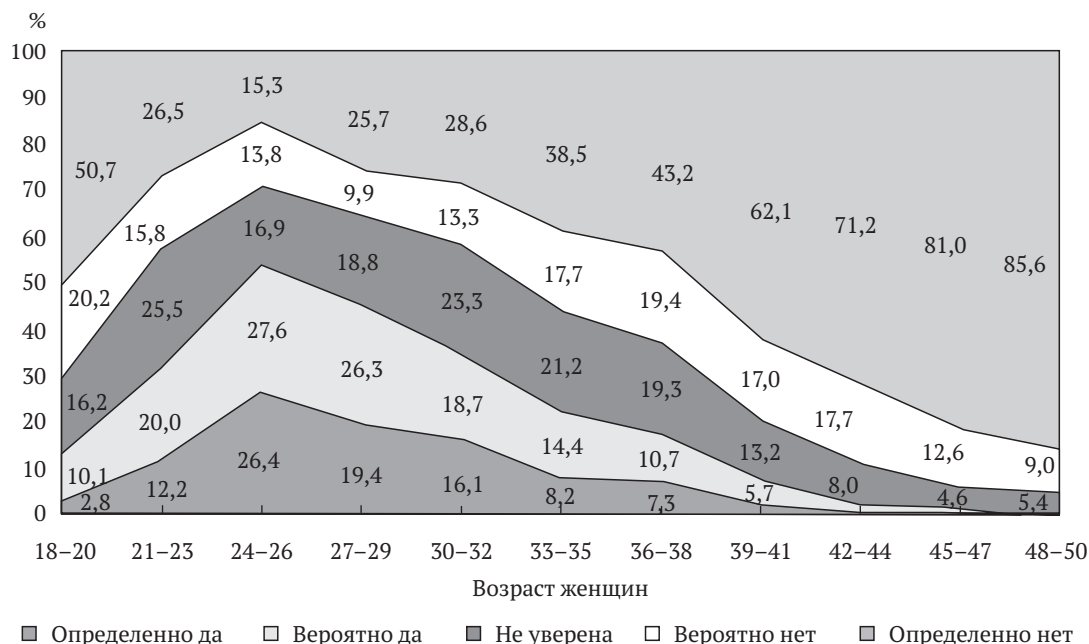

Рис. 1. Структура возрастных групп женщин по намерениям родить ребенка в течение ближайших трех лет, %.

Примечание. База расчета: женщины в возрасте от 18 до 50 лет (2570 наблюдений)

Fig. 1. The structure of age groups of women on the intent to have a child within the next three years, %.

Note. Base of calculation: women 18 to 50 years old (2570 observations)

На основании возрастных особенностей уровня репродуктивных намерений, представленных на рис. 1, при последующем анализе данных целесообразно учитывать женщин в возрасте от 18 до 41 года. Для данной группы характерна сильная зависимость распространенности репродуктивных ожиданий от фактического количества рожденных детей. Так, наибольшей степени наличия планов по рождению ребенка в трехлетней перспективе характерно для женщин, у которых нет детей или есть только один ребенок. При этом распределение ответов среди указанных категорий практически совпадает. Это означает, что практически все женщины, родившие одного ребенка, в течение репродуктивного периода задумываются о рождении второго. Распространенность намерений по рождению еще одного ребенка у других категорий женщин значительно ниже и составляет 8,3 % для женщин с двумя детьми и 6,1 % – с тремя и более детьми (рис. 2).

Однако важно отметить, что анализ каждого из указанных факторов по отдельности может привести к ошибочным интерпретациям и выводам. Одной из возможных ошибок является некорректная оценка итоговой структуры ожидаемой рождаемости условного поколения. Это связано с тем, что специфика задаваемого вопроса (трехлетняя перспектива ожидания) предполагает оценку кумулятивного (накопленного) эффекта формирования структуры ожидаемой рождаемости, когда намерения младшей трехлетней возрастной группы переходят в рождаемость в последующих группах. Так, например, без учета возрастной структуры и накопленного эффекта можно предположить, что доля женщин, имеющих двоих детей и планирующих рождение третьего ребенка, составит всего 8,3 %. Однако учет данных факторов показывает, что в действительности 21,8 % женщин планируют рождение троих детей к возрасту 42–44 года.

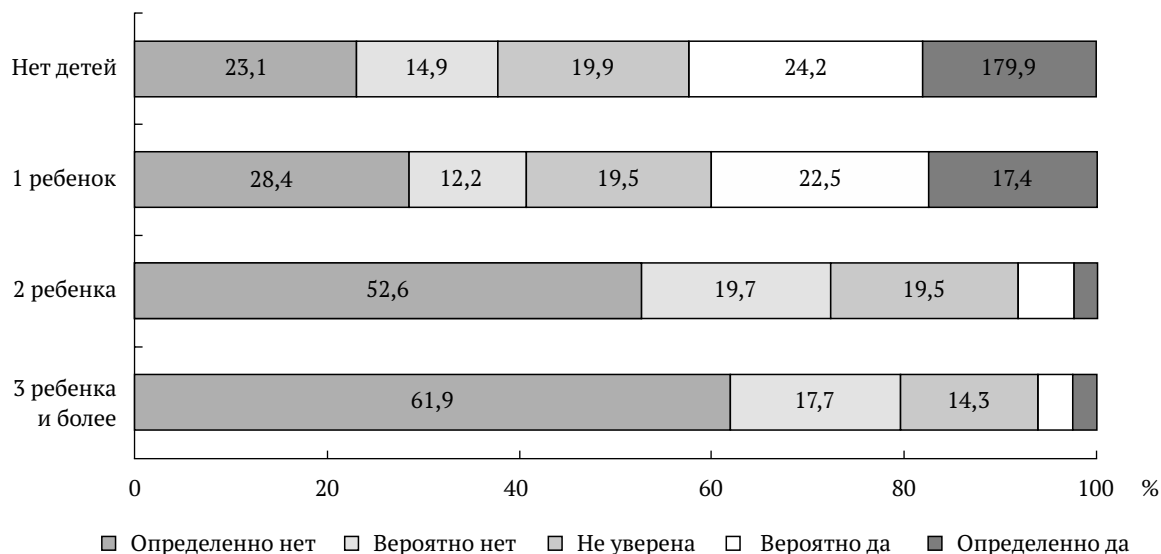

Рис. 2. Структура женского населения с разным количеством биологических детей по намерению родить ребенка в течение ближайших трех лет, %.
Примечание. База расчета: респонденты в возрасте от 18 до 41 года (1836 наблюдений)

Fig. 2. Structure of women population with a different number of biological children with the intention to give birth to a child within the next three years, %.
Note. Base of calculation: respondents 18 to 41 years old (1836 observations)

В соответствии с предложенной авторами методикой проведена оценка структуры ожидаемой рождаемости в каждой трехлетней возрастной группе от 20 до 44 лет. Установлено, что 80,0 % женщин планируют родить хотя бы одного ребенка до наступления 30 лет, а к 35 годам их доля составляет 97,4 %. Более того, к 35 годам 75,1 %

женщин планируют иметь не менее двух детей. К концу репродуктивного периода большинство женщин (65,4 %) ориентируются на двухдетную модель семьи, тогда как на модель многодетной семьи ориентируются только 24,1 % женщин (в том числе на рождение четырех и более детей – 2,3 %) (рис. 3).

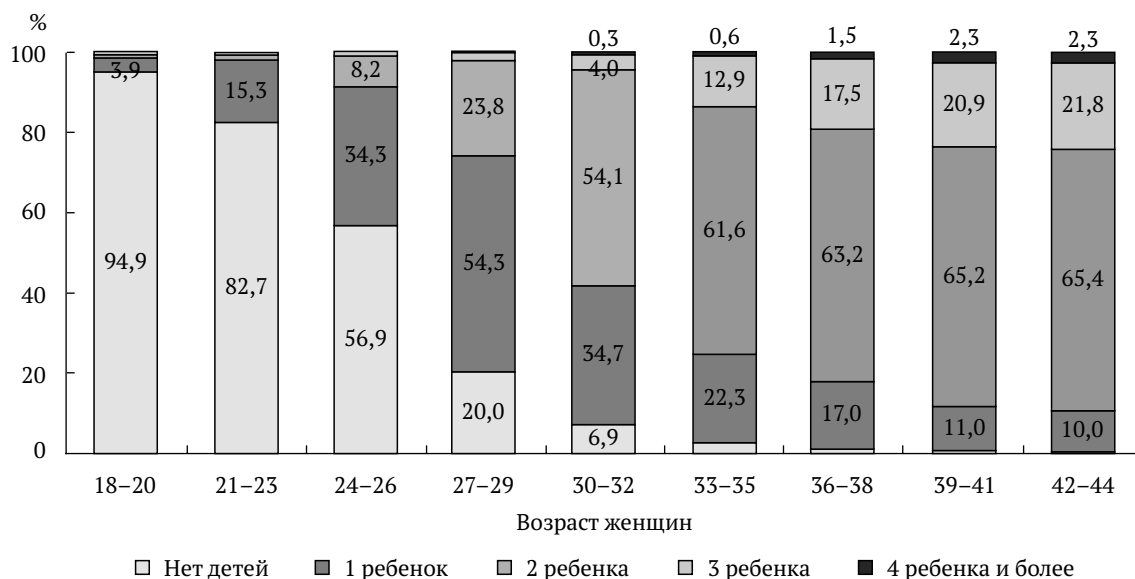

Рис. 3. Распределение женщин по количеству рожденных детей при условии полной реализации репродуктивных установок во всех возрастах, %.
Примечание. База расчета: женщины в возрасте от 18 до 41 года (1836 наблюдений); показатели для возрастной группы 42–44 рассчитаны на основании ожиданий предыдущей трехлетней группы

Fig. 3. Distribution of women by the number of children born, subject to the full implementation of reproductive settings at all ages, %.
Note. Base of calculation: women 18 to 41 years old (1836 observations); indicators for age group 42–44 are calculated on the basis of expectations of the previous three-years group

На основании проведенной оценки возрастной структуры ожидаемой рождаемости, представленной на рис. 3, для каждой трехлетней группы определен средний уровень ожидаемой рождаемости в расчете на одну женщину. Кроме того, в рамках исследования по программе «Поколения и гендер» в Республике Беларусь были также получены данные о фактическом количестве детей, рожденных респондентами. Это позволило рассчитать значения среднего уровня фактической рождаемости у женщин каждой трехлетней возрастной группы. В этом случае учитывались все биологические дети, рожденные

к определенному возрасту на момент проведения опроса.

Как показывают результаты расчетов, между ожидаемой и фактической рождаемостью наблюдается высокая степень соответствия во всех возрастных группах до 29 лет включительно. Однако с 30 лет фактическая рождаемость начинает отставать от уровня репродуктивных намерений. При этом данные расхождения усиливаются вплоть до возрастной группы 39–41 год, когда уровень различий в целом стабилизируется. В результате реализация репродуктивных намерений составила 75,8 % (рис. 4).

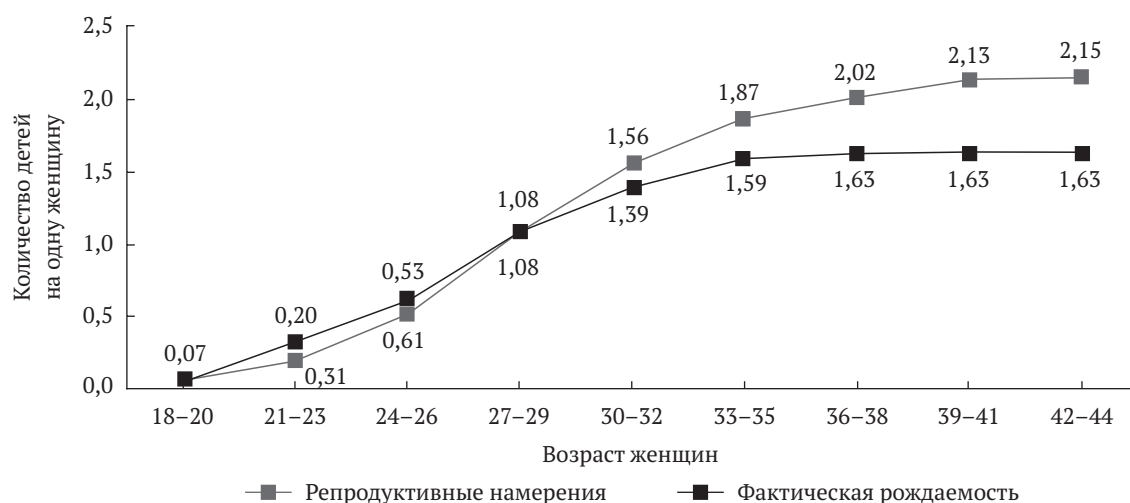

Рис. 4. Средний уровень репродуктивных намерений и фактической рождаемости в зависимости от возраста женщин, количество детей на одну женщину.

Примечание. База расчета: репродуктивные намерения – женщины в возрасте 18–41 год (1844 наблюдения), фактическая рождаемость – женщины в возрасте 18–44 года (2131 наблюдение)

Fig. 4. The average level of reproductive intent and actual fertility, depending on the age of women, children per woman

Note. Base of calculation: reproductive intentions – women 18–41 years old (1844 observations), actual fertility – women 18–44 years old (2131 observations)

Межстрановые различия репродуктивных намерений

Оценка среднего уровня репродуктивных намерений для стран Европы, указанных в табл. 1, показывает наличие существенных различий по данному показателю, что может быть связано с неодинаковым временем проведения опросов. Так, самый ранний из них завершен в 2004 г. в Нидерландах, а наиболее актуальные данные получены в Республике Беларусь в 2017 г. Вместе с тем в отличие от показателей, характеризующих фактическую рождаемость условного поколения, можно ожидать, что репродуктивные намерения отличаются большей инертностью, что и является условием проведения корректного сопоставления.

Минимальное значение уровня репродуктивных намерений отмечено в Болгарии и составляет 1,97 ребенка на одну женщину. В то же время максимальные показатели (на уровне выше 2,60) зафиксированные во Франции, Швеции и Грузии. При

этом медианное значение составляет 2,17 ребенка на одну женщину, что в целом соответствует уровню Республики Беларусь, Италии и Чехии (рис. 5).

Средний уровень ожидаемой рождаемости для каждой страны определяется структурой репродуктивных намерений по количеству детей. Следует отметить, что в анализируемых странах доля женщин, которые ориентированы на бездетность, практически одинакова и во всех случаях несущественна. Максимальное значение характерно для Германии и составляет 3,2 %. Однако по детям других очередностей наблюдаются значительные различия. В зависимости от этих различий можно выделить три группы стран.

К первой группе можно отнести Францию, Швецию и Грузию, т. е. страны с высоким уровнем ожидаемой рождаемости (более 2,6 ребенка на одну женщину). Для этих стран характерны очень низкая

доля женщин, планирующих иметь одного ребенка (в среднем 2,9 %), и очень высокая доля женщин, ориентированных на многодетность (в среднем 54,5 %).

Вторую группу составляют страны с очень низким уровнем ожидаемой рождаемости (менее 2,1 ребенка на одну женщину): Россия, Литва, Гер-

мания, Румыния, Болгария. Для этой группы характерна наиболее высокая доля женщин, ориентированных на однодетность (в среднем – 14,4 %), максимальное значение которой достигает 19,1 % (Германия). С другой стороны, для них также характерна наименьшая доля женщин, планирующих трех и более детей: в среднем 16,4 %.

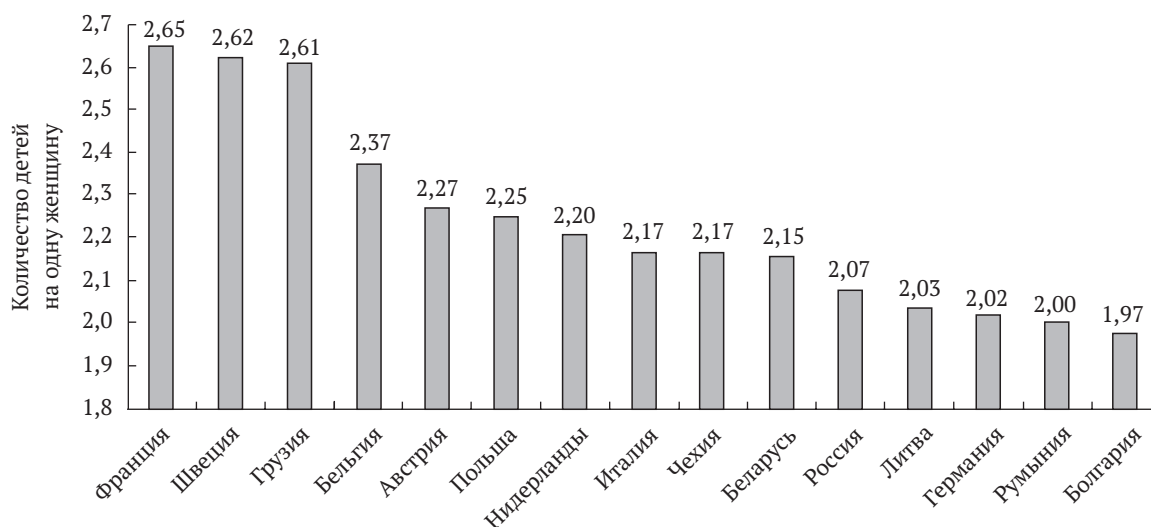

Рис. 5. Средний уровень планируемой рождаемости в странах Европы, детей на одну женщину

Fig. 5. The average level of planned fertility in Europe, children per woman

Третью группу образуют страны с промежуточными значениями однодетности и многодетности. К ним относятся Беларусь, Бельгия, Австрия, Польша,

Нидерланды, Италия, Чехия. Для этих стран доля женщин, ориентированных на однодетность, составляет 8,8 %, на многодетность – 28,7 % (табл. 2).

Таблица 2

Уровень и структура планируемой рождаемости в странах Европы

Table 2

The level and structure of planned fertility in Europe

Страна	Среднее количество детей	Структура ожидаемой рождаемости, %				
		0 детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка и более
Франция	2,65	0,1	2,6	41,6	43,3	12,3
Швеция	2,62	0,4	3,7	43,3	38,6	14,0
Грузия	2,61	0,0	2,4	42,3	46,7	8,4
Бельгия	2,37	0,7	6,9	54,3	31,0	7,1
Австрия	2,27	0,7	12,1	54,5	24,8	7,8
Польша	2,25	0,2	7,4	62,6	26,9	2,9
Нидерланды	2,20	2,6	8,5	59,1	25,6	4,2
Италия	2,17	1,1	9,1	66,6	18,2	5,0
Чехия	2,17	0,6	7,7	68,5	20,7	2,5
Беларусь	2,16	0,4	10,0	65,5	21,8	2,3
Россия	2,07	0,0	11,2	72,6	13,6	2,5
Литва	2,03	0,4	16,4	62,6	20,5	0,1
Германия	2,02	3,2	19,1	53,1	22,5	2,3
Румыния	2,00	0,0	11,6	77,7	9,4	1,2
Болгария	1,98	0,1	13,6	76,7	8,4	1,3

Сопоставление среднего уровня репродуктивных намерений с суммарными коэффициентами рождаемости в странах Европы показывает наличие тесной прямой связи между данными показателями. Так, коэффициент детерминации составил 65,3 %, линейной корреляции – 80,8 % (рис. 6).

Высокое значение коэффициента корреляционной связи между репродуктивными намерениями и фактической рождаемостью обусловлено тем, что

между данными показателями существует определенное устойчивое соотношение, которое соответствует уровню реализации репродуктивных намерений. Так, для 15 анализируемых стран средний уровень реализации составил 78,0 %, что примерно соответствует уровню Республики Беларусь. При этом для данного показателя характерен очень низкий уровень вариации: стандартное отклонение составило 4,8 %, а коэффициент вариации всего 6,2 % (табл. 3).

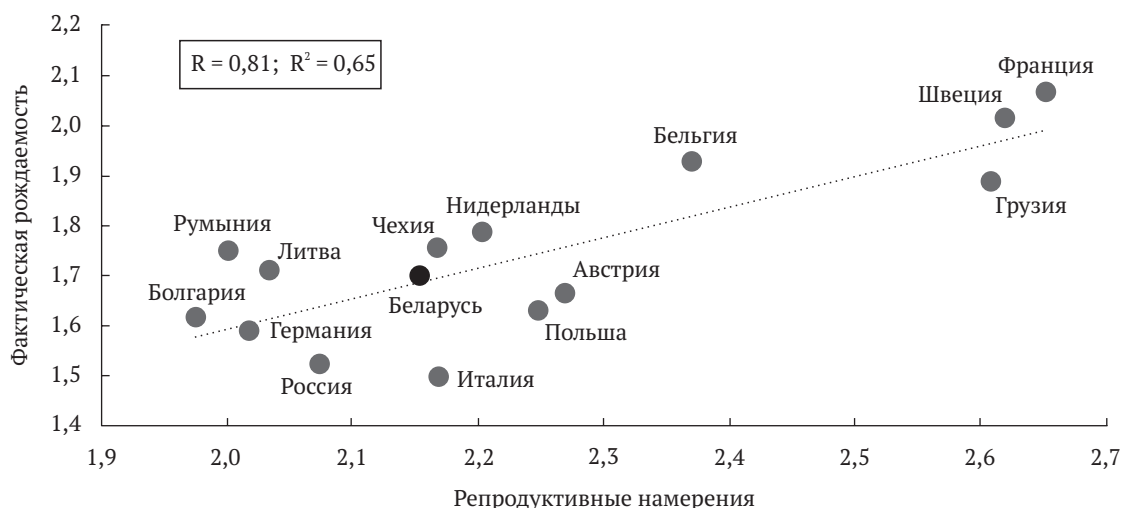

Рис. 6. Взаимосвязь репродуктивных намерений и фактической рождаемости, количество детей на одну женщину

Fig. 6. The relationship between reproductive intentions and actual fertility, children per woman

Таблица 3

Уровень реализации репродуктивных намерений в странах Европы

Table 3

The level of realization of reproductive intentions in the countries of Europe

Страна	Репродуктивные намерения, количество детей на одну женщину	Фактическая рождаемость, количество детей на одну женщину	Период расчета фактической рождаемости	Уровень реализации репродуктивных намерений, %
Франция	2,65	2,07	2003–2005	78,1
Швеция	2,62	2,02	2010–2012	77,0
Грузия	2,61	1,89	2008	72,5
Бельгия	2,37	1,93	2008	81,4
Австрия	2,27	1,67	2006–2008	73,5
Польша	2,25	1,63	2008–2010	72,6
Нидерланды	2,20	1,79	2000–2002	81,1
Италия	2,17	1,50	2003–2005	69,2
Чехия	2,17	1,76	2003–2005	81,1
Беларусь	2,15	1,70	2012	78,9
Россия	2,07	1,52	2002–2004	73,4
Литва	2,03	1,71	2004–2006	84,0

Окончание табл. 3
Ending table 3

Страна	Репродуктивные намерения, количество детей на одну женщину	Фактическая рождаемость, количество детей на одну женщину	Период расчета фактической рождаемости	Уровень реализации репродуктивных намерений, %
Германия	2,02	1,59	2003–2005	78,8
Румыния	2,00	1,75	2003–2005	87,4
Болгария	1,98	1,62	2002–2004	81,9

Примечание. В случаях, когда указан трехлетний период расчета, оценка фактической рождаемости осуществлялась на основании упрощенного подхода; когда указан один год – на основании последней версии методики корректировки суммарного коэффициента рождаемости.

Обсуждение результатов

В результате анализа данных для указанного перечня стран установлено наличие тесной связи между уровнем репродуктивных намерений и уровнем фактической рождаемости. Следует отметить, что в большинстве публикаций, посвященных анализу репродуктивных установок, их величина рассматривается в качестве самостоятельного фактора репродуктивного поведения. При этом динамику изменения уровня репродуктивных установок обычно связывают с изменением иерархии ценностных ориентаций населения. Так, например, в рамках теории второго демографического перехода падение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства объясняется уменьшением индивидуальных репродуктивных установок вследствие выдвижения на первый план индивидуалистических ценностей, связанных с самореализацией прежде всего вне брака и семьи [16]. Однако установленная в данной статье закономерность не может являться основанием для подобных выводов, что обусловлено двумя причинами.

Во-первых, в случае справедливости подобных обобщений можно было бы ожидать, что репродуктивные намерения в Швеции и во Франции окажутся на уровне других стран с высоким уровнем индивидуалистических ценностей (например, Нидерландов, Германии и Австрии) [17, с. 79]. Однако в действительности при одинаковом уровне названных ценностей показатели репродуктивных намерений изменяются в диапазоне от 2,02 (Германия) до 2,65 (Франция) ребенка.

Во-вторых, анализ репродуктивных установок, который выполнялся в рамках данной работы, был ориентирован на выявление намерений (планов) по рождению (еще одного) ребенка в течение трех лет, т. е. на выявление ожидаемой рождаемости. В то же время в методической литературе отмечается, что при ответах на подобные вопросы респондент учитывает реальные биографические обстоятельства и социально-экономические условия, которые влияют на его возможность родить ребенка в определенный период времени. Следовательно

но, в нашем случае информация о репродуктивных установках не может рассматриваться в качестве самостоятельного фактора, а, скорее, представляет собой совокупный результат субъективных предпочтений и объективных обстоятельств. Таким образом, вопрос о том, что в большей мере определяет уровень ожидаемой рождаемости (субъективные предпочтения или объективные обстоятельства) остается открытым.

Вместе с тем полученные результаты имеют определенное практическое значение. Так, установлено, что для обеспечения фактической рождаемости на уровне, близком к простому воспроизводству поколений (около 2,1 ребенка на одну женщину), ожидаемая рождаемость должна существенно (примерно на 25,0 %) превышать границу простого воспроизводства. Таким образом, нынешний уровень репродуктивных намерений населения Республики Беларусь является недостаточным для достижения простого воспроизводства поколений.

Устойчивое соотношение между репродуктивными намерениями и фактической рождаемостью, когда около 20,0–25,0 % установок оказываются не реализованными, может объясняться рядом объективных обстоятельств. Так, значительное влияние на снижение уровня реализации репродуктивных установок оказывает естественная (биологическая) бездетность (около 5,0 % всех женщин). Таким образом, некоторая доля женщин, ориентированных на рождение ребенка, в действительности не сможет осуществить свои намерения в силу проблем с реализацией репродуктивной функции организма (своего или партнера). Также необходимо учитывать возможность несоответствия репродуктивных намерений партнеров. Особенно данный фактор значим, если один из партнеров ориентирован на многодетность, а другой – на двухдетность. В таких случаях вероятность рождения третьего ребенка значительно снижается [18]. Кроме того, существенным фактором снижения уровня реализации репродуктивных намерений может быть смещение

запланированного календаря рождений в более поздние возрасты до момента, когда деторождение уже не может произойти.

Указанные факторы не являются исчерпывающим перечнем возможных причин неполной ре-

ализации репродуктивных намерений. Более того, оценка влияния каждого из них требует специального исследования. Однако даже представленный перечень факторов делает маловероятным полную реализацию репродуктивных намерений.

Заключение

Использование в рамках статьи предложенного подхода к анализу трехлетних репродуктивных намерений позволило оценить возрастную структуру ожидаемой рождаемости по очередности деторождений, а также итоговый уровень ожидаемой рождаемости. Так, было установлено, что в Республике Беларусь к концу репродуктивного периода большинство женщин (65,4 %) ориентируется на двухдетную модель семьи, тогда как на модель многодетной семьи – только 24,1 % женщин. В результате средний уровень ожидаемой рождаемости для нашей страны составил 2,15 ребенка в расчете на одну женщину. С одной стороны, данный уровень соответствует медианному значению ожидаемой рождаемости для 15 рассмотренных в статье

стран Европы. С другой – как показал анализ данных, этого недостаточно для обеспечения фактической рождаемости на уровне простого замещения поколений. Подобная ситуация связана с тем, что в проанализированных странах Европы наблюдается устойчивое соотношение репродуктивных намерений и фактического поведения. Так, средний показатель реализации репродуктивных намерений составил 78,0 % (при стандартном отклонении 4,8 %). В соответствии с установленной закономерностью во всех странах, где фактическая рождаемость примерно соответствует уровню простого воспроизводства (2,1 ребенка на одну женщину), ожидаемая рождаемость превышает данное значение примерно на 25,0 %.

Библиографические ссылки

1. Белова В. А. Статистика мнений в изучении рождаемости. М. : Статистика, 1972.
2. Белова В. А. Число детей в семье. М. : Статистика, 1975.
3. Шахот'ко Л. П. Население Республики Беларусь в конце XX века. Минск : НИИС, 1996.
4. Multiple Indicator Cluster Surveys, UNICEF [Electronic resource]. URL: www.mics.unicef.org (date of access: 16.04.2018).
5. Nour E.-S. On the Estimation of the Distribution of Desired Family Size for a Synthetic Cohort // Population Studies. 1983. Vol. 37, № 2. P. 315–322.
6. Huynh C.-L. Estimation and Analysis of Desired Family Size with WFS Data // Proceedings of the Section on Survey Research Methods : The Annual Meeting of the American Statistical Association (8–12 August 1993, San Francisco, California) : in 2 vols. Alexandria, 1993. Vol. 2. P. 609–616.
7. Westoff C. F., Ryder N. B. The Predictive Validity of Reproductive Intentions // Demography. 1977. Vol. 14, № 4. P. 431–453.
8. Bhushan I., Hill K. The Measurements and Interpretation of Desired Fertility. Baltimore, 1995.
9. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Предварительные результаты социологического исследования, проведенного в мае – ноябре 2017 г. по методологии международной программы ЕЭК ООН «Поколения и гендер» [Электронный ресурс] // UNFPA Belarus. URL: <https://belarus.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/GGS%20Промежуточный%20отчет%20Belarus.pdf> (дата обращения: 16.04.2018).
10. Bongaarts J., Feeney G. On the Quantum and Tempo of Fertility // Population Dev. Rev. 1998. Vol. 24, № 2. P. 271–291.
11. Goldstein J. R., Sobotka T. The End of «Lowest-Low» Fertility? // Population Dev. Rev. 2009. Vol. 35, № 4. P. 663–699.
12. Bongaarts J., Feeney G. The quantum and tempo of life-cycle events // Vienna Yearbook Pop. Res. 2006. Vol. 4, № 1. P. 115–151.
13. Bongaarts J., Sobotka T. A Demographic Explanation for the Recent Rise in European Fertility // Population Dev. Rev. 2012. Vol. 38, № 1. P. 83–120.
14. The Human Fertility Database [Electronic resource]. URL: www.humanfertility.org (date of access: 16.04.2018).
15. Demographic Data Sheets (in chronological order) [Electronic resource] // The Vienna Institute of Demography. URL: www.oeaw.ac.at/vid/data/demographic-data-sheets (date of access: 16.04.2018).
16. Kaa van de D. J. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // Population Dev. Rev. 1996. Vol. 50, № 3. P. 389–432.
17. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский Союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / под ред. Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2016.
18. Thompson E. Couple childbearing desires, intentions, and births // Demography. 1997. Vol. 34, № 3. P. 343–354.

References

1. Belova V. A. *Statistika mnenii v izuchenii rozhdaemosti* [Statistics of views in the study of fertility]. Moscow : Statistika, 1972 (in Russ.).
2. Belova V. A. *Chislo detei v sem'e* [Number of children in the family]. Moscow : Statistika, 1975 (in Russ.).
3. Shahot'ko L. P. *Naselenie Respubliki Belarus' v kontse XX veka* [Population of the Republic of Belarus at the end of the 20th century]. Minsk : NIIS, 1996 (in Russ.).
4. Multiple Indicator Cluster Surveys, UNICEF. URL: www.mics.unicef.org (date of access: 16.04.2018).

5. Nour E.-S. On the Estimation of the Distribution of Desired Family Size for a Synthetic Cohort. *Population Studies*. 1983. Vol. 37, No. 2. P. 315–322.
6. Huynh C.-L. Estimation and Analysis of Desired Family Size with WFS Data. *Proceedings of the Section on Survey Research Methods* : the Annual Meeting of the American Statistical Association (8–12 August 1993, San Francisco, California) : in 2 vols. Alexandria, 1993. Vol. 2. P. 609–616.
7. Westoff C. F., Ryder N. B. The Predictive Validity of Reproductive Intentions. *Demography*. 1977. Vol. 14, No. 4. P. 431–453.
8. Bhushan I., Hill K. *The Measurements and Interpretation of Desired Fertility*. Baltimore, 1995.
9. [Belarus: family structure, family relations, reproductive behavior. Preliminary results of a sociological survey conducted in May–November 2017 on the methodology of the UNECE international program «Generations and Gender»]. *UNFPA Belarus*. URL: [https://belarus.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/GGS %20Промежуточный %20отчет % 20_Belarus.pdf](https://belarus.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/GGS_%20Промежуточный_%20отчет_%20Belarus.pdf) (date of access: 16.04.2018) (in Russ.).
10. Bongaarts J., Feeney G. On the Quantum and Tempo of Fertility. *Populat. Dev. Rev.* 1998. Vol. 24, No. 2. P. 271–291.
11. Goldstein J. R., Sobotka T. The End of «Lowest-Low» Fertility? *Popul. Dev. Rev.* 2009. Vol. 35, No. 4. P. 663–699.
12. Bongaarts J., Feeney G. The quantum and tempo of life-cycle events. *Vienna Yearbook Populat. Res.* 2006. Vol. 4, No. 1. P. 115–151.
13. Bongaarts J., Sobotka T. A Demographic Explanation for the Recent Rise in European Fertility. *Populat. Dev. Rev.* 2012. Vol. 38, No. 1. P. 83–120.
14. *The Human Fertility Database*. URL: www.humanfertility.org (date of access: 16.04.2018).
15. Demographic Data Sheets (in chronological order). *The Vienna Inst. Demography*. URL: www.oeaw.ac.at/vid/data/demographic-data-sheets (date of access: 16.04.2018).
16. Kaa van de D. J. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. *Populat. Dev. Rev.* 1996. Vol. 50, No. 3. P. 389–432.
17. Rotman D. G. (ed.). *Tsennochnyi mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropeiskii Soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostei* [The value world of modern man: the countries of the Eastern Partnership, the European Union and Russia in international projects on the study of values]. Minsk : BSU, 2016 (in Russ.).
18. Thompson E. Couple childbearing desires, intentions, and births. *Demography*. 1997. Vol. 34, No. 3. P. 343–354.

Статья поступила в редколлегию 24.04.2018.
Received by editorial board 24.04.2018.

УСТОЙЧИВОСТЬ ИНСТИТУТА БРАКА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Ю. ДЕНИСОВ¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1-102, 220072, г. Минск, Беларусь

По материалам исследования программы «Поколения и гендер» проведена оценка уровня устойчивости брака и его значения для режима воспроизводства населения в Беларуси. Сделан вывод, что для Беларуси характерны достаточно традиционные модели матримониального поведения. Так, из 25 наиболее фертильных лет жизни средняя белоруска проводит в браке 14,8 года (средняя норвежка, например, – 9,9 года). В то же время из-за прекращения брака период пребывания в нем уменьшается всего на 2,8 года. Также для белорусок брак является практически безальтернативной формой семейных отношений, в которых допускается рождение двух и более детей. По специально разработанной методике сделана оценка влияния различных категорий брачного состояния на рождаемость. Установлено, что разводы в целом снижают общий ее уровень всего на 0,07 ребенка на одну женщину. Таким образом, влияние разводимости на рождаемость не значительно, основной же вклад в ее снижение (0,16 ребенка на одну женщину) обусловлен тем, что некоторая доля женщин (13,7 %) не вступает в брак до конца репродуктивного периода.

Ключевые слова: институт брака; матримониальное поведение; репродуктивное поведение; рождаемость; условное поколение.

STABILITY OF THE INSTITUTION OF MARRIAGE AND ITS IMPORTANCE FOR THE REPRODUCTION OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. Y. DENISOV^a

^aCentre for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1-102 Akademicheskaya Street, Minsk 220072, Belarus

Based on the research of the Generations and Gender program, an assessment is made of the level of sustainability of marriage and its significance for the regime of reproduction of the population in Belarus. It is concluded that Belarus is characterized by very traditional patterns of matrimonial behavior. So, of the 25 most fertile years, the average Belarusian woman spends 14.8 years in marriage (for example, in Norway – 9.9 years). At the same time, due to the termination of marriage, losses are only 2.8 years. Also for Belarus marriage is practically the non-alternative form of family relations, in which the birth of two or more children is allowed. According to a specially developed method, an assessment is made of the influence of different categories of marital status on fertility. It is found that divorces reduce the total fertility rate by only 0.07 children per woman. Thus, the effect of divorce on fertility is not very significant. The main contribution to the decline of the birth rate (0.16 children per woman) is due to the fact that a certain proportion of women (13.7 %) do not marry until the end of the reproductive period.

Key words: the institution of marriage; matrimonial behavior; reproductive behavior; fertility; hypothetical generation.

Образец цитирования:

Денисов А. Ю. Устойчивость института брака и его значение для воспроизводства населения Республики Беларусь // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 97–104.

For citation:

Denisov A. Y. Stability of the institution of marriage and its importance for the reproduction of the population of the Republic of Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 97–104 (in Russ.).

Автор:

Артур Юрьевич Денисов – магистр социологических наук; старший научный сотрудник.

Author:

Artur Y. Denisov, master of science (sociology); senior researcher.
denisovartur@gmail.com

Введение

На протяжении развития социологии особое внимание уделялось изучению различных аспектов изменения института семьи. При этом часто они трактовались как свидетельство нарастающего кризиса и непосредственная причина снижения рождаемости. Например, еще в работе П. Сорокина и К. Циммермана «Принципы социологии села и города» (1929) обосновывалось, что институт семьи (особенно городской) характеризует состояние «патологии», индикаторами которого выступают снижение количества браков, уровня брачной рождаемости, увеличение количества разводов [1, с. 24]. Соответствующая интерпретация остается достаточно распространенной [2; 3], что, вероятно, стало одной из причин, по которой подобные тезисы нашли почти дословное отражение в текстах национальных нормативных правовых актов. Так, в п. 33 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь отмечается, что одной из «важнейших демографических угроз» являются «негативные трансформации института семьи», индикаторами которых названы прежде всего «высокий уровень разводов, увеличение числа неполных семей с детьми». Близкие по смыслу тезисы можно найти и в текстах национальных программ демографической безопасности. При этом обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех подобных интерпретациях явно предполагается, что оптимальной формой организации семейных отношений с точки зрения рождаемости является устойчивый брак как добровольный долгосрочный зарегистрированный союз мужчины и женщины.

Тем не менее на настоящий момент отсутствуют метрические оценки современного состояния «негативных трансформаций» и их действительного влияния на изменение уровня воспроизводства белорусского населения. Ситуация объясняется тем,

что данных текущего статистического учета рождаемости, брачности и разводимости для такой оценки недостаточно. Так, с использованием названных показателей невозможно определить долю женщин в каждом поколении, которая не вступает в брак или заключает браки повторно, сделать корректную оценку репродуктивных итогов в зависимости от брачной истории (то есть с учетом количества заключенных браков). При этом указанные недостатки не могут быть компенсированы в полной мере даже привлечением переписей населения.

Однако в настоящий момент ситуация изменилась. В апреле – ноябре 2017 г. в Республике Беларусь в рамках проекта «Поддержка реализации национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь» проведено социологическое исследование «Беларусь: формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях». Важной методологической особенностью проекта стала попытка ретроспективной реконструкции основных этапов жизни респондентов. В рамках обсуждаемой темы соответствующая реконструкция предполагает возможность определить количество официально зарегистрированных браков, разводов, рожденных биологических детей для каждого респондента.

Представляется, что на основании данных указанного исследования возможно дать приемлемую метрическую характеристику современному влиянию института брака на рождаемость в Республике Беларусь. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: определить распространенность и устойчивость института брака; определить значение брака для рождения детей каждой очередности; сделать оценку вклада различных категорий брачного состояния в изменение рождаемости.

Источники данных и отдельные методические замечания

Для решения поставленных задач по официальному запросу был получен доступ к полной базе данных вышеназванного исследования в Республике Беларусь. Для более точного понимания состояния института брака в нашей стране решено данный подход применить к результатам аналогичного исследования в Норвегии (2007–2008 гг.). Важной особенностью Норвегии является то, что со временем окончания Второй мировой войны ее итоговая рождаемость остается практически неизменной: на уровне 2,0 ребенка на одну женщину [4]. При этом заслуживает внимания тот факт, что незначительная изменчивость итоговой рождаемости сопровождалась существенными колебаниями суммарного коэффициента рождаемости. Таким образом, Норвегия может рассматриваться

как страна с эталонной рождаемостью среди государств, завершивших второй демографический переход. Также данная страна, имея сопоставимые с Республикой Беларусь площадь и численность населения, является одним из лидеров как в рейтингах уровня жизни и развития человеческого потенциала, так и при оценке распространения современных индивидуалистических и эгалитарных ценностей (см., например, [5; 6]).

В связи с тем, что полное освещение анализируемой проблематики в ряде случаев предполагает использование методов, сведения о которых не представлены в отечественной литературе, более детальное изложение порядка расчетов приведено далее по тексту по мере решения конкретных задач.

Распространение и устойчивость института брака

Для решения поставленных задач необходимо в первую очередь определить население Беларуси и Норвегии по категориям брачного состояния. С этой целью на основании персональных биографий все респонденты были классифицированы по пяти категориям: (1) никогда не состояли в браке; (2) состоят в первом браке; (3) единожды вступали в брак, прервали его вне зависимости от причины, но не вступили в повторный брак; (4) вступили в повторный брак любой очередности и продолжают в нем находиться; (5) вступили в повторный брак любой очередности и на момент опроса его прервали вне зависимости от причины.

Структура женского населения по категориям брачного состояния может быть рассчитана для

каждой пятилетней возрастной группы. Полученные результаты можно интерпретировать как изменение категорий брачного состояния в условном поколении. В целях упрощения визуального представления информации расчеты представлены для возрастов 20–59 лет. Это связано с тем, что по завершении данного периода значимой причиной распада браков становится смерть одного из супругов (преимущественно мужчин). Таким образом, не возникает необходимости выделять подкатегории, связанные со вдовством. Общее количество невзвешенных наблюдений для реконструкции динамики показателей Республики Беларусь составило 3 870, объем выборки для каждой пятилетней группы изменялся в диапазоне от 363 до 573 женщин (рис. 1).

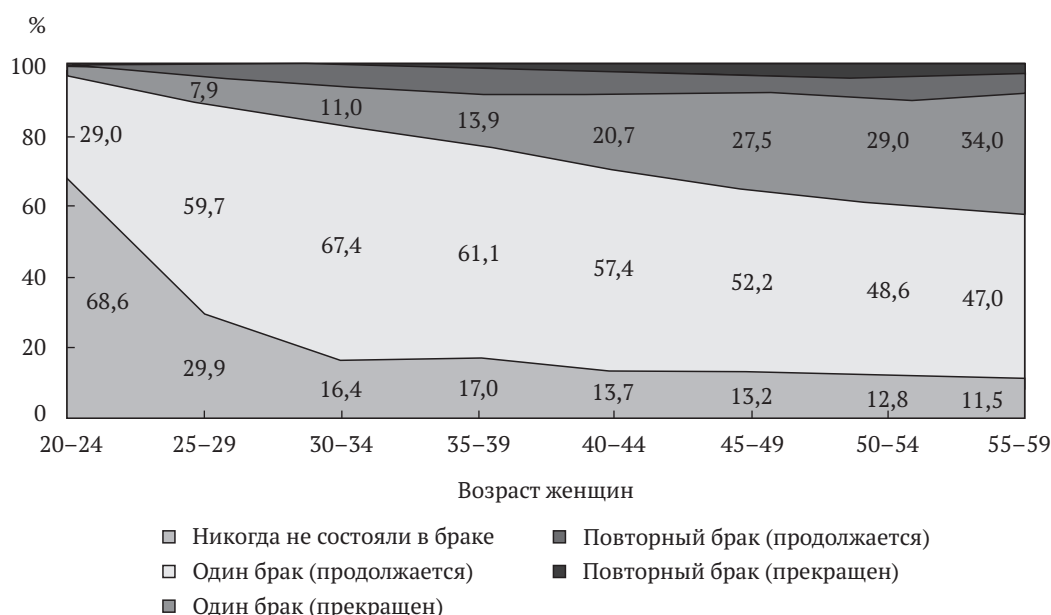

Рис. 1. Распределение женщин Республики Беларусь в пятилетних возрастных группах от 20 до 59 лет по категориям брачного состояния
Fig. 1. Distribution of women of the Republic of Belarus in five-year age groups from 20 to 59 years by marital status

Из рисунка следует, что для большинства белорусок характерной является модель «один брак на всю жизнь», так как даже в случае прерывания брака большинство из них не вступают в официально зарегистрированные союзы повторно. Так, на основании точечного оценивания можно утверждать, что к возрасту 55–59 лет из 100 женщин, вступивших в первый брак, повторный (включая множественный повторный) заключат менее 10,0 %. Всего же для условного поколения к этому возрасту на 100 заключенных браков сохранится 53,2 %.

Различные категории брачного состояния перестают оказывать влияние на показатели рождаемости по достижении женщиной 40–44 лет. К данному возрасту 13,7 % женщин еще ни разу не вступали

в брак; из 100 заключенных впервые союзов сохраняется 66,5 %. Аналогичные расчеты сделаны для Норвегии, где общее количество невзвешенных наблюдений составило 5 025, для каждой пятилетней возрастной группы данная величина изменялась от 396 до 798 женщин (рис. 2).

Важнейшим отличием матримониального поведения норвежек является несопоставимо более высокая доля женщин, которые никогда не состояли в браке во всех репродуктивных возрастах. Так, если в Беларуси по достижении женщиной возраста 25–29 лет хотя бы единожды в браке побывали 70,1 % респондентов, то в Норвегии – всего 27,4 %. К возрасту 40–44 года 25,8 % женщин ни разу не состояли в браке, из 100 заключенных впервые союзов сохраняется 77,2 %.

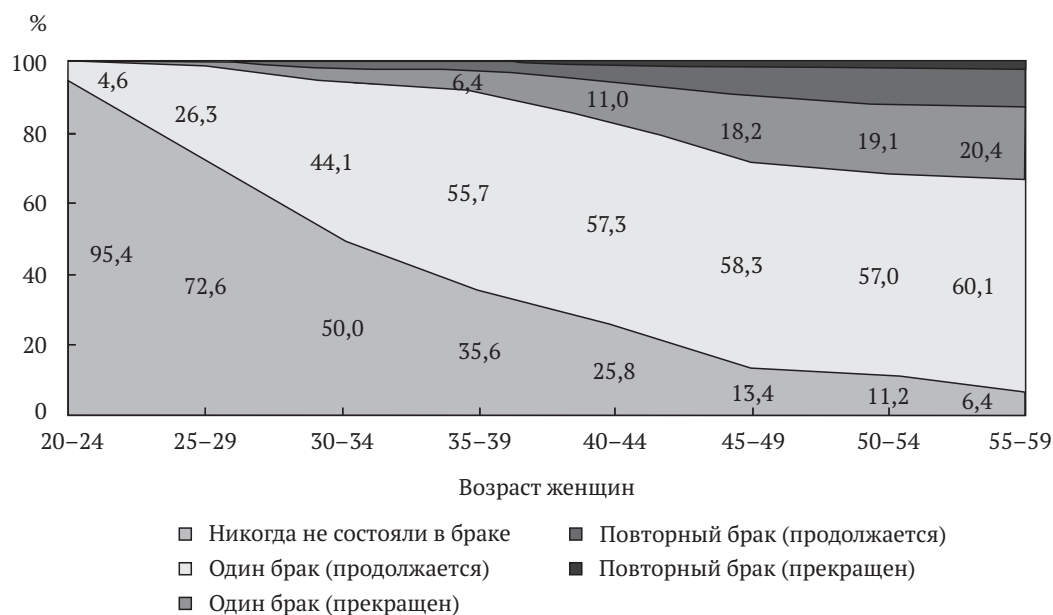

Рис. 2. Распределение женщин Норвегии в пятилетних возрастных группах от 20 до 59 лет по категориям брачного состояния
Fig. 2. Distribution of women in Norway in five-year age groups from 20 to 59 years by marital status

Для перехода от описания к метрической оценке различий целесообразно использовать такой показатель, как количество человеко-лет, проведенных в браке до момента завершения репродуктивного периода (в данной работе соответствующую границу определим в 44 года). Для этого достаточно долю

женщин каждой категории брачного состояния для каждой пятилетней возрастной группы умножить на значение 5. Расчеты проведены корректно, если сумма значений будет равняться 25 годам, то есть длине активного репродуктивного периода (табл. 1).

Таблица 1

Период времени в браке и вне брака, на одну женщину условного поколения в возрасте 20–44 лет для Беларуси и Норвегии, человеко-лет

Table 1

Period of time in marriage and out of wedlock, for one woman of the conventional generation aged 20–44 for Belarus and Norway, man-years

Возраст	В браке	Вне брака	В том числе по категориям		
			Никогда не состояли в браке	Один брак (прекращен)	Повторный брак (прекращен)
Беларусь					
20–24	1,5	3,5	3,4	0,1	0,0
25–29	3,1	1,9	1,5	0,4	0,0
30–34	3,6	1,4	0,8	0,6	0,0
35–39	3,4	1,6	0,9	0,7	0,1
40–44	3,2	1,8	0,7	1,0	0,1
Всего	14,8	10,2	7,3	2,8	0,1
Норвегия					
20–24	0,2	4,8	4,8	0,0	0,0
25–29	1,3	3,7	3,6	0,1	0,0
30–34	2,3	2,7	2,5	0,2	0,0
35–39	2,9	2,1	1,8	0,3	0,0
40–44	3,1	1,9	1,3	0,5	0,0
Всего	9,9	15,1	14,0	1,1	0,1

Как следует из расчетов, средняя белоруска из анализируемого условного поколения из 25 репродуктивных лет 14,8 года (59,2 %) проводит в браке, средняя норвежка – только 9,9 лет (39,4 %). В обеих странах общее количество человеко-лет, проведенных вне брака, формируется прежде всего долей никогда не состоявших в нем. В то же время среднее количество лет, прожитых вне брака вследствие разводов, остается незначительным.

Итак, несмотря на то, что «негативные тенденции» в развитии института брака в основном связывают с разводимостью, в действительности данный показатель в активных фертильных возрастах достаточно низок. Более того, по сравнению с Норвегией – одной из стран со стабильно высоким уровнем рождаемости – институт брака в Беларуси, особенно в фертильных возрастах, остается значительно более распространенным и практически таким же крепким.

Значение брака для рождения детей каждой очередности

Определить значение брака для обеспечения биологического воспроизводства населения возможно, если рассчитать уровень рождаемости и вероятность рождения детей каждой очередности для анализируемых категорий брачного состояния. Для повышения репрезентативности расчеты проведены для норвежских и белорусских женщин 35–44 лет, т. е. для возрастов, в которых завершается активный репродуктивный период. Наиболее корректная оценка, полностью исключая проблему смещения календарей рождаемости,

предполагает расчеты для реального поколения. Исходя из данных проекта *The Human Fertility Database*, последним таким поколением, для которого можно оценить вклад данных лет в итоговую рождаемость, являются женщины 1969 года рождения. В данной группе в возрасте 35 лет и старше рождено всего 6,0 % всех детей [4]. Также с целью увеличить количество наблюдений по каждой категории повторные браки рассматривались без учета того, длится ли последний из заключенных браков или он уже прерван (табл. 2).

Таблица 2

Репродуктивные результаты женщин Норвегии и Беларуси
в возрасте 35–44 лет в зависимости от категории брачного состояния

Table 2

Reproductive results of women in Norway and Belarus
aged 35–44 years, depending on the marital status

Брачное состояние	Доля жен- щин, %	Среднее количество детей	Доля женщин по очередности деторождений, %			
			0	1	2	3 и более
Беларусь (1058 наблюдений)						
Никогда не состояли в браке	15,4	0,81	42,4	39,6	13,9	3,6
Первый брак (продолжается)	59,3	1,85	4,0	29,7	50,5	16,0
Первый брак (прекращен)	17,3	1,41	9,3	48,1	35,2	7,1
Повторный брак	8,0	1,92	3,9	28,9	43,4	22,6
Женщины, всего	100,0	1,62	10,8	34,4	41,6	13,2
Норвегия (1431 наблюдение)						
Никогда не состояли в браке	28,6	1,42	28,0	25,3	33,2	13,5
Первый брак (продолжается)	59,1	2,32	3,7	11,0	43,9	41,3
Первый брак (прекращен)	8,4	2,13	5,6	19,2	39,2	36,0
Повторный брак	3,9	2,58	5,2	5,2	31,0	58,6
Женщины, всего	100,0	2,06	11,5	15,9	39,8	32,8

Из расчетов с учетом точечного оценивания следует, что для большинства белорусских женщин брак является единственной формой семейных отношений, в которой возможно рождение детей второй и более очередности. При этом в условиях

безбрачия максимизируется вероятность бездетности и одноклетности. Также следует отметить, что рождаемость в повторных браках несколько выше, чем в устойчивых первых. И хотя различия незначительны, они сохраняются во всех пятилетних

возрастных группах и свидетельствуют о небольшом, но положительном вкладе повторных браков в общую рождаемость.

Для Норвегии характерны несопоставимо более высокие показатели рождаемости по всем категориям брачного состояния. Особенно важно, что доля вторых детей практически одинакова во всех группах. Потому можно утверждать, что в Норвегии брачное состояние в наибольшей степени связано с вероятностью рождения трех и более детей, а также со снижением вероятности полной бездетности.

Отдельно следует отметить, что категория женщин, которые никогда не состояли в браке, объединяет различные нетрадиционные модели семейного поведения: одинокие женщины, гомосексуальные союзы, гетеросексуальные внебрачные партнерские отношения. Для определения удельного веса каждого типа подобных отношений существующей выборки недостаточно. Однако очевидно, что в Норвегии значительная доля партнерских внебрачных союзов являются детными и даже многодетными. Таким образом, хотя семейные отношения, альтернативные традиционному браку, принципиально не позволяют обеспечивать простое воспроизводство (прежде всего за счет высокой доли бездетных и низкой доли многодетных семей), однако в Норвегии

они обеспечивают достаточно высокий уровень воспроизводства – 1,4 ребенка на одну женщину.

Итак, как в Беларуси, так и в Норвегии брачные отношения являются необходимым условием массовой многодетности (то есть рождения трех и более детей). Повторные союзы в обеих странах характеризуются более высокой рождаемостью, чем обычные браки. Общий уровень деторождения в Норвегии гораздо выше по всем группам. Также у норвежцев значительное распространение получили альтернативные внебрачные формы отношений, которые поддерживают относительно высокий уровень рождаемости с достаточно высокой вероятностью рождения детей второй очередности. Для Беларуси рождение детей второй и более очередности связано практически исключительно с браком, и в этом смысле наша страна значительно более традиционна, чем Норвегия. Однако является это преимуществом или недостатком – вопрос дискуссионный. Тем не менее необходимо отметить, что несмотря на более традиционные взгляды и модели поведения белорусок, в Норвегии примерно каждая третья женщина является многодетной матерью (в Беларуси – только каждая десятая). Следовательно, устойчивый первый брак – это важный, но недостаточный фактор простого воспроизводства.

Оценка вклада категорий брачного состояния в изменение рождаемости

В соответствии с третьей поставленной задачей необходимо определить, какой вклад в изменение рождаемости вносят различные категории брачного состояния. Предположим, что в Беларуси и Норвегии все женщины к возрасту 35–44 лет вступили в первый брак и все заключенные браки сохранились. На основании результатов табл. 2 можно утверждать, что в данном сценарии итоговая рождаемость в Республике Беларусь по точечному оцениванию составила бы 1,85 в Норвегии – 2,32 ребенка на одну женщину. В таком случае с использованием формулы 1 можно оценить вклад каждой категории брачного состояния в изменение общего уровня воспроизводства населения:

$$C_{tf,i} = (f_{a,i} - f_s) \cdot F_{p,i} \quad (1)$$

где $C_{tf,i}$ (англ. contribution to the total fertility) – вклад в итоговую рождаемость женщин i -й категории брачного состояния, детей на одну женщину; $f_{a,i}$ (англ. actual fertility) – итоговая фактическая рождаемость женщин i -й категории брачного состояния, детей на одну женщину; f_s (англ. standart fertility) – итоговая рождаемость женщин, которые единожды вступали в брак и никогда его не прерывали, детей на одну женщину; $F_{p,i}$ (англ. proportion of females) – доля женщин i -й категории брачного состояния в общей численности женщин изучаемой когорты.

Таблица 3

Оценка вклада различных категорий брачного состояния в снижение рождаемости при условии, что все женщины Беларуси и Норвегии в возрасте 35–44 лет состоят в первом нераспавшемся браке, детей на одну женщину

Table 3

Evaluation of the contribution of different categories of marital status to decrease in the birth rate, provided that all women in Belarus and Norway aged 35–44 are in the first marriage, children per woman

Брачное состояние	Среднее количество детей на одну женщину	
	Беларусь	Норвегия
Полная брачность, нет разводов	1,85	2,32

Окончание табл. 3
Ending table 3

Брачное состояние	Среднее количество детей на одну женщину	
	Беларусь	Норвегия
Вклад альтернативных форм брачного состояния в итоговую рождаемость		
Никогда не состояли в браке	-0,16	-0,26
Разводы без повторного брака	-0,08	-0,02
Разводы с повторным(и) браком(ами)	+0,01	+0,01
Итоговая рождаемость		
Итоговая рождаемость, всего	1,62	2,06

Результаты расчетов представлены в табл. 3.

Расчеты наглядно показывают, что как в Беларуси, так и Норвегии основное влияние на снижение рождаемости оказывает не разводимость, а отказ от вступления в брак в репродуктивном периоде. В свою очередь, разводимость влияет на репродуктивное поведение женщин двумя способами. В случае бесповторного брака по точечному

оцениванию она снижает общую рождаемость на величину примерно 0,08 ребенка на одну женщину для Беларуси и 0,02 для Норвегии. В случае повторного брака эффект положительный – уровень деторождений увеличивается примерно на 0,01 ребенка для обеих стран. Однако в целом вклад разводов в снижение рождаемости незначителен.

Заключение

Подводя итог можно отметить следующее. Для Беларуси характерны весьма традиционные модели матримониального поведения. Так, из 25 наиболее фертильных лет жизни средняя белоруска проводит в браке 14,8 года. В то же время из-за прекращения брака период пребывания в нем уменьшается всего на 2,8 года. Также для белорусок брак является практически безальтернативной формой семейных отношений, в которых допускается рождение двух и более детей. В свою очередь отказ от вступления даже в первый брак на протяжении репродуктивного периода связан с высоким риском бездетности или одноплодности. Подобный акцент на брачной рождаемости существенно отличается от, к примеру, Норвегии, где из 25 репродуктивных лет в браке средняя норвежка проводит всего 9,9 лет, а вероятность рождения ребенка до второй очередности включительно вне брака практически не отличается от таковой в браке. С учетом значительно более высокой рождаемости норвежцев, по сравнению с белорусами, преимуществ более тра-

диционных моделей брачного поведения с точки зрения рождаемости в рамках данного исследования не выявлено.

Установлено, что среди женщин, вступивших в первый брак и не имевших опыта разводов, рождаемость в браке составляет 1,85 детей на одну женщину. Таким образом, для белорусов устойчивый брак является важным, но недостаточным условием для обеспечения рождаемости на уровне простого воспроизводства поколений. По специально разработанной методике сделана оценка влияния различных категорий брачного состояния на рождаемость в республике. Установлено, что разводы в целом снижают общий уровень рождаемости всего на 0,08 ребенка на одну женщину. Таким образом, влияние разводимости на рождаемость незначительно. Основной вклад в снижение рождаемости (0,16 ребенка на одну женщину) обусловлен тем, что некоторая доля женщин (13,7 %) не вступает в брак до конца репродуктивного периода.

Библиографические ссылки

1. Карлсон А. Общество – Семья – Личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход. М. : Эдиториал УРСС, 2003.
2. Wineberg H. Fertility of Women Married Once or More than Once // Sociol. Social Res. 1988. № 72. P. 260–266.
3. Meggiolaro S., Ongari F. The implications of marital instability for a woman's fertility: Empirical evidence from Italy // Demographic Res. 2010. № 23. P. 963–966.
4. The Human Fertility Database [Electronic resource]. URL: www.humanfertility.org (date of access: 16.04.2018).
5. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский Союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / под ред. Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2016.
6. Gender Equality Index 2017: Measuring gender equality in the European Union 2005–2015 – Report [Electronic resource] // Europ. Inst. Gender Equality. URL: http://eige.europa.eu/sites/default/files/documents/20177277_mh0517208enn.pdf (date of access: 22.04.2018).

References

1. Carlson A. *Obshchestvo – Sem'ya – Lichnost': Sotsial'nyi krizis Ameriki. Al'ternativnyi sotsiologicheskii podkhod* [Society – Family – Personality: The Social Crisis of America. Alternative sociological approach]. Moscow : Editorial URSS, 2003 (in Russ.).
2. Wineberg H. Fertility of Women Married Once or More than Once. *Sociol. and Social Res.* 1988. No. 72. P. 260–266.
3. Meggiolaro S., Ongari F. The implications of marital instability for a woman's fertility: Empirical evidence from Italy. *Demographic Res.* 2010. No. 23. P. 963–966.
4. *The Human Fertility Database*. URL: www.humanfertility.org (date of access: 16.04.2018).
5. Rotman D. G. (ed.). *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropeiskii Soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostei* [The value world of modern man: the countries of the Eastern Partnership, the European Union and Russia in international projects on the study of values]. Minsk : BSU, 2016 (in Russ.).
6. Gender Equality Index 2017: Measuring gender equality in the European Union 2005–2015 – Report. *European Inst. Gender Equality*. URL: http://eige.europa.eu/sites/default/files/documents/20177277_mh0517208enn_pdf.pdf (date of access: 22.04.2018).

Статья поступила в редколлегию 30.04.2018.
Received by editorial board 30.04.2018.

МОЛОДЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЗАПАДЕ – 50 ЛЕТ!

50th ANNIVERSARY OF THE YOUTH REVOLUTION ON THE WEST!

УДК 316.334.3 (44)

50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ МОЛОДЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВЕРСИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, УРОКИ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
ул. Фучика, 15, 192238, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассмотрены предпосылки, этапы и результаты молодежной революции. Описаны важнейшие социально-психологические факторы и формы выражения молодежного протеста. Проанализировано фундаментальное противоречие между гуманистическим пафосом революции и огромными социальными рисками в отношении несущих конструкций общества. Молодежная революция 1968 г. рассмотрена как глобальный культурный проект, отрицающий «старую» культуру. Постмодерн и неолиберальная модель капитализма обоснованы как основные итоги «молодежной революции».

Ключевые слова: молодежная революция; социальный протест; антибуржуазный пафос; постмодерн.

Образец цитирования:

Запесоцкий А. С. 50-летний юбилей молодежной революции: версии, результаты, уроки // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 105–112.

For citation:

Zapesotski A. S. 50th anniversary of the youth revolution: versions, results, lessons. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 105–112 (in Russ.).

Автор:

Александр Сергеевич Запесоцкий – член-корреспондент РАН, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор; ректор.

Author:

Alexander S. Zapesotsky, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, academician of the Russian Academy of Education, doctor of science (culturology), full professor; rector.
info@gup.ru

50th ANNIVERSARY OF THE YOUTH REVOLUTION: VERSIONS, RESULTS, LESSONS

A. S. ZAPESOTSKI^a

^a*Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
15 Fuchik Street, Saint Petersburg 192238, Russia*

The article deals with the prerequisites, stages and results of the youth revolution. The most important socio-psychological factors and forms of youth protest expression are described. The fundamental contradiction between the humanistic pathos of the revolution and the huge social risks in relation to the bearing structures of the society is analyzed. The youth revolution of 1968 is considered as a global cultural project, denying the «old» culture. The postmodern and neo-liberal model of capitalism is justified as the main results of the «youth revolution».

Key words: youth revolution; social protest; anti-bourgeois pathos; postmodern.

Хроника событий

В мае 2018 г. мир вспоминал события полувекской давности – так называемую майскую (молодежную) революцию 1968 г., начавшуюся со студенческих беспорядков во Франции, которые впоследствии захватили практически весь западный мир и в итоге привели к существенному изменению общества.

Инициаторами протестных социальных действий оказалась молодежь – на то время самая активная и пассионарная часть общества, ядро которой составила элитарная группа студентов университета Сорбонны.

Хроника тех событий способна поразить воображение и сегодня. Студенческие беспорядки, которые в 1968 г. начинаются в Сорбонне и Нантере, стремительно переходят в массовые демонстрации и всеобщую многомиллионную забастовку. В нескольких городах 8 мая проходит первая стачка под лозунгом *Студенты, рабочие и учителя – объединитесь!*, участники которой с воодушевлением поют Интернационал. Однако студенты этим не ограничиваются, они начинают захватывать университеты, строить баррикады, инициировать ожесточенные уличные столкновения, вынуждающие полицию предпринимать ответные действия.

Число раненых с обеих сторон достигает нескольких тысяч. К 20 мая число бастующих вырастает до 10 млн чел. Их поддерживают профсоюзы, которые поднимают рабочих на захват крупных предприятий. Бастуют телеграфная, телефонная, почтовая службы, работники общественного транспорта. На заводах возникают комитеты самоуправления и комитеты действия, которые выходят

из-под контроля профсоюзов, в провинциальных городах рабочие комитеты бесплатно распределяют слабообеспеченным категориям товары и продукты.

Власть 25 мая 1968 г. инициирует трехсторонние переговоры, в которых участвуют правительство, профсоюзы и Национальный совет французских предпринимателей. Однако Всеобщая конференция труда не поддерживает полученные договоренности и продолжает забастовочное движение. Социалисты организуют грандиозный митинг, осуждая позицию профсоюзов и президента страны и требуя создания Временного правительства.

В ответ власти применяют силу, в результате чего ночь с 24 на 25 мая получила название «кровавая пятница». Шарль де Голль 30 мая объявляет о роспуске Национального собрания и проводит реорганизацию правительства. Параллельно правительство, профсоюзы и предприниматели ведут переговоры с бунтовщиками, достигая определенного согласия по некоторым позициям.

С середины июня власть переходит в наступление: запрещены радикальные группировки, от бунтовщиков очищены Сорбонна и другие университеты, а также промышленные предприятия. В конце июня проходят парламентские выборы, по итогам которых сторонники де Голля побеждают с большим преимуществом: средний класс дружно проголосовал за лидера страны и его курс. Однако по всему миру уже пошло самовозгорание мятежного духа – «молодежная революция» Франции спровоцировала аналогичные процессы во многих странах Европы и США¹.

Версии протеста

Парадокс этой революции состоит в том, что студенческий бунт и последующие волнения во

Франции, по сути, не были спровоцированы ухудшением жизненных условий. Западный мир того

¹В частности, эти события дали старт «пражской весне», встревожившей лидеров и идеологов коммунистического блока. Возможно, в силу этого обстоятельства прокатившаяся тогда по всему миру волна революционных протестов не была поддержана официальными компартиями. Более того, коммунистические институты не просто отказывались возглавить движение, но и активно боролись с ними (например, в Чехословакии).

периода переживал экономический подъем, который сопровождался снижением безработицы, повышением качества жизни, идейной стабильностью социума и бескризисным функционированием общественных институтов. Конечно, присутствовали и отдельные провоцирующие социально-экономические обстоятельства, но в данном случае они не играли существенной роли.

Франция под руководством Шарля де Голля, спасшего ранее честь страны от позора коллаборационизма с германскими фашистами, в тот момент совершает мобилизационный рывок в рамках концепции догоняющего развития.

Промышленный рост в этот период потребовал новых инвестиций в производство и сверхурочной работы, в результате чего 40-часовая рабочая неделя к середине 1960-х гг. выросла до 45 часов. Однако рабочий класс чувствует себя сравнительно комфортно в ситуации относительного материального благополучия. Демографический взрыв послевоенных лет усложняет выходцам из малообеспеченных семей получение высшего образования, но при этом расходы государства на образование растут. В целом ситуация в стране выглядит неплохо.

Истоки молодежной революции социологи усматривают в совсем другой плоскости. Прежде всего обнаруживает себя антибуржуазный пафос протеста, о чем свидетельствует организованный студентами за несколько месяцев до майских событий 1968 г. многотысячный митинг против правительственного курса в сфере образования, который стихийно перерос в митинг памяти Че Гевары. Лозунгами стали протесты: *Че-герой, буржуазия – дерьмо! Смерть капиталу, да здравствует революция!*

Характерно, что протестный пафос студенчества возникает на фоне спада революционного движения в Европе и Северной Америке, который связан с ростом производства и повышением благосостояния рабочего класса, большая часть которого, развращенная обществом потребления, становится рабочей аристократией и неплохо чувствует себя в капиталистическом обществе. Руководство коммунистических партий в этой связи отказывается от революционного преобразования мира, переориентируясь на частичные реформы, работу в местном самоуправлении и профсоюзах, создание «антимонополистической демократии», которая должна предшествовать этапу социалистической революции (не случайно руководство КПСС того времени берет курс на мирное сосуществование с империализмом)².

В этом контексте оказывается, что идеология «молодежной революции» акцентирует внимание не на экономических, а нравственных, духовных факторах. В определенной степени протестные действия становятся формой выражения нежелания масс мириться с отсутствием плюрализма идей относительно перспективных сценариев развития общества, протестом (не всегда осознаваемым) против духовного застоя. Бунт «новых» левых – это реакция на убожество жизненных приоритетов буржуазии, политический оппортунизм и теоретический догматизм «старых» левых. На этом фоне создаются альтернативные действующим компартиям марксистские организации – «новые» левые конца 1960-х гг., которые приходят на смену «обуржуазившемуся» пролетариату. Впервые в мировой истории протест возымел гуманистическую основу.

Однако гуманистический вектор пассионарного всплеска и его романтика практически сразу начинают использоваться другими заинтересованными лицами и совсем в иных целях.

Во-первых, революцию пытается оседлать часть политической элиты, недовольная политикой Шарля де Голля. Глава государства в то время выступает с идеей «Европа от Атлантики до Урала» и говорит о грядущем политическом союзе стран Европы и дружбе с Советским союзом как об альтернативе «англосаксонской» НАТО. Рискуя многим, он в публичном пространстве исключает Великобританию из состава Европы и препятствует ее вступлению в общий рынок, требует вывода французского корпуса из подчинения НАТО и штаба НАТО из Франции. Официальная позиция Франции в международной политике становится резко антиамериканской: генерал осуждает действия Израиля в Шестидневной войне в 1967 г. и Вьетнамскую войну. В 1966 г. республика выходит из военной организации НАТО, оставаясь участницей Североатлантического договора. Другой вызов «большому брату» состоял в том, что в феврале 1965 г. генерал объявил об отказе от использования доллара в международных расчетах и о переходе на единый золотой стандарт. Такого своеволия «большой брат» генералу простить не мог.

Во-вторых, лозунги протестующих содержат очевидный антибуржуазный контекст. Приведем некоторые из них: *Революция должна произойти до того, как она станет реальностью. Никогда не работай! Нельзя влюбиться в природу промышленного производства! Запрещается запрещать! Освобождение человека должно быть тотальным, либо его не будет совсем; Анархия-это я. Человечеству не*

²Французская коммунистическая партия с первых дней массовых выступлений также не поддерживала бунтарей, заявив, что левые радикалы, анархисты и псевдореволюционеры мешают студентам сдавать экзамены (Экспорт революции / С. Кара-Мурза [и др.]. М. : Алгоритм, 2005. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/karamurza_sergeri/karamurza_sergeri_yeksport_revolycii_yushenko_saakashvili/ (дата обращения: 16.03.2018)).

*видать счастья, пока последнего капиталиста не задушат кишкой последнего бюрократа!*³ [1].

Однако тематика лозунгов в неменьшей степени свидетельствует о явной гедонистической направленности молодежной мотивации, которая профанирует революционный смысл протеста своими «кричалками»⁴. *Живи, не тратя время (на работу), радуйся без препятствий! Все – и немедленно! Твое счастье купили. Укради его! Распахните окна ваших сердец! Алкоголь убивает. Принимайте*

ЛСД! Скука контрреволюционна! Нет экзаменам! Звонит будильник. Первое унижение за день. В обществе, отменившем все авантюры, единственная авантюра – отменить общество! Реформизм – это современный мазохизм! Пролетарии всех стран, развлекайтесь! [1].

В-третьих, подлинные истоки бунта во многом уходят в глубины человеческого бессознательного, энергию которого смогли умело активизировать идеологи революции.

Образ врага как консолидирующий фактор мобилизации

Как уже было отмечено, революционная ситуация с точки зрения традиционного политэкономического анализа на первый взгляд выглядит странной: в благополучной и «сытой» стране, которая уверенно развивается в экономическом плане, в обществе, довольствующемся сверхприбылью в результате неокOLONиальной политики, элитарная социальная группа начинает мятеж, не ставя перед собой определенных целей, а стихия его разрушения не имеет предела.

Между тем гуманистический пафос этой революции оказывается несоизмерим и несовместим с той агрессией и разрушениями, которые бунтовщики готовы нанести несущим конструкция общества⁵. О деструктивном характере молодежного движения свидетельствуют отсутствие позитивной программы и ситуативный выбор объекта агрессии. Неслучайно не пролетариат, а именно молодежь, для которой смысл протеста отчасти состоял в самом протесте, стала объектом для манипуляции со

стороны идеологов движения, преследующих собственные цели. Идеологи и манипуляторы искусственно создают необходимые для радикализации условия, способные канализировать разрушительную энергию возбужденных студентов, направить ее на нужные объекты⁶. Не без причины в лидеры протеста авангардного студенчества и хиппующей молодежи против культуры общества потребления начинает активно выдвигаться нарциссирующий интеллектual – особый антропологический тип, возникающий в постиндустриальном обществе и вытесняющий с лидирующих позиций политическую элиту: и вождей пролетарского движения, и буржуа.

Важным социально-психологическим фактором молодежного протеста становится образ врага – ключевой атрибут общества спектакля, который выступает значимым фактором сплочения бунтарей. Враг – это буржуазное общество с его сытой и скучной стабильностью.

Замысел революции

Иосиф Бродский писал: «Плохо, ежели мир внешне изучен теми, кто внутри измучен».

Молодежная революция 1968 г. может рассматриваться как глобальный новый культурный проект, отрицающий «старую» культуру. Достаточно посмотреть на лозунги бунтовщиков, которые не вписывались в революционную идеологию в традиционном смысле. Они были хаотичными и сумбурными, при этом их объединяло агрессивное

неприятие образа жизни «отцов». Однако замысел революции родился не в головах студенческой молодежи.

Студенты стали исполнителями чужого проекта, подготовленного интеллектуальной элитой Франции. Речь идет прежде всего о философии Фракфуртской школы, лидеры которой вносят существенный вклад в развитие левой (марксистской и постмарксистской) мысли. Т. Адорно, М. Хорк-

³Студенты Гарварда во время восстания 1969 г. также начинали с революционной лексики, вывесив плакат с цитатой К. Маркса: «Философы лишь различным образом объяснили мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Однако все быстро кончилось «групповым кайфом» под колыбельные группы *The Beatles* и «заговоры» К. Кастанеды.

⁴Китайские плакаты того времени, для сравнения, отличались от слоганов студенческой молодежи Европы: *Люди всего мира, объединяйтесь для свержения американского империализма!; долой советский ревизионизм!; долой реакционеров всех стран!* (Экспорт революции / С. Кара-Мурза [и др.]).

⁵В телевизионном обращении 7 июля 1968 г., уже после завершения «революции», де Голль дал такую оценку произошедшим событиям: «Этот взрыв был вызван определенными группами лиц, бунтующими против современного общества, общества потребления, механического общества – как восточного, так и западного – капиталистического типа. Людьми, не знающими, чем бы они хотели заменить прежние общества, и обожествляющими негативность, разрушение, насилие, анархию; выступающими под черными знаменами» (Карнацевич В. Л. 500 знаменитых исторических событий. М.: Digest Media, 2014).

⁶Как известно, на начальном этапе провокационную задачу берет на себя Д. М. Кон-Бендит – гражданин Федеральной Республики Германия, изучающий социологию в Сорбонне, который завоевывает массовую популярность эпатажными лозунгами и драками с полицией. Вместе с другими провокаторами он целенаправленно разогревал студенческие массы «смесью» из марксистско-ленинских, троцкистских и маоистских речевок и цитат, которые встраивал в призывы совершить революцию здесь и сейчас, немедленно выступить против существующей системы и разрушить буржуазное общество.

хаймер и другие представители этого направления называют идеологию Просвещения тоталитарной системой⁷. Критике тоталитаризма и авторитаризма в его современных проявлениях посвящается коллективный труд «Авторитарная личность». Существенным элементом идеологии протеста становится концепция контркультуры Г. Маркузе, в которой рассматривается культура как «средство тотального угнетения биологической и социальной сущности человека». Для Г. Маркузе «прогресс культуры» проявляется в расширении функций организованного господства, что приводит к росту общей агрессии, которая творит ужасы мировых войн и концлагерей. Чтобы остановить эту антигуманную линию, надо разрушить неподходящую культуру, на смену которой придет спасительная контркультура⁸.

Для гуманитариев Западной Европы – Ж.-П. Сартра, Л. Альтюссера, А. Камю, Э. Фромма – становятся очевидным симптомы глубокого кризиса общества, в основе которого лежал «проект модерна», возникший на отрицании средневековой культурной парадигмы, включая ее институты, иерархии и традиции⁹. Генеральной линией перемен оказывается дехристианизация западноевропейского мира. Два послевоенных десятилетия оказываются для Запада точкой бифуркации. Складывается впечатление, что европейская цивилизация исчерпала потенциалы своего развития. По мнению интеллектуалов, «проект модерна» окончательно дискредитировал феномен свободы, лишив духовного смысла и девальвируя эту генетически встроенную в антро-

пологическую матрицу христианства ценность до уровня популистского клише.

Похожую инверсию в эпоху модерна переживает идея равенства, которая возводится в абсолют псевдомарксистской идеологией, разрушая иерархию ответственности и долга как ключевых принципов бытия человека и общества. Стагнирующий модерн вынужден отказаться от кейнсианской модели социального государства, которая была обеспечена социал-демократическим капитализмом с его государственным регулированием и действовала в западном мире с конца Второй мировой войны и до начала 1970-х гг. В качестве универсальной альтернативы начинает активно утверждаться неолиберальная идеология, которая становится «брендом» Запада усилиями лидеров мирового прогресса – Франции, Великобритании и США, символизируя разрыв с христианской духовной матрицей.

Духовные идеологи молодежного протеста фиксируют одну из главных опасностей модерна – приоритет разума в ущерб чувственной стихии жизни. Объявив войну фантазиям и влечениям как силам, разрушающим мыслительные матрицы ментальности, рационализм породил в человеке страх перед природными импульсами как постыдными отклонениями от общественной морали. Концепция тотального господства разума – детище Просвещения – трактуется идеологами Нового времени как основная причина раздвоения и самоотчуждения человека, которое становится болезнью современного западного общества.

Торжество постмодерна как основной итог молодежной революции

Безусловно, майская революция изменила политическую атмосферу во Франции. Она способствовала некоторой демократизации высших и средних учебных заведений, расширению возможностей для политической деятельности на территории университетов и студенческих городков. Принятый закон об ориентации увязывал действия университетов с экономической обстановкой

в стране, снижая тем самым риск безработицы для выпускников.

Однако основные результаты этой революции для Запада обнаруживаются в культурной плоскости.

Во-первых, революция отбрасывает общество во времена неолиберализма. Западную Европу накрывает «неоконсервативная волна», на фоне

⁷Характерный приговор и призыв Ж.-П. Сартра: «Отцы, не забывайте... ваши дети стали революционерами, потому что толкнула их на это ваша подлость. Объяснять вам это они не станут: слово взорвалось в мае; ваши сыновья и дочери сыты словами по горло; им больше нечего сказать взрослым, этим, как они нас называют, очерстевшим, прогнившим и забитым детям. Мы это вам растолкуем. Кто мы? Несколько взрослых, не так сильно прогнивших или яснее видящих нашу гнилость». (см. *Сартр Ж.-П. «Молодежь в западне»*; цит. по: *Сабов А. Д. От Парижа до Болотной. Мифы и последствия майской «революции сознания» 1968 года во Франции* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/id/3107/> (дата обращения: 16.03.2018).

⁸Конечно, ключевой причиной тотального отрицания духовно-нравственных матриц европейской цивилизации становятся ужасы Второй мировой войны. Эту мысль ярко выражает известная фраза Т. Адорно: «После Освенцима любая культура – всего лишь мусор» (*Адорно Т. В. Негативная диалектика*. М.: Науч. мир, 2003).

⁹О закате проекта модерна, симптомы которого чуткие гуманитарии обнаруживают во второй половине XIX в., свидетельствует уже само название книг «Сумерки идолов», «По ту сторону добра и зла» (Ф. Ницше); «Понятие и трагедия культуры», «Конфликт современной культуры» (Г. Зиммель); «Закат Европы» (О. Шпенглер); «Проклятая культура» (Т. Лессинг); «Германия и кризис европейской культуры» (А. Вебер); «Восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет); «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи» (Й. Хейзинга); «Кризис европейского человечества и философия» (Э. Гуссерль); «Неудовлетворенность культурой» (З. Фрейд); «Конец Нового времени» (Р. Гвардини).

которой «первая половина 70-х, осененная отсветом “Красного Мая”, оказалась лебединой песней европейской интеллектуальной и культурной элиты» [2].

Набирает обороты философия постмодернизма, которая начинает активно разрушать классическую рациональность модерна, уничтожать логоцентризм европейской культуры. Именно с этих позиций Ж. Деррида подвергает критике рационализм, осуждая лежащую в его основе в Европе агрессивную доминанту насилия и обладания – фаллоцентризм европейской философии и культуры, который превращает познание в овладение истиной, а открытие представляет как срывание покрывала и обнажение реальности [3]. Сущность постмодернистского текста, отличная от структурированного логоцентричного дискурса модерна, фиксируется метафорой Ролана Барта «бесовская текстура».

Во-вторых, критикуя проект модерна, идеологии революции приходят к логическому выводу о необходимости реабилитации энергий ноктурна, вытесненных в экзистенциальный подвал апполонической силой и волей эпохи Просвещения. Следы этой сексуально мотивированной логики мы находим и в лозунгах французских интеллектуалов Сорбонны, и в идеологии американских хиппи¹⁰.

Неслучайно в составе революционных лозунгов почетное место занимают *Секс – это прекрасно!* (Мао Цзэ-дун); *Оргазм – здесь и сейчас!*¹¹. В итоге революционный пафос трансформировался в разновидность контркультурного «хэппенинга», обязательными компонентами которого стали еще две революции – сексуальная и психоделическая¹². Таким образом из молодежи выпускался «революционный пар».

Соответствующая моральная база была подготовлена заранее – летом 1967 г., за год до «парижской весны», когда в пригороде Сан-Франциско встречалось стотысячное сборище хиппи, после чего этот американский город стал центром культурной революции, охватившей другие американские, а потом и европейские города (отметим мгновенную коммерциализацию контркультурной

моды хиппи с последующей раскруткой хипповского стиля, молодежной моды и продвижением брендов престижных марок одежды)¹³.

Именно такая жизненная стратегия молодежи Запада определила ключевой тренд и перспективу молодежной культуры эпохи постмодерна и до сегодняшнего дня. Это свидетельствует о том, что положенный в основу молодежной революции замысел воплотился в максимально эффективной форме для власти имущих. Контркультурная революция выполнила свои задачи по максимуму – она в значительной степени переформатировала традиционный капитализм в либеральный и окончательно утвердила культуру эпохи постмодерна, превратила общество потребления из генеральной идеи капитализма в господствующую практику эпохи.

Молодежная революция осуществляет окончательную легитимацию культурных ценностей, зародыши которых были сформированы на стадии разрушения «проекта модерна». Персонифицированным символом нового этапа европейской культуры становится Орфей (по сюжетам легенд, изобретатель большинства человеческих пороков от гомосексуализма до наркотиков), который сменяет уставшего и устаревшего Прометея, исчерпавшего свои конструктивные функции в пространстве западноевропейской цивилизации. Орфическая культура постмодерна раскрепощает природные энергии, реабилитирует языческие идеологии и практики, способствует распространению медитативно-созерцательных способов постижения мира.

Культура постмодерна отвергает рациональность и духовность, делает окончательный выбор в пользу телесности. Она разрушает традиционную культурную вертикаль общества, осуществляет реабилитацию маргинальных феноменов, помещая в центр культуры и социума периферийные и девиантные социальные типы, оправдывая это гуманизмом и соблюдением прав меньшинств в рамках либеральной концепции прав человека. Благодаря СМИ в центре общественного внимания оказыва-

¹⁰ Не случайно репетицией майского мятежа стал мини-бунт по поводу ущемления сексуальных прав студенток. Дело в том, что студентки, проживающие в мужских общежитиях, имели право приводить к себе на ночь девушек, а у жителей женских общежитий формального права приглашать на ночь мальчиков не было. Формой протеста против такой дискриминации становится бойкот экзаменов и лекций под предлогом повышения качества образования.

¹¹ Очевидцы вспоминают, что на стенах Сорбонны появилось изречение «великого кормчего» Мао Цзэдуна: «Секс – это хорошо, но не слишком часто». А рядом революционно настроенные студенты вывесили уточнение мысли: «Девственность – причина рака» (Курланский М. 1968. Год, который встряхнул мир. М.: АСТ, 2007).

¹² Функции «подсадки» молодежи на безопасный для власти репертуар выполняли механизмы массовой культуры, популяризирующие концепции типа параантропологической трансформации сознания (или психоделического мистицизма) К. Кастанеды, переориентации вектора движения значительной части протестной молодежной контркультуры в область экспериментов с «низменным сознанием» (в том числе с помощью ЛСД) и т. д.

¹³ Активно возникают различного рода психоделические движения, которые активно экспериментируют с наркотиками-галлюциногенами в целях расширения сознания. Основана «Международная федерация внутренней свободы», журнал «Психоделическое обозрение». В области музыки активно создаются психоделические стили (лидером становится известная группа *Pink Floyd*). Одним из вдохновителей создания такой культуры становится вузовский преподаватель Т. Лири, который экспериментирует с ЛСД в целях «изучения особых состояний сознания», «путешествий в глубины подсознания».

ются люди с физическими и психическими отклонениями. Фигуры фриков, извращенцев, уродов и психопатов перемещаются с периферии в центр культурной жизни, определяя стандарты искусства, моды, образа жизни.

Таким образом, 1968 год становится в определенном смысле точкой бифуркации традиционной капиталистической системы и началом утверждения неолиберальной модели капитализма. В связи с этим можно констатировать наличие кризиса кейнсианского социального государства, стремительный рост финансовой олигархии, пассивность компартий марксистско-ленинского типа, которые не смогли воспользоваться трудностями капитализма и дефолтом США, предав социалистический идеал и предпочитая революционному движению собственные социально-экономические гарантии.

В культурном плане постмодерн окончательно утверждает новую так называемую эру язычества,

раскрепощая мифологическое мировосприятие и сокращая пространство «высокой» культуры. Он погружает человека в онтологические глубины коллективного бессознательного – в тот архивированный тысячелетиями символический опыт прошлого, «разговаривая» с человеком на «мягком» языке архетипов и символов массовой культуры, запускает неподвластный сознанию резонанс пробуждения «спящих» экзистенциальных энергий, не всегда понятных для разума и опасных для душевного здоровья¹⁴.

Утверждение культуры постмодерна на европейском пространстве сегодня до предела обостряет многовековую битву двух метасистем: языческого мира культуры жрецов и сформировавшейся на базе мировых религий культуры пророков (Г. Джемаль). Это война метафизически несовместных миров идет в глубинах бытия, в ментальных матрицах человечества. Поле битвы этих систем – души и сердца человеческие.

Уроки «парижского мая»

События пятидесятилетней давности приобретают особую актуальность в сегодняшнем российском политическом контексте, особенно в связи с расширением географии «оранжевых революций» на сопредельном постсоветском пространстве¹⁵.

Итоги революции 1968 г. показывают, что энергия бунта, не имеющего поддержки в широких слоях населения и конструктивной идеи или опирающегося на внешние силы, быстро иссякает. Решающее значение в подобных ситуациях приобретает продуманная тактика властей и их политическая воля¹⁶.

Вместе с тем, «студенческая революция» 1968 г. может рассматриваться как предыстория «оранжевых революций», использующих относительно ненасильственные действия для свержения государственной власти, при ее слабости и пассивности, конечно. Особое значение имеет сам факт того, что в той или иной общественной среде при некоторых условиях может без веских фундаментальных

причин возникнуть состояние коллективного сознания, при котором возникает самоубийственно целеустремленная и тоталитарно мыслящая толпа, способная потрясти или даже разрушить жизнеустройство всей страны. Это новое явление культуры большого города, в котором возникает высокая концентрация молодежи, отделенной от мира физического труда и традиционных межпоколенческих и социальных связей [4].

Важно также, что в культуре постмодерна массовый протест не обязательно предполагает ситуацию, соответствующую ленинской формуле «низы не хотят, а верхи не могут». В информационном обществе спектакля энергия массового бунта (а точнее, безумия) может стать результатом технологий «мягкой силы», «управляемого хаоса», информационных (а точнее, концентрических) войн, способных блокировать рациональное мышление и провоцировать стихию бессознательных энергий страха и разрушения.

Библиографические ссылки

1. Революция 1968 как переворот на Западе [Электронный ресурс]. URL: <http://voprosik.net/revolyuciya-1968-kak-perevorot-na-zapade/> (дата обращения: 16.03.2018).
2. Тарасов А. In memoriam anno 1968 // Забриски Rider. 1999. № 8. С. 9–18.

¹⁴ Не случайно кумирами и духовными референтами в культуре модерна становятся А. Кроули, инициатор и лидер сатанинского движения «Телема», Э. Ш. Ла-Вэй, главарь «Церкви Сатаны» и т. д. Торжество сил хаоса и реабилитация природного начала расширяет социальную базу правого популизма, делая реальной опасность реванша нацизма в его массовом порядке.

¹⁵ «Студенческая революция» 1968 г. иногда рассматривается как предыстория «оранжевых революций», использующих ненасильственные действия для свержения государственной власти (см.: Экспорт революции / С. Кара-Мурза [и др.]).

¹⁶ «Власти Парижа проявили выдержку, не создав необратимости в действиях студентов, не спровоцировав их на то, чтобы выйти за рамки в общем ненасильственных действий. Де Голль дал “выгореть” энергии студентов» (см.: Экспорт революции / С. Кара-Мурза [и др.]).

3. Derrida J. *Apokalypse*. Aufl. 1 / Übersetzer M. Wetzlar. Wien : Böhlau, 1985.

4. Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А. и др. Экспорт революции [Электронный ресурс]. М. : Алгоритм, 2005. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/karamurza_sergei/karamurza_sergei_yeksport_revolyucii_yushenko_saakashvili/ (дата обращения: 16.03.2018).

References

1. [Revolution 1968 as a Reborn in the West]. URL: <http://voprosik.net/revolyuciya-1968-kak-perevorot-na-zapade/> (date of access: 16.03.2018) (in Russ.).

2. Tarasov A. In memoriam anno 1968. *Zabriski Ryder*. 1999. No. 8. P. 9–18 (in Russ.).

3. Derrida J. *Apokalypse*. Aufl. 1. Wien : Böhlau, 1985.

4. Kara-Murza S., Telegin S., Aleksandrov A., et al. *Eksport revolyutsii* [Export of the Revolution]. Moscow : Algorithm, 2005. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/karamurza_sergei/karamurza_sergei_yeksport_revolyucii_yushenko_saakashvili/ (date of access: 16.03.2018).

Статья поступила в редколлегию 04.04.2018.
Received by editorial board 04.04.2018.

УДК 316.334.3 (44) + 316.75 (44)

ФРАНЦУЗСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Б. М. ЛЕПЕШКО¹⁾

¹⁾Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
бульв. Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь

Рассматриваются идеологические особенности событий мая 1968 г. во Франции. Критически осмысливаются дефиниции, приводятся аналогии с иными важными процессами XX – начала XXI в. Рассматривается идеологическая платформа студенческого движения, указываются особенности ее национального контекста. Исследуется роль, которую в середине 1968 г. сыграли властные структуры и президент страны. Характеризуется возможность определения сущности и характера рассматриваемых процессов с точки зрения интегративной методологии.

Ключевые слова: идеология; революция; постмодернизм; власть; интегративная методология.

THE FRENCH IDEOLOGY

B. M. LEPESHKO^a

^aAlexander Pushkin Brest State University,
21 Casmanaŭtaŭ Boulevard, Brest 224016, Belarus

The article deals with the ideological peculiarities of the events of may 1968 in France. Definitions are critically comprehended, broad analogies with other important processes of the XX – beginning of the XXI century. The ideological platform of the student movement is considered, peculiarities of its national context are pointed out. The role of power structures and the President of the country in the middle of 1968 is investigated. The possibility of determining the nature and character of the processes under consideration from the point of view of integrative methodology is characterized.

Key words: ideology; revolution; postmodernism; power; integrative methodology.

Что это было?

События, произошедшие в мае 1968 г. во Франции и иных странах, за 50 лет так и не удостоились окончательной квалификации. Можно перечислить основные дефиниции, переходящие из одного текста в другой: «красный май» и его лидер, «красный Дени» (Даниель Кон-Бендит), революция, массовые студенческие волнения, символ постмодернистской эпохи, университетский кризис, мятеж, студенческий бунт и т. д. Отсутствуют также ясные ответы на важные вопросы о том, почему интерес к событиям полувековой давности не падает и что

в них такого судьбоносного. Причем, что интересно, такова судьба многих значительных событий в истории. Напрашивается параллель с Великой Октябрьской революцией 1917 г. Аналогия заключается в том, что и в одном, и в другом случае подвергается сомнению сам статус этого события как революции и выдвигаются самые разные смысловые альтернативы (реформа, бунт, переворот и т. д.). В обоих случаях ключевым явилось слово «свобода», однако содержание этого термина существенно разнится. Повсеместно оперируют слова-

Образец цитирования:

Лепешко Б. М. Французская идеология // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 113–121.

For citation:

Lepeshko B. M. The French ideology. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 113–121 (in Russ.).

Автор:

Борис Михайлович Лепешко – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры философии юридического факультета.

Author:

Boris M. Lepeshko, doctor of science (history), full professor; professor at the department of philosophy, faculty of law.
borys_lepieszko@tut.by

ми о том, что настала «новая эра», «новая эпоха». В связи с этим сложно говорить и о массовости, разрыве представлений о должном со взглядами предыдущего (как минимум) поколения, кризисе традиционной морали, создании нового типа общества. Теоретики испытывают затруднения не столько потому, что сложно применить определенную методологическую схему (марксистскую, постмодернистскую), сколько в связи мощным давлением политического фактора. С событиями 1917 и 1968 гг. связаны реальные политические процессы современности, определение того или иного феномена может поспособствовать или, наоборот, затормозить рост влияния конкретной политической силы (партии). По сути, перед нами очередной виток осмысления старого тезиса о том, что «история все же учит». Когда мы говорим о важности контекста того или иного события, то достаточно часто слово «контекст» выглядит многомерным, поскольку контекст – это и реальная обстановка исторической ситуации, и современная столь же конкретная реальность, в рамках которой мы действуем, переосмысливаем прошлое, решаем прагматические задачи.

Каким был контекст 1968 г.? Генерал де Голль, президент Франции, в новогоднем поздравлении французскому народу в конце декабря 1967 г. говорил так: «Я с удовольствием приветствую 1968 год, поскольку благодаря заинтересованности персонала в прибылях наступающий год открывает важный этап в движении к новому социальному порядку» [1, с. 464]. Новый социальный порядок был связан прежде всего с попыткой наладить сотрудничество классов, с превращением Франции в монархическую республику, которой управляет сильный лидер, вождь, главнокомандующий, словом, коннетабль. На первый план выдвигалось и решение важных внешнеполитических задач (реальный суверенитет, независимость Алжира, дистанцированность от НАТО, в целом, говоря нынешним языком, многовекторная политика). Генералу было чем гордиться: между двумя мировыми войнами производство во Франции увеличилось только на 5 %, а за 17 лет, с 1948 по 1965 г., – на 220 %. Внешняя политика имела небывалый размах и смелость, Франция завоевала несомненный авторитет на мировой арене. Президент пытался решить и социальные проблемы, которые нарастали в обществе, но, как показали дальнейшие события, его успехи в этой области были не столь впечатляющими. Рабочая неделя выросла с 40 до 45 часов, на заводах обычным делом стали не просто забастовки, но и переход цехов из хозяйских в рабочие руки, на усмирении непокорных трудящихся бросались воинские части. Первомайская демонстрация 1968 г. собрала более 100 тыс. участников. Однако никто

после Второй мировой войны не ждал катастрофы, небывалого потрясения.

Студенческое движение властями не воспринималось серьезно. Как утверждал сам де Голль, иронизируя над характером протестов, студентов волнует разве что состояние дел в столовых, не более того. Он ошибался, как ошибались не раз до него властители и во Франции, и в России. В день взятия Бастилии один из Людовиков меланхолически замечает в дневнике: «Ничего». Точно также жена Николая Второго, Александра Фёдоровна, в своих дневниках революционной поры пишет о вещах, далеко отстающих от реальных проблем эпохи. Между тем в филиале Сорбонны, расположенном в предместье Нантер, где учились будущие филологи и юристы, 2 мая 1968 г. были прекращены занятия и закрыты учебные заведения. Существует мнение о том, что символом начала беспорядков явился диалог между Д. Кон-Бендитом и министром по делам молодежи. Во время посещения аудиторий к министру подошел рыжий парень и попросил закурить. Затянувшись, Д. Кон-Бендит сказал: «Господин министр, я прочел вашу “белую книгу”, посвященную проблемам молодежи. На трехстах страницах нет ни слова о половом вопросе». Министр ответил, что он приехал обсуждать спортивные программы. Д. Кон-Бендит повторил вопрос – собеседник сорвался: «Неудивительно, что студента с такой физиономией, как ваша волнует эта проблема. На вашем месте я бы утопился». В ответ будущий революционер отметил: «Вот достойный ответ гитлеровского министра по делам молодежи» [2]. За этим диалогом со стороны студентов последовали многочисленные граффити, связанные с наступлением эры мировой сексуальной революции. Самая толерантная из появившихся многочисленных дацзыбао: «девственность – причина рака».

Здесь имеет смысл сказать несколько слов по поводу причин, которые способствовали появлению хаоса в процессе выяснения отношений между студентами и государственными властями. Решение вопроса о том, пускать ли студентов в женское общежитие – безусловно, деталь, но показательная. Дело в том, что достаточно часто новые тенденции социального характера проявляются в совершенно вторичных, случайных с точки зрения властей формах. Увидеть связь между сексуальной революцией и последующим кризисом, который закончился отставкой правительства и президента страны, сложно, особенно в первых числах мая 1968 г. Но суть вопроса заключается в том, что афористичные лозунги рождаются не просто так, за ними стоит стремление нечто кардинально изменить, в каком-то смысле мистическое познание бушующих сил, которые не осознаны даже теми, кто выдвигает

эти лозунги. Если говорить более конкретно, то одним из важных вопросов стала проблема традиционализма, рассматриваемая достаточно широко. Выступать против традиционализма – значит выступать против лживости и ханжества господствующей морали, тех случаев, когда говорится одно, а делается нечто противоположное, против застенчатого схематизма классического образования. На некоторых факультетах страны диплом получал лишь один из десяти поступивших. Учиться было тяжело (иногда до 10 часов в день), а многие работали, зарабатывая на жизнь. Ничего удивительного, что место официальной идеологии занял так называемый гошизм – смесь различных взглядов, от троцкизма и анархизма до популярного в те дни маоизма. Однако гошизм более подробно рассмотрим ниже. Главное в ином: 1968 год во Франции знаменовал переход от одной эпохи к другой, и традиционализм выглядел атавизмом для студентов, желающих нового общества, новой системы отношений, новых лидеров и новой системы ценностей. Правда, студенты, как через 40 лет заметил Б. Кон-Бендит, не достигли никаких политических целей, да и открытым остался вопрос о том, что это были за цели. Однако это говорил

член Европарламента, а не рыжий юнец, приставший к министру с просьбой закурить. Ведь вопрос заключается в ответственности. Можно тысячу раз сказать: «Долой», – но после того, как этот лозунг станет реальностью, появится необходимость строить дороги, обеспечивать безопасность граждан, осуществлять внутреннюю и внешнюю политику, словом, подставлять плечи для решения не одних только сексуальных задач. Поэтому столь высока степень удовлетворенности тем, что политические задачи со стороны повзрослевших анархистов, маоистов и троцкистов не были решены.

Предварительно можем констатировать, что события мая 1968 г. не были революцией в ее классическом значении. После громких отставок правительства и президента ничего не изменилось в классовой структуре общества, в отношениях собственности, в социальных отношениях. Но называть эти события просто мятежом или бунтом не верно. Произошли существенные изменения в сфере духа, осознания себя и своего места в мире. Общество (французское в частности) после баррикад в Париже стало иным. Каким именно? Чтобы ответить на этот вопрос, поговорим об идейных предпосылках событий «красного мая».

Гошизм

Известный специалист по французской истории профессор Н. Молчанов определял гошизм как кашу, «в которой смешались элементы бланкизма, троцкизма, монархизма, утопизма, маоизма и многих других “измов”. Идейный туман в головах студентов отражал переходную социальную природу французского студенчества» [3, с. 467]. Эклектика и неясная социальная природа – два минуса гошизма с точки зрения официальной советской историографии. Примерно в этих же категориях определяют гошизм и современные интернет-ресурсы. Однако в этом плане сразу чувствуется противоречие: с одной стороны, «каша», с другой – Ж.-П. Сартр, А. Камю, Г. Маркузе и целый ряд иных виднейших теоретиков, литераторов, философов, они, конечно, не объявляли себя только гошистами, но их идеи были востребованы этим радикальным течением. Прежде чем мы конспективно обратимся к этим великим именам, направим внимание на феномен лозунгов «красного мая», многочисленным граффити, анализ которых позволит нам прийти к важным выводам относительно характера и сути событий 1968 г.

Первый идеологический мотив – это ясно звучащий вызов общественному мнению, стремление «перелицевать» социальную материю, найти альтернативы самым, казалось бы, обыденно звучащим понятиям, вещам, явлениям, процессам. При этом сразу же звучит мотив парадоксальности, вос-

ходящий к мотиву абсурда, столь плодотворно разрабатываемому А. Камю. На баррикадах звучало: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!», и большинству было понятно, что речь идет о новом, ином прочтении сложившихся формально-логических инвектив, связанных с единственно возможной трактовкой реальности. На стенах писали: «Под булыжниками мостовой – пляж» и было понятно, что надо разобрать булыжники, чтобы найти этот пляж. На транспарантах было написано: «Запрещать запрещено», и первое, основное значение этого призыва, связанное с протестом против запрета заходить в женское общежитие, было быстро забыто. Никто не усматривал в указанном лозунге тавтологии, поскольку речь шла о важности приоритета свободы перед системой социальных запретов. Главное не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы открыть широкое поле деятельности свободного человека в свободном мире. Табуирование социума отодвигалось на второй план, на первый выходило понимание совсем иного. Можно привести такую констатацию: «Представь себе, война, а на нее никто не пошел». Понятно, что здесь деавуировался казенный патриотизм, стандартные толкования идеологических понятий, основанных прежде всего на монархических принципах.

Второй – это пиетет перед словом «новое». Квинтэссенция этого заключается в словах «Счастье – это новая идея». Причем это новое вовсе не

связано исключительно с разрывом с традиционными ценностями, хотя, как уже говорилось, это имело место. Речь идет о выходе к ценностям иного, не рационалистического, характера, поскольку «Культура – это жизнь наоборот», привычные формы культурной жизни исчерпали себя и появилась необходимость в том, что очень скоро стало обычным проявлением эстетических поисков и оказалось связанным с понятиями «инсталляция», «перформанс» и т. д. Можно, конечно, дискутировать относительно того, кто первым заявил о важности и необходимости существования новых форм в искусстве, но французские студенты в 1965 г. бесспорно пробили брешь в понимании культурного мира как одномерного, и традиционное общественное сознание долгое время, протестуя против формотворчества, было вынуждено согласиться с самой возможностью существования альтернативного искусства. Парижские студенты восклицали: «Вся поэзия на улицах!», и было понятно, что речь идет не только о поэзии булыжника («Я тебя люблю, скажи мне это с булыжником в руках»), но и о поэзии свободы самовыражения, протеста, для которого нет границ. В каком-то смысле перед нами поиски смыслов, о которых говорили М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез и иные мыслители постмодернистского толка. На первый план выходил протест, иногда вне содержательного поля. На баррикадах никто особенно не задумывался о специфике сартровского понимания свободы, но большинству было понятно: классическое миропонимание исчерпано, его надо менять и иногда с булыжником в руке.

Есть и третий важный идеологический мотив, связанный со стремлением действовать решительно, последовательно, словом, революционно: «Твое счастье купили – укради его!», «Будем жестокими!», «Мы не будем ничего требовать и просить, мы возьмем и захватим». Конечно, эти слова могли расходиться с делом, хотя степень ожесточенности схваток студентов с полицией была очень высокой. Причем пафос решительности был направлен и против капитализма, и против коммунизма, идеалом был объявлен поиск нового, третьего, пути. Во время визита в Москву в 2005 г. Б. Кон-Бедит говорил «Мы хотели разработать новый стиль жизни, который не означал бы жизненной морали наших родителей, из этих чувств возникли женское движение, движение гомосексуалистов, то есть движения, которые означали автономию субъекта по отношению к господствующей морали. И легитимно или нелегитимно я стал символом мысли о свободе» [4, с. 2]. В данном случае вопрос о персональных символах представляется несколько надуманным и преувеличенным, но «Красный Дени», очевидно, прав в главном: студенческое движение середины 1970-х гг. ознаменовало появление легальных и

быстро распространившихся движений нетрадиционного характера.

Можно ли говорить о влиянии на студентов духовных лидеров эпохи? Безусловно. Это связано как с тем, что многие новые идеи витали в воздухе и леворадикальные теоретики их «приземлили», придав острую и парадоксальную форму, так и с тем, что студенческий мятеж начали и возглавили гуманитарии. Герберт Маркузе утверждал, что «мы все поголовно можем заниматься сексом, а машины пусть работают». Мыслитель считал студенчество маргинальной прослойкой общества, но именно от нее Маркузе ждал решительных действий. От его взглядов, основанных на эклектическом сочетании марксизма и фрейдизма, рукой подать до идеи сексуальной революции. Именно он вместе с блестящими представителями философии экзистенциализма резко критиковал капитализм, культ потребления, авторитарность власти. Правда, Г. Маркузе не считал молодежные движения самостоятельной силой, способной решить важнейшие проблемы переустройства общества, однако и сами студенты так не считали. Вообще вопрос о создании массовой политической партии (движения) фактически не ставился, увлекал сам процесс протестного характера и известные слова В. И. Ленина: «Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию». Протест против общества потребления, которое развратило всех, был ясен и взят на вооружение. Вновь возникает мысль о важности не одномерного человека (Г. Маркузе), ориентированного на потребление, а многомерного, свободного от гипноза средств массовой информации, способного уйти от стандартов поведения общества XX в. и приблизиться к чему-то очень светлому, личному, в основе чего лежит выбор конкретного человека.

Студентов поддержал и Ж.-П. Сартр. Однако надо учитывать, что взгляды самого философа находились в постоянном развитии, и это в полной мере касалось и понимания им специфики молодежного движения. Важно и то, что бунт воспринимался Сартром несколько в иных категориях, чем это представлялось студентам. Мыслитель рассказывал об одном характерном эпизоде тех дней. Преподаватель университета спрашивает студентов, о чем бы они хотели поговорить на семинаре. Ответ: о современном театре. Профессор приходит на следующее занятие подготовившись и предлагает поговорить о Брехте. В ответ – взрыв возмущения, поскольку «Брехт – это старый горшок». Профессор соглашается и предлагает поговорить о популярном в те дни молодежном театре постмодернистской направленности. Студенты, соглашались с оговоркой на то, что этот театр не обсуждают, его делают, и начинают раздеваться догола.

Профессор уходит со словами: «Я вам больше не нужен» [5, с. 67]. Суть этого показателя заключается в столкновении двух культур, двух представлений о ценностях, в данном случае – эстетических. Но констатации мало, речь идет также и о разном понимании влиятельных художественных течений той поры. Для Сартра дадаизм, сюрреализм и прочее – это порождение мелкобуржуазного бунта против общества потребления, а для бунтующих студентов – это еще и бунт против культуры в целом. Разница заключалась в том, что поколение Сартра пережило две мировые войны, а поколение студентов – это прежде всего люди послевоенной эпохи. Писатель пережил «большую» кровь, убийства, гибель ни в чем не повинных людей, а новое поколение было готово на поступки, чреватые новой кровью.

Сартр все же говорил об ответственности лидеров гошистов перед историей, страной и обществом. Но в 1968 г. эти призывы выглядели устаревшими. Много позже событий мая 1968 г. Ж.-П. Сартр попытался дать оценку событиям «красного мая», он говорил об этом в категориях ответственности, а не революционного романтизма. Свобода, бунт, отказ от абсолютизации старых социальных форм подразумевают и ответственность. Позволим себе предположить, что именно такая постановка вопроса стала одной из предпосылок торможения революционного движения, ренегатства ряда студенческих лидеров, впрочем, это отдельная тема.

Стоит вспомнить, как отреагировал на события мая 1968 г. еще один крупный теоретик Раймон Арон. По его мнению, события в Париже – тема для биологов, но не для социологов. Арон полагал, что все эти призывы к сексуальной революции связаны с непрочностью социальных структур и надо укреплять индустриальное общество, а не расшатывать

его. Все проблемы индустриального общества могут быть эффективно разрешены и для этого вовсе не обязательно выходить на улицы и ломать мостовые. Для Арона события мая 1968 г. – «психодрама», приступ сумасшествия. Против этой точки зрения резко выступил Ж.-П. Сартр, который основной упор в полемике сделал на важности университетских реформ. Университет – это свободный поиск истины, университет связан со свободой выбора студентов, как конкретного профессора, так и системы знаний. Важнейшую роль играет и понимание того, какова цель университетского образования: участие в прибылях, карьера или попытка попасть в элиту. Ж.-П. Сартр полагал, что университет должен служить народу, стране, а не бюрократии или финансовой элите [5, с. 66].

Общий вывод из сказанного может иметь следующий вид. Студенческое движение восприняло основные идеи эпохи, и в этом не было ничего необычного. Вопрос в ином: почему именно студенчество стало той силой, которая обозначила новое качество борьбы против государственных структур и продвижение новых идей? Приведем некоторые варианты ответа: акцент на биологические предпосылки, маргинализация социума, уход рабочего класса на позиции реформизма (Г. Маркузе). Возможно, имеет смысл обратить внимание на тот факт, что в конце 1960-х гг. произошло фактическое слияние многих тенденций в социальном движении, причем не только политического характера. Мощным фактором стали философские идеи экзистенциалистов, восторженно было принято новое искусство, связанное с развитием целого ряда модернистских и постмодернистских течений, очевидную слабость продемонстрировали государство, власть и, в частности, президент страны генерал де Голль.

Генерал

Шарль де Голль в 1965 г. был переизбран на пост президента, впереди у него было 7 лет очередного правления, он излучал оптимизм и был готов к реформам. Ему было 75 лет, но он находился в хорошей физической форме и был уверен, что отбудет на посту президента весь положенный конституцией срок. Встретил 1968 г. он традиционно – в борьбе. Де Голль всегда боролся. Перед войной он сражался с косностью французского генерального штаба, не желавшего понять преимущество танков как нового и перспективного рода войск, генерала тогда называли французским Гудерианом, он написал книгу, в которой рассуждал о характере войны будущего. Затем де Голль создал «Свободную Францию», антифашистский комитет и эффективную организацию. Кроме фашизма он боролся с У. Черчиллем: в Англии француз и его сторонники нашли себе

убежище. Де Голль боролся за национальное достоинство, а в итоге – за Францию. Позже была борьба за экономический рост, за независимость Алжира, за прекращение деятельности террористов, не раз пытавшихся покончить с политиком. Он боролся и с США, когда реализовал идеи подлинного суверенитета и когда потребовал превратить 750 млн долл. в золото, де Голль добился своего, как, собственно, и почти всегда. Очевидный провал был связан только со студенческими волнениями в мае 1968 г. Один из основных вопросов связан с пониманием причин, по которым власть фактически проиграла борьбу с левыми радикальными группами, с протестными настроениями десятков тысяч молодых людей. Де Голль постоянно апеллировал к народу, простым людям, именно среди них он искал и находил поддержку в самые трудные дни сво-

его правления. Почему же на флагах протестующих было написано «Прощай, де Голль!», «де Голля в богадельню»? Этот вопрос привлекает особое внимание также и потому, что перед нами одна из схем поведения властных структур в условиях кризиса. Причем возглавлял эти властные структуры, несомненно авторитетный, очевидно волевой, умный и дальновидный руководитель с большим опытом работы. Мало того, это был харизматичный человек, обладающий литературным талантом, готовый говорить просто и ясно и вместе с тем не чуждый интеллектуальных изысков, владеющий языком не только простых крестьян, но и салонных аристократов. Если попробовать сформулировать некоторые основные причины, по которым власть проиграла майскую битву, то их, на наш взгляд, можно свести к трем пунктам.

1. Утрата политической гибкости, нежелание и неумение понять характер и суть происходивших событий. Вообще в тот период были высказаны во многом парадоксальные констатации. Так, генерал полагал, что социальный взрыв был следствием не проблем во французском обществе, а его, общества, успехов. Сложно понять суть этого высказывания. Сама формулировка «взрыв произошел вследствие успехов» при всей своей парадоксальности может быть принята, поскольку очевидно, что успехи были не те и не там. Вызывает непонимание другое: генерал не берет на себя и доли той ответственности, которая всегда была присуща ему в иных сложных ситуациях. Он никогда не боялся признать свои ошибки, но в этом случае и близко не желал вспомнить, что именно он последние 10 лет безраздельно управлял страной и протесты во многом связаны именно с его деятельностью. Де Голль упорно ищет такие аналогии, которые позволили бы ему объяснить происходящее без потери политического лица. Одной из них стал мятеж, направленный против его политики в Алжире, генерал подчеркивал, что долгое время его не понимали, пытались убить, но правда оказалась на его стороне. Имеется в виду, конечно, правда с исторической точки зрения. Также было и с ситуацией в университетской среде: он был прав, когда говорил, что в основе движения – недобросовестные, левые радикальные, экстремистские элементы, с которыми надо бороться со всей беспощадностью государственного репрессивного аппарата.

2. Вера в мощностъ и силу государственного аппарата репрессивных органов, которые могут и должны решить любые поставленные задачи. Де Голль часто говорит о том, что совещаться можно и нужно, но принимать решения должен только один человек и этот человек – президент. Вообще в сознании генерала государство и президент – во многом слитные понятия. Известная фраза «Го-

сударство – это я» вовсе не является принадлежностью исключительно исторического прошлого, де Голль всегда мечтал и многое сделал для того, чтобы превратить страну в «монархическую республику» (максимальное сосредоточение власти в одних руках, длительный, семилетний, срок президентства и многое иное). Очевидное противоречие в терминах («монархическая республика») не смущало президента, он полагал, что в любое время может превратить эту спорную характеристику в бесспорную аксиому, ведь все ресурсы для этого находились в его руках. Так, например, он полагал, что университет может и должен быть модернизирован, но силами и средствами государства и без всякого «нажима» со стороны. Государство – это порядок, сила, оплот безопасности граждан, и никому не может быть позволено нарушить эти конституционные и традиционные принципы существования нации. Де Голль так и не смог примириться с мыслью о важности и необходимости компромисса, он был уверен в собственной правоте и полагал, что студенческое движение отражает лишь незначительную и крайне поверхностную в политическом смысле часть спектра протестующих масс. Надо признать и то, что, сосредоточивая на себе решение всех принципиальных вопросов, генерал не способствовал воспитанию в элитах политической самостоятельности: никто не решался на кардинальный поступок, пока не посоветуется с генералом. Типичный пример – государственный визит президента в Румынию во время майских протестов. Де Голлю пришлось сократить пребывание в Бухаресте, по прибытию во Францию он обрушил на министров весь свой гнев, но чего было ожидать от кадров, которые научены принимать решения не по надобности, а по согласованию?

3. Нежелание понимать сущность той революции в сознании, которая проходила в конце 1960-х гг. не только во Франции. Сексуальная революция, безусловно, – не самый злободневный лозунг для 77-летнего пожилого человека, воспитанного на совсем иных, по сути патриархальных, ценностях, но разве можно бороться с миром, если мир против тебя? Конечно, сложно понять формотворчество «новых» художников, привыкнуть к абсурдистскому характеру происходящего, но что делать, если мир «прогибается» вовсе не под тебя и твои классические инвективы? Человек, не связанный с политикой, всегда найдет в этой ситуации выход, от анахоретства, мизантропии до культивирования своего личного мира, в котором комфортно именно ему. Однако что делать политику? Это трудный вопрос, на который нет однозначного ответа, поскольку, с одной стороны, перед политиком представления о должном, а с другой – понимание

того, что он находится в кругу совершенно чуждых ему проблем и все равно надо найти какой-то выход. Не надо забывать и об усталости от постоянного напряжения, множась проблем и желания уйти в сторону. Возможно, именно по этой причине и возник известный инцидент с исчезновением генерала, который в разгар событий сел вместе с семьей в вертолет и улетел в Германию на одну из военных баз. Он думал, как поступить, и вновь решил окунуться в борьбу, затеяв очередной референдум, на котором потерпел окончательное политическое поражение. Смерть де Голля после ухода из высокой политики последовала достаточно быстро: он недожил несколько месяцев до своего 80-летия.

Можно, видимо, утверждать, что парижские студенты предъявили власти совершенно иной сценарий поведения, связанный с решением совершенно новых для общества задач. Хотя решались и старые задачи, как, например, возвращение к 40-часовой рабочей неделе. Но главная цель все же была необычной, нестандартной, выходящей за границы устоявшихся канонов классовых битв,

никто, ни коммунисты, ни представители крайне правых сил, не чувствовал себя в этой ситуации комфортно. В двери стучался новый мир, он заговорил голосом адептов «полового вопроса». Нестандартные сценарии вызывали оторопь, против студентов выдвигали старые и проверенные способы борьбы (исключения, разгон, аресты и прочее), но все это не помогало. Степень ожесточения была очень высокой. Очевидно, что нестандартные проблемы могли быть решены только в нестандартной форме, но для этого были нужны новые люди, новые кадры. Нельзя сказать, что они тут же появились после ухода де Голля, поскольку Жорж Помпиду – старый голлист, финансист и прагматик до мозга костей, приверженец традиционных ценностей. Сложно ответить что-то конкретное на простой по сути вопрос: чего добились студенты в результате своих жестких выступлений? Прошла университетская реформа, профсоюзы решили некоторые задачи, проиграла только власть, которая была расформирована, да и проиграла ли – тоже вопрос.

И что в итоге?

Ясно, что категорических ответов на поставленные и иные вопросы нет и быть не может. Так, проигравший генерал де Голль вызывает искреннюю симпатию. Когда хоронил долго болевшую дочь, он призывал жену не плакать, говоря, что умершая дочь уже не отличается от других детей. Он покинул пост президента после последнего референдума: просто ушел, уехал, никого не желая видеть и никому не жалуясь, что его не поняли. Он завещал себя похоронить очень скромно, в кругу самых близких людей на деревенском кладбище. Но история помнит не это, а то, что Д. Кон-Бендит, к тому времени уехавший из страны и начавший успешную карьеру европейского политика, достиг своей цели, и президент был отправлен в «богадельню».

Студенты, ожесточенно сражавшиеся на баррикадах, вновь пришли в аудитории, пересмотрели свое отношение к профессорам, стали мудрыми, точнее конформными, закончили университеты, обзавелись домами, машинами и влились в те же социальные слои, которые недавно яростно бичевали, кто-то – в элитарные, кто-то – в сферы рангом ниже. Возникает закономерный вопрос: надо ли было вообще затевать «революцию»? В поисках ответа не обойтись одними рациональными причинами, перечислением экономических, политических, эстетических и прочих предпосылок произошедшего. Всплески политической энергии зачастую не имеют четких берегов, как не имеют и обозначенных на карте социума истоков и выхода к «морю» людей и их интересов, словом, реализации цели. Д. Кон-Бендит, анархист и вольнодумец, вряд

ли планировал построить карьеру евродепутата, но он им стал, и это не случайный зигзаг его судьбы.

Сказанное вовсе не значит, что мы должны свети понимание происшедшего исключительно к внерациональным всплескам социальной энергии. Конечно, менялась эпоха, классические формы жизнедеятельности и мышления уступали часть своей исконной территории новым парадигмам мышления, новым эстетическим ценностям, переоценке стандартных этических клише. Сюрреалист С. Дали кроме своих известных картин пишет эпатажную книжку «Искусство пука», и в итоге многих захватывают новые впечатляющие горизонты, которые открываются перед буквоедами, воспитанными на силлогизмах Аристотеля и «мертвых» схемах Гегеля. Новое искусство свежо (хотя это спорно в прямом значении слова), оно открывает новые перспективы. В этом смысле расцвет постмодернистских исканий, при всей некоторой ценности высказываемых ими идей, спровоцировал новую волну нигилизма, направленную на этот раз против классических, традиционных форм мировосприятия. Бороться против постмодернизма могли бы тогда (да и сейчас) некие эфемерные постпостмодернисты, но они не просматриваются на горизонте, а борьба с ними с позиций прошлого века, как показала практика, может привести к тем потрясениям, которые совершенно не нужны социуму.

Надо признать и иное: опыт социальных потрясений во Франции используется современными политическими стратегами, в частности деятелями

«оранжевых революций». Налицо несколько примечательных факторов. Во-первых, всегда существует молодежная энергия, тяга к новому, стремление студентов что-то преодолеть, против чего-то бороться, кого-то победить, однако можно ехать покорять целинные земли, летать в космос, писать книги, а можно ломать мостовые и именно таким способом защищать свободу. Разные цели и формы реализации идеальных устремлений. Во-вторых, если нет ситуации «слома эпох», то ее можно искусственно создать, а людей, которые готовы талантливо изобразить конкретную ситуацию в конкретной стране именно в тех красках, которые предлагает политический работодатель, предоставить. Краски могут, конечно, отличаться. Причем если раньше предпочитали красный цвет (от цвета флагов на баррикадах начала XX в., до «Красного смеха» одного из русских писателей и таких же флагов в 1968 г.), то сегодня превалирует голубой. Протестующие пишут и соответствующие книги («Голубое сало»), а половой вопрос решают так, как Кон-Бендит и представить не мог. В-третьих, есть здесь одна интересная деталь: молодежные движения вовсе не обязательно могут и должны двигаться по тому курсу, вследствие той программы, которую заготовили им некие политпрограммисты. Наблюдается внутреннее противоречие: сам протест молодежи очень часто искренний, но сложно сказать, какие формы он может в итоге приобрести. Протестное движение может привести к совершенно иным результатам, чем это программировалось.

Определить идеологический контекст эпохи студенческих волнений конца 1960-х гг. непросто, более того, здесь важную роль играет выбор методологических констант, ведь можно обратиться к классическому марксизму и получить вполне определенные характеристики. Так, студенческий протестный процесс с тех пор не имеет четко очерченных социальных границ, он далек от коренных интересов французского рабочего класса, влиятельной французской компартии того времени и т. д. Можно обратиться к любому из вариантов постмодернистской методологии и найти привычные теоретические схемы: альтернативность

смыслов происходящего, отказ от строгих дефиниций и классических логических схем детерминистского характера, умножение сущностей, конструирование реальностей субъектом и иное. Если эти подходы воспринимаются критически, то выход может предложить методология, связанная с интегративным пониманием социальных процессов, что требует, конечно, специального разговора. В русле рассматриваемых нами проблем отметим, что интегративная методология дает возможность прибегнуть и к феноменологическим аспектам анализа, и к логике формально-логического характера, позволяет учесть характер новой эпохи, систему ментальных предпочтений, изменения в философской и эстетической сферах. Применительно к рассматриваемым событиям это то, что мы можем назвать французской идеологией с ее изяществом, эстетизацией, склонностью к акценту на вопросы сугубо личного характера, экзистенциальным проникновением в суть вещей. Однако во французской идеологии главную роль всегда будет играть личность, субъект, как бы он не был настроен, традиционно или в рамках пиетета перед нормами модерна и постмодерна. Логика могут задать вопрос: насколько уместно деление того или иного идеологического понятия по признаку «национальный»? Ответим: разве события, которые потом волной прошли по Европе и в основе которых доминирующую роль играло именно студенчество, проходили под французскую копиру? Очевидно нет, в странах Восточной Европы протестные движения имели один вид и одну цель («социализм с человеческим лицом»), а в странах Западной Европы речь шла о неприемлемости как социализма, так и капитализма и поиске некоего третьего пути.

Конечно, термин «французская идеология» – условен, но он достаточно определенно отражает суть произошедших в 1968 г. событий с их яростностью, эмоциональностью, презрением к социальным и классовым различиям, близостью к эстетическим поискам эпохи, готовностью к самопожертвованию и затаенным конформизмом, которому отдали дань и лидеры баррикад 1968 г.

Библиографические ссылки

1. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М. : Международ. отношения, 1973.
2. От Парижа до Болотной. Мифы и последствия майской «революции сознания» во Франции [Электронный ресурс]. URL: www.sovsekretno.ru/artikles/id/3107 (дата обращения: 14.05.2018).
3. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М. : Международ. отношения, 1973.
4. Тарасов А. Встреча с бунтарем, продавшимся буржуям [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/id_1984.html (дата обращения: 15.04.2018).
5. Сидоров А. Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2006.

References

1. Molchanov N. N. *General de Goll* [General de Gaulle]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973 (in Russ.).
2. *Ot Parizha do Bolotnoy. Mify i posledstviya mayskoy «revoluciyi soznaniya» vo Francii* [From Paris to Bolotnaya. Myths and consequences of the «revolution of consciousness» in France]. URL. www.sovsekretno.ru/artikles/id/3107 (date of access: 15.04.2018) (in Russ.).
3. Molchanov N. N. *General de Goll* [General de Gaulle]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973 (in Russ.).
4. Tarasov A. *Vstrecha s buntarem, prodavshimsya burjuyam* [Meeting with the rebel sold to the bourgeois]. URL: http://scepsis.net/id_1984.html (date of access: 15.04.2018) (in Russ.).
5. Sidorov A. N. *Zhan-Pol' Sartr i libertarnyi sotsializm vo Frantsii* [Jean-Paul Sartre and libertarian socialism in France]. Irkutsk : Publ. house Irkutsk State Techn. Univ., 2006 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 04.05.2018.
Received by editorial board 04.05.2018.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Слава Богу, мы вырываемся из холодных и мрачных пенитенциалий, запретов, фобий. Неотвратимый ход истории выносит нас на новый простор: это все то же Средневековье, но каким же оно может быть неожиданно ярким (словно пронизанный солнцем витраж на темно-серой стене каменного собора) и захватывающе, завораживающе, многослойно символичным! А названия-то, названия какие можно будет давать: «От трубадуров к менестрелям...», «От fin-Amor к fol-Amor». Вперед, вперед, там все светлее и ярче! Но сперва немножко теории...

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ С ЛЮБОВЬЮ, ИЛИ ПРОПАСТЬ И ПОПЫТКИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Высокое Средневековье демонстрирует принципиально новую культурную ситуацию, выходящую далеко за пределы традиционной: тотальное доминирование христианской аскезы, центрировавшее пространство средневековой культуры и обеспечивающее тем самым ее аксиологическую устойчивость, не снимается, но открывается возможность возникновения иных мировоззренческих лакун, в силу чего оформляется ряд новых традиций интерпретации любви, которые в раннем Средневековье были бы принципиально невозможны.

Ключевые слова: культурное пространство; центр и периферия; ортодоксия; интерпретационные матрицы; аксиологическое доминирование; неравновесная культурная среда; самоорганизация культурной среды; креативный потенциал культуры и его актуализация.

Образец цитирования:

Можейко М. А. Что же делать с любовью, или Пропать и попытки ее преодоления // Журн. Беларус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 122–128.

For citation:

Mojeiko M. A. What to do with a love, or the abyss and attempts to overcome it. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 122–128 (in Russ.).

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

WHAT TO DO WITH A LOVE, OR THE ABYSS AND ATTEMPTS TO OVERCOME IT

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkorawskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The high Middle Ages demonstrate a fundamentally new cultural situation that goes far beyond the traditional: the total dominance of Christian asceticism (which was centering the space of medieval culture and thus ensuring its axiological stability) was not removed, but have opened the possibility for the emergence of another worldview lacunas, as a result of which a number of new traditions in interpretation of love have been appeared, which would be fundamentally impossible in the early Middle Ages.

Key words: cultural space; center and periphery; orthodoxy; interpretational matrices; axiological domination; disequilibrium cultural environment; self-organization of cultural space; the creative potential of culture & it's actualization.

Внутренне противоречивая интерпретация любви в ортодоксальной христианской культуре Средневековья, породившая очевидную разорванность европейского менталитета, оказалась не только чрезвычайно болезненной, но и фактически трагичной. Между культурными нормами и повседневностью – пропасть, между прокламируемыми образцами поведения и земной любовью – пропасть, между сущим и должным – пропасть, между реальностью и идеалом – тоже. Именно такова ситуация, в которой суждено жить европейцу зрелого Средневековья.

Так что же делать с любовью, не абстрактной моделью небесной любви, но любви как она есть, какой она предстает для обычного земного человека в обычных земных обстоятельствах? Чтобы ее принять, ее нужно приблизить к идеалу, преодолеть пропасть. Сделать это можно только интерпретационно: понять и объяснить любовь так, чтобы она обрела право на существование. Но как ее интерпретировать и тем самым адаптировать к повседневной жизни, если уж никак не удастся преодолеть (живуч оказался феномен)?

Однако такой вопрос, который мы можем поставить исходя из перспективы сегодняшнего дня, в культуре средневековой Европы и тем более в сознании конкретных европейцев как индивидов (включая даже мыслителей-философов) не возникал и не мог возникнуть, слишком сильно было давление ортодоксального мировоззрения. Однако до поры...

Каковы же закономерности функционирования любой ортодоксии? Это теоретический вопрос, но его стоит рассмотреть, поскольку он позволяет объяснить, откуда взялись наведенные средневековой культурой мосты через обозначенную выше мировоззренческую пропасть.

Итак, в стабильном и равновесном состоянии культурное пространство может рассматриваться как централизованное определенной совокупностью тех аксиологических иерархий и интерпретационных матриц, которые в данной культурной

традиции считаются нормативными. Подобный *центр* культурного пространства может быть условно обозначен как своего рода *ортодоксия*. Если иметь в виду не конфессиональный, а собственно этимологический смысл этого понятия (от лат. *ortos* – правильный, *doxa* – мнение), то под ортодоксией можно понимать феномен канонического воспроизведения в рамках культурной традиции той или иной теоретической системы, обретающей в этой традиции аксиологически акцентированный статус *учения*, вне значимых семантических трансформаций ее содержания (однако при неизбежной редукции последнего с течением времени) (см. [1, с. 743]).

Подобный статус ортодоксии позволяет ей оказывать влияние (давление) на все сферы культуры и все культурные локусы – своего рода культурную периферию по отношению к ортодоксальному учению, подчиняя их себе посредством всего диапазона возможностей: от интерпретационных процедур (наиболее мягкий пример – трактовка индуизмом неиндуистских божеств в качестве аватар Вишну и автоматическое включение их тем самым в индуистский пантеон) до карательных акций вплоть до физического уничтожения носителя неортодоксальных идей, объявляемых еретическими (наиболее яркий – совсем пылающий – пример – костры инквизиции).

Таким образом, ортодоксия как семантико-аксиологический центр культурного пространства подавляет развитие альтернативных мировоззренческих программ, которые дискредитируются даже номинативно, обозначаясь в контексте ортодоксии как инакомыслие, ересь, маргинальные традиции и т. п.

Здесь важно оговорить два существенных момента.

Во-первых, понятия «центр» и «периферия» используются, разумеется, не в топографическом, но в сугубо семантическом смысле. Ортодоксальным центром культурного пространства средневековой Европы выступает каноническое

христианство, хранимое отнюдь не в столицах, но в разбросанных по всей территории Европы монастырях, а подавляемые ереси составляют семантическую периферию, где бы их очаги ни локализовались (возможно, в тех же самых монастырях).

Во-вторых, несмотря на то, что в общекультурном плане понятие *ортодоксия* имеет внеконфессиональный смысл, в конкретной культурной среде в качестве основы этого явления может выступать любая, в том числе и религиозная, система ценностей и идей. Так, применительно к рассматриваемому нами сюжету, именно религиозная традиция в лице устоявшегося христианства центрирует в качестве ортодоксии культурное пространство Средневековья.

В своем становлении каждая ортодоксия проходит следующие этапы:

1) содержательное становление базовых идей и их систематизация;

2) оформление вокруг теоретического ядра будущей ортодоксии пояса культурных поведенческих программ, фиксирующих ее предпочтительный по отношению к другим концептуальным системам статус;

3) конституирование соответствующей ценностно-семантической системы в качестве собственно ортодоксии, что предполагает официальное санкционирование ее со стороны внеконцептуальных структур (государство, церковь и др.) посредством придания ей статуса единственно легитимной интерпретационной стратегии в соответствующей предметной области (см. [2, с. 79–91]).

Применительно к культуре средневековой Европы такой структурой выступает, естественно, христианская церковь.

Оформившаяся ортодоксия исключает релятивизм трактовки, обретая черты социальной мифологии. Соответственно, ортодоксия как таковая в перспективе имеет тенденцию к трансмутации от открытой для интерпретаций идеи (как это было в раннем христианстве, проблематизировавшем природу Христа) или организованной в форме проблемного знания теории (как это было с философской системой марксизма) к замкнутому и формализованному догматическому кодексу, тяготеющему при аппликации на массовое сознание к катехическим жанрам бытия в культуре (что средневековая культура вполне убедительно демонстрирует, породив, собственно, катехизисы как жанр).

В таком центрированном состоянии культурная среда Средневековья обеспечивает стабильность аксиологических шкал и интерпретационных матриц, которые доминирующе воздействуют на культуру во всем культурном пространстве, понижая своим влиянием культурную периферию, подавляя развитие альтернативных идеологических программ, трактуемых в качестве ересей.

Это позволяет индивидуальному сознанию европейца функционировать на основе устоявшихся мировоззренческих универсалий (интегральных представлениях о мире, человеке и месте человека в мире), не подвергая их ни сомнению, ни даже рефлексивному осмыслению.

Набор мировоззренческих универсалий культуры достаточно стабилен (обобщенные представления о том, что есть мир, Бог, причинность, пространство и время, часть и целое, человек, государство, счастье, смысл жизни, долг, честь, любовь, познание, истина и т. д.), а их содержание варьируется в различных традициях, что и приводит к спецификации этнонациональных и историко-временных версий культурных сред (см. [3, с. 5–24]). Именно эти универсалии задают в своем историческом варьировании культурное пространство как систему координат, в рамках которой человек воспринимает явления действительности, дает им оценку и сводит их в своем сознании воедино (см. [4, с. 357–369; 5, с. 295–296]). Именно универсалии культуры задают интерпретационные рамки для протекающих в контексте средневековой культуры когнитивных процессов. Устоявшиеся представления средневекового христианства о Боге как о творце-абсолюте, о мире как о сотворенном и о человеке как о венце творения задавали не просто определенную, а нормативно жесткую интерпретационную матрицу для культурного пространства Средневековья.

Однако времена меняются, культурная среда может приходить в неравновесные состояния вследствие флуктуационных изменений, которые могут быть как внутренними (своего рода *усталость* исчерпавшей себя ортодоксии), так и внешними, связанными с причинами экономического или политического характера.

Динамика культурной среды Высокого Средневековья (хронологические границы которого весьма условно определяются от XI–XII вв. и вплоть до XIII–XIV вв.) являет собой ярчайший пример описанной ситуации.

Доминирующими тенденциями в развитии церкви этого периода стали стремление к мирской власти и интенция к функционированию в качестве не столько духовной организации, сколько своего рода политического института. В «Истории христианской церкви» Ф. Шаффа (после его смерти исследование было доведено до издания его сыном Д. Шаффом) говорится о феномене папства как о теократии, стремящейся к контролю над европейскими монархиями (Германской империей, королевствами Франции, Испании, Англии и др.), т. е. теократии, находящейся «в конфликте со светской властью» и подверженной коррупции (см. [6, с. 11–15]). Аналогично оценивает ситуацию Высокого Средневековья и В. И. Герье (см. [7]).

Говоря о «крайних амбициях папской устремленности к мирской власти», Ф. Шафф отмечает, что подобная «папская теократия несла в себе искушение обмирщения» [6, с. 15]. Применительно к папе Бонифацию VIII у Ф. Шаффа говорится: «Христос дал Петру ключи от царства небесного, но сказал также: “Царство Мое не от мира сего”. Папа зарился на оба эти царства и получал то, чего алкал. Но в своем звании он был не в силах удержать власть над государством, на которую претендовал. Стремясь к светской власти, он утрачивал власть духовную» [6, с. 15].

В подобных условиях ортодоксия теряет приоритетные позиции по отношению к культурной периферии: в неравновесном состоянии культурной среды ее ортодоксальный центр, проявляя все признаки интенции к самоконсервации, тем не менее утрачивает свои приоритетные позиции, в силу чего ценностные шкалы теряют безусловность, а ортодоксия – потенциал мировоззренческого доминирования, – культура выступает как ацентричная. Децентрированное состояние культурной среды приводит к разрушению ее устойчивой макроструктуры, обеспечивающей вертикальное соотношение центра и культурной периферии. По оценке В. Герье, превращение духовенства в одно из господствующих сословий привело к тому, что паства стала «отшатываться в ереси» (см. [8, с. 326]). Таким образом, по оценке Ф. Шаффа, «Римская церковь была в полном расцвете сил, но злоупотребление этими силами и их мирской характер вызвали громкий протест, и со всех концов западного христианского мира доносились требования глубоких реформ» [6, с. 14].

Особо следует отметить, что среди факторов, вызывающих нарушение аксиологического равновесия культурной среды, одним из важнейших выступает взаимодействие культурных традиций (см. [9, с. 70–80]).

Именно это происходит в Европе в рамках Высокого Средневековья: если первые Крестовые походы (XI–XII вв.) привели во взаимодействие традиции Востока и Запада, открыв Европе новые горизонты, то еще более раннее вторжение мавров на Иберийский полуостров (VIII в.) создало условия не только для параллельного развития, но и для тесного содержательного взаимодействия арабо-мусульманской и испанско-христианской традиций, что породило уникальную андалузскую культуру, просуществовавшую несколько веков (VIII–XV вв.) и соединившую в себе казалось бы взаимоисключающие тенденции.

Между тем параллельное функционирование в единой культуре различных версий понимания одной и той же мировоззренческой универсалии лишает смысла саму идею ортодоксии. Например, в рамках андалузской культуры столкнулись

две взаимоисключающие трактовки природы: западная, видящая в природе противника, которого нужно подчинить себе (а также безличный источник материала для преобразования), и восточная, трактующая природу как таинственную живую сущность, в которую нужно непротиворечиво вписаться. Результатом подобной дестабилизации содержания этой универсалии культуры является то, что из литературы андалузского периода на несколько веков исчезает пейзажная лирика как жанр (см. [10]), поскольку непонятно было, что и как можно видеть в природе.

С одной стороны, такая дестабилизация семантики универсалий культуры разрушает идиллию, заключающуюся в том, что человек может позволить себе полагать, что мир устроен именно так, как человек о нем думает. Сложившаяся в соответствующей культуре универсальная схема мироинтерпретации (картина мира), принятые в этой культуре идеалы мирообъяснения, сложившиеся в ней ценностные шкалы ставятся под сомнение и теряют статус безусловности. В такой ситуации культура утрачивает и жесткую дифференциацию своих феноменов на ортодоксальные и мировоззренчески периферийные – культурная среда обретает характеристики аксиологической децентрированности и аструктурности, т. е. приходит в неравновесное состояние.

С другой стороны, неравновесная (децентрированная) культурная среда существует в ситуации своего рода мировоззренческого хаоса в синергетическом смысле этого слова: категориальный строй культур, пришедших в неравновесное состояние, являет собой типичный пример нелинейной среды, открытой для новых версий конфигурирования. Потенциал самоорганизации хаотизированной культурной среды призывает к жизни актуализацию и реализацию творческого креативного потенциала культуры: не подавляемая ослабевшей ортодоксией периферия порождает новые культурные традиции. Практически это означает, что она открыта для нового структурирования, оформления новых культурных приоритетов (в перспективе – доминирующих аксиологических центров) (см. [11, гл. 4]).

Фактически это запускает в культуре механизм активизации периферических тенденций, ранее подавляемых. Так, в частности, подобное положение вызвало к жизни и наблюдаемую в этот период плюрализацию неортодоксальных христианских традиций и появление многочисленных ересей. Ф. Шафф применительно к данному периоду отмечает происходящий «подъем великих нищенствующих орденов и вызванное им религиозное пробуждение» [6, с. 14]. В XII в. на юге Франции насчитывалось более 40 еретических традиций, представляющих собой отклонения от ортодоксии

практически во всех возможных направлениях: непринятые официальной церковью катары и вальденсы, традиция альбигойской ереси, масштабы распространения которой инспирировали оформление инквизиции и спровоцировали объявленный в 1209 г. крестовый поход против ереси – так называемые Альбигойские войны (см. [12]).

Между тем объективно развитие подобных ересей может быть оценено как спасительное для христианства, предлагая вместо ортодоксальных (исчерпавших себя) альтернативные формы развития. Сохранилась легенда о пророческом видении папы: нищий Франциск поддержал плечом пошатнувшийся Латеранский собор (см. [8, с. 326]).

Фактически это означает, что в период неравновесности культурной среды в ее контексте формируются основы плюральных и независимых друг от друга вариантов нового (будущего) интерпретационно-семантического центра. Следует отметить, что формирование новой ортодоксии в данном случае не выступает в качестве изначально целеположенного процесса, но представляет собой продукт самоорганизации культурной среды, предполагающей моменты бифуркационного ветвления, версифицирующего перспективы ее эволюции.

В интересующем нас аспекте, т. е. применительно к проблеме трактовки любви, также наблюдается ослабление христианской ортодоксальной интерпретации и бурный подъем активности тех культурных интенций периферии, которым ортодоксальное давление до сей поры не позволяло оформиться в тенденции.

Этот процесс протекает с широкой версификацией эволюционных векторов данной культурной сферы. Уже на заре Высокого Средневековья практически одновременно возникает веер различных, несводимых и даже альтернативных друг другу версий интерпретации любви, причем маятник качался во всей возможной ширине диапазона: от радикального педалирования аскезы (до такой степени, что официальная церковь признавала это еретичным) до столь же радикального ее отторжения (что церковь уж совсем не признавала).

Эти версии оформляются во вполне определенные культурные традиции, которые в интересующем нас контексте могут быть рассмотрены как вариативные попытки преодоления разорванности менталитета носителя средневековой культуры, т. е. разорванности между сущим и должным как между любовью небесной, идеализированной до адсорбированной рафинированности, и реальной любовью земных людей.

Все стратегические модели, предлагаемые в этом плане европейской культурной традицией (в условиях ее неравновесности), могут быть объединены в три большие группы.

Первая группа (качание маятника в рафинированную аскезу) – это экстремизм ереси ката-

ров (от лат. *kataris* – чистый), сформировавшейся в Лангедоке и охватившей весь юг Франции, и близких к ним в интересующем нас контексте идей вальденсов. Генетически учение катаров восходит к манихейству, строившему свою доктрину на основе дуалистического тезиса о борьбе противоположных начал: добра и зла, света и мрака. В нашем контексте важен следующий аспект учения катаров: рассматривая материальный мир как воплощение зла и мрака, катары относили к этой рубрике и все проявления телесности, а прежде всего – сексуальности. Согласно учению катаров, сам сатана дал человеку устройство тела, соответствующее плотскому греху, посредством чего обрел над людьми тотальную власть. По видению катаров, грехопадению библейской пары предшествовало сексуальное общение сатаны с Евой, от которого, в частности, родился Каин (см. [13]). Победоносное завершение борьбы света со тьмой видится катарам в отсутствии разделения полов в небесном Иерусалиме. На практике такая аксиологическая парадигма выливалась в требование строжайшей аскезы: посвященные никогда не позволяли себе даже рукой дотронуться до женщины, включая собственную мать. Катары резко выступали против таинства брака, фактически узаконившего, по их мнению, греховные отношения между мужчиной и женщиной. Катаризм предполагал обет безбрачия, а от состоявших в браке требовалось расторжение супружества. В свете этих идей дальнейшее распространение человеческого рода трактуется катарами как грех, равный по силе скверны греху прародителей. По мнению катаров, беременная женщина находится на особом попечении дьявола, и, более того, именно он производит в ее утробе плоть от плоти. Приход в мир Христа в соответствии с этой общей позицией трактуется совершенно нетрадиционно. Мария якобы не родила Иисуса, но послужила специфическим мостиком для проникновения его небесной сущности в земной мир: Христос вошел в нее через ухо как слово Божье и сошел с уст ее словом благодати (см. [13]). Реальность тела, таким образом, конституировалась в модели катаров посредством приравнивания (сведения) его к духу.

Вторая группа (экстремум отрицания аскезы) – это традиции, заданные французскими фаблио (см. [14]), немецкими шванками (см. [15]), итальянскими фацетиями (см. [16]) и восполняющими очевидную концептуальную недостаточность активностью и пафосностью своего претворения в жизнь. В перспективе эта линия породит в европейской культуре гривуазную традицию, к данным моделям также генетически восходит сформированная позднее ренессансная парадигма истолкования любви, дерзнувшая в условиях христианского культурного контекста констатировать тезис о единстве тела и духа в качестве аксиомы. На их же основе впоследствии разовьются многие концеп-

туальные системы, декларативно постулирующие гармонию и единство тела и духа в диапазоне от пламенной проповеди Савонаролы до рафинированного интеллектуализма Р. Декарта, чей философский дуализм, задающий по-гейзенберговски жесткий принцип неопределенности для описания соотношения духовного (мыслящего) и телесного (вещественного) начал, может быть интерпретирован как одна из непревзойденных с точки зрения логической и моральной последовательности попытка смоделировать способ бытия в условиях разорванности сознания (см. [17]).

К третьей, самой разветвленной (и самой интересной в рамках настоящего исследования), группе относятся модели, которые, не закрывая глаза на наличие разорванности европейского сознания и не уповая идиллически на ее беспроblemное преодоление, пытаются построить стратегию человеческого бытия в условиях такой разорванности, принятой как данность. Эти модели пытаются органично вписать в христианскую аксиологическую систему идею одухотворенности земной любви. В зависимости от принятой семантической стратегии они версифицируются следующим образом:

- позднее францисканство (в частности, его Провансальская школа), рассматривающее феномен красоты как свечение божественной благодати Творца в творении (своего рода перевод платоновского эстетизма на язык христианской теологии);

- специфические модели, отличающиеся высоким уровнем сложности и пытающиеся с помощью многослойных семиотических построений легализовать феномен телесности, задав ему особую символическую интерпретацию.

Последняя стратегия версифицируется, в свою очередь, на следующие векторы трактовки любви:

- корреляции любви и подвига (северофранцузские авантюрно-рыцарские романы и романы артуровского цикла);

- игровое пространство разворачивания эротических сюжетов (поэзия трубадуров);

- изысканная модель куртуазного вежества (теория *cortezia*);

- трактовка эротического вектора любви в качестве асимптотично незавершенного (куртуазная концепция *amor-entrave*);

- а главное – сопряженность любви со стремлением к знанию истины и истинному знанию (повсеместно от ортодоксальных мистиков Средневековья до сожженного ортодоксами гораздо более позднего Дж. Бруно). В рамках таких моделей

осуществляется своего рода когнитизация любви. Последняя утрачивает свое самодостаточное значение, обретая в системе сложного символизма толкование сугубо семиотичное и выступая знаком абсолюта (совершенства) и стремления к нему (импульсом к самосовершенствованию).

В силу своего семиотизма данные модели могут успешно культивироваться и содержательно развиваться в контексте аксиологически чуждой и даже альтернативной им культуры, как, например, развивалась в течение более двух столетий куртуазная культура трубадуров в общекультурном контексте христианской аскезы. Если экстремальные стратегии переосмысления любви все же преследовались ортодоксией (например, катаризм преследовался как интерпретационно, будучи оценен в качестве ереси, так и физически – в ходе Альбигойских войн и усилиями инквизиции), то на обрисованный сложный символизм интерпретационного потенциала *уставшей* ортодоксии уже не хватало, и модели подобного типа в условиях ацентризма неравновесной культурной среды Высокого Средневековья внезапно получили право на существование и развитие. Их мы рассмотрим в следующих статьях.

Таким образом, разорванность средневекового менталитета надолго определила стратегически магистральные направления семантической эволюции европейской культуры (в интересующем нас аспекте, разумеется). Ее история – это во многом история попыток преодоления расколовшего европейский менталитет разрыва между земной и небесной любовью. В силу внутренних (ослабление культурной ортодоксии) и внешних (взаимодействие разнородных культурных традиций в масштабе *Восток – Запад*) причин привело культуру Высокого Средневековья в неравновесное состояние, открывшее возможность для формирования и развития плюральных трактовок любви, которые задают целую палитру культурных (в том числе литературно-поэтических) традиций и могут рассматриваться как своего рода нащупывание культурой путей адаптации самой возможности любви к системе ценностей средневекового мировоззрения – своего рода вероятностное моделирование культурой своего будущего. Строго говоря, это моделирование европейским сознанием своего стиля и образа жизни на краю мировоззренческой пропасти, моделирование не сознательное, а реализуемое скорее в процедурах самоорганизации неравновесной культурной среды.

Библиографические ссылки

1. Можейко М. А. Ортодоксия // Всемирная энциклопедия. Философия. М. ; Минск, 2003. С. 743.
2. Можейко М. А. Феномен неравновесных культурных сред и проблема нелинейного моделирования в гуманитаристике // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию В. С. Стёпина / редкол. А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2014. С. 79–91.
3. Lovejoy A. Key Imaginations // An Axiology and Social Science. An Approach to Interpretation. New York ; London, 1973. P. 5–24.

4. Stepin V. S. Theoretical knowledge. Dordrecht : Springer, 2005.
5. Стёпин В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск : БГУ, 2012.
6. Шафф Ф. История христианской церкви : в 8 т. / пер. О. А. Рыбаковой. СПб. : Библия для всех, 2008. Т. 5 : Средневековое христианство. От Григория VII до Бонифация VIII. 1049–1294 г. по Р. Х.
7. Герье В. И. Зодчие и подвижники «Божьего царства» : в 2 т. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1916. Т. 2, ч. 2 : Расцвет западной теократии.
8. Герье В. И. Франциск апостол нищеты и любви. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1908.
9. Можейко М. А. Методологические аспекты моделирования процесса диалога культурных традиций // Культура мира среди религий : докл. Междунар. науч. конф. (Минск, 30 нояб. 2015 г.). Минск, 2016. С. 70–80.
10. Аль-Фахури Х. История арабской литературы : в 2 т. / пер. В. В. Атамали ; ред. и предисл. А. А. Ковалева, Г. М. Габучана. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. Т. 1.
11. Можейко М. А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм. 2-е изд., доп. Смоленск : Изд-во Смолен. гос. педагог. ун-та, 2004.
12. Осокин Н. А. История альбигойцев и их времени, переизд. сокр. : в 2 т. М. : АСТ, 2003. Т. 1.
13. Осокин Н. А. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1872.
14. Фаблио. Старофранцузские новеллы / пер. С. Вышеславцевой, В. Дынник. М. : Рус. путь, 2004.
15. Немецкие шванки и народные книги XVI века : антология / пер. В. Л. Топорова [и др.]. М. : Художеств. лит-ра, 1990.
16. Брaccioлини П. Фаетии / вступ. ст. и пер. А. Дживелегова. М. : Терра, 1996.
17. Можейко М. А. Картезианский дуализм и проблема интерпретации любви в европейской культуре // Великие преобразователи естествознания: Декарт и Лейбниц : тез. докл. XII респ. чтений (Минск, 28 нояб. 1996 г.). Минск, 1996. С. 82–85.

References

1. Mojeiko M. A. [Orthodoxy]. In: *Vsemirnaya entsiklopediya* [World Encyclopedia. Philosophy]. Moscow ; Minsk, 2003. P. 743 (in Russ.).
2. Mojeiko M. A. [Phenomenon of nonequilibrium cultural mediums and the problem of nonlinear modeling in humanities]. In: *Sintez filosofii, nauki, kul'tury. K 80-letiyu V. S. Stiopina* [Synthesis of philosophy, science, culture. Dedicated to 80th anniversary of Academician V. S. Stepin]. Minsk, 2014. P. 79–91 (in Russ.).
3. Lovejoy A. Key Imaginations. In: *An Axiology and Social Science. An Approach to Interpretation*. New York ; London, 1973. P. 5–24.
4. Stepin V. S. Theoretical knowledge. Dordrecht : Springer, 2005.
5. Stepin V. S. *Nauchnoe poznanie v sotsial'nom kontekste. Izbrannye trudy* [Scientific knowledge in a social context. Selected works]. Minsk : BSU, 2012 (in Russ.).
6. Schaff P. *History of the Christian Church* : in 8 vols. Oak Harbor, WA : Logos Research Systems. Inc. Vol. V : From Gregory VII. To Boniface VIII. A. D. 1049–1294. Russ. ed.: Schaff P. *Istoriya khristianskoi tserkvi* : in 8 vols. Saint Petersburg : Bibliya dlya vseh, 2008. Vol. 5.
7. Gerie V. I. *Zodchie i podvizhniki «Bozh'ego tsarstva»* [Architects and zealot of the Good's Kingdom] : in 2 vols. Moscow : Pechatnya S. P. Yakovleva, 1916. Vol. 2, part 2 : *Rastsvet zapadnoi teokratii* [The flowering of the Western theocracy] (in Russ.).
8. Gerie V. I. *Frantsisk apostol nishchety i lyubvi* [Francis is an apostle of misery and love]. Moscow : Pechatnya S. P. Yakovleva, 1908 (in Russ.).
9. Mojeiko M. A. Metodologicheskie aspekty modelirovaniya protsessa dialoga kul'turnykh traditsii [Methodological Aspects of Modeling the Process of Dialogue of Cultural Traditions]. *Kul'tura mira sredi religii* [Culture of the World among Religions] : Rep. Int. Conf. (Minsk, 30 Novemb., 2015). Minsk, 2016. P. 70–80 (in Russ.).
10. Al-Fahouri H. *Istoriya arabskoi literatury* [History of Arabic Literature] : in 2 vols. Moscow : Publ. House Foreign Lit., 1959. Vol. 1 (in Russ.).
11. Mojeiko M. A. *Stanovlenie teorii nelineynykh dinamik v sovremennoi kul'ture: sravnitel'nyi analiz sinergeticheskoi i postmodernistskoi paradigm* [Formation of the Theory of nonlinear dynamics in modern culture: a comparative analysis of synergetic and postmodern Paradigms]. 2nd ed., suppl. Smolensk : Publ. house Smolensk State pedagog. univ., 2004 (in Russ.).
12. Osokin N. A. *Istoriya al'bigoitsev i ikh vremeni* [The History of the Albigensians and their Time] reprint short : in 2 vols. Moscow : AST, 2003. Vol. 1 (in Russ.).
13. Osokin N. A. *Pervaya inkvizitsiya i zavoevanie Langedoka frantsuzami* [The First Inquisition and the Conquest of Languedoc by the French] : dis. ... doctor of hist. sci. Kazan, 1872 (in Russ.).
14. Vycheslavtseva S., Dynnik V. (transl.). *Starofrantsuzskie novelly* [Fablia. Old French short stories]. Moscow : Russkii put', 2004 (in Russ.).
15. Toporov V. L., Mikushevich V. B., Rozanov V. M. et al (transl.). *Nemetskie shvanki i narodnye knigi XVI veka* [German Schwanks and folk Books of the XVI century] : anthology. Moscow : Khudozhestven. lit-ra, 1990 (in Russ.).
16. Braccioolini P. *Facetiae*. Moscow : Terra, 1996 (in Russ.).
17. Mojeiko M. A. [Cartesian's dualism and the problem of an Interpretation of Love in European culture]. *Velikie preobrazovateli estestvoznaniya: Dekart i Leibnits* [Great converters of natural science: Descartes and Leibniz] : rep. of the XII Int. conf. (Minsk, 28 Novemb., 1996). Minsk, 1996. P. 82–85 (in Russ.).

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.334.2:334.012.63/.64(476)

БЕЛОРУССКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ: 30 ЛЕТ ЭВОЛЮЦИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

И. А. АНДРОС¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В рамках деятельностно-структурной концепции Т. И. Заславской определены ключевые этапы развития предпринимательства в Беларуси в зависимости от влияния политико-управленческой и реформаторской деятельности властей на социально-инновационную деятельность предпринимателей. Историко-социологический подход к развитию предпринимательства в Беларуси основан на анализе книг, статей, официальных документов и государственной статистики. Отмечается, что реформаторская деятельность властей по отношению к предпринимательству полностью зависит от политико-административного влияния, именно поэтому поведенческие стратегии предпринимателей формируются как реакционно-адаптивное поведение.

Ключевые слова: предпринимательство; предприниматель; власть; политико-управленческая деятельность; реформаторская деятельность; социально-инновационная деятельность; поведенческие стратегии.

Образец цитирования:

Андрос И. А. Белорусские предприниматели: 30 лет эволюции поведенческих стратегий // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 129–140.

For citation:

Andras I. A. Belarusian entrepreneurs: 30 years of evolution of behavioral strategies. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 129–140 (in Russ.).

Автор:

Ирина Александровна Андрос – кандидат социологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Iryna A. Andras, PhD (sociology), docent; leading researcher at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
androsita@tut.by

BELARUSIAN ENTREPRENEURS: 30 YEARS OF EVOLUTION OF BEHAVIORAL STRATEGIES

I. A. ANDRAS^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The aim of the study is within T. Zaslavskaya's theoretical model of societal transformation to determine the key development stages of small entrepreneurship in Belarus depending on the impact of politico-administrative activity and reformative activity of authorities on socio-innovative activity of entrepreneurs. Historico-sociological approach to the development of entrepreneurship in Belarus is based on the analysis of books, articles, official documents and state statistics. We found out that the reformative activity of the authorities towards entrepreneurship is absolutely dependent on politico-administrative influence. That is why the behavioral strategies of entrepreneurs are formed as reaction-adaptive behavior. The results of the study are primarily applicable for post-Soviet republics and countries with transition economy.

Key words: entrepreneurship; entrepreneur; authorities; politico-administrative activity; reformative activity; socio-innovative activity; behavioral strategies.

Введение

Актуальность. Сегодня социально-экономическое развитие Беларуси невозможно без предпринимательской деятельности. Тем не менее публичные выступления, касающиеся перспектив предпринимательства в Беларуси, отражают различные, порой диаметрально противоположные, позиции. С одной стороны, выражаются надежды на то, что именно отечественный бизнес поднимет экономику Беларуси и обеспечит ее процветание. С другой – высказывается недовольство тем, что предприниматели скованны в действиях и всячески ущемляются государством. Обе позиции активно обсуждаются в национальных СМИ. В то же время в официальных заявлениях правительства республики подчеркивается приоритетность государственной поддержки предпринимателей.

Однако, по мнению большинства предпринимателей, озвученная государственная заявка пока не реализуется на практике. На XVI Ассамблее деловых кругов Беларуси (4 марта 2015 г.) было шуточно озвучено, что индекс делового оптимизма превратился в «индекс пессимизма», ведь большинство предпринимателей (77,6 %) уверены в том, что ситуация будет ухудшаться [1]. Президент Республики Беларусь, в свою очередь, 29 апреля 2015 г. в Послании к белорусскому народу и Национальному Собранию подчеркнул, что в Республике Беларусь особое внимание следует уделить развитию малого и среднего бизнеса, поскольку это основа процветания любой экономики и стабильности государства [2]. Такой контраст между наличием позитивной декларативной политики правительства и отсутствием улучшения в оценках предпринимателей в стране обостряет обсуждение двух взаимосвязанных вопросов: как политико-управленческая и реформаторская деятельность властей воздействует на развитие предпринимательства и какие

поведенческие стратегии определяют социально-инновационную деятельность предпринимателей?

Методология. До сих пор для объяснения социально-экономических изменений, происходящих в постсоветском регионе, наиболее приемлемыми и авторитетными считаются теории посткоммунистических преобразований. Существует ряд работ зарубежных авторов, в которых были изучены проблемы предпринимательства в странах с переходной экономикой (см. [3–8]). Также релевантны статьи о различиях экономических эффектов, которые основаны на необходимости существования предпринимательства как в развивающихся, так и в развитых странах (см. [9–13]). Значительный вклад в изучение социальных трансформаций внесли ведущие российские ученые (З. Т. Голенкова, Н. И. Лапин, В. А. Ядов, Т. И. Заславская [14–17]).

Теоретическая модель общественных преобразований, разработанная Т. И. Заславской, трактует социальные преобразования как радикальные и относительно быстрые изменения в обществе [17]. Эту модель часто называют деятельностью-структурной концепцией. По мнению Т. И. Заславской, трансформационная активность индивидуальных и коллективных акторов является основным социальным механизмом борьбы за институциональные изменения. Эта активность отражает поведение социальных акторов, которое формирует и в конечном итоге влечет за собой качественные изменения в социальных институтах. Основными видами трансформационной активности являются политико-управленческая, реформаторская и социально-инновационная деятельности. Нас интересует влияние политико-управленческих и реформаторских действий властей на предпринимательство как направление социально-инновационной деятельности. Основной целью политико-управленческой работы по отношению к обществу

выступает обеспечение нормального функционирования существующих институтов, соблюдение правовых норм и снижение транзакционных издержек социального обмена. Реформаторская деятельность властей рационализирует предпринимательское поведение путем преобразования нормативно-правовой базы. Социально-инновационная деятельность предпринимателей заключается в поиске более эффективных форм экономических отношений и социального взаимодействия [17, с. 515–518]. Предпринимательское поведение зависит не только от личных, но и от политических, экономических, культурных и социальных факторов. В неустойчивой институциональной сфере, где отсутствуют устоявшиеся правила, нормы и последовательная политика, существенное влияние

на развитие социально-экономических процессов оказывают поведенческие стратегии предпринимателей (достижительные, адаптационные, регрессивные, разрушительные [17, с. 510]).

В настоящей статье дана периодизация изменений в предпринимательском поведении в зависимости от специфики политико-управленческой и реформаторской деятельности властей. Основные вопросы, рассматриваемые в исследовании: каково влияние политико-управленческой деятельности на развитие предпринимательства в Беларуси? как реформаторская деятельность властей в отношении предпринимательства сказывается на предпринимательском поведении? какие поведенческие стратегии выбирают предприниматели Беларуси?

Предыстория

В СССР предпринимательство идеологически рассматривалось как враждебное для социалистического общества явление, подлежащее ликвидации. Сегодня принято считать, что в советском государстве существовало официальное и неофициальное предпринимательство. При этом термин «предпринимательство» не использовался, так как идеологически не соответствовал социалистической доктрине. Экономическая инициатива советских граждан (официальное предпринимательство) представляла собой коллективную деятельность, которая приносила пользу обществу. Так, высоко прибыльные народные промыслы и ремесла (например, рыболовство, сбор кедровых орехов, роспись по дереву, соломоплетение) и строительная активность имели большой экономический эффект для государства и общества. Неофициальным предпринимательством занимались граждане, чья деятельность не решала крупных социально-экономических проблем и по-

этому не получала государственной поддержки и общественного одобрения. Считалось, что труд так называемых кустарей и шабашников приносил только личную прибыль. Нелегальные предприниматели преследовались и привлекались к уголовной ответственности. В Советской Беларуси развитие получило именно неофициальное предпринимательство в бытовом обслуживании, торговле и общепите, 70 % населения пользовались услугами нелегалов [18, с. 79–81]. В дальнейшем работа на теневую экономику сыграла отрицательную роль в формировании положительного имиджа предпринимательства на большей части постсоветского пространства, в том числе и в независимой Беларуси. Своеобразная бизнес-подготовка в форме законного и незаконного предпринимательства в советской административной системе хозяйствования определила специфику предпринимательской активности первой волны предпринимателей в Советском Союзе.

Перестроечный этап (1985–1990)

Официальная история предпринимательства на постсоветском пространстве началась в 1985 г. Руководство СССР приняло новый стратегический курс развития союзных республик, который предусматривал повышение темпов экономического развития путем интенсификации производства, структурной перестройки экономики, внедрения достижений научно-технического прогресса, стимулирования труда. Существовало три основных закона: Закон от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности», Закон от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)» и Закон от 26 мая 1988 г. «О кооперации в СССР», они определили формальные рамки легитимных действий субъектов экономических

отношений. Целью этих законов было сделать хозяйственную активность советских людей (условно – предпринимательство) максимально полезной обществу. Так, индивидуальная трудовая деятельность (ИТД) была определена как «общественно полезная деятельность граждан по производству товаров и оказанию платных услуг»¹. Государственные предприятия должны были всеми силами удовлетворять общественные потребности народного хозяйства и граждан в их продукции (работах, услугах) с высокими потребительскими свойствами и качеством при минимальных затратах [19]. Закон о кооперации провозгласил равенство кооперативных и государственных предприятий. До принятия законов об ИТД кооперация

¹Закон СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности».

в СССР была неорганизованной и полуправильной формой труда, а государственные предприятия не обладали хозяйственной автономией. После принятия законов понятия «самозанятый» и «кооператор» начали активно использоваться в обществе. Отметим, что в принятых законах отсутствовал пункт, касающийся ответственности государственных чиновников и оценки эффективности проводимой ими политики. Также Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О расширении внешнеэкономической деятельности ВЛКСМ» (1988) и Постановление Совета министров СССР «О содействии хозяйственной деятельности ВЛКСМ» (1988) способствовали появлению так называемого комсомольского направления в предпринимательстве. Центры научно-технического творчества молодежи стали инкубаторами для бизнеса целого поколения предприимчивых комсомольских лидеров.

В середине 1980-х гг. в СССР от экономически активных советских граждан (предпринимателей) требовалось следующее:

- за короткий срок насытить рынок дефицитными потребительскими товарами и платными услугами;
- усилить конкуренцию между предприятиями различных форм собственности;
- создать дополнительные рабочие места.

Полноценно была решена только последняя задача. Пик развития ИТД в СССР пришелся на 1988 г., когда во всех 15 республиках численность самозанятых значительно увеличилась. В Советской Белоруси на 10 тыс. человек приходилось 27 самозанятых, в СССР – 26. С 1988 по 1990 г. в республике количество кооперативов увеличилось почти в 7 раз (с 791 до 5346), а численность работников – в 15 раз (с 8 до 123,9 тыс. человек). В СССР за аналогичный период число кооперативов возросло в 17 раз (с 13,9 до 245,4 тыс. человек), а численность работников – в 39 раз (с 155,8 до 6098,2 тыс. человек) [20, с. 329; 21, с. 58–59]. В Белоруси, как и в целом по стране, кооперативы открывались в строительстве, производстве товаров народного потребления и бытовом обслуживании.

Задачи насыщения рынка товарами и развития конкуренции были реализованы далеко не идеально. В начале перестройки были приняты постановления, касающиеся борьбы с пьянством и нетрудовыми доходами². Они нанесли серьезный урон развитию частной инициативы в Советском Союзе. Конкуренция в ее классическом рыночном понимании отсутствовала. Все свелось к конкуренции социальных сетей, т. е. успешными предпринимателями становились не те, кто обладал наиболее продвинутой инновационной мыслью, а те,

кто имел связи и знакомства среди руководителей государственных предприятий, высокопоставленных чиновников и представителей силовых структур.

В БССР (как и о всем союзе) идея получения прибыли от ИТД рассматривалась как серьезный шаг вперед. Однако, имея изначально статус общественного блага, ИТД стала центром политической и идеологической борьбы. Во-первых, использование слов «предприниматель» и «предпринимательство» означало признание идеологического поражения. Именно поэтому героями перестройки стали кооператоры и самоучители [22]. Считалось, что их социальные цели не противоречат принципам социализма, поскольку в кооперации и самозанятости отсутствует эксплуатируемый наемный труд. Однако через два года после принятия закона об ИТД негативное отношение к кооперативам и самозанятости выросло с 10 до 31 %, а положительное отношение – уменьшилось с 44 до 33 % [23]. Во-вторых, советские реформаторы пытались свести понятие «частная деятельность», основанное на текущей рыночной ситуации, к понятию «индивидуальная трудовая деятельность» [19; 24]. В-третьих, считалось, что такие ценности, как индивидуализм, прагматизм, рационализм, будут временными, но они стали частью новой системы ценностей [25; 26, с. 49–72].

В БССР кризисная всесоюзная ситуация осложнялась тем, что реформаторская деятельность белорусских властей обязательно согласовывалась со всесоюзным руководством в Москве. Произшедшие в Польше радикальные рыночные и демократические реформы, либерализация цен и приватизация государственной собственности, развитие в прибалтийских республиках независимой реформаторской деятельности властей расценивались руководством БССР не как результат инновационной реформаторской деятельности властей, а скорее как следствие политико-управленческого неповиновения. В итоге перестроечный этап в Советской Белоруси характеризуется достаточно активной и согласованной реформаторской деятельностью властей и социально-инновационной деятельностью кооператоров и самозанятых. Тем не менее консервативная политико-управленческая деятельность властей стала основной причиной того, что на постсоветском пространстве республика приобрела статус «тихой гавани». Первые предприниматели придерживались адаптационных стратегий, поскольку рынок, конкуренция, частная собственность для советских граждан были неизведанными на практике и к этой пугающей и мнящей новизне необходимо было приспособиться.

²Постановление Совета Министров СССР от 07.05.1985 г. № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения»; Постановление Совета Министров СССР от 15.05.1986 г. № 575 «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами».

Либеральный этап (1991–1993)

На фоне рыночных начинаний основными условиями функционирования белорусской экономики должны были стать разгосударствление и приватизация значительной части государственной собственности, демонополизация производства, поддержка предпринимательства, развитие конкуренции. Однако, став в 1991 г. независимой, Республика Беларусь вступила в полосу глубокого и затяжного социально-экономического кризиса. Хозяйственные связи были нарушены, финансово-кредитная система дала сбой, инфляция стремительно росла. Экологическая ситуация в стране осложнялась последствиями катастрофы на Чернобыльской АЭС, широким развитием химической и нефтехимической промышленности, крупных машиностроительных предприятий, а также наличием большого количества животноводческих комплексов, не обеспеченных реальными техническими возможностями для утилизации отходов. Белорусская власть не имела унифицированной модели экономического реформирования национальной (постсоциалистической) экономики, которая могла бы стать успешной и эффективной. Но политико-управленческая деятельность была на пике: решались вопросы, связанные с процессом суверенизации. Реформаторская деятельность властей в социально-экономической жизни ушла на второй план.

Малые предприятия (МП) получили юридический статус в 1990 г., когда было разрешено использовать надомный труд, а по существу – наемный³. МП имели большие льготы. Кооперативы начали переоформляться в МП, тем самым став финансовой основой для формирования начального капитала в предпринимательстве. Между государственным и частным секторами возникла конкуренция за трудовые ресурсы, в которой бизнес начал выигрывать. Развал бюджетных организаций и надежда получить высокие доходы от достаточно простых видов работ и услуг породили в республике крупномасштабное грондерство. Люди буквально ринулись в частный сектор, где была пусть не всегда стабильная, но высокая зарплата, часто не облагаемая подоходным налогом (так называемая зарплата в конверте). За период с 1991 по 1993 г. численность занятых на предприятиях смешанной и иностранной форм собственности увеличилась почти в 3 раза (с 46,3 до 120,9 тыс. человек), а

в сфере индивидуального предпринимательства – в 3,6 раза (с 62,6 до 225,6 тыс. человек). Количество малых предприятий возросло в сфере науки и научного обслуживания в 3,4 раза, сельском хозяйстве – в 3,1 раза, материально-технического снабжения и коммерческой деятельности – в 2,9 раза, образовании – в 2,8 раза [27]. Однако недостаточный уровень государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП), нехватка инвестиций и кредитов, несовершенная правовая база со временем определили торговлю как основную сферу деятельности белорусского МСП. При налоговом прессинге торгово-закупочная деятельность, ориентированная на работу с трудноконтролируемыми наличными средствами, открыла для предпринимателей большие возможности для сокрытия налогов. Стремительно развивавшееся предпринимательство направило свои усилия на быстрый оборот обесценивавшихся денег и их криминальное накопление, что привело к росту недоверия к предпринимателям со стороны общества.

На данном этапе экономика постсоветской Беларуси испытывала существенные социально-экономические трудности. Усиленное внимание властей к внешней политике, связанной с обретением республикой независимости, привело к ослаблению внутренней политико-управленческой деятельности. Развитие отечественного предпринимательства носило неупорядоченный характер. Власти Беларуси объясняли отсутствие инициативы в проведении экономических реформ осторожностью и желанием взглянуть на опыт соседних стран в преобразованиях. Вопросы рыночных отношений, приватизации значительной части государственной собственности, демонополизации производства, поддержки бизнеса, развития конкуренции пока только обсуждались, хотя и предполагалось, что они должны будут стать обязательными условиями для надлежащего функционирования белорусской экономики. В результате во время либерального этапа большинство предпринимателей, по причине пассивной реформаторской деятельности властей, выбрало достигательные поведенческие стратегии (улучшение качества жизни, повышение персонального социального статуса). Слабая контролируемость бизнеса, как позже оказалось, была временным явлением.

Консервативный этап (1994–2003)

Во время первых президентских выборов народ сделал выбор в пользу сильной политической воли. Выбор в 1994 г. Александра Григорьевича Лукашен-

ко (80,1 %) с его избирательной программой «Отвести народ от пропасти» на пост президента определил политико-экономический фактор развития

³Постановление Совета Министров СССР от 8 августа 1990 г. № 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий».

предпринимательства в Беларуси. Высокая доля государственного сектора в экономике и широкая социальная поддержка населения были определены как приоритет в реформаторской деятельности властей. Стратегия постепенного преобразования структуры национальной экономики реализовывалась под действенным государственным контролем. Процесс сокращения доли производства товаров на фоне роста доли сферы услуг в ВВП был растянут во времени, что способствовало сохранению высокого уровня занятости в экономике (97–98 % экономически активного населения). Работники, уходившие из товаропроизводящих отраслей, находили работу в сфере услуг. При этом удалось избежать таких непомерно высоких социальных издержек трансформации экономики, как высокий уровень коррупции, массовая бедность и безработица, банкротства предприятий и целых отраслей экономики.

Международные финансовые организации неоднократно советовали правительству Беларуси участвовать в реструктуризации национальной экономики и уделять приоритетное внимание малому и среднему предпринимательству. Однако экономический рост республики по-прежнему обеспечивался главным образом крупными государственными предприятиями, которых в Беларуси насчитывалось около 170. Опасения властей получить капитализм эпохи первоначального накопления капитала были настолько сильны, что процесс приватизации фактически остановился: в период с 1991 по 1998 г. только 1/3 (1038) предприятий были акционированы [28]. В итоге белорусские власти выработали позицию в отношении реформирования республиканской собственности, заключающуюся в том, чтобы на переходном этапе у государства осталось либо 50 % собственности + 1 акция, либо 25 % собственности + 1 акция (т. е. «золотая акция»), либо 10 % собственности, что дает право государству назначать своих представителей в органы управления акционерного общества. В силу слабой развитости МСП в регионах промышленные гиганты до сих пор являются практически единственным шансом для местного населения трудоустроиться. МСП, не имея доступа к производственным и финансовым ресурсам, сконцентрировал свои силы на оптовой закупке и перепродаже собственной продукции (около 60 %), а не на производстве.

Как видим, развитие МСП не рассматривалось белорусскими властями как социально значимый процесс. К концу 1990-х гг. произошел отток почти 1/5 рабочей силы из частного сектора в государственный. Социальные ожидания бескрайних финансовых возможностей малого и среднего бизнеса были исчерпаны. Тем не менее когда в обществе остро встал вопрос о формировании среднего класса, то в качестве основной силы, которая может укрепить средний класс, рассматривалось

предпринимательство. Однако именно социальная роль предпринимательства в обществе была очень низкой. Поскольку в менталитете белорусов хозяйственная деятельность имеет большую этическую нагрузку, то предпринимательство в существовавшем виде не воспринималось как деятельность, которая может сформировать социально ответственного работника. По мнению большей части населения, занятие посреднической деятельностью, оформление краткосрочных контрактов, сокрытие высоких доходов указывали на желание предпринимателей максимально уйти от ответственности [29]. Поэтому несправедливо допускать предпринимателей к реальной собственности, стратегическим отраслям и финансовым ресурсам. Вследствие того, что предприниматели не оказывали особого влияния на общественные процессы или влияли на них неоднозначно (например, челноки насыщали рынок недорогими товарами, но сами деквалифицировались как специалисты), достигательные поведенческие стратегии деловых людей, характерные в «лихих» 1990-х гг., сменились на «неоднозначно адаптационные стратегии» [17, с. 513].

Третий этап, таким образом, определяется активной политико-административной деятельностью, которая обеспечила стабильную обстановку в республике. Эта ситуация соответствовала социальным ожиданиям большинства населения. Пройдя через развал Советского Союза, Беларусь столкнулась с социальным кризисом, который мог привести к резкому расслоению общества, потере национальной идентичности. В это время общественное сознание белорусов включало в себя элементы доиндустриального прошлого, постсоветского настоящего и независимого будущего [30]. Реформаторская деятельность властей испытывала затруднения не в реформировании как таковом, а в выборе способов этого реформирования. Предпринимательство воспринималось обществом не как социально-инновационная, а как абсолютно свободная деятельность со спонтанным непредсказуемым развитием, что негативно повлияло на имидж предпринимателей. Так, если в 1987–1988 гг. более 70 % населения поддерживали приватизацию [31], то в середине 1990-х гг. слова «приватизация», «иностраный инвестор», «либерализация» порождали в обществе предчувствие большого имущественного передела, а в начале 2000-х гг. сформировался социальный стереотип: в частном секторе царит личный интерес, а в государственном – общественный. Следовательно, усиление и увеличение частного сектора привели бы к доминированию частного интереса над общественным. Социальное постсоветское сознание белорусов к этому не было готово. Под влиянием пропаганды в обществе сформировалось мнение о том, что если и осуществлять преобразования, то не радикальные и без участия предпринимательских структур.

Нормотворческий этап (2004–2010)

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг. была поставлена задача активизировать роль МСП в национальной экономике. В принятой в эти же годы Национальной инновационной системе (НИС) был сделан акцент на возврат частного капитала в так называемые производственные отрасли: промышленность, сельское хозяйство, транспорт, научные разработки. Идея НИС получила отражение в долгосрочных и среднесрочных программных документах страны (Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2020 г., Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг., Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг.). На данном этапе политико-управленческая деятельность властей была направлена на разработку и принятие нормативных актов, которые должны были привести к увеличению доли на рынке частных МП, переориентировать МСП с торгово-закупочной деятельности на производственную, а также повысить уровень привлекательности предпринимательской деятельности для экономически активного населения.

В этот период индивидуальные предприниматели не стремились становиться руководителями МП. Во-первых, налоговая система содержала множество видов налогов и сборов при одновременном наличии большого количества льгот и преференций как предусмотренных в законодательстве, так и предоставляемых индивидуально по распоряжению президента республики. Во-вторых, государственная политика в области поддержки МСП оставалась непоследовательной. С одной стороны, в республике существовала обширная законодательная база и сеть общественных и государственных организаций, направленных на поддержку предпринимательства. С другой стороны, по оценкам самих предпринимателей, реальные механизмы поддержки стояли на месте, что привело к ухудшению условий создания и развития МП. В-третьих, ведомственные нормативные материалы часто менялись и нередко противоречили друг другу. Таким образом, сложившаяся в национальной экономике обстановка сделала выгодной индивидуальную, а не организационную (в формате предприятия) деятельность. ИП и руководители МП возмущались тому, что государственная политика в предпринимательской сфере направлена в выгодную сторону для крупного, подконтрольного властям бизнеса. В общественном сознании и в сознании государственных чиновников в то время еще не сформировалось четкое понимание того, что большую значимость для развития отечественной экономики несет деятельность 20 МП (по 50 со-

трудников), чем одной большой фабрики (на 1000 работников) [32, с. 152–173].

В целях сокращения доли ИП и увеличения числа МП Президент Республики Беларусь издал Указ от 27 января 2003 г. № 4 «О едином налоге с индивидуальных предпринимателей и других физических лиц и о некоторых мерах регулирования предпринимательской деятельности», что ограничило количество сотрудников ИП (до 3 человек), а затем Указ от 29 декабря 2006 г. № 760 «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь № 285 от 18 июня 2005 года», который запретил нанимать сотрудников, не являющихся членами семьи. В итоге деятельность белорусских ИП ограничивалась рамками семейного бизнеса. Это нововведение имело мощный криминогенный эффект, поскольку поощряло фиктивную регистрацию дополнительных ИП («отдельных лиц»). В 2008 г. юридические, а не социально-экономические факторы повлияли на рост числа МП (до 32,7 %). Государственная политика фактически вынудила ИП принять решение стать бизнес-менеджерами.

После таких кардинальных мер власти оперативно приняли ряд правовых документов для активизации предпринимательской деятельности: Закон от 1 июля 2010 г. № 148-3 Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего бизнеса» и Указ от 21 мая 2009 г. № 255 Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства». Эти документы были большим успехом для предпринимательства из-за объявленной финансовой и информационной поддержки для МСП. Правительство приняло Постановление от 30 декабря 2010 г. № 1911 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь “О поддержке малого и среднего предпринимательства” от 30 декабря 2010 года», в котором были приняты положения о центрах продвижения бизнеса, инкубаторах малого бизнеса, финансовой поддержке бизнесменов и расширении взаимного кредита для МСП. Общие подходы к регулированию бизнеса формализованы в Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании предпринимательской деятельности в Республике Беларусь». Все программы государственной поддержки МСП нацелены на создание благоприятного делового климата, устранение административных барьеров для предпринимательства, внедрение прогрессивных финансовых технологий для поддержки среднего и малого бизнеса, создание новых рабочих мест, замещение импорта, внедрение целевой методологической и информационной поддержки, оказание

консультативных, образовательных и юридических услуг.

Подводя итоги, следует сказать, что нормотворческий этап характеризуется решительной политико-управленческой и реформаторской деятельностью властей, которая существенно изменила нормативно-правовую среду для предпринимательской деятельности. Были приняты принципиально важные меры для развития МСП, в частности по увеличению количества МП (но не из-за возникновения новых фирм, а за счет повторной регистрации ИП). Протестное поведение ИП, порожденное постоянно изменяющимися со стороны властей «правилами игры», не вызвало ответной реакции общества, поскольку ИП рассматривается населением как пережиток челночества. Кроме

того, Беларусь уже затронула общемировая тенденция укрупнения розничной торговли (торговля ИП в крупных торгово-развлекательных комплексах). Подобно тому, как средний класс выполняет для общества функцию социального стабилизатора, так МП для предпринимательства – функцию экономического донора, при этом лучше, если она выполняется под чутким руководством. В связи с этим в республике основополагающим принципом политико-управленческой деятельности в отношении частных МП выбран «режим строгого благоприятствования с тяготением к указанию направлений их деятельности»⁴. Преимущество такого режима заключается в социально-инновационной деятельности МП под максимальным контролем.

Менеджерский этап (с 2011 г. по настоящее время)

Политико-управленческая деятельность, характеризующаяся сильным государственным регулированием, предполагает наличие у государственных служащих высокого уровня профессионализма. Возрастают требования к эффективности государственных структур, квалификации и моральным качествам работников административно-управленческого аппарата. Их главная задача – своевременно выявлять проблемные вопросы, в том числе касающиеся МСП, и принимать эффективные решения в рамках единой стратегии социально-экономического развития. Одним из показателей квалификации госслужащих в конкретной сфере деятельности является содержание принимаемых нормативных правовых актов. В формате государственно-частного партнерства (ГЧП) «именно правильно подготовленный закон посылает правильный сигнал инвестору» [33]. Серьезным барьером в реформаторской деятельности властей является наметившаяся в республике тенденция к ускорению ротации управленческих кадров, что не позволяет достичь чиновнику должного профессионального уровня за короткий срок. Как результат, во взаимном доверии власти и бизнеса присутствует аккуратная настороженность, приводящая к медлительности в принятии совместных решений. Сегодня именно такая ситуация является основой для становления ГЧП в Беларуси.

В настоящее время белорусские власти проявляют большую заинтересованность в ГЧП, чем предприниматели, поскольку для властей привлечение инвестиций в формате ГЧП разрешает проблему приватизации в республике. Население из-за низкой информированности о партнерстве власти и бизнеса [34, с. 175], в том числе о ГЧП-проектах,

находится в состоянии пассивного наблюдателя. Для социально ответственного предпринимательства главным ожидаемым результатом наравне с получением прибыли становится социальная поддержка его действий. По этой причине для участия представителей бизнеса в ГЧП власти должны создать стимулирующие условия не только экономического, юридического, но и социального характера (например, дать бизнесу возможность принимать решения на государственном уровне или делегировать предпринимателям часть государственных прав и ответственности). В свою очередь, предпринимателям необходимо рассматривать ГЧП как еще одну реальную возможность интеграции своих интересов в целостную систему отношений.

Что касается общества, то уровень привлекательности предпринимательства для экономически активного населения республики остается низким. Его доля в малом частном предпринимательстве составляет 37,4 % [35; 36], тогда как в развитых странах она достигает 70 %. Политико-управленческая деятельность властей давно определила жесткие рамки для предпринимательства: установлены четкие ограничения в стратегических отраслях, таких как нефтегазовая и химическая промышленность, добыча полезных ископаемых. Предприниматели определили для себя отрасли и направления, которые менее регулируются государством: IT-технологии, интернет-индустрия, розничная торговля, строительство. Международный успех белорусского МСП в области высоких технологий (*IBAGroup, EPAM Systems, Intrasion, Oxagile*) значительно повысил уровень общественного доверия к отечественному предпринимательству. Пред-

⁴Герасименко А. Свен-Олаф Невиак, консультант Белорусского союза предпринимателей и нанимателей им. М. Кунявского. Режим строгого благоприятствования : интервью // Экон. газ. 2009. № 85 (1303). С. 1, 3.

приниматель-производитель, а не потребитель отвечает социальным ожиданиям властей и общества. Сегодня одна из престижнейших профессий в Беларуси – это предприниматель в IT-сфере. При этом парадоксально, что только 36,2 % населения положительно относятся к предпринимателям (нейтрально – 35,7 %, отрицательно – 9,9 %, не определились – 17,8 %, не ответили – 0,4 %). Экономическую ситуацию в Беларуси по отношению к предпринимательству оценивают как благоприятную 37,6 %, неблагоприятную – 33,9 %, не определились – 27,7 %, не ответили – 0,8 % [37]. Таким образом, и спустя 30 лет, после «перестроечного» этапа около 1/3 населения Беларуси поддерживает предпринимателей, т. е. с самого начала развития у предпринимательства сформировалась стабильная группа поддержки среди населения. Поскольку еще в начале 2000-х гг. сами предприниматели (общественные объединения) впервые подняли вопрос о социальной ответственности отечественного бизнеса, то активизация их социально-инновационной деятельности позволит предпринимателям привлечь на свою сторону и нейтрально относящихся к ним людей. В силу своей конкурентной

специфики предпринимательская деятельность не может быть полностью прозрачной. Кредит общественного доверия получает конкретное лицо. Анкета предпринимателя-кредитополучателя социального доверия должна быть безупречной в глазах общественности. Практика показывает, что предприниматель должен обладать следующими признаками:

- скромный первоначальный социальный статус (бывший наемный работник, инженер);
- минимальный стартовый капитал;
- длительный период приумножения капитала;
- публичная карьера, включая взлеты и падения;
- родственники во властных структурах.

Вдобавок предприниматель должен иметь высшее образование и обладать высокими моральными качествами, что выступает гарантией социальной ответственности бизнеса и его справедливости. Можно сказать, что на данный момент осторожные шаги Беларуси в направлении рыночной экономики с сильной социальной политикой приводят к благоразумной поддержке предпринимательства со стороны общества.

Заключение

В Республике Беларусь социально-инновационная деятельность предпринимателей находится в сильной зависимости от политико-управленческой деятельности властей. Реформы, касающиеся организационной формы и отраслевой структуры предпринимательства, носят радикальный характер и, по сути, направлены на создание так называемого предпринимательского среднего класса – малого и среднего предпринимательства. С учетом изменений в поведенческих стратегиях предпринимателей выделяются 5 этапов в развитии белорусского предпринимательства:

- 1) перестроечный, 1985–1990 гг.;
- 2) либеральный, 1991–1993 гг.;
- 3) консервативный, 1994–2003 гг.;
- 4) нормотворческий, 2004–2010 гг.;
- 5) менеджерский, с 2011 г. по настоящее время.

Белорусские власти сами взяли на себя инициативу развивать предпринимательство. Изначально предприниматели такую стратегию поддержали. Однако требовательная политико-управленческая деятельность властей привела к сдерживанию частной инициативы экономически активного населения. Реформаторская деятельность властей по отношению к предпринимательству не выглядит привлекательной, поскольку реформы продолжают продвигаться мерами, характерными для административной системы. Поэтому, если на первых двух этапах государство было «регулятором» предпринимательской деятельности, то в последующие оно

стало «навигатором» всей системы. Предпринимательство постепенно превратилось в пассивного донора, а не в ключевого агента, способствующего социально-экономическому развитию. Можно ли изменить ситуацию? Как показывает практика, белорусские власти испытывают постоянные проблемы в плане использования значительных достижений в реформаторской деятельности из-за сильного политико-административного влияния. Что касается предпринимательства, то крупный бизнес в республике – это полугосударственные предприятия-гиганты, а малое и среднее предпринимательство не представляет собой серьезную политическую силу для лоббирования своих интересов в правительстве. Поэтому МСП с большей, чем так называемый крупный бизнес, настороженностью относится к реформаторской деятельности властей, которая в последние полгода пугает своей инновационностью (например, принятие Декрета от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», создающего максимально благоприятные условия для развития IT-отрасли). Полагаем, что государственная политико-управленческая деятельность и далее будет поддерживать крупные предприятия, поскольку они определяют образ национальной экономики, в то время как бремя реформаторской деятельности властей ляжет на малое и среднее предпринимательство (например, выстраивание партнерских отношений в ГЧП-проектах).

Библиографические ссылки

1. Индекс делового пессимизма. Экономическая политика не в радость бизнесу [Электронный ресурс] // Белгазета. 2015. № 9 (985). URL: http://www.belgazeta.by/ru/988/topic_week/30789/ (дата обращения: 10.12.2017).
2. Обращение с Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. 2015. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301/ (дата обращения: 11.12.2017).
3. *Aidis R., Estrin S., Mickiewicz T.* Institutions and entrepreneurship development in Russia: a comparative perspective // *J. Bus. Ventur.* 2008. Vol. 23, № 6. P. 656–672. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2008.01.005>.
4. *Rehn A., Taalas S.* Znakomstva i svyazi (Acquaintances and connections) – Blat, the Soviet Union, and mundane entrepreneurship // *Entrepreneurship Regional Dev.* 2004. Vol. 16, № 3. P. 235–250. DOI: <https://doi.org/10.1080/0898562042000197108>.
5. *Smallbone D., Welter F.* The distinctiveness of entrepreneurship in transition economies // *Small Bus. Econ.* 2001. Vol. 16, № 4. P. 249–262. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:101115921>.
6. *Smallbone D., Welter F.* The role of government in SME development in transition economies // *Int. Small Bus. J.* 2001. Vol. 19, № 4. P. 63–77. DOI: [10.1177/0266242601194004](https://doi.org/10.1177/0266242601194004).
7. *Smallbone D., Welter F.* Entrepreneurship and government policy in former Soviet republics: Belarus and Estonia compared // *Environment Plan. C: Government Policy.* 2010. Vol. 28. P. 195–210. DOI: [10.1068/c0834b](https://doi.org/10.1068/c0834b).
8. *Xheneti M., Kitching J.* From discourse to implementation: enterprise policy development in postcommunist Albania // *Environment Planning C: Government Policy.* 2011. Vol. 29, № 6. P. 1018–1036. DOI: [10.1068/c10193b](https://doi.org/10.1068/c10193b).
9. *Acs Z., Desai S., Hessels J.* Entrepreneurship, economic development and institutions // *Small Bus. Econ.* 2008. Vol. 31, № 3. P. 219–234. DOI: [10.1007/s11187-008-9135-9](https://doi.org/10.1007/s11187-008-9135-9).
10. *Ebner A.* Entrepreneurship and economic development: from classical political economy to economic sociology // *J. Econ. Stud.* 2005. Vol. 32, № 3. P. 256–274. DOI: [10.1108/01443580510611047](https://doi.org/10.1108/01443580510611047).
11. *Etzioni A.* Entrepreneurship, adaptation and legitimation // *J. Econ. Behav. Organ.* 1987. Vol. 8, № 2. P. 175–189. DOI: [10.1016/0167-2681\(87\)90002-3](https://doi.org/10.1016/0167-2681(87)90002-3).
12. *Smallbone D., Welter F.* Entrepreneurship and institutional change in transition economies: the commonwealth of Independent States, Central and Eastern Europe and China compared // *Entrepreneurship Regional Dev.: An Int. J.* 2012. Vol. 24, № 3–4. P. 215–233. DOI: <https://doi.org/10.1080/08985626.2012.670914>.
13. *Valliere D., Peterson R.* Entrepreneurship and economic growth: evidence from emerging and developed countries // *Entrepreneurship Regional Dev.: An Int. J.* 2009. Vol. 21, № 5–6. P. 459–480. DOI: <https://doi.org/10.1080/08985620802332723>.
14. *Голенкова З. Т.* Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология.* 2001. № 1. С. 28–43.
15. *Лапин Н. И.* Пути России: социокультурные трансформации. М. : Ин-т философии РАН, 2000.
16. *Ядов В. А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // *Об-во и экономика.* 1999. № 10–11. С. 65–72.
17. *Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М. : Дело, 2002.
18. Диалог с молодежью: вопросы и ответы / сост. А. Н. Данилов; редкол. Е. М. Бабосов [и др.]. Минск : Беларусь, 1988. Вып. 2.
19. *Белоусов Р. А.* Коренная перестройка управления экономикой СССР. М. : Мысль, 1989.
20. Народное хозяйство СССР в 1988 г. : стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1989.
21. Народное хозяйство СССР в 1990 г. : стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1991.
22. *Антоенков Е. Г., Дегтярев Г. П., Каткульский Е. Д.* Общественное мнение о кооперации // *Социол. исслед.* 1988. № 6. С. 3–11.
23. *Улыбин К. А.* Социально-экономический потенциал индивидуального труда // *Социол. исслед.* 1988. № 4. С. 14–19.
24. *Абалкин Л. И.* Перестройка: пути и проблемы: интервью директора Института экономики АН СССР академика Л. И. Абалкина с советскими и иностранными журналистами. М. : Экономика, 1988.
25. *Бабеева Л. В., Нелсон Л.* Предприниматели о бизнесе и о себе // *Малый бизнес, рынок и общество.* 1991. № 3. С. 108–119.
26. *Бабеева Л. В., Нельсон Л.* Мы о кооператорах и кооператоры о себе // *Перестройка отношений на производстве, в быту и сфере досуга.* М., 1992. С. 49–72.
27. Народное хозяйство Республики Беларусь в 1993 г. : стат. ежегодник / Гос. ком. Беларуси по статистике и анализу. Минск : Беларусь, 1994.
28. *Подгорный Г. В.* Разумно ли чуждаться малого бизнеса (заметки с международной научно-практической конференции) // *Финансы, учет и аудит.* 1999. № 7–8. С. 75–76.
29. *Андрос И. А.* Становление бизнеса в Беларуси: мнение предпринимателей // *Социология.* 2002. № 1. С. 86–90.
30. *Титаренко Л. Г.* «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания // *Социол. исслед.* 2003. № 12. С. 96–107.
31. *Шавель С. А., Раков А. А., Рубанов А. В. и др.* Что думает население Беларуси о приватизации. Минск : Беларусь, 1992.
32. *Андрос И. А.* Белорусский предприниматель в обществе и государстве: историко-социологический анализ. Минск : Беларус. навука, 2015.
33. Международные эксперты отмечают потенциал Беларуси в развитии государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] // БЕЛТА. URL: <http://www.belta.by/economics/view/mezhdunarodnye-eksperty-otmechajut-potentsial-belarusi-v-razvitii-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-28290-2013> (дата обращения: 10.03.2018).
34. *Кобяк О. В.* Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования. Минск : РИВШ, 2015.

35. Труд и занятость в Республике Беларусь : стат. сб. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016.
36. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь : стат. сб. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016.
37. Данные республиканского опроса «Беларусь–2030» / Институт социологии НАН Беларуси. Минск, 2014.

References

1. [Index of business pessimism. Economic policy is not pleasurable to business]. *Belgazeta* [Belarus. newspaper.]. 2015. No. 9 (985). URL: http://www.belgazeta.by/ru/988/topic_week/30789/ (date of access: 10.12.2017) (in Russ.).
2. State of the nation address to the Belarusian people and the National Assembly. *President of the Republic of Belarus*. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-so-braniju-11301/ (date of access: 11. 12.2017) (in Russ.).
3. Aidis R., Estrin S., Mickiewicz T. Institutions and entrepreneurship development in Russia: a comparative perspective. *J. Bus. Ventur.* 2008. Vol. 23, No. 6. P. 656–672. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2008.01.005>.
4. Rehn A., Taalas S. Znakomstva i svyazi (Acquaintances and connections): Blat, the Soviet Union, and mundane entrepreneurship. *Entrepreneurship Regional Dev.* 2004. Vol. 16, No. 3. P. 235–250. DOI: <https://doi.org/10.1080/0898562042000197108>.
5. Smallbone D., Welter F. The distinctiveness of entrepreneurship in transition economies. *Small Bus. Econ.* 2001. Vol. 16, No. 4. P. 249–262. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:101115921>.
6. Smallbone D., Welter, F. The role of government in SME development in transition economies. *Int. Small Bus. J.* 2001. Vol. 19, No. 4. P. 63–77. DOI: [10.1177/0266242601194004](https://doi.org/10.1177/0266242601194004).
7. Smallbone D., Welter, F. Entrepreneurship and government policy in former Soviet republics: Belarus and Estonia compared. *Environment Plan. C: Government Policy*. 2010. Vol. 28. P. 195–210. DOI: [10.1068/c0834b](https://doi.org/10.1068/c0834b).
8. Xheneti M., Kitching J. From discourse to implementation: enterprise policy development in postcommunist Albania. *Environment Plan. C: Government Policy*. 2011. Vol. 29, No. 6. P. 1018–1036. DOI: [10.1068/c10193b](https://doi.org/10.1068/c10193b).
9. Acs Z., Desai S., Hessels J. Entrepreneurship, economic development and institutions. *Small Bus. Econ.* 2008. Vol. 31, No. 3. P. 219–234. DOI: [10.1007/s11187-008-9135-9](https://doi.org/10.1007/s11187-008-9135-9).
10. Ebner A. Entrepreneurship and economic development: From classical political economy to economic sociology. *J. Econ. Stud.* 2005. Vol. 32, No. 3. P. 256–274. DOI: [10.1108/01443580510611047](https://doi.org/10.1108/01443580510611047).
11. Etzioni A. Entrepreneurship, adaptation and legitimation. *J. Econ. Behav. Organ.* 1987. Vol. 8, No. 2. P. 175–189. DOI: [10.1016/0167-2681\(87\)90002-3](https://doi.org/10.1016/0167-2681(87)90002-3).
12. Smallbone D., Welter F. Entrepreneurship and institutional change in transition economies: The commonwealth of Independent States, Central and Eastern Europe and China compared. *Entrepreneurship Regional Dev.: An Int. J.* 2012. Vol. 24, No. 3–4. P. 215–233. DOI: <https://doi.org/10.1080/08985626.2012.670914>.
13. Valliere D., Peterson R. Entrepreneurship and economic growth: evidence from emerging and developed countries. *Entrepreneurship Regional Dev.: An Int. J.* 2009. Vol. 21. No 5–6. P. 459–480. DOI: <https://doi.org/10.1080/08985620802332723>.
14. Golenkova Z. T. [Main tendencies of transformation of social structure in the modern Russian society]. *Vestnik Ros. univ. družby narodov. Ser. Sotsiologiya* [RUDN J. Soc.]. 2001. No 1, P. 28–43 (in Russ.).
15. Lapin N. I. *Puti Rossii: sotsiokul turnye transformatsii* [Russia's Paths: Socio-cultural Transformations]. Moscow : Inst. Philos. RAS, 2000 (in Russ.).
16. Yadov V. A. [Russia as a Transforming Society : A Resume of the Long-Standing Discussions between Sociologists]. *Obschestvo i Ekonomika* [Soc. Econ.]. 1999. No. 10–11. P. 65–72 (in Russ.).
17. Zaslavskaya T. I. *Sotsialnaya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: Deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [Transformation of the Russian society: The activity and structure-based framework]. Moscow : Delo, 2002 (in Russ.).
18. Danilov A. N. (compl.) *Dialog s molodezhyu: voprosy i otvety* [Dialogue with young people: Questions and Answers]. Minsk : Belarus, 1988. Issue 2 (in Russ.).
19. Belousov R. A. *Koren'naya perestroika upravleniya ekonomikoi SSSR* [Cardinal reconstruction of economic management of the USSR]. Moscow : Mysl', 1989 (in Russ.).
20. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1988 g.: stat. ezhegodnik* [The National Economy of the USSR in 1988: statistical year-book]. Goskomstat of the USSR. Moscow : Finansy i statistika, 1989 (in Russ.).
21. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1988 g.: stat. ezhegodnik* [The National Economy of the USSR in 1990: Statistical Year-book]. Goskomstat of the USSR. Moscow : Finansy i statistika, 1991 (in Russ.).
22. Antoshenkov E. G., Degtyarev G. P., Katul'sky E. D. [Public opinion about cooperation]. *Sotsiologicheskie issled.* [Social. Stud.]. 1988. No. 6. P. 3–11 (in Russ.).
23. Ulybin K. A. [Socio-economic potential of individual labor]. *Sotsiologicheskie issled.* [Social. Stud.]. 1988. No 4. P. 14–19 (in Russ.).
24. Abalkin L. I. *Perestroika: puti i problemy: interv'yu direktora Instituta ekonomiki AN SSSR akademika L. I. Abalkina s sovet'skimi i inostrannymi zhurnalistami* [Perestroika: ways and problems. Interview with academician L.I. Abalkin]. Moscow : Ekonomika, 1988 (in Russ.).
25. Babaeva L. V., Nelson L. D. [Entrepreneurs about Business and Themselves]. *Malyi biznes, rynek i obshchestvo* [Small Bus., Market Soc.]. 1991. No. 3. P. 108–119 (in Russ.).
26. Babaeva L. V., Nelson L. [We speak about cooperators and cooperators speak about themselves]. In: *Perestroika ot-noshenii na proizvodstve, v bytu i sfere dosuga* [Rebuilding relationships at the place of production, in everyday life and leisure activities]. Moscow, 1992. P. 49–72. (in Russ.).
27. *Narodnoe khozyaistvo Respubliki Belarus' v 1993 g. : stat. ezhegodnik* [National statistical and analytical comitee. The national economy of the Republic of Belarus in 1993 : statistical Yearbook]. Minsk : Belarus, 1994 (in Russ.).
28. Podgornyy G. V. [Is it Prudent to Avoid a Small Business]. *Finansy. Uchet. Audit.* [Finance. Account. Audit.]. 1999. No. 7–8. P. 75–76 (in Russ.).

29. Andras I. A. [The Development of Business in Belarus: Opinion of Entrepreneurs]. *Sotsiologia* [Sociology]. 2002. No. 1. P. 86–90 (in Russ.).
30. Titarenko L. G. [«Paradoxical Belarusian»: Contradictions of mass consciousness]. *Sotsiologicheskie issled.* [Soc. stud.]. 2003. No. 12. P. 96–107 (in Russ.).
31. Shavel' S. A., Rakov A. A., Rubanov A. V. et al. *Chto dumaet naselenie Belarusi o privatizatsii* [What Does the Population of Belarus Think about Privatization]. Minsk : Belarus, 1992 (in Russ.).
32. Andras I. A. *Belorusskiy predprinimatel v obschestve i gosudarstve: istoriko-sotsiologicheskiy analiz* [Belarusian Entrepreneur in Society and State: Historico-Sociological Analysis]. Minsk : Belaruskaya nauka, 2015 (in Russ.).
33. [International Experts Note the Capacity of Belarus in Development of Public-Private Partnership]. *BELTA*. 2013. URL: <http://www.belta.by/economics/view/mezhdunarodnye-eksperty-otmechajut-potentsial-belarusi-v-razvitii-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-28290-2013> (date of access: 10.03.2018) (in Russ.).
34. Kobyak O. V. *Ekonomicheskoe povedenie: printsipy i metodyi sotsiologicheskogo modelirovaniya* [Economic behavior: principles and methods of sociological modeling]. Minsk : RIVSH, 2015 (in Russ.).
35. *Trud i zanyatost' v Respublike Belarus'* [Labour and Employment in the Republic of Belarus] : statistical book. Minsk : National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2016 (in Russ.).
36. *Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Respublike Belarus'* [Small and Medium-sized business in the Republic of Belarus] : statistical book. Minsk : National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2016 (in Russ.).
37. *Dannye respublikanskogo oprosa «Belarus'–2030»* [Republican opinion survey Belarus-2030]. *Institut sotsiologii NAN Belarusi* [Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus]. Minsk, 2014 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 19.04.2018.
Received by editorial board 19.04.2018.

МОТИВАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КАЧЕСТВО ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Р. В. КАРАПЕТЯН¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7–9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Представляется анализ статистического материала по проблеме мотивации трудовой деятельности, отношения к труду и экономической активности жителей Санкт-Петербурга. Исследуются основные социально-демографические характеристики населения Санкт-Петербурга во взаимосвязке с их мотивацией к труду. Выявляются особенности взаимосвязи предпочтений трудовой активности и пола, возраста, семейного положения, образования респондентов. Анализируются динамика экономической активности и качество трудовых ресурсов Санкт-Петербурга. Утверждается, что в рассматриваемом периоде сохраняется тенденция к увеличению доминирования рыночных факторов в мотивации труда петербуржцев, деньги (зарплата) становятся основным и часто единственным мотиватором трудовой активности. Изменения коснулись сфер приложения труда, все большее распространение получает сфера обслуживающего труда, следовательно, трансформациям подвергаются квалификации, востребованные сферой труда Санкт-Петербурга. Проведенный анализ позволил заключить, что в целом в рассматриваемом периоде кризисного и посткризисного состояния российской экономики в Санкт-Петербурге имела место положительная динамика развития трудовой сферы.

Ключевые слова: мотивация трудовой деятельности; экономическая активность; экономически активное население; качество трудовых ресурсов; жители Санкт-Петербурга.

MOTIVATION OF LABOR ACTIVITY AND QUALITY OF LABOR RESOURCES OF SAINT-PETERSBURG

R. V. KARAPETYAN^a

^aSaint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

The article presents an analysis of statistical material on the problem of motivation of labor activity, attitudes about work and economic activity of the inhabitants of Saint Petersburg. The main socio-demographic characteristics of the population of Saint Petersburg are investigated in relation to their motivation for work. The features of relation of preferences of labor activity with gender, age, family status, education, etc. are revealed of respondents. The dynamics of economic activity and the quality of labor resources of Saint Petersburg are analyzed. During the period under review, the trend of increasing the dominance of market factors in the motivation of Saint Petersburg's labor continued. Money (salary) becomes the main (often the only) motivator of labor activity. Changes have touched the spheres of labor application, the sphere of servicing labor is becoming more widespread, therefore, the qualifications demanded by the sphere of labor of Saint Petersburg are subject to transformation. The analysis carried out in the article made it possible to conclude that, in general, during the crisis and post-crisis period of the Russian economy, the positive dynamics of the development of the labor sphere still took place in Saint Petersburg.

Key words: motivation of labor activity; economic activity; economically active population; quality of labor resources; inhabitants of Saint Petersburg.

Образец цитирования:

Карапетыан Р. В. Мотивация трудовой деятельности и качество трудовых ресурсов Санкт-Петербурга // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 141–150.

For citation:

Karapetyan R. V. Motivation of labor activity and quality of labor resources of Saint-Petersburg. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 141–150 (in Russ.).

Автор:

Рубен Вартанович Карапетыан – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры экономической социологии факультета социологии.

Author:

Ruben V. Karapetyan, PhD (economics), docent; associate professor at the department of economic sociology, faculty of sociology.
ruben.v.karapetyan@spbu.ru

Введение

Современное состояние социально-трудовой сферы в Санкт-Петербурге определено в первую очередь изменениями, происходящими в экономике страны. Санкт-Петербург представляет собой крупнейший мегаполис не только России, но и всего мира, соответственно, этот город интегрирован во множественные экономические связи с другими регионами страны, а также со значительным количеством зарубежных центров экономической деятельности. Внешняя экономическая политика государства оказывает на состояние социально-трудовой сферы Санкт-Петербурга не меньшее влияние, чем внутренняя.

Период с 2000 по 2014 г. был ознаменован растущей стабильностью социально-трудовой сферы, формированием прозрачности социально-трудовых процессов и устоявшимися предпочтениями в отношении мотиваторов трудовой деятельности¹.

В этот период новый импульс получили процессы трансформации рыночных трудовых отношений, на качественно новый уровень были подняты вопросы условий труда и его содержания. Несмотря на то, что проблемы роста производительности труда и занятости продолжали оставаться острыми и актуальными, за названный период Санкт-Петербургу удалось смягчить влияние и последствия кризиса 2008–2010 гг., продемонстрировав и в последующие годы высокую экономическую активность населения.

В свою очередь, изменение экономической ситуации в стране, начавшееся в 2015 г., не могло не оказать влияния на настроение работоспособного населения, выстраиваемые приоритеты трудовой деятельности, мотивированность субъектов, а также на их предпочтения и трудовую активность.

Мотивы трудовой активности жителей Санкт-Петербурга

Отношение к труду и мотивацию трудовой деятельности жителей Санкт-Петербурга можно проследить, основываясь на определении иерархии предпочтений выбора населением работы в зависимости от гарантий стабильности занятости и величины заработка.

Их содержание было раскрыто на основании выбора одного из ответов на вопрос: *какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?* На выбор предлагалось семь вариантов ответа:

1) иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне;

2) иметь пусть небольшой, но твердый заработок;

3) иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу;

4) много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее;

5) иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск;

6) не знаю;

7) отказ от ответа.

Треть респондентов склонились к ответу *быть уверенным в завтрашнем дне* (рис. 1). Это приоритетный мотив выбора работы. Он объясняется в первую очередь нарастанием неуверенности в стабильности собственного положения в кризисный период. Наибольшее число респондентов, выбравших этот ответ, относилось к категориям

Рис. 1. Предпочтения респондентов в выборе работы, %

Fig. 1. Preferences of respondents in choice of their work, %

¹В контексте настоящего исследования мотивация трудовой деятельности рассматривается широко, как явление, не сводимое только к материально-вещественным стимулам сохранения рабочего места или повышения производительности труда. Под мотивацией труда понимается весь спектр факторов социального пространства, обуславливающий интеграцию населения в трудовую сферу и причины его активности в ней.

«женат (замужем)» – 34,4 %, «разведен(а)» – 37,9 % и «вдовец (вдова)» – 42,4 % (табл. 1), «трое и более детей» – 51,7 % (табл. 2), «среднее специальное образование» – 44,6 % (табл. 3). В категории «пол»

наибольшее предпочтение этому варианту ответа отдают женщины – 36,7 % (табл. 4), а в категории «возраст» – люди в возрасте 60 лет и старше – 44,3 % (табл. 5)².

Таблица 1

Зависимость предпочтений респондентов в выборе работы от их семейного положения

Table 1

Dependence of preferences of respondents in choice of their work and family status

Варианты ответов	Распределение ответов в зависимости от семейного положения, %					
	Женат (замужем)	Живет вместе с партнером, но не зарегистрирован(а)	Разведен(а)	Холост (не замужем)	Вдовец (вдова)	Отказ от ответа
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	34,4	29,7	37,9	22,1	42,4	33,3
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	21,5	27	10,3	30,2	3	0
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	17,2	18,9	20,7	26,7	0	66,7

Таблица 2

Зависимость предпочтений респондентов в выборе работы от наличия у них детей

Table 2

Dependence of preferences of respondents in choice work and having children

Варианты ответов	Распределение ответов в зависимости от количества детей, %				
	Один	Двое	Трое и больше	Нет	Отказ от ответа
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	35,6	32	51,7	23,6	42,8
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	21,1	21	0	26,8	14,3
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	15,3	14	27,6	24,4	28,6

Таблица 3

Зависимость предпочтений респондентов в выборе работы от их уровня образования

Table 3

Dependence of preferences of respondents in choice work and their level of education

Варианты ответов	Распределение ответов в зависимости от образования, %			
	Среднее специальное (профессиональное)	Незаконченное высшее	Высшее (бакалавр, специалист, магистр)	Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	44,6	25,9	31,1	26,7

²Рисунок 1 и табл. 1–6 составлены по результатам исследования, проведенного в 2014 г. в Санкт-Петербурге (руководитель исследования – доктор социологических наук, доцент Л. А. Лебединцева). Выборка репрезентативная, количество опрошенных респондентов – 940 человек. Данные обработаны с помощью системы CATI, Центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Окончание табл. 3
Ending table 3

Варианты ответов	Распределение ответов в зависимости от образования, %			
	Среднее специальное (профессиональное)	Незаконченное высшее	Высшее (бакалавр, специалист, магистр)	Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	10,7	3,7	4,6	2,2
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	8,9	13	11,7	6,7
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	16	29,6	21,9	22,2
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	8,9	22,2	18,45	28,9
Не знаю	8,9	3,7	6,6	6,7
Отказ от ответа	1,8	1,8	5,6	6,7

Таблица 4

Зависимость предпочтений респондентов в выборе работы от их пола

Table 4

Dependence of preferences of respondents in choice work and their gender

Варианты ответов	Распределение ответов в зависимости от пола, %	
	Мужчина	Женщина
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	26,3	36,7
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	26,3	17,1
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	25,1	14,2

Таблица 5

Зависимость предпочтений респондентов в выборе работы от их возраста

Table 5

Dependence of preferences of respondents in choice work and their age

Варианты ответов	Распределение ответов в зависимости от возраста, %				
	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и больше лет
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	21,6	38,1	36,8	17,7	44,3
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	30,7	15,9	27,6	25,8	6,8
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	29,5	22,2	17,1	22,6	5,7

Предпочтения получать высокий заработок и самостоятельно вести предпринимательскую деятельность оказались на втором и третьем местах по популярности соответственно (см. рис. 1). В этих случаях респонденты готовы пренебречь

гарантиями и стабильностью своего положения. Приведем наиболее частотные ответы в различных категориях:

1) в категории холост (не замужем) ответ *много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на*

будущее выбрали 30,2 %, а ответ *иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск* – 26,7 % опрошенных (табл. 1);

2) из респондентов, у которых нет детей, много зарабатывать и иметь собственное дело предпочли 26,8 % и 24,4 % соответственно (табл. 2);

3) среди опрошенных, имеющих незаконченное высшее образование, 29,6 % предпочли получать высокий заработок, а ответ *иметь собственное дело* стал предпочтительным для окончивших послеузовское (второе высшее, аспирантура и др.) обучение (28,9 %) (табл. 3);

4) оба вышеназванных утверждения оказались востребованными у 26,3 % и 25,1 % мужчин соответственно (табл. 4);

5) ответы *много зарабатывать и иметь свое дело с возможными рисками* стали предпочтительными для респондентов возрастной группы 18–29 лет (30,7 % и 29,5 % соответственно) (табл. 5).

Таким образом, большинство респондентов (32,1 %) мотивировано стабильным, пусть и небольшим заработком и гарантированной дальнейшей занятостью. Отчасти это говорит об ощущении населением Санкт-Петербурга собственной социальной незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне, невозможности относиться к труду как к средству приумножения материального благосостояния. С другой стороны, видна апелляция к государственной власти сохранить имеющуюся стабильность по принципу «чтобы хуже не было». На вопрос: *как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от общероссийской власти* – 43,7 % в общей сложности ответили *полностью зависит* или *пожалуй, зависит*.

Стремление к высокому заработку, не взирая на стабильность своего положения (второй по популярности ответ), свидетельствует о готовности части населения принять жизненные риски во имя материального благополучия. Этот факт говорит о самостоятельности и предприимчивости части населения, об уверенности в своих силах, о рыночных ориентирах в отношении к труду. Однако при-

мечательно, что возможные риски оправдываются не желанием заниматься интересным, творческим и развивающим трудом, а высоким заработком, что также подтверждает рыночные мотивы трудовой деятельности. Высокий заработок (30,7 %) в ущерб стабильности (20,6 %) – выбор прежде всего респондентов в возрасте 18–29 лет (см. табл. 4). Такое распределение ответов вполне закономерно. Молодое поколение всегда наиболее активно и амбициозно, оно готово к изменениям и непредсказуемым ситуациям, готово рисковать. Но риски должны вознаграждаться, и данная группа респондентов выбирает деньги.

Второй возрастной группой, отдавшей предпочтение высокому заработку (25,8 % желающих *много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее* против 17,7 % предпочитающих *иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне*) оказались люди предпенсионного возраста (50–59 лет). Как представляется, эти люди ориентированы на последний шанс продать свою рабочую силу по максимально высокой цене, поскольку выход на пенсию с весьма скромным размером выплат³[1] требует наличия накоплений.

Из общего массива респондентов Санкт-Петербурга всего 11 % людей предпочли *иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу* (см. рис. 1). Принимая во внимание то, что интересная и увлекательная работа чаще воспринимается как легкая, можно сказать, что лишь для каждого десятого опрошенного мотивация заключена в самом труде, т. е. труд и представляет собой основной мотив их деятельности. Для этой категории величина заработка не имеет принципиального значения, важнее оказываются свободное время и возможность самостоятельно им распоряжаться. Остальная часть ответивших предпочитает дарованную властью стабильность либо находит свободу в деньгах. Такая ситуация позволяет говорить о сформировавшемся «капиталистическом сознании» неуверенных в завтрашнем дне жителей Санкт-Петербурга.

Качество трудовых ресурсов Санкт-Петербурга

Качество трудовых ресурсов определяется в первую очередь уровнем и динамикой образования трудоспособного населения. Отметим, что процент трудоспособного населения как с высшим, так и со средним профессиональным образованием с 2005 по 2015 г. имел тенденции к росту, в первом случае – на 1,9 %, во втором – на 19,8 %, что в целом удовлетворяло потребности экономики региона.

Вместе с тем для получения полной картины происходящего, а именно для определения, в какой степени учебные заведения непосредственно Санкт-Петербурга обеспечивали этот прирост, необходимо рассмотреть показатели системы профессионального образования и их динамику.

Численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих в период кризиса 2008–2010 гг., снизи-

³По данным Пенсионного фонда Российской Федерации на 25.05.2018 г. средний размер наиболее распространенного вида обеспечения составил 8,8 тыс. руб.

лась в 2 раза по сравнению с 2005 г. (с 42,1 в 2005 г. до 20,3 тыс. человек в 2011 г., т. е. на 21,8 тыс. учащихся). После 2011 г. наметилась тенденция к увеличению учащихся (до 21,5 тыс. человек в 2014 г.), но это явление никак не восстановило значения «благополучных» годов (рис. 2).

Та же тенденция, но в более сдержанных масштабах наблюдалась и среди обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена (см. рис. 2). В 2005 г. их численность в Санкт-Петербурге составляла 75,7 тыс., в 2011 г. – 62,5 тыс., а в 2014 г. – 63,6 тыс. человек. Таким образом, число учащихся среднего звена сократилось на 15,8 %, для сравнения численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, сократилась в этот же период на 48,9 %.

Отметим, что тенденция к снижению численности учащихся отмечалась именно в кризисный и посткризисный периоды, в связи с этим можно допустить, что сегодня, в период кризиса, возможно повторение данной тенденции.

Заметим также, что число предприятий сокращалось не так стремительно. В 2005 г. их численность в Санкт-Петербурге составляла 368 991 единиц, в 2014 – 357 124, т. е. сокращение составило всего 3,2 % [2]. Однако число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих и служащих, сократилось с 71 в 2005 г. до 27 организаций в 2014 г., т. е. на 62 % [3]. Реструктуризации также подверглись профессиональные образовательные организации, осуществляющие подготовку специалистов среднего звена, в 2005 г. насчитывалось 86 таких заведений, а в 2014 г. – 60, что на 30,2 % боль-

ше [4]. В связи с этим вызывают недоумение высказывания представителей правительства о нехватке квалифицированных рабочих и служащих. При столь мощном сокращении учебных заведений, готовящих таких специалистов, дефицит работников был естественным и прогнозируемым явлением.

Касательно учащихся высших учебных заведений следует отметить, что, начиная с 2005 г., их численность неуклонно сокращалась (рис. 3), к 2016 г. сокращение достигло 26 %.

В этот период в Санкт-Петербурге сократилась и численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры из расчета на 10 000 жителей города (рис. 4).

Линии тренда указывают на то, что экономический кризис 2008–2010 гг. никак не повлиял на сокращение численности студентов, поскольку в «благополучные» 2012–2014 гг. прослеживалась та же тенденция. Причиной можно считать политическое решение государства сократить численность обучающихся в высших учебных заведениях. Подтверждение этому мы находим в сегодняшних обсуждениях вопросов о сокращении бюджетных мест в высших учебных заведениях и урезании финансирования госпрограммы «Развитие науки и технологий».

Проблема межпоколенной трудовой мобильности вскрывает изменения профессиональной занятости в более продолжительной перспективе, глубину предпочтений различных поколений. Данные опроса демонстрируют интересные закономерности в изменении форм занятости как среди всего населения, так и в дифференциации по половому признаку (табл. 6).

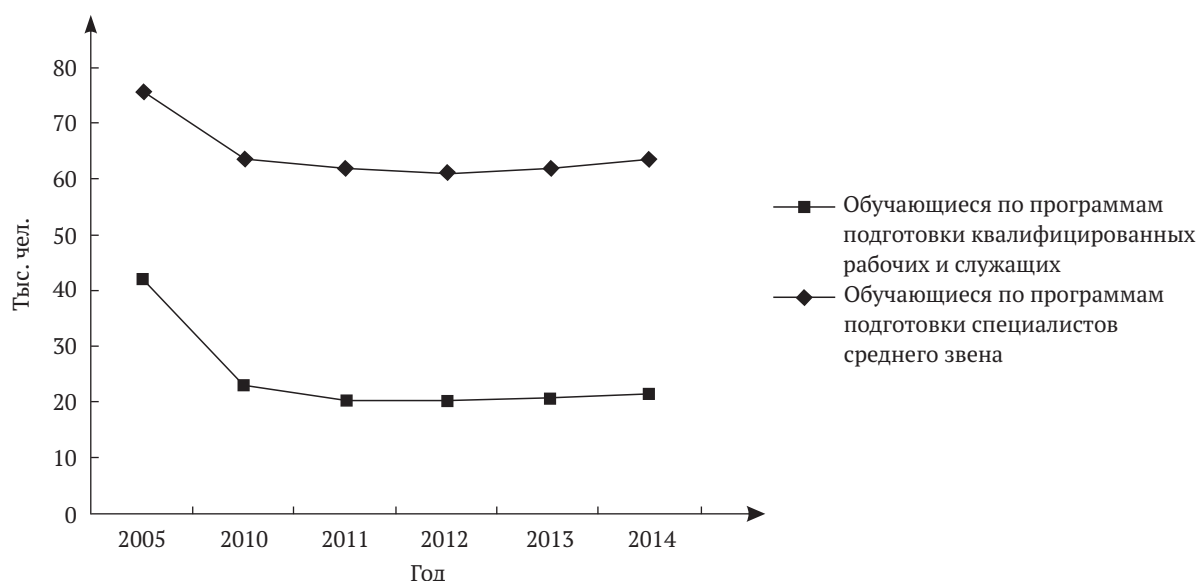

Рис. 2. Численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих и по программам подготовки специалистов среднего звена в Санкт-Петербурге в 2005–2014 гг.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2015 г. [2–5]

Fig. 2. Quantity of students, who trained in programs for the training of skilled workers and employees and for programs of specialists from the middle level in Saint-Petersburg from 2005 to 2014.

Source: Regions of Russia, socio-economic indicators, 2015 [2–5]

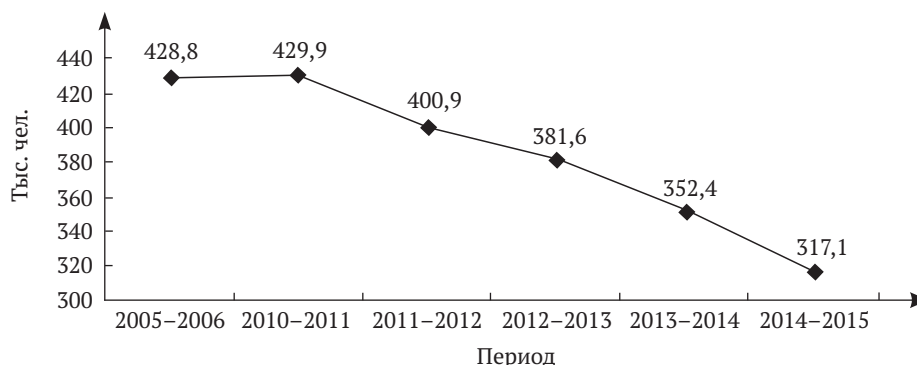

Рис. 3. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в Санкт-Петербурге в 2005–2015 гг.

Источник: [6; 7]

Fig. 3. Quantity of students, who studying in programs bachelors degree, masters degree, specialty in 2005–2015.

Source: [6; 7]

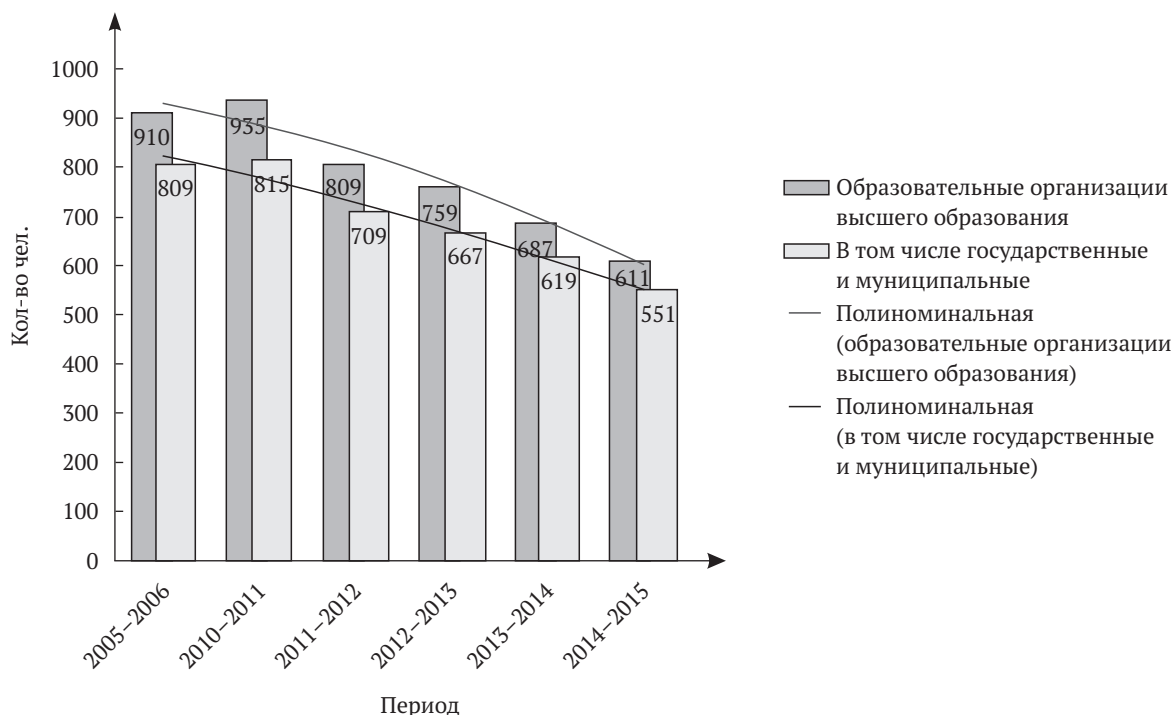

Рис. 4. Динамика изменения численности студентов Санкт-Петербурга, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения в 2005–2014 гг.

Источник: [8; 9]

Fig. 4. Dynamics of changes of Saint-Petersburg students quantity, who studying in programs bachelors degree, masters degree, specialty per 10000 people in 2005–2015.

Source: [8; 9]

Таблица 6

Распределение занятости в 1998 и 2015 гг. среди женщин и мужчин Санкт-Петербурга, %

Table 6

Distribution of employment in 1998 and 2015 among women and men of Saint-Petersburg, %

Вид занятости	Трудоустройство на сегодняшний день		Трудоустройство родителей в 1998 г.	
	Женщины	Мужчины	Матери	Отцы
Рабочие в сферах промышленности, транспорта, связи	4,8	11	8,7	15,4
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	14,4	16,5	7,8	9,4

Окончание табл. 6
Ending table 6

Вид занятости	Трудоустройство на сегодняшний день		Трудоустройство родителей в 1998 г.	
	Женщины	Мужчины	Матери	Отцы
Руководители госпредприятий, акционерных обществ	0	2,4	0,6	2,6
Предприниматели	3,4	9,8	1,7	4,0
Бухгалтеры, экономисты, работники банков	7,2	6,7	8,4	3,4
Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т. д.	17,8	11,6	19,8	10,3
Работники сфер быта и услуг	5,8	6,7	5	2,6
Работники сферы торговли	4,3	7,3	5,6	2,3
Военнослужащие, работники правоохранительных органов	1,4	2,4	2,2	8
Студенты, учащиеся	12,5	7,9	0,3	0
Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	0,5	0	0,8	0,9
Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	0	0	3,3	2,3
Пенсионеры (не сельские жители)	16,8	7,9	20,4	12
Не работали и не учились, не были пенсионерами	3,8	1,2	4,2	3,4
Другое	4,3	4,9	4,2	10,3
Не знаю	0	0	0,6	3,4
Отказ от ответа	2,9	3,7	6,4	9,7

В 1998 г. в Санкт-Петербурге максимальное количество людей работало врачами, преподавателями, работниками культуры, юристами и т. д. (более 30 %) В настоящее время наибольший контингент составляют инженерно-технические работники (ИТР), госслужащие, средний управленческий персонал (СУП) (более 30 %).

Наибольшее количество мужчин в 1998 г. являлись рабочими в сферах промышленности, транспорта, связи. На сегодняшний день они представлены ИТР, госслужащими, средним управленческим персоналом (16,5 %). На второй по популярности позиции в 1998 г. у мужчин была работа на должностях «врач», «преподаватель», «работник культуры», «юрист» и т. д. (10,3 %), такая же тенденция сохранилась и сейчас (11,6 %). Третья позиция разделена между ИТР, госслужащими, СУП в 1998 г. и рабочими в 2015 г. – 9,4 % и 11 % соответственно (рис. 5).

Максимальное количество женщин являлись врачами, преподавателями, работниками культуры, юристами и т. д., такая же тенденция наблюдается и сейчас. Однако численность женщин, работающих на этих должностях, несколько сократилась – с 19,8 % в 1998 г. до 17,8 % в 2015 г. (см. рис. 5).

За исследуемый период почти в два раза увеличилась численность женщин ИТР, госслужащих, СУП (до 14,4 %), на сегодняшний день это вторая по популярности позиция. В 1998 г. второе место было занято женщинами, работающими в сферах промышленности, транспорта, связи (см. рис. 5).

Третье место не претерпело изменений, оно закреплено за женщинами, работающими бухгалтерами, экономистами, работниками банков: 1998 г. – 8,4 %; 2015 г. – 7,2 % (см. рис. 5).

Распределение профессиональной деятельности по образованию также имело свою специфику. Так, в 1998 г. около 13 % рабочих в промышленности, на транспорте, в связи и столько же работников сферы быта и услуг и работников торговли имели среднее общее образование. На 2015 г. распределение оказалось следующим: рабочие в сферах промышленности, транспорта, связи – менее 1 %, быта и услуг – около 7 %, торговли – около 7 %.

В 1998 г. ИТР, госслужащие, СУП имели среднее специальное (профессиональное) (17 %) и высшее (бакалавр, специалист, магистр) (16 %) образование. Сегодня распределение таково: 13 % и 19 % соответственно.

Уровень образования врачей, преподавателей, работников культуры, юристов и т. д. практически не изменился по сравнению с 1998 г., он продолжает колебаться на отметках 15–16 % работников с высшим и 30–31 % с послевузовским образованием.

На основании приведенных выше фактов можно сказать, что с 1998 г. по настоящее время хотя и несущественно, но все же изменилась структура занятости населения Санкт-Петербурга, первое место отдается уже не профессиям «интеллигенции» (30 % в 1998 г.), а профессиям «служащих» (30,9 % в 2015 г.). Вторые по численности группы также подверглись изменениям, в 1998 г. это была группа

Рис. 5. Наиболее часто встречающиеся профессии в 1998 и 2015 гг. среди женщин и мужчин Санкт-Петербурга, % от общего числа ответивших

Fig. 5. Most frequent employment in 2015 and 1998 among women and men in Saint-Petersburg, % from the total number of respondents

рабочих в сферах промышленности, транспорта, связи – 24 % от общей численности опрошенных, в 2015 г. такой группой оказались врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т. д. – 29,3 %. Таким образом, наметилась тенденция снижения доли как работников производственного (индустриального), так и интеллектуального (творческого) труда в сторону обслуживающего, что не противоречит высказанному положению о том, что Санкт-Петербург развивается как постиндустриальный город.

Среди женщин самыми распространенными остаются профессии «врач», «преподаватель», «работник культуры» и т. д. Среди мужчин сегодня преобладают работники более высокой квалификации.

Численность мужчин, работающих в промышленности, на транспорте с 1998 г. по настоящее время сократилась на 4,5 %. На 7 % за это же время увеличилась численность мужчин ИТР, госслужащих, СУП. По всей вероятности, большая часть мужского населения из рабочих переквалифицировалась в ИТР и служащих, что потребовало более высокого образования (среднего специального и высшего). Не вызывает сомнения тот факт, что развитие постиндустриального мегаполиса предъявляет к качеству трудовых ресурсов требования постоянного повышения уровня профессионального образования, который оказывается все более востребованным как среди работодателей, так и среди наемной рабочей силы.

Заключение

Из представленного анализа вытекает несколько ключевых выводов о состоянии трудового населения Санкт-Петербурга. Понятно и объяснимо, что те тенденции, которые имели место в Санкт-Петербурге в исследуемый промежуток времени, были характерны для сферы труда всего российского государства и прежде всего мегаполисов. Делая поправку на непростую экономическую ситуацию в стране в начале 2000-х гг., следует отметить, что Санкт-Петербург демонстрировал положительную динамику в сфере труда. Даже негативные тенденции, которые наблюдались в этот период, удавалось проходить мягче и часто менее болезненно, чем во

многих других регионах. В этом видится сбалансированная грамотная трудовая политика, а также последовательность и прозрачность развития рыночной модели экономики.

К сожалению, в Санкт-Петербурге в обозначенный период продолжилась тенденция к старению работоспособного населения и увеличению доли населения пенсионного возраста. Однако положительные эмоции вызывает то, что Санкт-Петербург становится «женским» городом: включенность женщин в трудовые отношения по количественному признаку обгоняет включенность мужчин. По этому показателю в Российской Федерации

Санкт-Петербург уступает только Москве. Среди множества причин подобной тенденции следует указать то, что Санкт-Петербург из города интеллигенции и умственного труда постепенно превращается в город услуг, что является не исключением, а правилом развития мировых мегаполисов. Следовательно, Санкт-Петербург – прогрессивный современный город, в основе процветания которого лежит рыночная модель экономики. Жители города приспосабливаются к ней и все более принимают ее как единственно возможную.

Действительно, мотивированность трудового населения Санкт-Петербурга чаще имеет очевид-

ную экономическую (денежную, доходную) составляющую. Однако в этом нет ничего, что бы давало повод с осуждением смотреть на людей, все менее желающих работать за идею. Времена изменились, однако следует отметить, что рынок и принципы рыночной организации сферы труда не создают большую надежность занятости и стабильность доходов [5, с. 96–97]. Поэтому, сталкиваясь со множеством проблем и противоречий сферы труда, жители Санкт-Петербурга продолжают стремиться развивать свой образовательный и профессиональный потенциал, возможно, в надежде на лучшие времена.

Библиографические ссылки

1. Правительством России одобрен отчет об исполнении бюджета ПФР [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/khakasia/news/~2018/05/25/159822> (дата обращения: 12.06.2018).
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. Табл. 05-11-1 [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-11-1.doc (дата обращения: 12.06.2018).
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. Табл. 05-11-2. [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-11-2.doc (дата обращения: 12.06.2018).
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. Табл. 05-17-1 [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-17-1.doc (дата обращения: 12.06.2018).
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. Табл. 05-17-2 [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-17-2.doc (дата обращения: 12.06.2018).
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. Табл. 05-24-1 [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-24-1.doc (дата обращения: 12.06.2018).
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. Табл. 05-24-2. [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-24-2.doc (дата обращения: 12.06.2018).
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. Табл. 05-27-1 [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-27-1.doc (дата обращения: 12.06.2018).
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. Табл. 05-27-2 [Электронный ресурс] // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-27-2.doc (дата обращения: 12.06.2018).
10. Веселов Ю. В., Карапетян Р. В., Капустина Е. В. и др. Капитализм в России: в поисках новых институциональных оснований : коллект. моногр. / под ред. М. В. Синютина. СПб. : Реноме, 2013.

References

1. [The Russian government approved the report on the execution of the budget of the FIU]. *The Pension Fund of the Russian Federation*. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/khakasia/news/~2018/05/25/159822> (date of access: 12.06.2018) (in Russ.).
2. [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Tabl. 05-11-1. *The Pension Fund of the Russian Federation*. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-11-1.doc (date of access: 12.06.2018) (in Russ.).
3. [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Tabl. 05-11-2. *The Pension Fund of the Russian Federation*. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-11-2.doc (date of access: 12.06.2018) (in Russ.).
4. [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Tabl. 05-17-1. *The Pension Fund of the Russian Federation*. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-17-1.doc (date of access: 12.06.2018) (in Russ.).
5. [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Tabl. 05-17-2. *The Pension Fund of the Russian Federation*. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-17-2.doc (date of access: 12.06.2018) (in Russ.).
6. [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Tabl. 05-24-1. *The Pension Fund of the Russian Federation*. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-24-1.doc (date of access: 12.06.2018) (in Russ.).
7. [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Tabl. 05-24-2. *The Pension Fund of the Russian Federation*. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-24-2.doc (date of access: 12.06.2018) (in Russ.).
8. [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Tabl. 05-27-1. *The Pension Fund of the Russian Federation*. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-27-1.doc (date of access: 12.06.2018) (in Russ.).
9. [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Tabl. 05-27-2. *The Pension Fund of the Russian Federation*. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-27-2.doc (date of access: 12.06.2018) (in Russ.).
10. Veselov Y. V., Karapetyan R. V., Kapustina E. V. et al. *Kapitalizm v Rossii: v poiskakh novykh institutsional'nykh osnovanii* [Capitalism in Russia: in Search of New Institutional Foundations]. Saint Petersburg : Renome, 2013 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 24.04.2018.
Received by editorial board 24.04.2018.

УДК 314.743

ТРУДОВАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ УКРАИНЫ В ПОЛЬШУ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Б. СКОЧИНСКАЯ-ПРОКОПОВИЧ¹⁾

¹⁾Центр иностранных языков при Жешувском университете,
Алея Рейтана 16с, 35-959, г. Жешув, Польша

Проанализирована трудовая эмиграция украинцев в Польшу. Исследованы причины и основные этапы этого явления с конца XVIII до начала XXI в. Особое внимание обращено на поиск работы украинскими крестьянами Галичины с конца XIX до конца XX в. Выявлены основные направления трудовой эмиграции украинцев в исследуемый период. Представлены результаты анализа современной трудовой эмиграции украинцев в Польшу. Обсуждаются причины внешней трудовой миграции, четыре из которых выделены как основные. Определяется понятие трудовой миграции. Отмечается, что в процессе реализации принципов, принятых в Европейском Союзе, Польша создала организационные основы, в том числе правовые нормы трудовой миграции.

Ключевые слова: Украина; трудовая миграция; украинцы; эмиграция; миграционное движение; безработица; Республика Польша.

Благодарность. Автор выражает благодарность коллегам из БГУ за содержательные консультации и ценные замечания при подготовке настоящей статьи.

LABOR EMIGRATION FROM UKRAINE TO POLAND: HISTORY AND CURRENT STATUS

B. SKOCZYŃSKA-PROKOPOWICZ^a

^aThe Centre for Foreign Languages, University of Rzeszów,
16c Aleja Rejtana, Rzeszów 35-959, Poland

The article analyses labour emigration of the Ukrainians to Poland. The causes of this phenomenon, as well as the main stages of labour emigration of the Ukrainians during the late XVIII to – early XX centuries are investigated. Particular attention is paid to the search for work by the Ukrainian peasants of Galicia in the late XIX to XX centuries. The main directions of emigration of the Ukrainians during the period under investigation are identified. The article presents the results of the analysis of contemporary migration of Ukrainian citizens to Poland and discusses the causes of foreign (external) migrations; the four of them are shown as the major ones. The author defines the concept of labour migration. During the process of implementing the rules adopted in the European Union Poland has adopted the organisational foundations, including legal norms regarding the rules of employing economic migrants.

Key words: Ukraine; labour migration; the Ukrainians; emigration; migratory movement; unemployment; the Republic of Poland; Poland.

Acknowledgements. The author expresses her gratitude to colleagues from the Belarusian State University for informative consultations and valuable comments on the questions connected with this article.

Образец цитирования:

Скочинская-Прокопович Б. Трудовая эмиграция из Украины в Польшу: история и современное состояние // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 151–161.

For citation:

Skoczyńska-Prokopowicz B. Labor emigration from Ukraine to Poland: history and current status. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 151–161 (in Russ.).

Автор:

Барбара Скочинская-Прокопович – доктор гуманитарных наук в области социологии; заместитель директора.

Author:

Barbara Skoczyńska-Prokopowicz, doctor of humanitarian sciences in sociology; deputy of head.
a.b.prokopowicz@gmail.com

Украину трудно отнести к государствам с давней историей миграции, поскольку до недавнего времени происходило преимущественно освоение новых земель и переселение внутри страны. Выезд украинцев за границу, прежде всего из западно-украинских земель, приобрел массовый характер в XIX – начале XX в. В то время миграция охватила около 20 % западноукраинского населения. Чтобы лучше понять, как видоизменяются характер, направления, содержание и другие факторы внешней трудовой миграции, сделаем небольшой исторический экскурс.

Росту миграции на территории Северного Кавказа способствовало решение сената 1782 г. о раздаче государственным крестьянам земель на кавказской линии (Кавказская область была позже преобразована в Ставропольскую губернию). В 1845 г. численность крестьян-мигрантов в этой местности приближалась к отметке в 160 тыс. человек. В 1787 г. было создано Черноморское казачье войско за счет переселения бывших запорожцев. Через пять лет черноморские казаки заняли земли Кубани. Всего в 1792–1793 гг. на Кубань переселилось немногим меньше 25 тыс. человек. По данным отчета Кубанского казачьего войска, в 1862 г. на землях области проживало более 393 тыс. человек [1; 2].

Анализ внешних миграционных процессов в Украине с конца XIX в. до наших дней позволяет выделить четыре этапа их развития. *Первый этап* выпал на вторую половину XIX в. и продолжался до начала Первой мировой войны. Миграционное движение украинцев обуславливалось социально-экономическими причинами, а основным направлением стало переселение из Австро-Венгрии в Северную Америку и Южную Америку. *Второй этап* пришелся на период между двумя мировыми войнами и носил преимущественно политический характер. *Третий этап* массовой украинской эмиграции был обусловлен также возникшими на политической почве событиями и последствиями Второй мировой войны. *Четвертым этапом* миграции из Украины стал период после распада СССР, когда активизировалось миграционное движение.

Миграционные процессы в СССР, в свою очередь, можно разделить на три волны. Они обусловлены прежде всего политическими причинами. Первая и вторая волны миграции преимущественно вынужденные и приходятся на времена Первой мировой, гражданской и Второй мировой войн. Третья волна миграции была добровольной, в основном это так называемая этническая эмиграция времен холодной войны.

Безусловно, такое разделение является условным, поскольку потоки эмиграции периодически ослабевали и усиливались, но не исчезали, речь

идет о трех наивысших пиках эмиграции. Третья волна эмиграции впервые оказалась относительно добровольной, она ограничивалась властью и значительно уступала по масштабам первым двум. Когда искусственные барьеры исчезли, размеры, состав, цель эмиграции и условия, в которых она проходила, стали разными. В начале 1990-х гг. появилась четвертая волна эмиграции [1].

Освоение новых земель, принадлежавших когда-то Российской империи, требовало значительных затрат рабочей силы, а потому сопровождалось массовым переселением украинцев за пределы территории их проживания. В 1881–1900 гг. украинцы составляли 36 % всех внутренних мигрантов империи, а в 1900–1910 гг. их доля увеличилась до 49 % и перед Первой мировой войной достигла 60 %. В 1896–1914 гг. из девяти украинских губерний современной азиатской части России выехал 1 млн 600 тыс. человек, из них 23 % – с Полтавщины, 17 % – с Черниговщины, 12 % – с Киевщины, 9 % – с Херсона, 5 % – с Подолья, 4 % – с Волыни [3, с. 105].

В 1829–1915 гг. миграционное сальдо в Российской империи было отрицательным и составляло 4 509 495 человек [4, с. 27]. В 1891–1910 гг. из Российской империи выехало 2 млн 425 тыс. человек, из которых 1 млн 744 тыс. – в США, 97 тыс. – в Канаду, 80 тыс. – в Великобританию, 68 тыс. – в Аргентину. В 1861–1915 гг. из Российской империи эмигрировало 4 млн 273 тыс. человек (2 млн 722 тыс. – в США), в том числе почти 2 млн 574 тыс. человек – в XX в. [4, с. 28]. Значительная часть эмигрантов выезжала не из России, а из других частей империи: Украины, Беларуси, прибалтийских губерний.

В 1825–1914 гг. началась активная эмиграция лиц из западноукраинских земель на другие континенты, она насчитывала почти 400 тыс. человек.

Следует отметить, что в Галичине трудовая эмиграция приобрела угрожающие масштабы. Предупреждение ее проводилось на законодательном уровне. В частности, в мае 1895 г. завершила работу правительственная комиссия по массовой эмиграции галицких крестьян в Бразилию (так называемая первая бразильская золотая лихорадка), которая подтвердила, что основной причиной эмиграции стала бедность крестьянства. А. Вахнянин отмечал, что галицкие крестьяне желали улучшить свое экономическое положение, и треть из них искала лучшей жизни за рубежом.

На заседании сейма 25 ноября 1895 г. А. Вахнянин, А. Барвинский и другие украинские депутаты внесли пункты, касающиеся задержания и арестов уездными старостами украинских крестьян, которые агитировали за эмиграцию. Они протестовали против поверхностного отношения к эмиграции и требовали объяснения ее причин.

Немногим позже, 11 декабря 1895 г., А. Вахнянин выступил с речью о проблемах эмиграции галицких крестьян. Он отметил, что если срочно не провести реформу налоговой системы, то в Галичине наступит демографический кризис. Кроме того, А. Вахнянин указывал на то, что власть должна помочь развиваться земледельческим союзам для «оживления» сельского хозяйства [5, с. 92].

Первая мировая война привела к изменению границ государств, что постепенно активизировало миграционные процессы. Однако свой выбор по отношению к миграциям украинцы начали делать после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и развала недолго существовавшей Украинской Народной Республики.

Начало этому процессу было положено в 1918–1920 гг. во время поражения белой армии в Крыму. Следует отметить перемещение населения в ГУЛАГ, массовую депортацию интеллигенции на Запад, коллективизацию, во время которой были высланы в восточные районы сотни тысяч кулаков и членов их семей, и наступившие чуть позже перемещения репрессированных горожан (бывшие привилегированные группы населения, члены политических партий, оппозиционеры и т. д.).

Значительный размах украинская миграция приобрела в советский период. Коллективизация 1929–1930 гг. сопровождалась выселением за пределы Украины почти 1 млн человек, еще почти 2 млн были эвакуированы в восточные регионы СССР в годы войны.

Депортация населения продолжалась и в годы Второй мировой войны. В 1941 г. с территории Северного Кавказа были высланы немцы, в 1942 г. – греки. Всего было депортировано более 600 тыс. человек. В послевоенный период произошло великое переселение украинцев в Среднюю Азию и Сибирь. Главным партнером Украины по миграционному обмену все эти годы была Россия, в первую очередь Центрально-Черноземный, Северо-Западный, Уральский и восточносибирские регионы. Украинская молодежь активно участвовала в освоении целины в Казахстане, сооружении Байкало-Амурской магистрали, выезжала на гидроэнергетические строения в Сибирь, в промышленные новостройки стран Балтии [6, с. 124].

По окончании значительных миграционных перемещений, связанных со Второй мировой войной, эмиграция из Украины угасла (в первой половине 1980-х гг. она практически отсутствовала). Только после 1986 г. появились первые признаки увеличения массовости потоков эмигрантов, тенденция наблюдается и в последующие годы.

Миграции населения Украины в годы советской власти характеризовались высоким межрегиональ-

ным перемещением под мощным государственным регулированием.

В первую очередь это было связано с перемещением производительных сил в восточные районы страны (для их равномерного размещения и в целях более полного использования природных ресурсов), что вызвало переселение огромного количества людей. Основная часть переселенцев оказалась на Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке. Продолжалось заселение европейской части севера, связанное с промышленным развитием страны.

Часть миграционного потока была направлена на промышленные новостройки в города, в том числе для оказания помощи «национальным окраинам» в развитии промышленности. В послевоенное время в Калининградскую область, образовавшуюся из северных районов Восточной Пруссии, и на Южный Сахалин, ранее принадлежавший Японии, была переселена значительная часть населения.

Также увеличивалась межгосударственная миграция населения, связанная с расширением сфер влияния коммунистической идеологии в мире, подкреплявшаяся финансовой поддержкой Москвы. Значительная часть населения работала в странах – участницах Варшавского договора в военно-промышленном комплексе, строительстве, торговле. В ходе возникновения идеологических противоречий народа и власти и нарастания экономических проблем росли и эмиграционные потоки из СССР. Однако ключевым моментом для изменения миграционной активности населения Украины стал распад СССР.

В 1990-х гг. А. Позняк разработал четырехуровневую структуру внешнемиграционных контактов населения Украины:

- 1) обмен с наиболее этнически и географически близкими государствами СНГ: Россией, Беларусью и Молдовой;
- 2) контакты с государствами Балтии, Закавказья и Центральной Азии;
- 3) связи со странами Центральной Европы: Польшей, Чехией, Германией, Венгрией, Словакией, Румынией, Болгарией, а также с Израилем;
- 4) другие географические направления межгосударственных миграций (например, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, ЮАР) [7, с. 92].

В XXI в. внешнемиграционная структура населения требует определенного переосмысления и совершенствования. Это связано с тем, что в первые годы независимости Украины основными факторами и движущими силами, побудившими людей к внешним перемещениям, были этнические и политические мотивы. Основная доля украинских граждан выезжала в соседние страны СНГ, бывшие

социалистические страны и Израиль. Внешняя миграция в меньшей степени касалась стран так называемого переселенческого типа (США, Австралия, Канада). Следует заметить, что наблюдается тенденция к росту образовательного уровня эмигрантов. Первые эмигранты были в основном неграмотны, в связи с чем выполняли неквалифицированную, тяжелую работу в странах поселения, вторая и третья волны, в свою очередь, «выплеснули» за границу в основном образованных людей, из их среды вышли лидеры общественно-политических и культурно-образовательных организаций. Эмиграция второй и третьей волн отличается высоким уровнем общественно-политической организованности, спектр ее политических ориентаций – от крайнего правого до крайнего левого. Именно чрезмерной политической ангажированностью представителей «старой» эмиграции объясняется отсутствие у них нормальных контактов с «новейшими» мигрантами и эмигрантами. «Старые» политические эмигранты считают «новейших» обычными работниками, далекими от идейно-политических стремлений первых и поэтому не желающими вливаться в диаспорные организации. Дело в том, что у «старой» и «новой» эмиграции разные жизненные цели. «Старая» эмиграция, или диаспора (официальное название – зарубежные украинцы; в марте 2004 г. Верховная Рада Украины приняла Закон от 09.02.2012 № 4381-VI «О правовом статусе зарубежных украинцев»), – это граждане тех стран, в которых они поселяются, их благосостояние и права вполне обеспечены. Новые трудовые мигранты и эмигранты остаются гражданами Украины, поскольку они в основном приезжают на время, в целях различными способами улучшить свое благосостояние и вернуться в Украину.

Самая большая проблема четвертой миграционной волны, особенно нелегальных мигрантов, – правовая незащищенность ни со стороны Украины, ни тем более со стороны стран пребывания. Если учесть масштабы этого явления, то можно лишь догадываться о глубине социально-психологических деформаций украинских мигрантов за рубежом и их семей в Украине, а также о катастрофичности демографической ситуации в обществе. Структура украинского общества на данный момент неполноценна, поскольку средний класс фактически формируется трудовыми мигрантами за рубежом. До недавнего времени различные источники, особенно зарубежные, фиксировали количество украинцев, постоянно живущих за границей, все ресурсы выдавали цифры до 20 млн человек. В это число входили бывшие украинские переселенцы и их потомки, глубоко интегрированные в общественную жизнь стран проживания. В число зарубежного

украинского общества включается и автохтонное украинское население в сопредельных со страной государствах (России, Приднестровской Молдавской Республике, Румынии, Словакии, Польше, Беларуси). За последние годы резко изменилась картина украинского присутствия за рубежом: новейшая миграционная волна в ближайшем времени превзойдет «старую» эмиграцию, так называемую диаспору, вместе с автохтонными украинцами [8].

С провозглашением независимости Украины ее граждане получили более широкие возможности для выезда за пределы страны. Одновременно с этим в обществе происходили изменения в экономике, приведшие к сокращению рабочей силы и снижению доходов населения. Это, в частности, структурная перестройка экономики, уход от советских методов хозяйствования, конверсия оборонного комплекса, банкротство и ликвидация многих предприятий промышленности, задержки с выплатой заработной платы, рост безработицы, недостаточная социальная защищенность, неуверенность в будущем, отсутствие перспектив профессионального роста [9, с. 107].

После обретения Украиной независимости одним из достижений демократизации общественной жизни стало снятие ограничений на пересечение государственной границы, граждане получили возможность свободно покидать страну. Если в предыдущий период в отдаленной от мира «железным занавесом» стране зарубежные поездки были привилегией немногих избранных, то в 1990-е гг. они стали доступны рядовым гражданам. Значительная часть поездок обуславливалась не туризмом, отдыхом или посещением родственников и знакомых, а стремлением получить доход. Экономические трудности переходного периода, безработица и неполная занятость, низкие доходы трудящихся и задержки с выплатой зарплаты и пенсии заставили многих людей искать заработок за рубежом. Однако быстрый рост эмиграции как реакция на открытие границ был непродолжительным. Наибольшее количество документов на эмиграцию для постоянного места жительства (73 тыс.) было оформлено в 1990 г. Вместе с родителями Украину должны были покинуть около 22 тыс. детей. Однако уже в 1991 г. количество выезжающих уменьшилось примерно до 70 тыс. человек вместе с детьми; в 1992 г. – до 44 тыс. человек; в 1994 г. – до 58,7 тыс. человек. После 1994 г. эмиграция на постоянное место жительства стабильно уменьшалась и в 2002 г. составила 26,7 тыс. человек, т. е. была почти втрое меньше, чем в 1991 г. [10, с. 26].

Проблема внешних трудовых миграций населения актуальна для Украины и сейчас. Государство продолжает оставаться страной-экспортером рабочей силы [11].

В 1993–1996 гг. соглашения о трудоустройстве были подписаны с Польшей (в 2005 г. к нему был добавлен протокол о сезонном трудоустройстве), Чехией, Словакией (срок действия последних двух истек), Литвой, Латвией [12, с. 19].

Подписанные с Украиной соглашения по указанным вопросам следует разделить на две группы: сделки, в которых применяется территориальный принцип социального обеспечения; соглашения, заключенные по принципу пропорциональности [12, с. 20].

В официальных документах Украины трудовая миграция как приоритет миграционной политики впервые была отмечена в 2000 г. В Указе Президента Украины от 24.04.2000 г. № 717 «Об основных направлениях социальной политики на период до 2004 г.» трудовой миграции было посвящено три из шести основных задач в сфере регулирования миграционных процессов: защита социально-экономических интересов и прав украинских работников-мигрантов, сохранение трудового и интеллектуального потенциала страны, создание правовых и социально-экономических основ регулирования внешней трудовой миграции граждан [12, с. 23].

В Верховной Раде Украины 17 октября 2004 г. состоялись парламентские слушания по вопросам правового и социального статусов работников-мигрантов. Подчеркивалось, что целью государственной политики должно выступать обеспечение социальной защищенности граждан во время работы за рубежом. Также говорилось о необходимости способствовать возвратности трудовых поездок, стимулировать инвестирование заработанных мигрантами средств в экономику Украины [12, с. 24].

В январе 2010 г. Постановлением Правительства был создан Совет по вопросам трудовой миграции граждан Украины при Кабинете Министров Украины – постоянно действующий консультативно-совещательный орган, на который было возложено выполнение задач, связанных с формированием и реализацией государственной политики в сфере социальной защиты трудовых мигрантов [12, с. 26].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Украине в целом уже сформировано необходимое политическое видение проблем трудовой миграции и направлений их решения. Несмотря на это, практических мероприятий на выбранном пути не хватает. Причины заключаются в недостаточности законодательной базы, в частности в отсутствии закона о правовом статусе трудящихся-мигрантов, рассредоточенности управленческих функций, а главное – отсутствии в структуре исполнительной власти специализированного органа управле-

ния трудовой миграцией, который будет способен формировать политику, лоббировать принятие необходимого законодательства, координировать деятельность органов власти в соответствующей сфере, формировать благоприятное для решения миграционных проблем общественное мнение.

Основу миграционных потоков в Украине составляет трудовая миграция, которая становится для граждан действенным средством трудоустройства, гарантированного дохода, самореализации, что в целом способствует включению страны в мировой рынок труда, формированию среднего класса и является катализатором интеграции в мировое сообщество [12, с. 27].

Польша является второй после Российской Федерации страной по количеству принимаемых украинских трудовых мигрантов. Стоит отметить, что украинская трудовая миграция в Польшу неоднородна. Условно выделяют различные категории людей, трудовая деятельность которых связана с Польшей. Это предприниматели, занимающиеся «челночным» бизнесом без постоянного трудоустройства в Польше; лица, занятые в пограничном бизнесе, преимущественно в продаже подакцизных товаров (алкогольные напитки и табачные изделия); краткосрочные и долгосрочные трудовые мигранты [13, с. 19].

Считается, что одним из первых научно обосновал и классифицировал миграционные процессы, а также выработал их понятийный аппарат английский ученый Е. Г. Равенштейн в конце XIX в. Под миграцией он понимал «постоянную или временную смену места жительства человека»¹ [14, р. 215].

На примере миграций населения в Великобритании и Северной Америке Е. Г. Равенштейн сформулировал 11 миграционных законов, на базе которых позже строилась значительная часть западных моделей миграции. Большинство этих законов не утратили актуальность и сегодня, что свидетельствует об их объективности. Назовем основные из них:

- причины миграции населения являются определяющими;
- миграции происходят преимущественно на короткие расстояния;
- каждому миграционному потоку соответствует свой контрпоток;
- масштабы миграции возрастают с развитием промышленности, торговли и транспорта;
- рост крупных городов обусловлен больше миграцией населения в них, чем естественным приростом [14, р. 216].

Исследования проблем миграций стали актуальными еще в 1980-х гг. Ученые чаще всего

¹Здесь и далее перевод наш. – Б. С.-П.

исследуют миграцию как исключительно экономическое явление. Существует немало теоретических разработок проблем и юридических аспектов миграции, а также связанных с ней психологических и демографических проблем. Активное исследование проблем трудовой миграции в Украине началось в конце 1990-х гг. Проблематика этого явления отражена в исследованиях С. И. Бандур, А. Л. Бугровой, А. Вишневской, А. Н. Гладун, И. Гнибиденко, В. Джаман, Е. В. Дроня, В. Заньковского, К. Иглицкой, И. С. Кизимы, А. Кирчива, А. Н. Коржик, В. Кравченко, Е. М. Либановой, А. А. Малиновской, Т. П. Петровой, А. Позняка, С. А. Полковниченко, И. Прибитковой, М. Д. Романюка, А. Хомры, С. Б. Чеховича, Н. Шульги, а также зарубежных ученых М. И. Абелла, С. К. Бондырева, В. А. Ионцева, Д. В. Колесова, Д. Массея, Е. П. Плетнева, Л. Л. Рыбаковского, А. Старка, Э. Тайлор, Ф. Хьюго и др. Эти исследователи изучали процессы трудовой, в том числе нелегальной, миграции, методы исследования миграционных процессов, процессы урбанизации и мобильности населения, основные направления и меры государственного регулирования этих процессов [14, р. 217].

В частности, вопросы трудовой миграции рассматриваются в работах таких отечественных ученых, как А. В. Астахова, М. М. Вивчарик, Т. А. Гнатюк, Ю. П. Гуменюк, В. Капитан, И. П. Майданик, А. А. Малиновская, М. Ю. Приз, И. В. Ховрах, А. Зубик, Н. Сирочук. Однако отдельные важные проблемы, в частности миграционные процессы в Украине в условиях европейской (а именно польской) интеграции, еще в достаточной мере не получили теоретического и практического решения [14, с. 111].

Особенности исследования внешней трудовой миграции населения в Украине. Одно из первых социологических исследований на территории Украины было проведено Национальным институтом стратегических исследований Украины при сотрудничестве с Центром «Социальный мониторинг» в 1994–1995 гг. На основе этого исследования была совершена попытка проанализировать внешнюю трудовую миграцию украинских граждан в рамках международного проекта Департамента народонаселения Экономической комиссии Организации Объединенных Наций для Европы «Внешние миграции в Украине: причины, последствия, стратегии» [15, с. 112]. Активное участие в этом проекте принимала О. А. Малиновская.

Исследование выполнялось по этносоциологической методике, выработанной Д. Мессеєм при изучении населения Мексики. В исследовании применялись качественные социологические методы. В частности, это этнографическое наблюдение, углубленное интервью в виде описания жизни и быта мигрантов, анализ географических, соци-

ально-экономических, демографических, исторических и других данных мигрантов. Информация собиралась путем опроса владельцев домохозяйств с опытом временной работы за границей.

Предметом исследования выступили уже осуществленные населением поездки за границу и их последствия на микро- (для материального благосостояния семей, семейных отношений) и макро-уровнях (для социально-экономического развития населенного пункта и страны в целом).

Для исследования были выбраны три населенных пункта различного административного значения в целях изучения их миграционного поведения: г. Киев, г. Черновцы и с. Прилбичи Яворивского района Львовской области [15, с. 113].

Самой распространенной формой трудовой миграции за границу оказались краткосрочные поездки сроком до семи дней, целями которых выступили закупка или продажи небольших партий товаров. Подобный вид трудовых поездок получил название «челночная миграция». Главным движущим фактором таких поездок было улучшение семейного благополучия. Основной страной назначения на момент исследования была Польша, далеко за ней расположились Румыния, Турция и Германия.

Это исследование показало, что подавляющее большинство украинцев работало за рубежом нелегально. Большая часть трудовых мигрантов выезжала из страны, используя личные приглашения от иностранных граждан, не имея ни разрешения на работу, ни трудового договора. Полученные в ходе опроса ответы показали, что украинцы, работая за границей, выполняют тяжелую, низкоквалифицированную работу по ненормированному графику и с отсутствием правовых и социальных гарантий.

Социологическое исследование позволило сравнить социально-демографические характеристики семей без опыта временной работы за границей и семей с трудовыми мигрантами.

По данным этого исследования, домохозяйства, в которых его члены имеют опыт временной работы за границей, состоят из лиц молодого, наиболее трудоспособного возраста без большого количества несовершеннолетних детей и лиц пожилого возраста. Среди внешних трудовых мигрантов численным преимуществом обладают люди в возрасте от 20 до 34 лет.

В свою очередь, образовательный уровень трудовых мигрантов чрезвычайно высок. В г. Черновцы лица с высшим образованием составили 51 % мигрантов, в г. Киеве – 40 %. В сельской местности преобладала численность мигрантов со средним и базовым уровнями образования [16].

Позже в монографии С. Пирожкова, О. Малиновской, А. Хомры «Внешние трудовые миграции

в Украине: социально-экономический аспект» на основе подробных интервью с членами домохозяйств, внешними трудовыми мигрантами, а также других источников исследуются модели миграционного поведения, побудительные мотивы, характер и социально-экономические результаты работы за рубежом на микро- и макроуровнях; анализируются тенденции развития внешней трудовой миграции в Украине путем сравнения последних статистических данных с исследованиями 1994 г. [2, с. 65].

Социологическое исследование охватило 440 домохозяйств трудовых мигрантов в трех населенных пунктах Украины: г. Киев, г. Черновцы, с. Прилбичи Яворивского района Львовской области [2, с. 66].

Анализ результатов позволил проследить изменения масштабов трудовой миграции в Украине в 1994–2002 гг. Были рассмотрены социально-демографические характеристики активных трудовых мигрантов (в том числе лиц, выехавших на временную работу за границу в течение последних нескольких лет и находившихся на момент опроса за пределами страны, или имеющих опыт работы за границей), периодичность трудовых миграций.

Значительное внимание было уделено социальным факторам, связанным с украинскими работниками за рубежом и непосредственно влияющим на их жизнь. Исследование касается правовой защищенности, условий труда и проживания, отношения местных властей, работников и местных жителей к трудовым мигрантам из Украины.

Кроме того, были исследованы основные характеристики домохозяйств трудовых мигрантов: материальное положение, обеспеченность жильем и земельными участками, транспортными средствами, предпринимательская деятельность.

В 1999 г. А. Хомра провел выборочное социологическое исследование в рамках украинских регионов «Карпаты» (Ивано-Франковская, Львовская, Черновицкая области) и «Буг» (Волынская область) [17], цель которого заключалась в выяснении мнения населения о выезде украинских граждан на временную работу и постоянное место жительства за границу, а также о состоянии и перспективах интеграции Украины в европейские структуры.

В западных областях главным оказался материальный фактор выезда на временную работу за границу (54,5 %). Выезжать на длительную временную работу в другую страну больше стремятся мужчины. Наиболее настроены на внешнюю трудовую миграцию лица в возрасте до 45 лет. В частности, среди лиц в возрасте от 25 до 34 лет 83,5 % желают выехать на временную работу за границу. В образовательном плане среди мигрирующих численно преобладали лица со средним специальным образованием [17].

В исследованиях внешней трудовой миграции украинских граждан активно участвует И. Прибыткова. Опираясь на данные, полученные в результате общенационального социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины в рамках проекта «Украина на пороге XXI века» (1994–2001), а также проекта «Украинское общество: мониторинг социальных изменений», она проанализировала внешне миграционные процессы в Украине [18].

Основной материал, полученный в результате социальных мониторингов, носит преимущественно социальный характер. В исследовании проанализирована социальная стратификация уровня жизни семей трудовых мигрантов и семей, члены которых не имеют опыта временной работы за границей.

Данный опрос выявил, что среди респондентов, считающих уровень собственного материального обеспечения ниже среднего, значительно преобладали лица, не привлеченные к внешним трудовым перемещениям. Среди семей со средним и выше среднего уровнем материального благополучия, наоборот, существенно преобладали семьи лиц, имеющих опыт временной работы за рубежом.

Доходы внешних трудовых мигрантов, по данным И. Прибытковой, выглядят следующим образом: 6,2 % людей находятся за чертой бедности; 37,1 % вынуждены тратить все свои доходы на приобретение продуктов питания; 30 % утверждают, что их средств хватает на жизнь; 20 % убеждены в том, что они зарабатывают достаточно, чтобы обеспечить себя всем необходимым; 5,6 % не отказывают себе в приобретении необходимых продуктов и товаров и способны накапливать сбережения; 1,1 % проживают в полном достатке.

Внешние трудовые мигранты по-разному оценили собственные статусные позиции в украинском обществе. Почти 30 % лиц отнесли себя к среднему слою населения, 64,6 % – к низшему, а почти 9,4 % – к высшему.

Одно из самых масштабных избирательных социологических исследований внешней трудовой миграции населения «Жизненные пути населения Украины», проведенное Е. Либановой и А. Позняком в марте 2001 г., охватило восемь областей Украины: Волынскую, Донецкую, Закарпатскую, Ивано-Франковскую, Луганскую, Львовскую, Ровенскую, Черновицкую. Было опрошено примерно 18 тыс. человек в возрасте 15–70 лет (8000 домохозяйств), представляющих все экономически активное население названных регионов [7, с. 134].

Результаты этого социологического исследования значительно усилили информационное обеспечение внешней трудовой миграции населения Украины. По данным исследования, в 2000 г. тру-

довые поездки за пределы страны осуществили 271,5 тыс. человек из рассматриваемых восьми областей. В марте 2001 г., согласно сообщениям родственников, 204,1 тыс. человек из данных областей Украины отсутствовали на месте постоянного проживания не менее чем три месяца и находились на временной работе за рубежом [7, с. 135].

Результаты исследования «Жизненные пути населения Украины», наряду с информацией других источников, позволили исследователям дать минимальную оценку объемов внешней трудовой миграции в Украине.

Во внешней трудовой миграции участвуют 2,3 % населения среди рассмотренных областей в возрасте 15–70 лет, однако проявилась существенная территориальная дифференциация среди участников временных трудовых поездок за границу. Наиболее активными в трудовой миграции являются западные области Украины, например, совокупный уровень участия в Закарпатской области равен 10 %, в Ивано-Франковской – 6,5 %.

Согласно данному исследованию, чаще всего в трудовых перемещениях за границу участвовали лица от 20 до 44 лет, из них преимущество за возрастной когортой 25–29 лет. Основную массу внешних трудовых мигрантов составляют мужчины – 76 %.

Среди стран, принимающих украинских трудовых мигрантов, выделяются Российская Федерация (42,4 % принятых от общего числа мигрантов), Польша (25,8 %), Чехия (17,1 %), их доля в общем объеме приблизительно равна 85 % принятых мигрантов. К другим странам относятся Италия, Португалия, Венгрия, Беларусь.

Главной сферой применения труда украинцев за рубежом является строительство, где занято 57,1 % человек. Среди других сфер занятости внешних трудовых мигрантов из Украины выделяют сельское хозяйство – 15,8 %; торговлю, транспорт и связь, коллективные услуги, услуги домашней прислуги, промышленность – по 4–6 %. Женщины работают преимущественно в сельском хозяйстве – 25,6 %; в качестве домашней прислуги – 15 %; в промышленности, строительстве, торговле – по 10–11 %. Большинство мужчин, выезжающих на временную работу за границу, работает на строительных площадках. Количество украинских мужчин-мигрантов, занятых в строительной сфере, в Чехии составляет 88,2 %, в России – 72,8 %, в Польше – 64,6 % [7, с. 136].

Согласно данным польских исследователей, украинцы, работающие в Польше, чаще всего занимаются торговлей – 40 %, работают в сфере строительства или ремонтных работ – 39 %, в полеводстве и садоводстве – 17 % [13, с. 15].

Польские периодические издания дают интересную для настоящего исследования информацию об украинской трудовой миграции в Польшу. По утверждению Я. Вейзакера, в 2005 г. украинским гражданам было открыто почти 2700 рабочих виз [19]. Вместе с тем в Польше находятся примерно 100 тыс. нелегальных работников из Украины, которые осуществляют низкоквалифицированную трудовую деятельность. Последние изменения в Польском миграционном законодательстве в основном направлены на привлечение сезонников для сельскохозяйственных работ, а не на существенное увеличение высококвалифицированных мигрантов.

Изучением процессов трудовой миграции в соседней с Украиной Польше занимается польский экономист К. Иглицка. По ее мнению, польское общество неохотно принимает иностранцев. Исторически этому типу отношений способствовал тот факт, что рядовой поляк мало контактировал с иностранцами, а зарубежные работники – совершенно новое для страны явление [20]. Польша долгие годы была страной, поставлявшей, а не принимающей мигрантов на европейские и вне-европейские рынки труда. В 1990-х гг. ситуация начала меняться, чему способствовал ряд факторов, среди них решающее значение имел распад СССР. Польша стала сначала транзитной страной, через которую люди мигрировали в страны Западной Европы, а сегодня превратилась в принимающую иммигрантов страну. Согласно фактам, люди, приезжающие в Польшу со стороны восточной границы, в качестве работы чаще всего получают нелегальный труд. Стоит также подчеркнуть, что среди иностранцев, получающих визу для легального трудоустройства в Польше, больше всего мигрантов с востока, среди них на первом месте украинцы. Однако следует упомянуть труды таких авторов, как Д. Клибек и К. Юрек, в которых анализировалась экономическая функция миграции из Украины в Польшу и личность иммигрантов из Беларуси и Украины.

В частности, причины внешней трудовой миграции почти исключительно носят экономический характер. Трудовые миграции обуславливаются сочетанием внешних факторов со стороны стран-работодателей и внутренних факторов социально-экономического развития Украины. Внешними причинами трудовых миграций граждан Украины в Польшу выступает емкий рынок труда западных стран и привлекательная материальная оценка трудовой деятельности. При этом демографические факторы свидетельствуют о постоянном росте спроса развитых стран на труд иностранцев.

Среди внутренних причин трудовых миграций украинских граждан в Польшу – неудовлет-

ворительный спрос на работу внутри страны, неадекватно низкая оценка рабочей силы, социально-экономический кризис, спад производства, обострение экономических противоречий. Если в начале 1990-х гг. выезды на заработки за границу обуславливались остановкой предприятий, многомесячными задержками выплат заработной платы, растущей безработицей, то сегодня целью миграции в большинстве случаев является повышение благосостояния, решение жилищного вопроса, финансирование обучения и тому подобное.

Опрос работников-мигрантов, выезжающих в Польшу, дает возможность установить иерархию мотивов, обуславливающих поездки за границу:

1) заработать для улучшения жилищных условий (покупка квартиры или строительство дома), приобретение машины или других дорогостоящих товаров длительного пользования;

2) заработать для удовлетворения таких текущих жизненных потребностей, как питание, приобретение необходимых товаров повседневного спроса (одежды и т. п.);

3) накопить средства для оплаты обучения в высших учебных заведениях;

4) накопить стартовый капитал для создания собственного бизнеса или развития своего дела [11].

Сегодня основными сферами, в которых заняты работники-мигранты, являются:

- строительство;
- сельское хозяйство (уборка урожая);
- домашнее хозяйство (уборка дома, приготовление пищи, забота о детях и уход за немощными стариками);
- сфера торговли и сервиса (в том числе – гостиничный бизнес).

Согласно официальным данным Управления по делам иностранцев (контролирует миграцию иностранцев в Польшу), в 2018 г. число украинцев, получивших временный вид на жительство с целью

заработать денег на различных видах работ, систематически растет.

Процент рабочих виз по отношению к другим их видам достаточно низок: в 2017 г. официально 84 441 гражданину Украины была открыта рабочая виза, к февралю 2018 г. число новых виз достигло 13 762 (в 2017 г. на обучение в Польшу украинцам было открыто 7605 виз, а к февралю 2018 г. их число было равно 1063). По оценкам экономистов, около 600 000 украинцев официально работают и платят налоги в Польшу. Однако на самом деле их насчитывается более миллиона. Некоторые мигранты оформляют туристические визы и работают в серой зоне, такие граждане, как правило, возвращаются в Украину и вновь едут в Польшу, оформляя рабочие визы на срок от полутора до трех лет.

Процесс трудовой эмиграции продолжается, однако выходцы из Украины при выборе работы охотнее занимают должности, соответствующие их образованию. Это связано, во-первых, с увеличением после 2004 г. потока польских трудовых мигрантов в страны Европейского Союза и, во-вторых, с эффектами социальной политики нынешнего правительства Польши. Так, количество молодых женщин на рынке труда постепенно снижается: благодаря значительным финансовым стимулам рождаемости они предпочитают роль матери и домохозяйки, тем более что минимальная зарплата соразмерна пособию на 2 или 3 детей. В-третьих, нехватке персонала способствует отток людей пенсионного возраста из их профессиональных ниш. Закон о равном пенсионном возрасте (67 лет) был отменен и произошел возврат к прежним цифрам: 60 лет для женщин и 65 – для мужчин. Несмотря на ожидания экономистов, согласно которым пожилые, но опытные люди продолжают работу по профессии, наблюдается их массовый отток с рынка труда. Образовавшийся разрыв заполняют иностранцы, в настоящее время 80 % из них составляют украинцы.

Библиографические ссылки

1. Зайончковская Ж. А. Новая миграционная политика России: впечатляющие результаты и новые проблемы [Электронный ресурс] // Центр миграционных исследований. URL: <http://migrocenter.ru-science/science027> (дата обращения: 20.01.2018).
2. Пирожков С. И., Малиновская О. А., Хомра А. У. Внешние трудовые миграции в Украине: социально-экономический. Киев : НИПМБ, 2003.
3. Яворська В., Куделіна А. Історичний огляд міграційних процесів в Україні // Історія україн. географії. 2006. Вип. 2 (14). С. 104–111.
4. Обленский В. В. (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М. : ЦСУ СССР, 1928.
5. Кліш А. Б. Ставлення християнських суспільників до еміграційних процесів у Галичині наприкінці XIX – на початку XX ст. // Наукові праці історичного фак-ту Запорізь. націонал. ун-ту. 2016. Вип. 46. С. 92–94.
6. Шлепаков А. Українська трудова еміграція в США і Канаді (кін. XIX – поч. XX ст.). Киев : Вид-во АН УРСР, 1960.
7. Зовнішні трудові міграції населення України / за ред. Е. М. Лібанової, О. В. Позняка. Киев : РВПС України НАН України, 2002.

8. Шокало О. Українська еміграція: причини й наслідки [Електронний ресурс] // Віче. 2006. № 15. URL: <http://veche.kiev.ua/journal/310/> (дата звернення: 30.01.2018).
9. Зубик А. І. Сучасна трудова міграція українського населення в Польщу // Наукові записки. Тернопіль. націонал. педагогіч. ун-ту ім. В. Гнатюка. Серія: Географія. 2014. № 1. С. 107–115.
10. Малиновська О. А. Міграційна ситуація та міграційна політика в Україні. Київ : НІСД, 1997.
11. Зовнішні трудові міграції з України [Електронний ресурс] // Geograf. URL: <http://www.geograf.com.ua/geoinfocentre/20-human-geography-ukraine-world/268-ref22041102> (дата звернення: 08.02.2018).
12. Малиновська О. А. Трудова міграція: соціальні наслідки та шляхи реагування. Київ : НІСД, 2011.
13. Конечна І. Поляки – українці, Польща – Україна – парадокси стосунків між сусідами за даними соціологічних досліджень [Електронний ресурс]. Варшава ; Київ : Center for Peace, Conversion and Foreign Policy of Ukraine, 2003. URL: http://www.batoru.org.pl/dos/paradoksy_ukr.pdf (дата звернення: 08.02.2018).
14. Ravenstein E. G. The laws of migration // J. Royal Stat. Soc. 1889. Vol. 52. P. 214–301.
15. Сирочук Н. А. Міжнародна трудова міграція українців до країн Європейського союзу: фактори впливу // Економ. вісник Націонал. техн. ун-ту України «Київський політехнічний інститут». 2014. № 11. С. 110–118.
16. Малиновська О. А. Проблема зовнішньої трудової міграції в Україні [Електронний ресурс] // Українська трудова міграція у контексті змін сучасного світу : Міжнар. науково-практ. семінар (Львів, 11 лист., 2003 р.). URL: <http://www.ji-magazine.lviv.ua/seminary/2003/sem11-11.htm> (дата звернення: 10.02.2018).
17. Хомра А. У. Миграционные установки населения украинских составляющих еврорегионов «Буг» и «Карпаты» [Электронный ресурс] // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / отв. ред. Ж. Зайончковская. М., 2003. URL: http://migrocenter.ru/publications-trud_m-04 (дата обращения: 15.03.2018).
18. Прибыткова И. М. Трудовая миграция населения Украины в условиях трансформации экономических и общественных отношений [Электронный ресурс] // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. URL: http://migrocenter.ru/publications-trud_m-02 (дата обращения: 20.03.2018).
19. Szomburg J. Jr., Weizsacker J. V. Welcome to Poland [Electronic resource] // Bruegel. URL: <http://www.bruegel.org/2006/10/welcome-to-poland> (date of access: 25.03.2018).
20. Iglicka K. Strategies of development of Polish migration Policy concerning legal Labour migration for 2007–2012 // Center for International relations : reports and analysis. 2007. Vol. 2.

References

1. Zayochkovskaya J. A. [The new migration policy of Russia: impressive results and new problems]. *Migration research center*. URL: <http://migrocenter.ru/science-science027.php> (date of access: 20.01.2018) (in Russ.).
2. Pirozhkov S. I., Malinowska O. A., Homra A. U. *Vneshnie trudovye migratsii v Ukraine: sotsial'no-ekonomicheskii* [External labor migration in Ukraine: social and economic aspect]. Kyiv : NIPSB, 2003 (in Russ.).
3. Yavorska B., Kudelina A. The historical review of migration processes in Ukraine. *Istoriya ukrai'nskoï geografii* [History Ukrainian Geography]. 2006. Issue 2 (14). P. 104–111 (in Ukrainian).
4. Obolenskiy V. V. (Osinskiy). *Mezhdunarodnye i mezhkontinental'nye migratsii v dovoennoi Rossii i SSSR* [International and intercontinental migration in pre-war Russia and the USSR]. Moscow : CSU USSR, 1928 (in Russ.).
5. Klish A. B. The attitude of Christian socialists to emigration processes in Galycyna in the end of 19 – the beginning 20 century. *Scolarly works of the faculty of history, Zaporozhzhya National Univ.* 2016. Vol. 46. P. 92–94 (in Ukrainian).
6. Shlepakov A. *Ukrai'ns'ka trudova emigraciya v SShA i Kanadi (kin. XIX – poch. XX st.)*. [Ukrainian labor emigration in the USA and Canada (end of XIX – beginning of XX cent.)]. Kyiv : Acad. Sci., 1960 (in Ukrainian).
7. Libanova E. M., Poznjak O. V. (eds) *Zovnishni trudovi migracii' naseleennja Ukrai'ny* [External labor migration of the population of Ukraine]. Kyiv : RVPS of Ukraine NAS of Ukraine, 2002 (in Ukrainian).
8. Shokalo O. [Ukrainian emigration: causes and consequences]. *Viche*. 2006. No. 15 URL: <http://veche.kiev.ua/journal/310/> (date of access: 30.01.2018) (in Ukrainian).
9. Zubik A. I. [Modern labor migration of the Ukrainian population to Poland]. *Ternopolskii nacyonalnii pedagogichny universitet ym. V. Gnatyuka. Serija: Geografija* [Proceedings. Ternopil Volodymyt Hnatiuk Nat. Pedagogical. Univ]. 2014. No. 1. P. 107–113 (in Ukrainian).
10. Malinowska O. A. *Migracijna sytuacija ta migracijna polityka v Ukrai'ni* [Migration situation and migration policy in Ukraine]. Kyiv : NISR, 1997 (in Ukrainian).
11. [External labor migration from Ukraine]. *Geograf*. URL: <http://www.geograf.com.ua/geoinfocentre/20-human-geography-ukraine-world/268-ref22041102> (date of access: 08.02.2018) (in Ukrainian).
12. Malinowska O. A. *Trudova migracija: social'ni naslidky. ta shljahy reaguvannja* [Labor migration: social impact. and ways of responding]. Kyiv : NISR, 2011 (in Ukrainian).
13. Koneczna I. *Poljaky – ukrai'nci, Pol'shha – Ukrai'na – paradoksy stosunkiv mizh susidamy za danymy sociologichnyh doslidzhen'* [Poles and Ukrainians, Poland and Ukraine. The paradoxes of Neighbourly relations]. Warsaw ; Kyiv : Center for Peace. Conversion and Foreign Polity of Ukraine, 2003. URL: http://www.batoru.org.pl/dos/paradoksy_ukr.pdf (date of access: 08.02.2018) (in Ukrainian).
14. Ravenstein E. G. The laws of migration. *J. Royal Stat. Soc.* 1889. Vol. 52. P. 214–301.
15. Syrochuk N. A. Ukrainian International migration of the European Union: factors of influence. *Ekonomicheski visnyk Nacional'nogo tehničnogo univ. Ukrai'ny «Kyj'vs'kyj politehničnyj instytut»* [Econ. Bull. National Technical Univ. Ukraine «Kyiv Polytechnic Institute»]. 2014. No. 11. P. 110–118 (in Ukrainian).
16. Malinowska O. A. [The problem of external labor migration in Ukraine]. *Ukrai'ns'ka trudova migracija u konteksti zmin suchasnogo svitu* [Ukrainian labor migration in the context of changes in the modern world] : Int. sci. pract. Seminar (Lviv, 11 Sept., 2003). URL: <http://www.ji-magazine.lviv.ua/seminary/2003/sem11-11.htm> (date of access: 10.02.2018) (in Ukrainian).

17. Homra A. U. [Migration purposes of the Ukrainian components of Euroregions «Bug» and «Carpathians»]. In: *Trudovaya migratsiya v SNG: sotsial'nye i ekonomicheskie efekty* [Labor migration in the CIS: social and economic effects]. Moscow, 2003. URL: http://migrocenter.ru/publicationtrud_m-04.php (in Russ.).
18. Pribytkova I. M. [Labor migration of the Ukrainian population in conditions of transformation of economic and social relations]. In: *Trudovaya migratsiya v SNG: sotsial'nye i ekonomicheskie efekty* [Labor migration in the CIS: social and economic effects]. URL : http://migrocenter.ru/publicationstrud_m-02 (date of access: 20.03.2018) (in Russ.).
19. Szomburg J. Jr., Weizsacker J. V. Welcome to Poland. *Bruegel*. URL: <http://www.bruegel.org/2006/10/welcome-to-poland> (date of access: 25.03.2018).
20. Iglicka K. Strategies of development of Polish migration policy concerning legal labour migration for 2007–2012. *Center for International relations : Reports and Analysis*. 2007. Vol. 2.

Статья поступила в редколлегию 25.01.2018.
Received by editorial board 25.01.2018.

В КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

SYNOPSIS OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.1:347.948

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРАКТИКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ИСТОРИЯ ОДНОГО БИЗНЕС-КЕЙСА

Р. А. СМЕРНОВА¹⁾, Т. В. КУЗЬМЕНКО¹⁾, Т. С. БАЛАКИРЕВА¹⁾

¹⁾Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

На примере конкретного бизнес-кейса продемонстрированы возможности количественных социологических исследований в формировании доказательной базы для защиты от недобросовестной конкуренции. Описан методологический подход, используемый при проведении социологической экспертизы сходства товарных знаков до степени их смешения, основанный на изучении восприятия респондентами сходства в целом, несмотря на частные отличия. Раскрыта логика проведения социологической экспертизы сходства, заключающаяся в определении степени известности, выявлении факторов сходства и моделировании реальной и прожективной ситуаций. Показаны несостоятельность и основные методологические ошибки исследовательского подхода, в основе которого лежит поиск респондентом отличий в деталях при проведении социологической экспертизы товарных знаков.

Ключевые слова: бренд; товарный знак; социологическая экспертиза товарных знаков; сходство до степени смешения; защита от недобросовестной конкуренции; количественные исследования; социологический опрос.

Образец цитирования:

Смирнова Р. А., Кузьменко Т. В., Балакирева Т. С. Использование социологических исследований в практике доказательства недобросовестной конкуренции: история одного бизнес-кейса // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 162–166.

For citation:

Smirnova R. A., Kuzmenko T. V., Balakireva T. S. The use of sociological researches in the practice of proving unfair competition: the story of one business-case. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 162–166 (in Russ.).

Авторы:

Розалия Андреевна Смирнова – доктор философских наук; главный научный сотрудник.

Татьяна Викторовна Кузьменко – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Татьяна Семеновна Балакирева – научный сотрудник.

Authors:

Rosalia A. Smirnova, doctor of science (philosophy); principal researcher.

socio@tut.by

Tatyana V. Kuzmenko, PhD (sociology); leading researcher.

socio@tut.by

Tatyana S. Balakireva, researcher.

socio@tut.by

THE USE OF SOCIOLOGICAL RESEARCHES IN THE PRACTICE OF PROVING UNFAIR COMPETITION: THE STORY OF ONE BUSINESS-CASE

R. A. SMIRNOVA^a, T. V. KUZMENKO^a, T. S. BALAKIREVA^a

^a*Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Corresponding author: R. A. Smirnova (socio@tut.by)

On the example of a particular business-case, the possibilities of quantitative sociological researches in developing an evidence base for the protection against unfair competition are demonstrated. The methodological approach used in carrying out a sociological expertise of the similarity of trademarks, that based on a study of the respondents' perception of similarities in general, despite the private differences, is described. The logic of carrying out a sociological expertise of similarity, which consists in determining the degree of fame, revealing the similarity factors and modeling real and projective situations, is disclosed. The failure of the research approach based on the search for differences in the details by the respondent when conducting a sociological expertise of trademarks is shown.

Key words: brand; trademark; sociological expertise of trademarks; similarity to the degree of confusion; protection from unfair competition; quantitative research; sociological survey.

В мире быстро развивающихся технологий важнейшим фактором принятия адекватных, своевременных, гарантирующих успешное развитие бизнеса управленческих решений является информация. Результаты маркетинговых и социологических исследований выступают той необходимой информационной базой, которая вооружает компании в конкурентной борьбе. Проведенные авторами настоящей статьи исследования по таким направлениям, как изучение узнаваемости бренда, поведение потребителей, удовлетворенность товаром или торговой точкой, исследования ценовой эластичности, анализ целевой аудитории в коммуникациях и другое, не раз доказывали свою эффективность в бизнес-практике при разработке маркетинговых стратегий компаний, тестировании новых продуктов и услуг, определении особенностей позиционирования бренда. Еще одной ситуацией в деятельности компаний, когда результаты количественных опросов незаменимы, является социологическая экспертиза товарных знаков.

Важным показателем успешности бренда является его узнаваемость. Известный бренд служит ориентиром при выборе товара среди множества однородных предложений разных производителей, несет покупателям информацию об ожидаемых свойствах и выступает своеобразной гарантией его качества. Таким образом, именно нематериальная составляющая (название, обозначение, логотип, цветовое оформление и дизайн упаковки) сегодня увеличивает потребительскую ценность товаров или услуг и определяет успешность их продвижения на рынке. Однако даже у самых известных, «раскрученных» брендов рано или поздно появляются подражатели. Все чаще на полках магазинов можно встретить продукцию с похожими или почти идентичными названиями, этикетками, упаковками. В юриспруденции такое

заимствование, при котором покупатель может принять один товар за другой, несмотря на их отдельные отличия, называется термином «сходство до степени смешения». Данное понятие выступает ключевым в правовом регулировании товарных знаков и знаков обслуживания (обозначений, способствующих различию однородных товаров или услуг разных юридических или физических лиц) [1, с. 11]. Так, Законом Республики Беларусь от 05.02.1993 г. № 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания» установлено: «В качестве товарных знаков не могут быть зарегистрированы обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с зарегистрированными или заявленными на регистрацию в Республике Беларусь на имя другого лица и обладающими более ранним приоритетом товарными знаками в отношении однородных товаров» [1].

Тем не менее проблема заимствования чужих товарных знаков приобретает сегодня особую остроту и актуальность для представителей бизнеса как на внешних, так и на внутренних рынках. В условиях Единого экономического союза открытым остается вопрос о порядке использования зарегистрированных товарных знаков-аналогов [2], на внутреннем рынке значимость проблемы обусловлена обостряющейся конкуренцией. В результате с каждым годом растет количество судебных разбирательств, касаемых защиты интеллектуальной собственности [3; 4]. Следствием недобросовестной конкуренции являются потеря клиентов и, соответственно, значительные убытки для компании. Чтобы защитить себя от подрыва репутации и введения клиентов в заблуждение, компаниям приходится обращаться в суд.

В качестве доказательств может быть использована лингвистическая экспертиза: анализ идентичности шрифтов, близких и совпадающих слов,

звучков, графических и цветовых решений, логических ударений. Смешение может определяться по поведению потребителя как ошибочная покупка. В этом случае анализируется статистика реальных покупок, возможно использование лабораторного эксперимента.

Весомым аргументом в делах по защите интеллектуальной собственности выступает социологическая экспертиза сходства товарных знаков до степени смешения. Основная задача социологов – убедительно доказать, что покупатель воспринимает товары как схожие и может их перепутать при совершении покупки, несмотря на некоторые отличия. В этом плане социологический опрос является серьезным средством доказательства. При грамотном построении дизайна исследования и использовании релевантных методик такой опрос объективно показывает, как потребитель воспринимает происходящую ситуацию. Одним из

примеров успешного использования социологической экспертизы в сфере защиты товарных знаков послужил исследовательский проект, недавно реализованный научно-исследовательской группой по проведению социологической экспертизы объектов интеллектуальной собственности и экономико-правовых отношений под руководством доктора философских наук Р. А. Смирновой для группы компаний КАМАКО ПЛЮС (далее – КАМАКО).

В 2016 г. на полках магазинов Беларуси появился майонез «Провансаль Тот самый вкус!» фирмы ABC (далее – ABC). Упаковка товара была очень похожа на известную потребителям упаковку майонеза «Провансаль Столичный» от КАМАКО (см. рисунок). Чтобы доказать факт недобросовестной конкуренции, экспертной группой социологов в сотрудничестве с патентными поверенными был разработан дизайн исследования, включающий два количественных опроса.

Упаковки майонеза «Провансаль Столичный» от КАМАКО и «Провансаль Тот самый вкус!» от ABC
Packages of mayonnaise «Provansal Stoliczny» of trademark КАМАКО and «Provansal The very same taste» of «ABC» company

Целями первого исследования выступили изучение известности словесного обозначения «Тот самый вкус!» среди населения и определение степени идентификации товара с данным обозначением с конкретным производителем. Опрос проводился в г. Минске, поскольку предполагалось, что столица является не только административным, политическим и культурным, но и экономическим центром Беларуси, обуславливающим экономическое поведение населения страны и, в частности, его потребительское поведение в отношении большинства продовольственных товаров массового спроса. Было опрошено 400 человек, проживающих в разных административных районах города. Количество респондентов пропорционально численности населения в выбранных районах. Опрос проводился по случайной маршрутной выборке методом личного интервью. Второе исследование проводилось в виде опроса по республиканской многоступенчатой выборке в целях изучения особенностей восприятия респондентами внешнего вида упако-

вок майонеза разных производителей, а также возможности их смешения (опрошено 1200 человек, выборка репрезентативна по полу, возрасту, типу населенного пункта). Методика сбора информации представляла собой личное интервью с респондентом, инструментарий состоял из бланка интервью и карточек с изображением упаковок исследуемых товаров.

Ключевое значение в проведении подобных исследований имеет грамотное использование методологии и строгое соблюдение основных принципов определения сходства товарных знаков. Критерии сходства до степени смешения могут варьироваться в зависимости от вида товарного знака, но они так или иначе сводятся к трем основным признакам:

1) смысловое (семантическое) сходство, когда сравниваемые обозначения выражают одинаковые, подобные либо прямо противоположные идеи (например, «Пельмени Подушечки» и «Подушечки»; «Монастырский» и «Монастырецкий»);

2) звуковое (фонетическое) сходство (например, «Кларитин» и «Кларидин»);

3) визуальное (графическое) сходство, когда торговые марки формируют одинаковое зрительное впечатление с помощью дизайна, формы, используемых шрифтов, цветов и оттенков [5, с. 137].

Однако для того, чтобы доказать возможность смешения потребителем двух товарных знаков, недостаточно просто спросить его об их сходстве. Одной из эффективных методик является моделирование в ходе опроса двух ситуаций: реальной и прожективной. При создании реальной ситуации выбора респонденту демонстрируется карточка с изображениями нескольких товаров, среди которых есть тот, сходство с которым предполагается. Участника исследования просят найти тот товар, о котором с ним говорили ранее. Если респонденты, которые в предыдущих вопросах ответили, что знают товар и ориентируются в данной товарной категории, указывают на товарный знак другого производителя, это является доказательством смешения товарных знаков в реальной ситуации. В прожективной ситуации возможность смешения товарных знаков оценивается по ответам респондентов на вопрос: «А могли бы Вы при покупке перепутать товар А и товар В?»

Результаты первого опроса позволили определить, что покупатели майонеза либо не знают производителя с обозначением «Тот самый вкус!», либо путают, указывая на других производителей, в том числе и на КАМАКО. В ходе второго опроса почти половина респондентов перепутали упаковки и выбрали упаковку «Провансаль Тот самый вкус!», имея в виду майонез КАМАКО. Было установлено, что большинство участников опроса считают упаковки похожими как в целом, так и по отдельным параметрам. Основными факторами сходства выступили цветовая гамма, дизайн и расположение словесных и изобразительных элементов на упаковках. Кроме того, в прожективной ситуации, когда респонденту демонстрировались две упаковки и задавался вопрос: «Могли бы Вы при покупке перепутать упаковки майонеза, изображенные на карточках?», большинство опрошенных ответили утвердительно.

Полученные данные выступили одним из весомых аргументов в доказательной базе компании КАМАКО, которая в результате выиграла суд. Судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь признала действия компании ABC актом недобросовестной конкуренции. Компанией КАМАКО письмо с решением Верховного суда было направлено в Комитет государственного контроля Республики Беларусь для определения санкций в адрес компании ABC, а также информационные письма в тор-

говые сети с просьбой не допускать в товарный оборот майонез «Провансаль Тот самый вкус!» [4].

Однако в 2017 г. история получила продолжение. Компания ABC внесла некоторые несущественные изменения в дизайн упаковки, а за поиском доказательной базы обратилась к одной из авторитетных белорусских социологических компаний. Инструментарий исследования в данном случае строился не на доказательстве сходства обозначений в целом, а на поиске респондентом отличий, наподобие игры «Найди 10 отличий». Совершенно естественно, что данные опроса подтвердили существование определенных различий между упаковками. Действительно, если разбирать упаковки КАМАКО и ABC в деталях, то они имеют некоторые различия: у КАМАКО на упаковке стилизованный солнце-подсолнух, внутри которого написано определенным шрифтом КАМАКО, у ABC – подсолнух такой же цветовой гаммы, но в центре – фраза «Тот самый вкус» (таким же шрифтом); сходные по цветовому исполнению полосы по краям упаковки у ABC волнистые, а у КАМАКО прямые (однако на мягкой упаковке майонеза ровные полосы становятся волнистыми) и т. п. Эти различия в деталях позволили ABC ранее зарегистрировать данное обозначение в качестве товарного знака и получить исключительные права на его использование [6].

Следует подчеркнуть, что применение подобной методики как при проведении социологической экспертизы, так и в исследованиях для решения других маркетинговых и управленческих задач в бизнесе представляется необоснованным и социологически неверным. Во-первых, онтологически не существует абсолютно идентичных обозначений: сравниваемые упаковки изначально не являются одинаковыми. Кроме того, в магазинах, когда мы вынуждены принимать множество решений в течение нескольких минут, за наше внимание борется огромное количество товаров: в типичном супермаркете может продаваться до нескольких десятков тысяч различных товаров. В результате в торговом зале люди просто повторяют ранее принятые, привычные для себя решения, ориентируясь не на отдельные детали (солнышко или подсолнух, волнистые или ровные полосы и т. д.), а воспринимая упаковку в целом. Выводы о том, что при совершении покупки мы видим вещи сквозь призму нашей памяти и действуем основываясь на привычке, неосознанно вовлекая в процесс поиска товаров такие психологические закономерности, как правило сохранения целостности структуры при выпадении ее частей (например, окружность с разрывом все равно воспринимается как окружность), правило близости, правило сходства и другое, подтверждаются многочисленными экспериментами

маркетологов [7, с. 28–35]. Таким образом, логика построения дизайна исследования при проведении социологической экспертизы сходства товарных знаков до степени их смешения основана на том, что всегда есть частные отличия, но они не влияют на восприятие респондентами их сходства в целом, которое может существенно влиять на покупательское поведение респондентов.

Именно на этих закономерностях, отражающих основные выводы и положения теории и практики социологии, психологии и маркетинга, основан методологический подход, используемый авторами настоящей статьи и доказавший свою эффективность в результате проведения многочисленных исследований по социологической экспертизе объектов интеллектуальной собственности. Данный подход, основанный на определении степени известности, выявлении факторов сходства и моделировании реальной и проективной ситуаций, был использован авторами при проведении повторного исследования для КАМАКО, которая вновь

обратилась к научно-исследовательской группе по проведению социологической экспертизы объектов интеллектуальной собственности и экономико-правовых отношений в целях установления факта недобросовестной конкуренции в суде. В ходе проведения республиканского социологического опроса с использованием аналогичного дизайна исследования были получены сопоставимые данные. Результаты социологической экспертизы явились, с одной стороны, доказательством смешения товарных знаков, а с другой – свидетельством валидности и надежности используемых методик и инструментария. Компания КАМАКО смогла отстоять свои права в суде.

Таким образом, социологические исследования при условии грамотного построения дизайна исследования и использовании релевантных методов и подходов выступают эффективным инструментом в механизме защиты от недобросовестной конкуренции и решении практических задач для бизнеса.

Библиографические ссылки

1. Закон Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания» : в ред. от 27 окт. 2000 г. (с изм. и доп. от 5 янв. 2004 г.). Минск : Право и экономика, 2004.
2. Полухин И. В., Швецова М. К., Кацура А. А. Коллизии между товарными знаками в Едином экономическом союзе // Решетниковские чтения : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф., посв. 55-летию Сибир. гос. аэрокосм. ун-та им. акад. М. Ф. Решетнева (Красноярск, 10–17 нояб., 2015 г.) : в 2 т. Красноярск, 2015. Т. 2.
3. Кондитерская фабрика «Спартак» отстояла свои права на товарный знак «Барбарис» [Электронный ресурс] // Белта. URL: <http://www.belta.by/economics/view/konditerskaja-fabrika-spartak-otstojala-svoi-prava-na-tovarnyj-znak-barbaris-84090-2012> (дата обращения: 26.06.2012).
4. Прецедент с копированием упаковки майонеза: «Камако» выиграла суд у ABC [Электронный ресурс] // Marketing.by. URL: <http://marketing.by/novosti-rynka/pretsedent-s-kopirovaniem-upakovki-mayoneza-kamako-vyigrala-sud-u-abc> (дата обращения: 06.12.2016).
5. Смирнова Р. А., Кузьменко Т. В., Балакирева Т. С. Бренды и товарные знаки как объекты социологического изучения в практике разрешения судебных споров // Социология. 2016. № 2. С. 132–139.
6. Как майонезный кейс повлиял на правовое поле: история КАМАКО по защите своей упаковки в суде [Электронный ресурс] // Marketing.by. URL: <http://marketing.by/mnenie/kak-mayoneznyy-keys-povliyal-na-pravovoe-pole-istoriya-kamako-po-zashchite-svoey-upakovki-v-sude> (дата обращения: 21.03.2018).
7. Нордфальт Й. Ритейл-маркетинг: практики и исследования / пер. с англ. И. Евстигнеева. М. : Альпина Паблишер, 2015.

References

1. The Law of the Republic of Belarus 5 February, 1993, No. 2181-XII «On Trademarks and Service Marks» : ed. from 27 October, 2000 with the amendment. and additional from 5 January, 2004. Minsk : Law and Econ., 2004 (in Russ.).
2. Polukhin I. V., Shvetsova M. K., Katsura A. A. Conflicts among Trademarks in the Single Economic Union. *Reshetnikovskie chteniya* [Reshetnikov Readings] : mater. XIX Int. sci.-pract. konf. Dedicated 55th anniversary Siberian State Aerospacel. Univ. (Krasnoyarsk, 10–17 November, 2015) : in 2 vols. Krasnoyarsk, 2015. Vol. 2.
3. [Confectionary factory «Spartak» defended its rights to the trademark «Barberry»]. *Belta*. URL: <http://www.belta.by/economics/view/konditerskaja-fabrika-spartak-otstojala-svoi-prava-na-tovarnyj-znak-barbaris-84090-2012> (date of access: 06.26.2012) (in Russ.).
4. [A precedent with the copying of mayonnaise packaging: «Kamako» won the court of ABC]. *Marketing.by*: URL: <http://marketing.by/novosti-rynka/pretsedent-s-kopirovaniem-upakovki-mayoneza-kamako-vyigrala-sud-u-abc> (date of access: 12.06.2016) (in Russ.).
5. Smirnova R. A., Kuzmenko T. V., Balakireva T. S. Brands and trademarks as objects of sociological study in practice of dispute resolution. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2016. No. 2. P. 132–139.
6. [How the mayonnaise case influenced the legal field: the history of Kamako on protecting its packaging in court] // *Marketing.by*. URL: <http://marketing.by/mnenie/kak-mayoneznyy-keys-povliyal-na-pravovoe-pole-istoriya-kamako-po-zashchite-svoey-upakovki-v-sude> (date of access: 03.21.2018).
7. Nordfalt J. In-Store Marketing: on Sector knowledge and Research in Petailing. Västerås : Forma Magazines, 2011. Russ. ed.: Nordfalt J. Riteil-marketing: Praktiki i issledovaniya. Moscow : Alpina Publisher, 2015.

Статья поступила в редколлегию 24.04.2018.
Received by editorial board 24.04.2018.

УДК 330.837.1

ДЕМОНСТРАТИВНОЕ И ПОДСТАВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В (КИБЕР)СПОРТЕ: ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ ПРАЗДНОГО КЛАССА Т. ВЕБЛЕНА

И. В. МИРОНЦОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отталкиваясь от разработанной Т. Вебленом теории праздного класса на практических примерах рассматриваются специфические механизмы приобретения и распределения материальных и символических благ в спортивной киберспортивной отраслях. Одновременно с этим предлагается качественное расширение и углубление классической концепции подставного потребления, результат такого расширения и углубления представлен в виде многоступенчатой последовательной универсальной системы, которая может быть использована для анализа экономически детерминированных взаимоотношений людей в различных профессиональных средах.

Ключевые слова: демонстративное потребление; подставное потребление; Т. Веблен; киберспорт; социология спорта; видеоигры; компьютерные игры.

CONSPICUOUS AND VICARIOUS CONSUMPTION IN (E)SPORTS: THE POTENTIAL T. VEBLEN'S THEORY OF THE LEISURE CLASS

I. V. MIRONTSOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Starting with T. Veblen's theory of the Leisure Class specific mechanisms of the acquisition and distribution of material and symbolic goods in the sports and eSports industry are considered in this article on the practical examples. Simultaneously, a qualitative expansion and deepening of the classical concept of Vicarious Consumption is proposed, presented by the author in the form of a multistage sequential system.

Key words: vicarious consumption; conspicuous consumption; T. Veblen; cybersports; eSports; sociology of sport; electronic sports; videogames; computer games.

Введение

Наличие социального неравенства, конституируемое в социальной стратификации общества, естественным образом детерминирует поведенческие практики субъектов, закрепляющие и презентующие их социальный статус. К таким практикам изначально относились и относятся до сих пор практики потребления. Ранее они располагались по вектору количественного исчисления

«больше – меньше», который позднее сменяется и/или дополняется качественным измерением «низкосортное (некачественное) – высокосортное (качественное)». Работавший в марксистской парадигме Э. Фукс в книге «Иллюстрированная история нравов» (1908) проясняет динамику и логику потребления разных классов и социальных групп. Наиболее специфическим и репрезентативным

Образец цитирования:

Миронцов И. В. Демонстративное и подставное потребление в (кибер)спорте: потенциал теории праздного класса Т. Веблена // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 167–172.

For citation:

Mirontsov I. V. Conspicuous and vicarious consumption in (e)sports: the potential T. Veblen's theory of the leisure class. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 167–172 (in Russ.).

Автор:

Игорь Валерьевич Миронцов – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Igor V. Mirontsov, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. mirontsov@gmail.com

для исследователя выступало потребление роскоши социальной элитой и попытки ее имитации низшими слоями общества. До Э. Фукса русский историк И. Е. Забелин в исследовании «Домашний быт русских царей в XVI–XVII веках» (1862) проиллюстрировал связь между формами и особенностями потребления высших классов со спецификой глобальной культурной формы нации (патриархальность, консерватизм). Следует отметить, что у упомянутых авторов можно обнаружить понимание потребления как потребления не только материальных, но и символических благ. В специфических ситуациях последние ценятся потребителями более высоко, их цена вполне сопоставима с ценой собственной жизни.

Американские экономисты и социологи уже почти 100 лет изучают специфику потребления дорогостоящих вещей. Экономист Х. Лейбенштайн обобщил исследования и в результате выделил три фактора, побуждающих человека делать такие покупки. Первый – эффект присоединения к большинству: покупатель не хочет отставать от других и выбирает модную продукцию в русле общих тенденций. Второй – эффект сноба (прямо противоположное предыдущему явление: потребитель стремится выделиться из общей массы и выбирает то, что не «как у всех»). Третий фактор описан Т. Вебленом в написанной на стыке XIX и XX вв. работе «Теория праздного класса: исследование экономических институций» и оказавшей значительное влияние как на экономическую социологию в целом, так и на теоретическое обоснование развития капитализма в Западной Европе. Одним из основных и наиболее популярных выводов этого исследования является выделенный и обоснованный автором феномен демонстративного потребления, появляющийся в результате выключения собственников, которых Т. Веблен назвал «праздный класс» из процесса рационального производства [2].

Еще в 1900 г. С. Линдсей описал «праздный класс». Социолог понял, что данные Т. Вебленом определения демонстративного потребления, праздного досуга и подставного потребления были весьма реалистичными и точно отражающими определенные социальные процессы. И хотя С. Линдсей не считал теорию праздного класса Т. Веблена полностью исчерпывающей, он признавал ее значительный вклад в изучение социальных процессов [1].

Предпосылкой появления концепции праздного класса послужил тот факт, что экономическая теория в своих расчетах нередко делает акцент на

потреблении накопленных благ, где целью приобретения и накопления считается потребление, основанное на физических, духовных, эстетических и других нуждах и потребностях индивида. Т. Веблен ставит данную позицию под сомнение и утверждает, что мотивом потребления может быть не только острая необходимость в каких-либо товарах или благах, но и денежное соперничество [2]. Последнее выражается в том, что индивиды совершают те или иные покупки товаров или услуг не от нужды, а потому, что это считается модным, востребованным и значимым среди людей своего класса или высших слоев общества. Так зарождается класс собственников, ведущих праздный образ жизни, которые не занимаются тяжелым физическим трудом, покупают собственность и товары, недоступные для большинства других слоев, причем характер приобретения товаров и услуг носит демонстративный и показательный характер, а все их приобретения и символическая власть, связанные с владением данными богатствами, выставляются на обозрение всему остальному обществу.

Таким образом, демонстративное потребление можно определить как расточительные траты на товары и услуги, осуществляемые для демонстрации собственного богатства.

В связи с существенным повышением уровня жизни в прошлом веке и появлением среднего класса расширялось использование термина «демонстративное потребление»: им начали характеризовать отдельных индивидов и семьи, в фундаменте модели потребления которых было приобретение товаров не для использования по прямому назначению, а скорее для демонстрации собственного статуса. Таким образом, термин «демонстративное потребление» начал приводить к ассоциациям с нарциссизмом, зависимостями, потребительством, а также со стремлением к мгновенному удовольствию.

В данный момент концепция праздного класса достаточно активно применяется для анализа характера потребления в разных обществах (см. [3]), а также для анализа потребительского поведения (см. [4; 5]) и прогнозирования последствий отдельных политических решений (см. [4–6]). Но никто, за редким исключением (см. [7]), не пытался проанализировать процессы, происходящие в спорте, сквозь призму демонстративного и подставного потребления (даже несмотря на то, что сам Т. Веблен в исследованиях затрагивал этот социальный институт).

Результаты и обсуждение

Компьютерный спорт, также как и традиционный, имеет широкий и разнообразный класс демонстративных потребителей. Так, в некоторых кибердисциплинах, например *Dota 2* и *Counter-*

Strike: Global Offensive (CS:GO), существуют так называемые внутриигровые предметы – некоторые атрибуты и дополнения, покупаемые игроками за реальные деньги, создающие красивые визуаль-

ные эффекты, но не дающие практически никакого реального преимущества над соперником. Вместе с тем чем больше у того или иного игрока находится в распоряжении внутриигровых предметов (их может быть и меньше, но они будут более дорогостоящими), тем больше существует оснований считать его состоятельным и глубоко преданным игре человеком. Также это обстоятельство зачастую позволяет делать вывод о том, что игрок, владеющий большим количеством игровых предметов, давно играет в ту или иную игру и проводит в ней много времени, что, как правило, положительно сказывается на его игровых навыках и умениях. Немаловажным является тот факт, что некоторые внутриигровые предметы создаются при поддержке известных киберспортсменов и киберспортивных команд. В связи с этим можно отметить то обстоятельство, что, приобретая тот или иной «брендируемый» предмет, игрок демонстрирует свою лояльность любимой команде или игроку.

Также в случае с киберспортивными играми довольно широко развита практика продажи различных специализированных игровых девайсов (компьютерных мышек, клавиатур, наушников и т. п.). При том что их реальная польза также трудно доказуема, стоят они в несколько раз дороже обычных аксессуаров. Однако в киберспортивном сообществе принято считать, что чем современнее и дороже используемые для игры приспособления, тем более умелым (или многообещающим) игроком является их обладатель. Особенно заметно такое отношение может проявляться у молодых игроков, иногда ставящих внешние и не самые нужные с функциональной точки зрения атрибуты выше необходимых игровых навыков.

Возвращаясь к вышеназванному тезису о классе собственников, важно отметить, что если экстраполировать его в целом на социальный институт спорта, то можно провести прямую аналогию. Так, классом собственников будут являться миллиардеры, владельцы крупных корпораций, целые трастовые фонды (во главе с советами директоров), которые в целях демонстрации собственного материального и статусного благополучия и для повышения популярности приобретают различные спортивные объединения (команды и клубы). Наиболее ярким и общеизвестным примером такого собственника может служить российский бизнесмен Р. Абрамович, который в 2004 г. приобрел английский футбольный клуб «Челси». В качестве примера из сферы компьютерного спорта, можно

привести другого бизнесмена из России А. Усмано-ва, который, вложив в конце 2015 г. 100 млн долл. в группу компаний *Virtus.pro* (крупнейшее российское сообщество в сфере киберспорта), фактически стал ее владельцем, что подтвердил совладелец киберспортивного холдинга *ESforce* А. Черепенников в интервью portalу *RNS*¹.

Необходимо также помнить, что существует группа людей, которые не владеют значительными материальными активами, но имеют уникальные навыки, фактически не востребованные в производстве, которые при грамотном их применении могут приносить прибыль. О таких людях Т. Веблен говорит следующее: «Эти праздные господа более низких рангов, особенно безденежные или почти безденежные, через систему зависимости или принесением клятвы в верности попадают под покровительство сильных господ; этим они обретают недостающий почет или получают от своего покровителя средства для ведения праздной жизни»² [2, р. 84]. В современном спорте такой клятвой верности является заключаемый с подотчетной владельцу спортивной организации контракт с ясно прописанными обязательствами сторон. Фактически в этой ситуации начинает осуществляться, по определению Т. Веблена, подставное потребление, т. е. такой тип потребления благ, при котором известность и влияние, связанные с потреблением тех или иных благ, передаются лицу, обеспечивающему данное потребление. Фактически это определенное капиталовложение символического характера, сделанное вышестоящим праздным лицом. Классическим примером такого типа потребления является образ жизни слуг и придворных, которые осуществляют потребление таким образом, чтобы другим членам общества было ясно, во славу кого и за чей счет они его совершают.

Таким образом, отталкиваясь от данного описания, игроки становятся «его (покровителя/спонсора. – И. М.) придворными льстецами, вассалами или слугами, получающими у своего покровителя пищу и поддержку. Они являются рекламой его высокого положения и подставными потребителями его обильного состояния» [2, р. 84]. Действительно, чем более именитых и известных игроков может пригласить в клуб владелец, тем лучше он подчеркнет свое благополучие и финансовое благосостояние, особенно если это будет подано в прессе с подобной формулировкой: «Владелец клуба выделил деньги на покупку игрока»³. Поэтому, если вынести

¹ «За год мы увеличили выручку в 6 раз». Большое интервью владельца *Virtus.pro* [Электронный ресурс] // Cyber sports.ru. URL: <https://cyber.sports.ru/tribuna/blogs/midorfeed/1167874.html> (дата обращения: 11.04.2018).

² Здесь и далее перевод наш. – И. М.

³ Абрамович выделил «Челси» деньги на приобретение форварда [Электронный ресурс] // СпортЭкспресс в Украине. URL: <http://www.sport-express.ua/football/england/news/235194-abramovich-vydelil-chelsi-dengi-na-priobretenie-forvarda.html> (дата обращения: 11.04.2018).

за скобки терминологию конца XIX в., то ситуация будет точно описывать существующее положение дел в современном спорте, в том числе и компьютерном.

Вся подразделенная система подставной праздности и подставного потребления как на момент написания книги в 1899 г., так и сейчас подчинена следующему правилу: «Обязанности подставной праздности и подставного потребления должны выполняться таким образом, при таком условии или под такой вывеской, которые бы ясно указывали на хозяина, которому принадлежит эта праздность и к чьему имени, соответственно, прибавляется добрая слава» [2, р. 115]. Подтверждение данного тезиса мы можем непосредственно наблюдать во время осуществления различных PR-акций клубов, благотворительных и медийных мероприятий, которые проводятся под эгидой клуба или команды, с которыми заключен контракт, а сама спортивная организация, в свою очередь, всегда указывает непосредственно на своего владельца. Менее опосредованным примером могут являться индивидуальные контракты спортсменов со спонсорами (например, сотрудничество известного бразильского футболиста Неймара с брендом *Gillette*, с которым также имеет соглашение Энрике *xPeke* Седенью, известный игрок в *League of Legends*⁴) и непосредственное участие звезд в различных рекламных мероприятиях, организуемых дающей средства на празднование компанией. Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что в киберспорте личные спонсорские контракты могут считаться довольно редким явлением, потому что на данный момент мало кто из игроков об этом задумывается всерьез и имеет агента с обслуживающим персоналом, способным своевременно, качественно и добросовестно исполнять обязанности индивидуального спонсорского соглашения. Это очень важное уточнение, к которому мы еще обратимся в дальнейшем.

Таким образом, чем богаче и успешнее компания-спонсор или владелец, тем более известные спортсмены находятся под его покровительством. Все это прямо коррелирует с тезисом Т. Веблена: «...по мере того, как круг людей, чье уважение обеспечивается подобным образом, разрастается, требуются все более наглядные средства, чтобы указывать, на кого падает часть заслуг за предоставляемую праздность; с этой целью входят в моду форменная одежда, значки и ливреи; ношение такой одежды предполагает значительную степень

зависимости и, можно сказать, является признаком рабства, действительного или показного» [2, р. 185]. Мы можем вновь наблюдать непосредственную реализацию этой идеи в современном киберспорте, поскольку наличествуют усилия, направленные на обеспечение как можно более широкой узнаваемости различных видов экипировок, которыми являются в большинстве случаев игровые формы с эмблемами клуба и/или спонсора.

Небезынтересным фактом также является то, что Т. Веблен отмечал возможность наличия у класса подставных потребителей собственных вассалов, также реализующих функции подставного потребления. В контексте рассматриваемого нами предмета крайне любопытным фактом представляется покупка легендарным американским баскетболистом Шакилом О'Нилом и его компаньонами киберспортивной команды из США *NRG eSports*, которая соревнуется в следующих дисциплинах: *CS:GO*, *Overwatch*, *Smite*, *Hearthstone* и др.⁵

Однако этот пример не может считаться иллюстрацией полноценных отношений «подставной потребитель – вассал». По сути, Шакил О'Нил, закончив спортивную карьеру в 2011 г., сегодня является самодостаточным и независимым бизнесменом, зарабатывающим на жизнь и свободно определяющим, в какую сферу лучше осуществлять инвестиции.

Более относящимся к существу рассматриваемого вопроса, но менее резонансным примером является факт покупки действительным форвардом команды Национальной баскетбольной ассоциации (НБА) «Бостон Селтикс» Юнасом Йеребко киберспортивной организации *Renegades*, в которую входит команда по *CS:GO* и *Call of Duty*⁶.

В это же время действующие футболисты, которые представляют испанский футбольный клуб (ФК) «Барселона» планируют приобретение собственных команд по киберспорту. Так, уже упоминавшийся выше звездный нападающий ФК «Барселона» Неймар заинтересован в покупке команды *League of Legends*, что позволит ему соединить хобби с бизнесом (бразилец является большим поклонником игры *CS:GO*). Его партнер по команде, испанский защитник Жерар Пике планирует открыть киберспортивный проект, который называется *eFootball.Pro*. По задумке Пике, проект объединит фанатов футбола и киберспорта, и, по мнению экспертов, скорее всего это объединение будет происходить классическим способом – путем создания очередной киберспортивной команды⁷.

⁴Неймар планирует купить команду по *League of Legends* [Электронный ресурс]. URL: <http://sport.bigmir.net/cyber-sport/1790265-Nejmar-planiruet-kupit--komandu-po-League-of-Legends> (дата обращения: 11.04.2018).

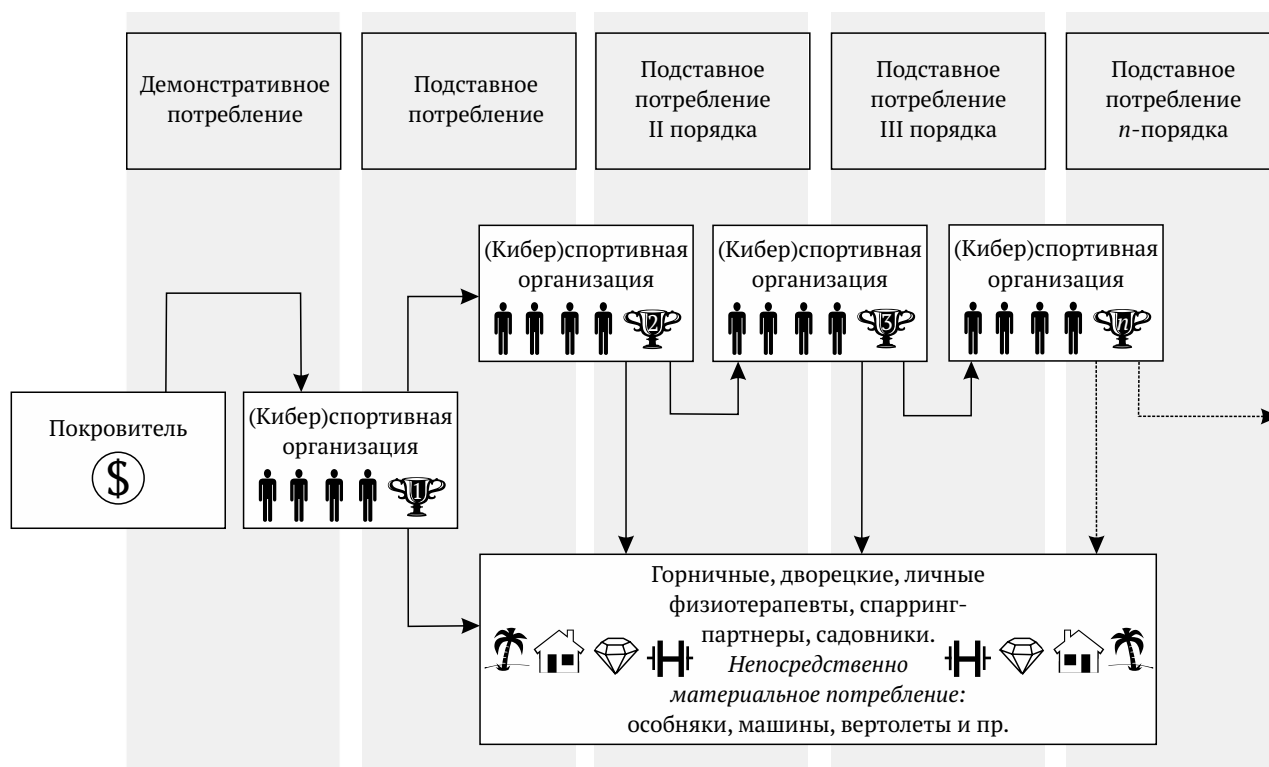
⁵Шакил О'Нил инвестирует в киберспорт [Электронный ресурс]. URL: http://read.navi-gaming.com/team_news/legends_invest (дата обращения: 11.04.2018).

⁶Галкин Д. Игрок NBA купил киберспортивную организацию [Электронный ресурс] // Совет. спорт. URL: <http://www.sovsport.ru/news/text-item/923958> (дата обращения: 11.04.2018).

⁷Борисов А. Жерар Пике анонсировал киберспортивный проект [Электронный ресурс] // CyberSport.ru. URL: <https://www.cybersport.ru/news/zherar-pike-anonsiroval-kibersportivnyy-proekt> (дата обращения: 11.04.2018).

Таким образом, последние примеры, связанные с приобретением как действующими, так и уже закончившими карьеру спортсменами различных киберспортивных организаций и команд, указывает на существование так называемого подставного потребления второго порядка. Под этим термином мы понимаем такую ситуацию, когда подставной потребитель (в нашем случае спортсмен, имеющий контрактные обязательства с более влиятельным и состоятельным работодателем, каковым является спонсор/владелец клуба) сам приобретает команду или организацию, члены которой, в свою очередь, также могут осуществлять подставное потребление. Оно может заключаться как в найме на работу личного обслуживающего персонала, массажистов, тренеров, консьержей и подобных, а также, уже в недалеком будущем, приобретении собственных команд и/или организаций, причем как киберспортивных, так и традиционно спортивных (например, футбольные, баскетбольные и т. д.). В связи с нарастанием популярности киберспорта, увеличением объема вкладываемых в эту индустрию денег данную последовательность можно было бы продолжить подставным потреблением третьего, четвертого и сколько угодно большего «порядка потребления», однако остановимся на втором, как на наиболее реально достижимом в ближайшие несколько лет. Более наглядно представить данную

цепочку включенности в потребительский процесс можно при помощи схемы (см. рисунок), которую мы рассмотрим на конкретном примере. Американский миллиардер Джим Паллотта, президент ФК «Рома», в 2002 г. становится совладельцем клуба НБА «Бостон Селтикс», совершив, помимо выгодной для себя инвестиции, акт демонстративного потребления. Форвард этой команды и де-юре связанный контрактными обязательствами с Д. Паллоттой Юнас Йеребко (о котором шла речь выше), в августе 2016 г. приобрел киберспортивную организацию *Renegades*, в которую входит несколько команд по различным киберспортивным дисциплинам. И хотя шведский баскетболист сделал заявление о том, что «мне представился отличный шанс стать владельцем *Renegades* и привнести часть моего баскетбольного опыта в киберспорт; я следил за киберспортивным бумом и теперь предвкушаю возможность помочь дальнейшему росту индустрии в качестве собственника команды»⁸, он в тоже время совершил акт подставного потребления. После этого сами игроки киберспортивной команды (будь то *Renegades* или какая-либо другая, например, российская *Gambit Esports*, капитан которой, Даниил Zeus Тесленко, открыл собственную киберспортивную организацию) смогут нанимать обслуживающий (и далеко не обязательно необходимый) персонал, а также приобретать другие спортивные организации,

Механизм демонстративного и подставного потребления в (кибер)спорте
The mechanism of Vicarious and Conspicuous Consumption in (E)sports

⁸Галкин Д. Игрок NBA купил киберспортивную организацию [Электронный ресурс] // Совет. спорт. URL: <http://www.sovsport.ru/news/text-item/923958> (дата обращения: 11.04.2018).

осуществляя тем самым подставное потребление второго порядка. В свою очередь, члены этих спортивных организаций (в нашем случае игроки) при наличии у них достаточного количества средств также приобретут возможность осуществлять акты подставного потребления, которые уже можно будет классифицировать как подставное потребление третьего порядка.

Для полноты приведенной схемы необходимо отметить принципиально важный момент, подчеркивающий независимость отдельных субъектов, входящих в эту систему: «благодетель» не имеет фактической власти над теми индивидами, которые находятся в прямом подчинении у представителей класса подставных потребителей первого, второго, третьего и *n* порядка.

Заключение

В результате проведенного теоретического исследования видно, насколько усложнилась социальная жизнь с того времени, как Т. Вебленом была написана «Теория праздного класса». Его нетривиальные, оригинальные интерпретации механизмов взаимодействия людей, стоящих на разных ступенях социальной лестницы, меньше чем за столетие стали казаться банальными и редуцированными, что может являться одним из объяснений, почему некогда революционная работа так редко используется в исследованиях современных авторов.

Вместе с тем нам кажется, что фундамент, заложенный этой работой в 1899 г., может быть успешно использован в качестве основы для построения объяснительных моделей, происходящих в совре-

менном обществе. Жизнь усложнилась, однако это можно рассматривать не как ограничение использования теории праздного класса, а как возможность и вызов для ее совершенствования.

Такая попытка была предпринята в настоящей работе. Вместо классической, двухступенчатой схемы Т. Веблена «демонстративное потребление – подставное потребление» на примере (кибер) спортивной индустрии были продемонстрированы возможности *n*-ступенчатой схемы подставного потребления, обладающей, как нам кажется, большим эвристическим потенциалом. Она может использоваться в условиях современного сетевого информационного общества, пронизанного сложными и многообразными коммуникациями.

Библиографические ссылки

1. Timothy J., Bergen, Jr. The Sociological Mind of Thorstein Veblen [Electronic resource] // J. Thought. 1973. Vol. 8, № 3. P. 224–233. URL: <http://www.jstor.org/stable/42588371> (date of access: 04.05.2018).
2. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ., вступ. ст. и примеч. С. Г. Сорокиной ; общ. ред В. В. Мотылева. 4-е изд. М. : Прогресс, 1984.
3. Nancy Y. W., Aaron C. A. Personal taste and family face: Luxury consumption in Confucian and Western societies // Psychol. Marketing. 1998. Vol. 15, № 5. P. 423–441. DOI: 10.1002/(SICI)1520-6793(199808)15:5<423::AID-MAR2>3.0.CO;2-9.
4. Wiedmann K. P., Hennigs N., Siebels A. Value-based segmentation of luxury consumption behavior // Psychol. Marketing. 2009. Vol. 26, № 7. P. 625–651. DOI: <https://doi.org/10.1002/mar.20292>.
5. Han Y. J., Nunes J. C., Drèze X. Signaling status with luxury goods: The role of brand prominence // J. Marketing. 2010. Vol. 74, No. 4. P. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.1509/jmkg.74.4.15>.
6. Bagwell L. S., Bernheim B. D. Veblen effects in a theory of conspicuous consumption // Am. Econ. Rev. 1996. Vol. 86, № 3. P. 349–373.
7. Smith L. Thorstein Veblen on Sports in America // Social Text. 1986. № 16. P. 176–183.

References

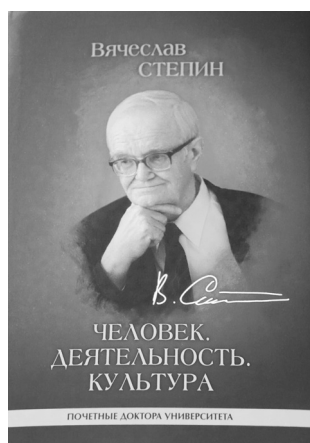
1. Timothy J. Bergen, Jr. The Sociological Mind of Thorstein Veblen. *J. Thought*. 1973. Vol. 8, No. 3. P. 224–233. URL: <http://www.jstor.org/stable/42588371> (date of access: 04.05.2018).
2. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. Harvard : B. W. Huebsih, 1899. Russ. ed. : Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. Moscow : Progress, 1984 (in Russ.)
3. Nancy Y. W., Aaron C. A. Personal taste and family face: Luxury consumption in Confucian and Western societies. *Psychol. Marketing*. 1998. Vol. 15, No. 5. P. 423–441. DOI: 10.1002/(SICI)1520-6793(199808)15:5<423::AID-MAR2>3.0.CO;2-9.
4. Wiedmann K. P., Hennigs N., Siebels A. Value-based segmentation of luxury consumption behavior. *Psychol. Marketing*. 2009. Vol. 26, No. 7. P. 625–651. DOI: <https://doi.org/10.1002/mar.20292>.
5. Han Y. J., Nunes J. C., Drèze X. Signaling status with luxury goods: The role of brand prominence. *J. Marketing*. 2010. Vol. 74, No. 4. P. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.1509/jmkg.74.4.15>.
6. Bagwell L. S., Bernheim B. D. Veblen effects in a theory of conspicuous consumption. *Am. Econ. Rev.* 1996. Vol. 86, No. 3. P. 349–373.
7. Smith L. Thorstein Veblen on Sports in America. *Social Text*. 1986. No. 16. P. 176–183.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

ВАЖНО, ЧТОБЫ РАБОТА НЕ ПРЕКРАЩАЛАСЬ...¹

IMPORTANT THAT THE WORK IS NOT ENDED...

Презентация книги В. С. Стёпина состоялась 3 апреля 2018 г. на факультете философии и социальных наук БГУ с участием автора и гостей – ректора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП) члена-корреспондента РАН, доктора культурологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской

Федерации А. С. Запесоцкого; шеф-редактора журнала «Философские науки» Х. Э. Мариносына; профессоров, преподавателей, научных сотрудников университетов и научных учреждений г. Минска; студентов и аспирантов факультета философии и социальных наук БГУ.

В своем представлении книги читателям (в тексте-предисловии) А. С. Запесоцкий сказал: «Вячеслав Семенович Стёпин в моем восприятии – инопланетянин. Хотя не исключаю, что речь идет о космическом разуме, облюбовавшем для себя земную оболочку». Мне, в свою очередь, кажется, что В. С. Стёпин похож на героя произведения П. Козьмо «Алхимик», который понял таинственную силу, указывающую человеку, как воплотить свою судьбу, и сделал вывод: «На этой планете существует одна великая истина: когда ты по-настоящему чего-нибудь желаешь, ты достигнешь этого, ведь

такое желание зародилось в душе Вселенной. И это и есть твое предназначение на Земле. И только когда человек осознает, что достоин того, за что он так страстно боролся (т. е. своей мечты. – С. III.), он становится орудием в руках Господа, и ему открывается смысл его пребывания здесь, на Земле»². О том, что В. С. Стёпин так думает, живет и творит, можно судить по заключительным словам его интервью профессору И. Т. Касавину, которые вынесены нами в название данных размышлений (см. с. 740).

Книга В. С. Стёпина хранится как выдающаяся научная и библиографическая ценность в Научной библиотеке им. Д. А. Гранина СПбГУП в ряду публикаций лауреатов звания «Почетный доктор университета» и достойнейших людей современной России, таких как Дмитрий Лихачев, Жорес Алферов, Даниил Гранин, Георгий Свиридов, Альберт Лиханов, Наталия Дудинская, Борис Эйфман, Наталья Бехтерова, Андрей Вознесенский, Эльдар Рязанов и др. Со дня презентации эта книга стала также и достоянием библиотеки факультета философии и социальных наук БГУ, как подарок автора нашим читателям. Именно поэтому высказанные одним из выступающих слова о том, что для белорусов В. С. Стёпин – гордость, слава и пример обретения своей судьбы, восприняты как выражение общего мнения.

Новая книга В. С. Стёпина богата по содержанию и значительна по объему. Она состоит из 14 глав, объединенных в две части, и третьей части «Работы разных лет. Интервью». Тем, кто приступает к ее освоению, по моему мнению, следует начинать не с первой, а с третьей части. Прежде всего

¹Размышления над новой книгой академика РАН, Почетного профессора Белорусского государственного университета В. С. Стёпина «Человек. Деятельность. Культура», изданной в серии «Почетные доктора Университета (СПбГУП)» в 2018 г.

²Козьмо П. Алхимик / пер. А. Богдановского. Киев ; М. : София : Гелиос, 2003. С. 4.

полезно прочитать все три интервью «По гамбургскому счету» (интервьюер Н. Н. Шульгин), «Важно, чтобы работа не прекращалась» (интервьюер И. Т. Касавин), «Интеллектуальная биография ученого. Фрагменты жизни и творчества» (интервьюер Ж. В. Комарова). Это позволит составить представление о ходе работы автора – от первого замысла по критическому анализу современного позитивизма к расширению тематики в области философии науки: от основания науки, идеалов и норм научного исследования, научной картины мира, реконструкции научной теории, теоретического знания, типов научной рациональности и так далее до философской антропологии, истории и философии медицины, техногенной цивилизации, социогуманитарного знания, программирующих функций культуры, интеллигенции и власти, науки и религии и др. Самостоятельное значение и большой интерес представляют статьи В. С. Стёпина об А. С. Пушкине, композиторе Е. А. Глебова, философе и социологе М. К. Петрове. Особенно социологически важен текст о М. К. Петрове, являющийся предисловием В. С. Стёпина к книге «Петров М. К. “Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода”». В. С. Стёпин поддерживает идею М. К. Петрова о наличии у человека двух типов кода – генетического и социального (социокода) и отмечает: «В своих работах я не раз подчеркивал, что социокод, надстраивающийся над биокодом, оказывает на него обратное воздействие, определяет границы возможного проявления программ биологической регуляции человеческих поступков (действие инстинктов самосохранения, питания, половой инстинкт регулируются в обществе мировоззренческими установками, принятыми в нем нравственными и правовыми нормами). Закрепление, хранение и трансляцию “по социокоду” программ социальной регуляции определяют такие аспекты функционирования культуры, которые обозначают как социальную память и традицию» (см. с. 567).

Сегодня идеи и творческая деятельность вызывают интерес не только у философов, но и в широких кругах общественности, интеллигенции, называемой все чаще когнитариатом, а также у всех креативно мыслящих и действующих самоактуализированных личностей, как их классифицировал Абрахам Маслоу. Работы В. С. Стёпина читают философы, физики-теоретики и другие естествоиспытатели, антропологи, культурологи, историки, юристы, политологи, а также такие представители практических видов деятельности, как психологи, учителя, врачи. И не просто читают, а осваивают и часто стараются применять открытия автора в работе. Поэтому несмотря на то, что сам акаде-

мик себя называет (идентифицирует) профессиональным философом, его справедливо можно считать великим современным мыслителем.

Для социологов первостепенное значение имеют следующие вопросы: какой вклад своим творчеством внес В. С. Стёпин в современную теоретическую социологию? какие его идеи могут и должны быть реактуализированы в настоящее время? что из разработок автора по проблематике структуры и динамики научного знания имеет смысл использовать в социологической науке?

О взаимодействии философии и социологии писал еще Э. Дюркгейм, который, как известно, являлся философом по базовому образованию, но активно защищал научную самостоятельность социологии и ее независимость от философии. Не доводя полемику до прямого конфликта, Э. Дюркгейм признавался своему ученику и последователю Ж. Дави: «Отойдя от философии, я стремлюсь к тому, чтобы к ней вернуться, вернее, я все время возвращался к ней самой природой вопросов, с которыми сталкивался на своем пути»³. Нет сомнения, что с этим согласились бы все социологи первых поколений, получивших в высших учебных заведениях базовую специальность по философии. В. С. Стёпин, отвечая на вопросы Н. Н. Шульгина: «Что из сделанного Вами в философской науке Вы считаете для себя самым значительным? Что Вы особо выделили?», – отметил ряд новых результатов. Из них можно выделить те, которые имеют социологический смысл и значение, излагая их, по возможности, в авторской формулировке.

1. В. С. Стёпин пишет: «Мне удалось в то время сформулировать исходные идеи целостной концепции структуры и динамики научного знания, которую я затем развил в последующие годы. В качестве исходной единицы анализа выступала не отдельно взятая теория, а знания научной дисциплины, рассмотренные в качестве сложной, исторически развивающейся системы. Стратегии формирования знаний при таком подходе представляли как исторически изменчивые» (с. 619). Нет сомнения в том, что предложенная В. С. Стёпиным целостная концепция структуры и динамики научного познания была создана на основе деятельностного подхода и охватывала не только естествознание, но и социогуманитарные науки. В теоретической социологии первую концептуализацию исторического процесса как смены общественных формаций осуществили К. Маркс и Ф. Энгельс. Она действительно опиралась не на ту или иную отдельно взятую теорию, а на знания научной дисциплины, первоначально – социальной философии, позже – теоретической социологии. В ней общество рассматривается как особый тип тотальности – как человечество, т. е.

³Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и предназначение / пер. и сост. предисл. А. Б. Гофлана. М. : Канон, 1995. С. 321.

социетальная (глобальная) система, целостность которой передается человеческой активностью, преемственными связями между поколениями, nasledующими опыт и все многообразие достижений предшественников. Автор убедительно доказывает, что предложения элиминировать формационную теорию (или весь марксизм) в высшей степени контрпродуктивны, хотя отдельные лица и направления давно и упорно настаивают на этом. Однако, во-первых, это сделать невозможно: слишком глубоко вошли в общественное сознание многие плодотворные мысли марксизма; а во-вторых, мировая общественная мысль, безусловно, заинтересована в том, чтобы такие идеи сохранялись и поддерживали когнитивное разнообразие. Поэтому, в отношении к марксизму главная задача состоит в том, чтобы путем переосмысления, в том числе и критического анализа, сохранить все ценное в марксизме для будущего. Как показал В. С. Стёпин, формационная теория должна быть дополнена анализом культуры, необходимо осуществить взаимопроникновение (конвергенцию) формационных и цивилизационных идей, рассмотреть возможные аксиологические изменения высшей стадии техногенной цивилизации (современного капитализма) и др.

Стоит упомянуть, что В. С. Стёпин справедливо отметил, что жизнеспособные общественные организмы не строятся, а растут естественным эволюционным путем. Отсюда следует вывод: «Вырабатывая новые мировоззренческие идеи, философия вносит мутации в сложившиеся стереотипы культуры, тем самым формируя новые возможности ее развития». На это интервьюер полухитливо заметил: «Теперь понятно, почему говорят, что философы “мутят воду”. <...> На самом деле это мутации, вносимые в культуру!» (с. 616).

У К. Маркса есть сравнение человека с пчелой, которая своим искусством построения ячеек поспрашивает некоторых архитекторов: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в голове... т. е. идеально»⁴. Развивая эту мысль К. Маркса, В. С. Стёпин пишет: «В деятельности человека, которая представляет собой преобразование объектов в соответствии с поставленной целью, ценностно-целевые структуры не являются вторичными по отношению к результатам преобразующей деятельности. Скорее, наоборот, цель как идея, как образ возможного результата предшествует результату (состоянию объекта, возникающему как продукт деятельности). Идея реактивного самолета, выраженная в чертежах и расчетах, первична по отношению к каждому конкретному самолету, построенному по этим расчетам и чертежам. И если

бы вдруг из памяти современного человека исчезла эта идея, то можно гарантировать, что исчезли бы и все реактивные самолеты, они просто разрушились бы со временем. Но если допустить обратное, что вследствие некоторого катаклизма вдруг были бы уничтожены все самолеты, однако в культуре сохранились бы их идея и соответствующие разработки, то можно не сомневаться, что самолеты были бы построены. Выходит, что идеи, которые программируют деятельность, вовсе не вторичны, а первичны по отношению к создаваемым в деятельности вещам. Значит, совсем не глупые мысли развивали Платон и Гегель, когда говорили, что мир идей предшествует миру вещей, что вещи есть опредмеченные идеи. Это справедливо по отношению ко всей созданной человеком искусственной природной среде (неорганическому телу цивилизации), которая возникает только благодаря деятельности людей, как продукт этой деятельности» (с. 429).

Важно учитывать тот факт, что прикладная социология широко использует данные идеи в эмпирико-социологических исследованиях разных видов человеческой активности. При этом культурные программы, приобретенные в ходе индивидуальной жизнедеятельности операционализируются с помощью терминологической сетки, включающей цели и ценности, мотивы и стимулы, антиципации и опережающее отражение, установки и стереотипы и т. д.

2. Значительным вкладом в логику и методологию науки явилась разработанная В. С. Стёпиным схема реконструкции уже осуществленных научных разработок. Безусловно, попытки осмыслить, понять ход мысли исследователя, ответить на вопрос о том, как было сделано научное открытие, предпринимались всегда. Правда, ответы носили обыденно-наглядный характер и якобы соответствовали здравому смыслу. Так, утверждалось, что Архимед открыл закон плавучести тел, купаясь в ванной; а Ньютон закон всемирного тяготения – благодаря упавшему ему на голову яблоку и т. д. В. С. Стёпин фактически провел реконструкцию собственного хода исследования. Его заинтересовала проблема функционирования и генезиса в составе теории образцов решения задач. Он пишет: «Согласно Куну, эти образцы выступают важнейшим компонентом парадигмы. Но было неясно, как они возникают и включаются в состав теории. Мне удалось выяснить их структуру и затем показать, как они формируются. Но для этого необходимо было учесть одну важную операцию построения теории, которая вообще не была зафиксирована в западной философии науки. Эта операция была открыта мною и работавшими со мной физиками при исследовании процедур построения современ-

⁴Маркс К. Капитал: в 3 т. М.: АСТ, 1956. Т. 1. С. 182.

ных физических теорий, а затем мы ее проследили и на классических образцах. Ее мы назвали конструктивным введением абстрактных объектов...» (с. 619–620). Характерно замечание автора о том, что механику Ньютона ему не удалось реконструировать по той причине, что в своих трудах Ньютон формулировал заключительные выводы, не давая детального описания последовательности отдельных шагов.

В социологии этот прием используется не только для перестройки и переориентации текстов, но и для реконструкции самой социальной реальности, ее объектов, сфер, подсистем, институтов и т. д.

К выдающимся достижениям в области философии науки относится исследование В. С. Стёпиным проблемы генезиса и функционирования в составе теории образцов решения задач. Первой и весьма успешной реконструкции подверглись знаменитые уравнения Максвелла. В. С. Стёпин вспоминает: «Мне показалось естественным попытаться выяснить, как создавалась классическая теория электромагнитного поля. Сразу после стажировки в Москве я стал обсуждать эту проблему со Львом Томильчиком. Я нашел в моем старом друге очень хорошего союзника, которому также были интересны эти сюжеты. Его давно интересовало, как Максвелл открыл уравнения электромагнитного поля, и мы занялись анализом максвелловских текстов. К счастью, получилось так, что выбор материала оказался исключительно удачным. У Максвелла было несколько промежуточных публикаций до того, как он изложил уже в окончательном варианте свою теорию электромагнитного поля (у него были по крайней мере две крупные промежуточные публикации). И мы начали анализировать в исторической последовательности эти публикации, пытаясь восстановить ход максвелловской мысли» (с. 655–656). Завершив свою реконструкцию, исследователи выяснили, что уравнения Максвелла были получены как закономерный итог последовательных обобщений ранее созданного в электродинамике набора частных теоретических схем и законов. Позже В. С. Стёпин провел реконструкцию теорий неклассической квантово-релятивистской физики и, обобщая полученные данные, писал: «Сами тексты научных теорий, которые оставили их творцы, – это и есть тот эмпирический материал, который подлежит осмыслению и исторической реконструкции. Реконструкции – это особый тип знаний, который, как я думаю, вообще необходим для исследования исторически развивающихся систем, это особый тип теоретического знания, который присутствует и в методологии науки, и не только в методологии, но везде, где речь идет об исторических объектах. Исторические реконструкции позволяют выяснить, как такие объекты возникают и развиваются» (с. 665–666).

Академик констатирует: «Концепция динамики науки была разработана на материале физики. Естественно, возникал вопрос, насколько можно переносить эту концепцию на другие области знания. Я не сомневался в возможности такого применения, поскольку концепция была сформулирована в общей форме, в логико-методологическом языке, выходящем за рамки философии физики» (с. 691). Первыми данную концепцию использовали аспиранты и докторанты кафедры философии гуманитарных факультетов в своих исследованиях под руководством автора, на основе материала биологии и социальных наук. Позже В. В. Казютинский на практике применил представления об изменениях картины мира, идеалов и норм науки при анализе революции в астрономии, а В. В. Чешов – при анализе технического знания. В. Г. Горохов выявил специфику теоретических схем в технических науках, их классические и неклассические образцы. В начале 1980-х гг. «на передний план в философии науки стали выходить проблемы социокультурной детерминации научного познания. <...> В моих исследованиях они возникли как естественное следствие анализа оснований науки. После выяснения роли социокультурных факторов в развитии научных картин мира, в развитии идеалов и норм науки главное мое внимание было направлено на анализ философских оснований науки и их связи с культурной традицией» (с. 693).

3. Анализируя роль культуры в формировании человеческой социальности, В. С. Стёпин сконструировал определенную схему (модель) социума, включающую три взаимодействующие подсистемы. Первая – неорганическое тело цивилизации: искусственные органы человеческой деятельности. Вторая – природа, созданная им, двухкомпонентная телесность человека (биологическое тело (организм) плюс искусственные органы как продолжение и дополнение естественных органов человека). Данная схема – это все многообразие человеческих отношений, коллективных и групповых, образующих макро- и микроструктуру общества. Третья подсистема – это культура, т. е. наличие в обществе сложноорганизованной совокупности информационных кодов, хранящих и транслирующих надбиологические программы человеческой жизнедеятельности. Культурная программа любой деятельности включает в себя цели, ценности, знания, навыки и прочее, что должно стать достоянием субъекта. Такие программы могут трансформироваться преемственно в виде образцов, знаний, предписаний, верований, мировоззренческих установок и т. п.

Предложенную модель правомерно отнести скорее к культурсоциологии, чем к социологии культуры или к социальной философии. Не случайно известный белорусский культурсоциолог В. Л. Абушенко писал: «Не лишним в этой связи будет от-

метить, что проблематика культуры как предмета специального изучения не была эксплицирована у Маркса (что отметил и Стёпин. – *С. III.*) точно так же, как у Конта, а позже и Дюркгейма. Однако уже такой представитель австромарксизма, как М. Адлер, сформулировал задачу изучения социальных факторов становления, функционирования и развития культурных феноменов (прежде всего ценностей и соответствующих им норм) рассматриваемых, в свою очередь, в аспекте их определяющего воздействия на социум и социальные взаимодействия (Адлеру принадлежит и заслуга самого термина “социология культуры”)⁵.

Тем не менее приходится признать, что ни неомарксизму, ни другим направлениям – культурологическим, социологическим и другим – не удалось раскрыть роль культуры в формировании человеческой социальности. Причины очевидны: такие направления не анализировали основания науки, а следовательно, не могли адекватно применить такие конструкты, как картина мира (в данном случае – картина социальной реальности), ценности и нормы научного познания, мировоззренческие установки (универсалии).

Так, В. С. Стёпин поясняет, как он работал в проблематике культуры. Отталкиваясь от «очень хорошей», по его словам, книги А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры», он искал системообразующие факторы и вскоре понял, что ими могут быть смыслы мировоззренческих универсалий. Так возникла идея о том, что структурные элементы культуры есть то, что обеспечивает селекцию жизненного опыта и включение его в поток культурной трансляции. На примере категории справедливости, которую люди чаще всего не дефинируют, а показывают на образцах, он понял, что есть не только осознанные, но и неосознанные жизненные смыслы. В совокупности эти смыслы «фиксируют шкалу ценностей, обеспечивают понимание мира, его осмысление и переживание. Человек всегда эмоционально переживает вопрос о справедливости или несправедливости – это оценка, а значит, предполагает ценность. Эти универсалии задают, во-первых, способы селекции человеческого опыта, они как бы отбирают, что попадет в поток культурной трансляции. Во-вторых, они образуют категориальный строй сознания людей той или иной исторической эпохи. И наконец, в-третьих, в своем сцеплении и взаимодействии они задают обобщенный целостный образ человеческого жизненного мира. Этот образ выражает отношение человека к природе, обществу и духу (сознанию). Он определяет миропонимание, мироосмысление и миропереживание (мироощущение) людей той или иной культуры в определенную историческую

эпоху. И тогда появляется наш любимый философский термин – “мировоззрение”» (с. 707).

Анализ универсалии культуры неизбежно и логично вел исследование В. С. Стёпина к двум важнейшим философско-социологическим проблемам:

а) кодирования накапливаемого жизненного опыта;

б) типологии человеческих цивилизаций.

Что касается первой из них, то В. С. Стёпин отмечает: «Я видел рациональное и в формационном, и в цивилизационном подходах. <...> В своих функциях в социальной жизни система универсалий культуры предстает предельно обобщенной программой, обеспечивающей воспроизводство определенного типа общества, своего рода геномом социальной жизни. Все сложные саморазвивающиеся системы (биологические объекты, социальные объекты) должны содержать внутри себя особые структуры, которые кодируют опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и управляют реакциями системы на новые воздействия. В биологии опыт приспособления организмов к среде фиксируется в их наследственном коде. Совокупность таких кодов – это генофонд жизни в разных ее вариантах» (с. 725–726).

В общественной жизни аналогом такого генофонда является культура, причем основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Кроме биологических, генетических программ, представленных геномом человека, у него есть еще надбиологические и социальные программы, эти два типа программ сложным образом взаимодействуют. Программы второго типа – это система нравов, традиций, привычек, образцов деятельности, предписаний, знаний, которые хранит культура. Весь этот сложно организованный набор программ существует благодаря особой структуре, которая выступает и функционирует как своего рода геном социальной жизни. Эта структура представлена мировоззренческими универсалиями, пониманием того, что есть человек, общество, личность, природа, пространство и время, что есть свобода, справедливость, совесть, честь, труд и т. д.

Представление о биологической эволюции учитывает влияние двух факторов – мутаций генного аппарата и последующего естественного отбора. Если рассмотреть развитие общества под этим углом, то функции естественного отбора выполняет развитие производства и экономики, а мутации генного аппарата социальных организмов в этом случае являются изменением мировоззренческих универсалий культуры. Происходит такое изменение благодаря появлению новых видов деятель-

⁵ Абушенко В. Л. Основания культурсоциологии. Избр. труды. Минск : Беларуская навука, 2016. С. 154.

ности, которые до поры до времени укладываются в старую структуру жизненных смыслов, но по мере развития могут выходить за эти рамки и порождать противоречия. В подобные эпохи прежние универсалии культуры как программы воспроизводства социальной жизни уже не обеспечивают ее воспроизводство во всех необходимых вариациях, они подавляют нужные для общества виды деятельности. И тогда начинается эпоха критики прежних мировоззренческих установок и жизненных смыслов.

Далее автор лишь компаративно называет отдельные черты традиционных цивилизаций, но основное внимание сосредоточивает на анализе техногенной цивилизации. Он отмечает следующие ее признаки:

1) постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только в производстве, но и в социальном управлении, коммуникациях, логистике, инфраструктуре, быте;

2) выступление технологических новшеств в качестве приоритета, ядра культурно-генетического кода. Инновации самоценны и предполагают улучшение качества жизни;

3) приоритетное значение ценности преобразующей, креативной деятельности;

4) особое понимание власти не только как влияния на человека, но и как власти над объектом.

Техногенная цивилизация дала человечеству множество достижений, но она привела его к глобальным кризисам. Человечество оказалось перед угрозой самоуничтожения. Экологический

и антропологический кризисы, растущие процессы отчуждения, изобретение все новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству, – все это побочные продукты техногенного развития. И поэтому сегодня стоит вопрос: можно ли выйти из этих кризисов, не меняя базисной системы ценностей техногенной культуры?

Отвечая на этот вопрос, В. С. Стёпин полагает, что «эта система ценностей должна трансформироваться. Очевидно, что придется изменить наше отношение к природе, выработать иное понимание целей человеческой деятельности, чем то, которое представлено фундаментальными мировоззренческими установками техногенной культуры. Не исключено, что человечеству предстоит духовная революция, сопоставимая с той, которая была в эпоху Возрождения и Реформации» (с. 735).

К сожалению, невозможно в краткой рецензии затронуть и осветить все, что вносит в социологическую науку своим творчеством В. С. Стёпин. Однако отмеченного достаточно для того, чтобы признать его неоспоримый вклад в методологию и социологическую теорию. Книга, без сомнения, будет пользоваться большой популярностью, особенно у молодых ученых, она поможет им выстроить истинно научное и социологическое мышление. Хотелось бы также, чтобы читатели переняли и жизненный опыт автора в выстраивании своей судьбы.

С. А. Шавель⁶

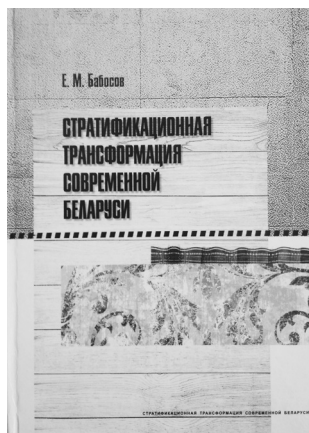
⁶Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Sergei A. Shavel, doctor of sciences (sociology), full professor; principal researcher in the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus.

E-mail: d-v-nazarova@yandex.by

МЕНЯЮЩАЯСЯ БЕЛАРУСЬ: ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТЬ ЕЕ СТРАТИФИКАЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

CHANGING BELARUS: THE HUMANITY OF ITS STRATIFICATION TRANSFORMATION

Каждая книга, выходящая из-под пера академика Е. М. Бабосова, – в какой-то степени ответ на вызовы времени. Его целеустремленность, видение современности, энциклопедичность знаний, умение в сложных условиях найти выход, увидеть перспективу просто поражают. И в этом нет ничего удивительного, поскольку Евгений Михайлович напряженно ра-

ботает в системном режиме всю свою жизнь, не давая себе никаких послажек или послаблений. Своими научными работами он закладывает фундамент будущего современной Беларуси, и его новая монография, вышедшая в текущем году в академическом издательстве «Беларуская навука» под названием «Стратификационная трансформация современной Беларуси», – еще один своеобразный кирпичик в этот фундамент.

Вступление человечества в XXI в. и в новое тысячелетие ознаменовало собой не только преодоление некоего временного рубежа, но и существенное осложнение социально-структурной динамики общества, в котором сталкиваются в противоречивом единстве, а порой и в антагонизме, глобализм и антиглобализм, традиционализм и постмодернизм, рационализм и иррационализм, экологизм и технократизм, гуманизм и терроризм и подобное. Такие глубинные изменения приводят к необходимости более динамичного, чем это было характерно для XX в., и одновременно более многостороннего подхода к пониманию и интерпретации большинства социальных процессов, в том числе и структурно-стратификационных, коренящихся в экономических, социальных, политических, социокультурных основаниях цивилизационного развития. Становится все более очевидным, что социум, в котором мы живем, не состоит из окостеневших, раз и навсегда данных социальных структур, являющихся подобием некоего монолита, составляющие его структуры – не вещи, а процессы.

Все компоненты социальной структуры общества – группы и классы, статусы и роли, страты – не являются неизменными, а находятся в процессе многообразных, разнокачественных, разнонаправленных изменений. Этот многомерный процесс

и называется стратификацией. Автор концептуализирует этот феномен следующим образом: стратификация – это «нелинейно развивающийся и поливероятностный процесс формирования, развития и взаимодействия иерархически дифференцированных социальных страт на основе таких критериев, как владение (невладение) средствами производства, доход, наличие или отсутствие власти, уровень образования, профессия, социальный статус и роль, самоидентификация, социальный престиж» (с. 57).

Монография Е. М. Бабосова получилась значимой, актуальной, в какой-то степени этапной. Хотя автор не первый раз в своей научной практике обращается к этой важнейшей в социологической науке теме. В конце 1980-х гг. под редакцией Е. М. Бабосова вышли широко известные работы, в которых глубоко проанализировано состояние социальной структуры белорусского общества, обозначены перспективы ее развития в условиях научно-технической революции: «Великий Октябрь и социальная структура советского общества: рабочий класс» (1987), «Великий Октябрь и социальная структура советского общества: интеллигенция» (1988). Предвидя предстоящие перемены в обществе и постоянно находясь на острие этих перемен, Е. М. Бабосов печатает цикл статей, связанных с проблемами системной трансформации постсоветского мира, а затем выпускает крупную монографию, которая критически продолжает начатый ранее поиск. В 2002 г. у него выходит книга «Социально-стратификационная панорама современной Беларуси». Чуть позже в своем юбилейном двухтомнике «Социология личности, социальной стратификации и управления» (2006) Евгений Михайлович развивает эту проблему с учетом укоренения белорусской государственности и развернувшегося государственного строительства суверенной Беларуси. Так, получается, что через все творчество Е. М. Бабосова красной нитью проходит тема стратификационной трансформации современного общества.

В новой книге Евгений Михайлович развивает и существенно обогащает ранее обозначенные сюжеты, поднятые в них проблемы, включает анализ ранее малоизвестных или совершенно новых явлений. В ней автор исследует многогранный феномен человекомерности различных социальных систем. Книга выделяется своей оригинальной конструкцией, логикой построения. Она состоит из 17 самостоятельных глав, каждая из которых несет свою

смысловую нагрузку, а в сумме все главы представляют собой впечатляющую панораму трансформации стратификации современного белорусского общества.

Вполне естественно, что рассмотрение человекомерности социальных систем начинается с личности, выявления ее многомерности, являющейся основной сущностной особенностью личности. Здесь автор исходит из того, что личность является весьма специфической уникальной системой, потому что какую бы социальную систему мы ни рассматривали – экономическую, политическую, социокультурную, – в ней на передний план в том или ином контексте всегда выходит проблема личности в ее экономических, политических, социокультурных взаимодействиях с другими личностями, с их социальными группами, общностями и обществом в целом. С каждым новым человеком, который приходит в мир, в социальную реальность входит нечто новое, уникальное, неповторимое, а в своих конкретных проявлениях и действиях личность индивидуальна по способу своего существования и социальна по своей сущности.

В органической взаимосвязи с таким истолкованием во втором разделе монографии Е. М. Бабосов рассматривает человекомерные контуры динамичной социальной идентификации человека в многообразии ее воплощений: этническая, групповая, культурная, политическая идентичности, а также изменяющаяся, смещающаяся в современном мире идентичность и т. п.

В таком же теоретико-методологическом ключе автор анализирует и человекомерную сущность демографической системы, социодинамику ее развития в современной Беларуси. В органическом взаимодействии с этим рассматриваются в итоге особенности человекомерности белорусской системы образования и здравоохранения, обстоятельно характеризуются человекомерная сущность многогранной системы культуры.

Автор, многие годы своей жизни посвятивший науке, не мог оставить вне поля зрения и аналитических суждений особенности человекомерности системы науки, чему в рассматриваемой книге посвящен отдельный раздел. Одна из самых примечательных особенностей научной деятельности, направленной на генерирование нового знания, заключается в ее творческом, инновационном по своему существу характере. Инновация в процессе своего формирования, развития и практического применения изменяет не только окружающий мир, но и самого создающего ее человека. Зна-

чит, она по самому своему существу человекомерна. Вследствие этого в рецензируемой книге, в специальном разделе о взаимосвязи с наукой, анализируется человекомерный характер инновационной системы, опять-таки применительно к выявлению особенностей ее развития в Беларуси. В тесной взаимосвязи развития образования, науки и культуры автор характеризует сущность религиозной системы, ее изменяемость в современном обществе.

В рецензируемой монографии на основе обобщения и осмысления эмпирического социологического и статистического материала, отражающего своеобразие социально-экономического и политического развития Беларуси в первом двадцатилетии XXI в. и в перспективе – до 2030 г., раскрываются особенности человекомерности белорусской экономической и политической систем. В этом же контексте характеризуется человекоформирующая направленность существующей и функционирующей в нашей стране системы управления с приоритетной в ней значимостью государственного управления. В результате исследовательского применения системного подхода к изучению динамического развития и целенаправленного действия человека в различных социальных системах Е. М. Бабосов выстраивает многомерную панорамную картину человекомерности сущности социальных систем, наличествующих и функционирующих в современном, нелинейном, зачастую непредсказуемом, изменяющемся мире, в том числе и в Республике Беларусь.

При этом Е. М. Бабосов всегда остается оптимистом и романтиком. В заключении своей новой работы он отмечает, что «...за последнюю четверть века мир круто изменился. Развалилась великая страна. Некоторые идеалы оказались несбыточными. Многие люди, прежде всего молодые, изменили свои взгляды, интересы, оценки, смысло-жизненные ориентиры. Однако неизменным осталось стремление человека к счастью. <...> В таком мире очень не просто, а поэтому и так важно быть человекомерным, соизмерять любую вещь, любое явление, любую социальную систему с надеждами, радостями, печалью человека, с его мечтами о лучшем будущем, с его стремлением к счастью» (с. 360).

Монография может быть использована в качестве учебного пособия для студентов, изучающих проблемы развития современного общества.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

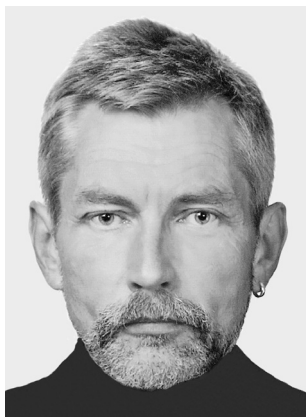
Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTISTS

НИКОЛАЙ НИКИФОРОВИЧ БЕСПАМЯТНЫХ
NIKOLAI NIKIFOROVICH BIASPAMIATNYKH

...У каждого свой тайный личный мир
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
Но это все неведомо для нас.

И если умирает человек,
С ним умирает первый его снег,
И первый поцелуй, и первый бой...
Все это забирает он с собой.

<...>

Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать.

Евгений Евтушенко

ОН НЕ УШЕЛ

HE HASN'T LEFT

Никогда еще не было так трудно писать, так больно... Больно потому, что в прошедшем времени.

Бывают в культуре фигуры, которые сложно определить одним словом, если только это не слово *Личность*. Николай Никифорович Беспамятных был именно Личностью – многогранной, яркой и цельной, удивительно цельной. И еще ему соразмерно слово *мыслитель*: он не укладывается ни в одну из дисциплинарно заданных наук и ни в одну из традиций. Историк по образованию, он работал

на кафедре социологии и, будучи в шаге от защиты докторской по культурологии, был философом по призванию.

Николай Никифорович – представитель выдающейся научной династии. Его отец, Никифор Дмитриевич Беспамятных (1910–1987), – основоположник гродненской математической школы, один из основателей факультета математики и информатики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; в электронной библиотеке «Математическое образование» он отмечен как

«педагог-математик, историк математического образования, один из организаторов Гродненского педагогического института»¹. Мать, Клавдия Алексеевна Акимова (1911–1996), – физик, специалист в квантовой механике, чья преподавательская судьба также связана с гродненским университетом.

Сын, Николай Никифорович, блестяще продолжил семейную традицию в науке, являясь автором очень глубоким и очень многоплановым: из-под его пера вышло более 200 научных публикаций (он начал печататься еще будучи студентом), среди них – монографии и учебники по истории мифологии, исследования по культурной антропологии и религиоведению, по проблемам национальной культуры и этнокультурной идентичности, межэтнических и кросскультурных отношений, а также работы по проблемам гуманитарного образования, истории Гродненского региона и развития этнокультурного туризма. В год, объявленный в нашей стране *Годом малой родины*, нельзя не сказать, что есть у Н. Н. Беспмятных работы и по этой проблеме².

Важнейшим результатом научных исследований Н. Н. Беспмятных является создание им оригинальной системной концепции культурного пограничья, которая раскрывает механизмы развития национальных культур в этих особых условиях. Более того, эта концепция была апплицирована им на конкретное белорусско-польско-литовское пограничье, о котором он, более 20 лет изучая идентификационные процессы различных национальных групп в этом регионе, знал все.

Исследования Н. Н. Беспмятных широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом: он был участником программ *IEARN*, *CASE*, Фулбрайта и Американского совета научных обществ, участвовал в реализации международных научных проектов и исследовательских программ в Беларуси, Литве, Германии, Дании, США, Великобритании, Польше, Грузии, Российской Федерации.

Николай Никифорович – в полном смысле этого слова – ученый международного уровня: он являлся Почетным членом Академического совета учебного центра *Multy Lingua* (г. Гилдфорд, Великобритания, с 1995 г.), членом-корреспондентом Международной академии акмеологических наук (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), членом Белорусско-английского общества (г. Лондон, Великобритания), членом редколлегии журнала *LIMES. Cultural Regionalistics* (г. Вильнюс, Литва).

В 1996 г. Н. Н. Беспмятных был награжден Дипломом Международной Академии акмеологи-

ческих наук (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), в 2002 г. – Памятным знаком «2000 год хрысціянству» (г. Минск), в 2005 г. – Дипломом Варшавского университета *Artes Liberales* (г. Варшава, Польша), в 2013 г. – Сертификатом Университета Витаутас Магнус (г. Каунас, Литва).

Его ценили коллеги (во многих странах), любили друзья (а его кредо было *я люблю своих друзей*), его обожали студенты (потому что он был лектором от Бога). И еще его семьей были книги: те, которые он читал и которые остались теперь сиротливо стоять в его доме – от пола до потолка, – не согреваемые более его взглядом; и те, которые он написал, которые читают и будут читать; и те, что – увы! – так и остались ненаписанными, клубившиеся в мыслях и просившиеся на бумагу, но так и не успевшие прийти к читателю.

Он знал множество языков (одно время преподавал на кафедре английской филологии и даже заведовал кафедрой классической филологии), объездил весь мир: стажировался в Вильнюсе и дважды в Нью-Йорке (в 1998 г. – в Университете Пейс, в 2002 г. – в Академии Фредерика Дугласа), в 23 странах слушали его лекции и доклады.

И при этом самозабвенно любил родной Гродно, любил в такой мере, что стал известен как уникальный экскурсовод, знающий о Гродно и Гродненщине столько, сколько не знал никто. Это увлечение Николай Беспмятных пронес сквозь всю свою жизнь. Еще в студенческие годы он был старостой историко-краеведческого кружка в Минском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького, где и сделал свои первые шаги в научно-исследовательской работе. В изданной в 2015 г. книге «Известные личности Гродно», где Николаю Никифоровичу Беспмятных посвящен целый раздел в рубрике «Деятели в области науки и техники», отмечается, что Н. Н. Беспмятных – «один из лучших экскурсоводов по Гродно и Гродненщине. Многие экскурсионно-туристские маршруты (например, «По местам Адама Мицкевича») разрабатывались им самим. На его экскурсии... записываются заранее, а в интернете можно найти немало восторженных отзывов об эрудиции и человеческих качествах Николая Беспмятных в качестве экскурсовода»³.

Как же мало этих официальных слов: *человеческие качества*... Он был благородным, и он был настоящим: настоящий человек с настоящим мужским характером.

И он очень умел дружить. Мы оба не помнили, когда и как познакомились: Николас был в моей

¹Математическое образование [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mathedu.ru/handbooks/teachers.html> (дата обращения: 26.03.2018).

²Беспмятных Н. Н. «Малая родина»: от литературной метафоры к научной категории // Мастоцкая адукацыя і культура. 2007. № 2. С. 18–21.

³Гостев А. П. Известные личности Гродно : Vive La Гродно : монография. Херсон : ОЛДИ-ПЛЮС, 2015. С. 27–28.

жизни всегда, и дай Бог каждому такого друга... Как пронзительно пел В. В. Высоцкий, *чтоб было с кем насоваться, / Аукаться через степь, / Для сердца – не для овец, – / На два голоса спеть...*⁴.

Гродно недалеко, но все же общаться хотелось чаще, чем можно было увидеться. И потому на протяжении десятилетий мы – вслед за техническим прогрессом – последовательно меняли инструменты коммуникации: писали письма (как удивительно было потом, в эпоху мобильной связи, натывать на листки со знакомым почерком!), говорили по телефону, использовали Skype...

Жизнь была вокруг него ключом, все было интересно ему, всем был интересен он сам.

...Диагноз прозвучал как приговор. Совсем неожиданно, как гром среди ясного неба. С диагнозом пришло страдание, которое он встретил с невероятным мужеством. Он вообще никогда не говорил о боли, только статус в Skype обновился: *pator ergo sum* (лат. «страдаю, следовательно существую»). Там, где другой сломался бы, ушел в боль и страх, там, на этом предельном, непостижимом и грозном рубеже, он остался мыслителем, открыв для себя новую сферу познания, новую грань постижения мироздания, новый рубеж становления, свершения себя и новый горизонт творчества.

И когда человек с мышлением философа и сердцем поэта встает перед бездной Вечности, ему, а тем самым и нам, читателям, открывается та Истина, что не замечается в суете сменяющих друг друга дней, которых – кажется – бесконечно много впереди...

Его любимой утехой и забавой (именно забавой) стало осмысление глубинных, базовых оснований человеческой экзистенции: что есть жизнь? что есть любовь? что есть истина? дружба? страдание? счастье?.. По-сократовски вовлекая в диалог, он подводил к той черте, за которой перестает работать опыт повседневности, утрачивают значение расхожие штампы здравого смысла и затверженные формулировки традиции философской мудрости, ставя перед лицом подлинных экзистенциальных оснований человеческого бытия.

Результатом этих размышлений и разговоров стала книга афоризмов и этюдов «Максимы/пределы. Экзистенциалистские этюды и ремейки»⁵, опубликованная усилиями гродненских друзей Николая и молниеносно распространившаяся в сети⁶.

Она увидела свет уже в 2018 г. И Николай ее уже не увидел...

Он успел написать предисловие к этой книге, где «назвал свои суждения о жизни, смерти, любви, дружбе и о многих других вещах максимами – но не в том смысле, в каком тонкий и ироничный Ларошфуко рассуждал о нравах и характерах своих современников. Здесь слово “максима” приближено к своему изначальному и буквальному значению – “наибольшая”, а чтобы не вкралось его неверное понимание... употреблено еще одно, близкое по смыслу и экзистенциально более точное слово – “пределы”»⁷.

Здесь есть очень важный момент для будущих переводов (а книгу обязательно будут переводить!): *пределы* нельзя, просто преступно, перевести как *limits*, потому что речь здесь не об ограничениях, но об экстремумах. Как сказано самим автором в предисловии, «что значит “пределы”? Любую ситуацию, любое свойство характера, любые отношения можно как бы “вытянуть”, образно говоря, в линию, в середине которой встретятся массовидные, типичные, как принято говорить, их проявления, а можно посмотреть на крайние точки, замыкающие эту линию. Они-то и интересны, потому что из перспективы этих точек высвечиваются и любовь, и дружба, и многое другое, о чем пойдет речь. <...> А если мы берем на себя смелость судить о жизни как таковой, то вправе пытаться выносить такие суждения из ее предельной, крайней точки, какой является смерть»⁸.

Именно так. Афористичные максимы/пределы – это экстремальные в строгом математическом значении этого слова суждения: минимумы и максимумы, предельные отметки на шкале разворачивания фундаментальных феноменов человечности, предельные экзистенциальные основания человеческого бытия.

«Слова, при всей тонкости их нюансировки, едва ли в состоянии передать реальность человеческих отношений. Любовь, дружба, приятельство, покровительство, просто привычка, бегство от одиночества, что-то еще – набор таких слов велик, и обычно люди привыкают вкладывать в них общепринятый смысл. Но что такое, к примеру, дружба? Для одних – это приятное совместное времяпрепровождение, для других – эпизодическое общение, для третьих – неизмеримо нечто большее. И где проходит граница между любовью и дружбой? Она, конечно, существует, и это скажет каждый, но где она пролегает? И тут почти каждый становится в тупик...»⁹

⁴ Стихи А. Вознесенского, музыка А. Дулова. Песня акына [Электронный ресурс]. URL: www.bards.ru/archives/part.php?id=3511 (дата обращения: 26.03.2018).

⁵ Беспамятных Н. Н. Максимы/пределы. Экзистенциалистские этюды и ремейки. Гродно : ЮрСаПринт, 2018.

⁶ Беспамятных Н. Н. Максимы/пределы. Экзистенциалистские этюды и ремейки [Электронный ресурс]. URL: <http://uhimik.ru/39354/index.html> (дата обращения: 26.03.2018).

⁷ Беспамятных Н. Н. Максимы/пределы. Экзистенциалистские этюды и ремейки. С. 11.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 9.

Вот из этих тупиков и выводят читателя его размышления, выводят далеко за пределы привычных слов и понятий: «...может, мы просто не владеем собственным языком в той мере, чтобы выразить наши отношения? А может, отношения между людьми столь сложны и динамичны, что постоянно убегают от слов?»¹⁰

Автор не боится касаться таких глубинных феноменов, как судьба, и таких сакральных, как Бог... Эту книгу невозможно читать бегло, коснувшись взглядом страницы, останавливаешься, остаешься на ней и размышляешь, размышляешь... мудрееешь, взрослееешь...

Мы все с молодых ногтей знаем фразы «написанное остается», «человек жив, пока живы помнящие его», и до тех пор, пока не столкнешься вплотную с этой новой, непонятной реальностью, в которой уже нет того, кто был с тобой всегда, – в той прежней безмятежной неопытности это кажется само собой разумеющимся: да, конечно, остается... Но когда ты встаешь перед этим непреодолимым пределом (нет, нет, его уже нет!), эти фразы наполняются для тебя глубоким и спасительным смыслом: ты постоянно обращаешься к человеку, который все равно **есть** для тебя. Как это нет, когда выходят

из печати его книги, когда на конференциях студенты развивают его идеи, когда друзья и коллеги говорят о нем, когда я по-прежнему вслушиваюсь в его голос, когда пальцы машинально набирают СМС: «Сегодня на научном совете упоминались твои монографии по пограничью»?!

Он не ушел: он есть и всегда будет, он действительно живет в сердцах друзей, он живет в белорусской и мировой культуре – в философской, исторической, социологической, педагогической, культурологической традициях, а теперь еще и в литературной, афористически-художественной. Вот, вот оно, наконец, не *past*, но *present continuous*, самое подлинное, самое настоящее из настоящих времен!

В июне ему бы исполнилось 65. Никола вешний...

...Об этом нельзя сказать в красивых словах *тоска*, *грусть*, *скорбь*... Нет, это просто мучительно болящая дыра в душе – зияющая пустота, которую никогда и ничем не заполнить.

Николас, Николас... Где ты? Я хочу позвонить тебе!

М. А. Можейко¹¹

¹⁰Беспмятных Н. Н. Максимумы/пределы. Экзистенциалистские этюды и ремейки. С. 10.

¹¹Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities, Belarusian State University of Culture and Art.

E-mail: marina-mojeiko@yandex.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 364:174(075.8)

Пантюк И. В. Этика социальной работы. Конспект лекций по дисциплине [Электронный ресурс] : учеб.-метод. пособие для спец. 1-86-01-01 «Социальная работа (по направлениям)» / И. В. Пантюк ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. 114 с. : табл. Библиогр.: с. 102–103. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/192192>. Загл. с экрана. Деп. 06.03.2018, № 001506032018.

Учебно-методическое пособие содержит описание этических теорий, принципов, базовых категорий и методологии научной дисциплины «Этика социальной работы». Освещается проблема норм деятельности в социальной работе, сущность и обоснование необходимости аксиологического подхода в осмыслении и организации профессиональной научно-исследовательской и практической деятельности специалистов по социальной работе. Представлены теоретические и практические аспекты деятельности социального работника с точки зрения профессиональной этики и морали, профессионального долга. Рекомендовано для студентов специальности «социальная работа (по направлениям)», магистрантов, преподавателей, специалистов социальных служб и всех заинтересованных в соблюдении этических норм при оказании и получении социальных услуг.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н.</i> Осень патриарха белорусской социологии... Профессору Георгию Петровичу Давидюку 95 лет!.....	4
---	---

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Мацевич-Духан И. Я.</i> Теория креативного общества в формате политической манифестации	6
<i>Мария Ракейль Фрейре.</i> Внешняя политика европейского союза в изменяющемся геополитическом контексте.....	20
<i>Антонович И. И.</i> Константность истории и противоречивость ее интерпретаций	30

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Щербин В. К.</i> Кто изучает кризисы и риски? Научные ресурсы мировой риск-аналитики	35
<i>Сулжицкий И. С.</i> Десакрализация коллективной памяти о Холокосте: кейс Государственного музея Аушвиц-Биркенау.....	48
<i>Карасёва С. Г., Шкурёва Е. В.</i> Особенности индивидуальных и коллективных религиозных действий как характеристики степени религиозной активности	67

ПОКОЛЕНИЕ И ГЕНДЕР

<i>Терещенко О. В.</i> Международная программа «Поколения и гендер» в Беларуси.....	76
<i>Ротман Д. Г., Денисов А. Ю., Белов А. А.</i> Репродуктивные намерения женщин в странах Европы: анализ результатов социологических исследований по программе «Поколения и гендер»	85
<i>Денисов А. Ю.</i> Устойчивость института брака и его значение для воспроизводства населения Республики Беларусь	97

МОЛОДЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЗАПАДЕ – 50 ЛЕТ!

<i>Запесоцкий А. С.</i> 50-летний юбилей молодежной революции: версии, результаты, уроки.....	105
<i>Лепешко Б. М.</i> Французская идеология.....	113

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> Что же делать с любовью, или Пропасть и попытки ее преодоления	122
---	-----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Андрос И. А.</i> Белорусские предприниматели: 30 лет эволюции поведенческих стратегий.....	129
<i>Карапетян Р. В.</i> Мотивация трудовой деятельности и качество трудовых ресурсов Санкт-Петербурга	141
<i>Скочинская-Прокопович Б.</i> Трудовая эмиграция из Украины в Польшу: история и современное состояние	151

В КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

<i>Смирнова Р. А., Кузьменко Т. В., Балакирева Т. С.</i> Использование социологических исследований в практике доказательства недобросовестной конкуренции: история одного бизнес-кейса	162
<i>Миронцов И. В.</i> Демонстративное и подставное потребление в (кибер)спорте: потенциал теории праздного класса Т. Веблена	167

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Шавель С. А.</i> Важно, чтобы работа не прекращалась.....	173
<i>Данилов А. Н.</i> Меняющаяся Беларусь: человекомерность ее стратификационной трансформации	179

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

<u>Николай Никифорович Беспамятных</u>	181
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	185

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N.</i> Autumn of the Patriarch of Belarusian Sociology... Professor Georgy P. Davidyuk is 95 years old!	4
---	---

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Matsevich-Dukhan I. Ja.</i> A theory of creative society in the format of political manifestation	6
<i>Maria Raquel Freire.</i> European union foreign policy in a changing geopolitical context	20
<i>Antonovich I. I.</i> The constancy of the history and contradictions of its interpretations	30

ARTICLES AND REPORTS

<i>Shcherbin V. K.</i> Who studies crises and risks? Scientific resources of the world risk analytics.....	35
<i>Sulzhytski I. S.</i> Desacralization of collective memory of the Holocaust: case of the Auschwitz-Birkenau Memorial and Museum	48
<i>Karassyova S. G., Shkurova E. V.</i> Features of individual and collective religious actions as characteristics of the degree of religious activity	67

GENERATIONS AND GENDER

<i>Tereschenko O. V.</i> International program of «Generation and Gender» in Belarus	76
<i>Rotman D. G., Denisov A. Y., Belov A. A.</i> Reproductive intentions of women in Europe: analysis of the results of sociological research on the program «Generations and gender».....	85
<i>Denisov A. Y.</i> Stability of the institution of marriage and its importance for the reproduction of the population of the Republic of Belarus	97

50th ANNIVERSARY OF THE YOUTH REVOLUTION ON THE WEST!

<i>Zapesotski A. S.</i> 50 th anniversary of the youth revolution: versions, results, lessons	105
<i>Lepeshko B. M.</i> The French ideology	113

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> What to do with a love, or the abyss and attempts to overcome it.....	122
--	-----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Andras I. A.</i> Belarusian entrepreneurs: 30 years of evolution of behavioral strategies	129
<i>Karapetyan R. V.</i> Motivation of labor activity and quality of labor resources of Saint-Petersburg	141
<i>Skoczyńska-Prokopowicz B.</i> Labor emigration from Ukraine to Poland: history and current status	151

SYNOPSIS OF A SOCIOLOGIST

<i>Smirnova R. A., Kuzmenko T. V., Balakireva T. S.</i> The use of sociological researches in the practice of proving unfair competition: the story of one business-case	162
<i>Mirontsov I. V.</i> Conspicuous and vicarious consumption in (e)sports: the potential T. Veblen's theory of the leisure class	167

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

<i>Shavel S. A.</i> Important that the work is not ended.....	173
<i>Danilov A. N.</i> Changing Belarus: the humanity of its stratification transformation	179

TO THE MEMORY OF SCIENTISTS

<u>Nikolai Nikiforovich Biaspamiatnykh</u>	181
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU.....	185

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 2. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы О. А. Бабашова, А. С. Люкевич, Е. А. Логвинович
Технический редактор Т. А. Караневич
Корректор О. С. Гладкова

Подписано в печать 29.06.2018.
Тираж 200 экз. Заказ 221.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 2. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors O. A. Babashova, A. S. Lyukevich, E. A. Logvinovich
Technical editor T. A. Karanovich
Proofreader O. S. Gladkova

Signed print 29.06.2018.
Edition 200 copies. Order number 221.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2018